

фэнтези любовный роман приключения

Марина Туржевская

Драконье
Серебро

Annotation

Тысячелетие назад Великий Туман разделил наш мир на цивилизованную Конфедерацию и дикие фьорды. В загадочные земли теперь можно попасть лишь одним способом — стать невестой для ильха-варвара. О фьордах ходят страшные сказки, говорят, их населяют чудовища, вот только никто не знает правду. Зато всем известно, что за каждую невесту ильхи платят золотом и драгоценными камнями.

Я не мечтала о фьордах, не искала любви или денег. Но однажды согласилась стать невестой для варвара из пугающего Дьярвеншила. И совсем скоро узнаю, что приготовили фьорды для меня.

Драконье Серебро — самостоятельная история, со своими героями и тайнами. Но чтобы узнать больше о мире, в котором оказалась героиня, начать чтение стоит с книги «Проникновение».

Фэнтези-любовный роман, 16+

-
- [Марина Суржевская](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
    - [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Эпилог](#)
-

Марина Суржевская

Драконье серебро

Глава 1

Ощущение, что я окончательно свихнулась, появилось ближе к Туману. Хотя ничего удивительного в этом и не было. Радостное оживление, ещё царившее в самолете, начало сходить на нет при посадке. И совсем растворилось в страхе, когда наша группа из двадцати женщин спустилась на бетонную площадку аэродрома. На летном поле дул холодный северный ветер, и казалось, что туманная завеса движется. Перемещается. Приближается...

Хотя, конечно, все это лишь мое воображение. Но и ещё страх перед неизвестным будущим. Ведь за спиной оставалась понятная и привычная жизнь, в которой была квартирка с видом на сквер, чай с липой и медом, старенькая, но удобная мебель, круг друзей и приятелей, что захаживали посплетничать и поговорить, работа в крошечном, но любимом книжном магазинчике... Все понятно, все изучено, все родное. А впереди что? Неизвестность и... Туман.

— Вы тоже решились на это ради денег? — тихо спросила меня неухоженная, но ярко одетая женщина. — Или надеетесь обрести там великую любовь, как эти малолетние дурочки?

Она кивнула на стайку девчонок, на вид не старше восемнадцати. Хотя по закону отправиться на фьорды могли конфедераты, достигшие двадцати трех лет. Столько мне и исполнилось прошлой весной.

— Ну так как? — снова окликнула женщина и глянула снисходительно: — Хотя ты-то вряд ли за любовью... Деньги, значит?

— Ни то и не другое, — отрезала я. Отвернувшись, залезла в свой мешок, делая вид, что ищу что-то важное.

Объяснять я не хотела. Нет, не деньги вели меня сейчас в неизвестность. А любовь... не до нее мне!

— Да? — намеков попутчица не понимала. Хотя, скорее, ей просто хотелось поговорить, чтобы не нервничать. Окинула меня ещё одним внимательным взглядом и хмыкнула: — Дома желающих на тебя не нашлось, да? Так за Туманом надеешься? Я вот из-за денег и не стесняюсь. Я из маленького городка на окраине, далеко от столицы. А на фьордах, говорят, переселенки на золоте спят и из бриллиантовых тарелок едят. Очень им нужны наши женщины. Может, свои повывелись? Вот и заманивают. А что, я не против стать королевой, пусть и у дикарей!

— Подайте живо мне корону. Короны нет? Возьму котлет... — пробормотала я глупый стишок. Собеседница окинула меня подозрительным взглядом, а я качнула головой.

— Кстати, они не дикари.

— Ой, да ладно, дикари и есть. Варвары! — махнула рукой будущая королева. — Только мне без разницы, лишь бы кормили хорошо. Ну а мужики у них и вовсе — закачаешься. Видела? Кстати, я Тильда.

Я снова нахмурилась. Переход на «ты» с незнакомкой резко лишил меня личного пространства. Меня это раздражало, но как показывает практика, подобные люди не понимают не только намеков, но и прямого текста. К тому же, совсем скоро мне придется забыть о вежливом обращении, на фьордах лишь одна форма общения — все то же «ты».

Ссориться мне не хотелось. Легче промолчать.

— Ну, фото этого, дикаря местного, видела? На него-то все эти глупышки и клюют, надеются и себе такого отхватить. Поговаривали, что он женился на той самой ученой, что первой отправилась на фьорды. Повезло ей, да? Вот, смотри!

Женщина порылась в объемном рюкзаке и сунула мне под нос изображение. На нем вполоборота стоял мужчина, одетый в шкуру и набедренную повязку. Перед ним высился железный мост, дальше виднелись небоскребы столицы. Дикарь смотрел на воду, но даже его фото дышало такой мощной и первобытной силой, что становилось не по себе. Профиль с волевым подбородком, сжатыми губами и мужественными чертами породистого лица притягивал внимание.

— Это фото сделали ещё до того, как началась программа переселения. Во всех новостях было, когда все это закрутилось. Говорят, это кто-то важный. Главарь какой-то.

— Риар, — автоматически поправила я.

— Что?

— Риар. Так их называют. Это было в инструкции, что нам выдали.

— Ах, я не запоминала! — женщина раздраженно махнула перед моим носом фотографией и убрала ее обратно в необъятное нутро рюкзака. — Все равно там все вранье. Вот наверняка.

Я снова промолчала. Может, и не вранье, но надо признать, что сведения нам предоставили скудные. Скупое описание фьордов и основные понятия. Дальше шел список запретов, из которого я вынесла основное — на фьордах запрещены абсолютно все блага цивилизации. Никаких телефонов, ноутбуков и прочего, никакой связи с родственниками или друзьями. Послать весточку о себе по электронной почте не выйдет, Туман блокирует любую связь и убивает технику. Все, что было разрешено, это обычные бумажные письма, да и то раз в год через представительство Конфедерации на фьордах. Мы не знали о том, что ждет нас, не знали, в каких условиях мы станем жить и не представляли, с чем нам предстоит столкнуться. Основное требование принимающей стороны — полнейшая секретность.

Здесь, возле Тумана, мы должны оставить прошлую жизнь. Целиком и полностью. Безвозвратно.

Обернувшись, глянула на самолет, стоящий у невысокого здания. Может, я все-таки сошла с ума, решила пересечь границу между фьордами и Конфедерацией? Стекла аэропорта подмигнули бликами, и я вздохнула. Отвернувшись решительно. Нет, с ума я не сошла, и решение принято верное. Разумное ли — вот вопрос... А впрочем... что в моей ситуации разумно? О фьордах рассказывают разное, а я все узнаю сама. Новые впечатления, неизведанные приключения и жизнь, столь отличная от привычной мне, что позволит забыться.

Да, я все делаю правильно. Новая жизнь точно лучше жалостливых взглядов и ранящего сочувствия друзей и родственников.

Женское тарыхтение прервало появление военных, которые должны были сопроводить нас к барьеру. Дальше уже встретят ильхи. Я против воли поежилась. Все-таки было не по себе. Больше всего угнетала неизвестность. Несмотря на то, что программа переселения на фьорды действовала уже два года, о новом месте жительства, как и о тех, кто уехал, никто ничего не знал. Соглашаясь на программу, каждый из нас подписал огромную и пугающую бумагу, что мы осознаем, отказываемся и, что бы ни случилось, берем ответственность на себя. И, ставя подпись, я думала о том, что, вполне возможно, подписываю себе приговор или обрекаю на добровольное рабство. Хотя нам и обещали поддержку людей, уже проживающих на фьордах, а также защиту. Фонд «Андерса Эриксона», известного в Конфедерации ученого и исследователя брал на себя защиту прав переселенцев. Ну и ещё нас уверили, что у ильхов мы будем не пленницами, а женами.

Я зябко поежилась. Вот последнее тоже не радовало. Но по правилам переселения у каждой девушки, решившей связать свою жизнь с местным мужчиной-ильхом, будет месяц для знакомства с будущим мужем. И если жених не понравится, то можно и не выходить за него замуж, а просто жить на фьордах, там, где приглянется. Так я и собиралась поступить. Украдкой вытащила из кармана небольшое изображение «жениха». Мою заявку на переселение одобрил не простой ильх, а сам риар. Правда, лет ему было немало, восьмой десяток пошел. С небольшого куска дерева, который мне выдали вместо фотографии, смотрел горбоносый старик. Черное, словно выжженное, изображение на удивление четко передавало и строгий взгляд из-под кустистых бровей, и изрядный возраст, исчертивший морщинами лицо.

В комиссии по переселенцам добрая сотрудница тайком шепнула, что заявка от этого ильха поступила больше года назад, да вот только никто из девушек Конфедерации не пожелал себе в мужа такого спутника. Конечно, все хотели молодых и богатых красавцев. А я решила, что риар Дьярвеншила — это то, что мне нужно.

Пока я размышляла, военные закончили проверять списки, выстроили нас по двое и повели к шлагбауму, преграждающему путь. На столбах холодный ветер трепал полотно с гербом Конфедерации, словно махал нам на прощание.

— А они нас встретят? Мужчины? Ну, эти... ильхи? — тоненько взвизгнула молоденькая кучерявая девушка. — А мы сразу поедem к мужьям? А они правда совсем дикие? А душ с туалетом там есть? А чем нас будут кормить? А одежда...

— Вам все объяснит встречающая сторона, — сухо оборвал поток вопросов мрачный военный. — Все ознакомились с инструкциями?

— Пять раз уже, — буркнула высоченная, как мужчина, девица. — Давайте уже двигаться, не лето все-таки. Я замерзла.

— Госпожа Вьен, постарайтесь воздержаться от указаний, — хмыкнул парень, прочитав имя девушки на бирке, пришитой к куртке. У нас у всех были такие таблички, и это тоже заставляло меня морщиться. Мы все-таки двинулись, шлагбаум поднялся, и мы официально пересекли границу Конфедерации. Дальше начиналась территория фьордов.

— Вы знаете, что там? — жарко спросила кучерявая. — Какие они? А это правда, что...

— Тишина среди переселенцев! — гаркнул вояка, мы слаженно подпрыгнули. — Все допустимые сведения вы уже получили от комиссии. И попрошу соблюдать порядок. Никаких вопросов, все равно я не уполномочен отвечать. И... вас уже ждут.

Ждут?

Мы нервно обернулись, вглядываясь в Туман. И ахнули. Белое, движущееся марево разошлось и приоткрыло фигуры нескольких мужчин. Мы застыли, пораженные, жадно всмотрелись, пытаясь увидеть детали. Но пока различали лишь силуэты, развевающиеся меховые плащи, оружие...

Оружие?

— Мать моя пропащая, — побледнела моя любопытная спутница Тильда. — У них это что же... мечи?!

— И секиры, — задумчиво добавила долговязая. Почесала подбородок. — Кажется, попали мы, дорогие девушки. Вляпались по самое не могу. Вот же демоны, а я думала, что все это байки. А у них правда — мечи... Ладно, что уж теперь. Назад-то не пустят. Идем что ли?

Военный кивнул, соглашаясь. А вот с чем именно — с тем, что нам пора идти, или с тем, что мы попали — неизвестно. Выяснять не стали и гуськом, стараясь

держаться ближе друг к другу, двинулись в сторону великой завесы между нашими мирами.

— Девушки, да они же огромные, — испуганно прошептал кто-то.

Я молча сжала зубы. Чем ближе мы подходили, тем яснее становилось, что встречающие нас ильхи и правда немаленькие. Рослые, с развитыми плечами и сильными руками. Их было трое — двое русоволосых и один брюнет. И каждого можно было поместить на обложку какого-нибудь дамского журнала с надписью: «Так должен выглядеть мужчина-варвар». Ну или просто мужчина. Не отметить то, что ильхи чрезвычайно привлекательны, я не могла.

— Да и плевать на мечи... Мне уже начинает здесь нравиться! — нервно рассмеялась девушка рядом со мной. — Чур, мой светленький!

— Твой тебя на каком-то фьорде ждет, а это просто встречающие! — оборвала долговязая.

— Ну так пока не замужем, могу я хоть глазки построить? Это не возбраняется на фьордах?

— Смотри, прирежет тебя варвар, будешь знать... Хотя светленький и правда красавчик... Я тоже не прочь ему улыбнуться!

Девушка нервно хихикнула, другие рассмеялись. Напряжение слегка отпустило, и мы пошли бодрее. В самом деле, ну не съедят же нас?

Хотя...

Я с сомнением покосилась на огромный изогнутый клинок, торчащий на бедре ближайшего ильха. И вздохнула. Назад дороги нет. Так что, задрав повыше нос, чтобы скрыть дрожь, я вслед за всеми шагнула в Туман.

Глава 2

Наш проход сквозь преграду между Конфедерацией и фьордами остался в памяти мутным и пугающим кошмаром. Откуда появилась эта завеса — и сейчас гадают, я же знаю лишь то, что пишут в учебниках истории. Века назад после извержения вулкана Линторен огромные территории нашей планеты оказались отделены белой завесой Тумана. Эта субстанция не только не развеялась, когда вулкан остыл, но и уплотнилась, полностью отсекая потерянные фьорды от остальной земли. Наша цивилизация развилась, считая фьорды необитаемыми, потому что все достижения Конфедерации, все наши машины и техника не смогли пробиться на другую сторону и узнать точно, что происходит за Туманом. И лишь два года назад Конфедерация смогла совершить небывалый прорыв. Мы отправили на фьорды первую исследовательскую экспедицию, а после ее возвращения Конфедерация узнала об ильхах — народе, населяющем потерянные земли. Говорили, что их уровень цивилизации значительно отстает от нашего, что он остановился примерно на уровне темных веков Конфедерации. Но при этом земли невероятно богаты драгоценными металлами и камнями, которые ильхи охотно подарят девушкам из-за Тумана. И вскоре мир был ошарашен невероятной новостью — программой переселения на фьорды. Эта сенсация просто взорвала нашу жизнь, о фьордах говорили все и везде, и уже невозможно было определить, что из сказанного правда. В некоторых газетенках встречались и вовсе вопиющие байки, вроде того, что за Туманом живут не люди, а чудовища, жуткие монстры. Но в это я, конечно, не верила. Правда, тогда я не

думала, что однажды тоже окажусь в числе тех, кто рискнет пересечь границу двух миров.*(примечание: подробнее о фьордах можно прочитать в книге «Проникновение»)

Мы шли, цепляясь за узлы выданной нам веревки и до паники боясь затеряться в этой бесконечной белой круговерти. Туман, которым с детства пугали каждого конфедерата, казался живым, дышащим, почти осязаемым. Он оседал влагой на волосах и лицах, цеплялся за одежду, скручивался силком вокруг ног. Словно не пускал. Словно останавливал. Шептал в уши: назад, назад... В горле булькнул истерический смешок. Когда я была маленькой, мама говорила: «Будешь плохо себя вести, тебя Туман поглотит». Ну вот, кажется, сбылось. Хотя плохо я себя не вела, но все же!

Хотя, конечно, это лишь мое разыгравшееся воображение. Ну и ещё страх перед Туманом, я с малых лет слышала страшилки о том, как теряются в нем корабли и самолеты, а о людях и говорить нечего. Так что мы нервно хватались друг за друга и истово пытались не упустить из вида своих провожатых.

По моим ощущениям шли мы более четырех часов. Ноги уже начали гудеть, а перед глазами плясали белые круги от напряжения. Так что когда Туман неожиданно закончился и мы оказались на широкой площадке, то все заморгали от неожиданности. А потом кто-то заорал. Потому что на нас смотрело чудовище. Огромная треугольная голова с рядом шипов, распахнутая в оскале, жуткие клыки, горящие злобой глаза...

— Это камень! — рявкнула я, прерывая женский визг. — Каменный дракон, вы что, ослепли? Зачем так орать?

— Но он же как живой... — пискнула испуганно кучерявая, а я скептически закатила глаза. Хотя изваяние действительно смотрелось жутко

реалистично. Два исполинских столба, на вершине каждого сидел мифический зверь с распахнутыми крыльями. Длинные шеи изгибались, опуская к земле треугольные морды с янтарными глазами. Жутко, но красиво.

— Живых не бывает, — буркнула я, отворачиваясь.

— А говорят...

— Чушь все это, — авторитетно поддержала меня долговязая. — Я тоже слышала байки о драконе в Академии прогресса. Так потом же в новостях все объяснили. Чушь, не было такого!

Ильхи переглянулись между собой, ухмыльнулись так, словно забавлялись. И я снова нахмурилась. Но надо признать, думать о плохом не хотелось. Хотя бы потому, что перед нами открывался самый прекрасный вид, который только можно себе представить. Фьорды... Единый, разве могла я подумать, что они такие? В моем сознании было весьма смутное представление — скалы и вода... а реальность просто вышибла из меня слезы, заставила судорожно хватать ртом воздух и задыхаться от невероятной красоты. Площадка находилась на уступе скалы, и отсюда был виден отвесный берег, в который билась тяжелая волна, вздыбленные скалы, покрытые мхом, и город, расположенный вдали. Его омывали водопады, и я застыла, пытаюсь рассмотреть место, словно ожившее из снов.

— Что это? — шепотом произнес кто-то рядом со мной.

— Нероальдафе, — кажется, ответил брюнет. — Лучшее место на земле.

Название отозвалось внутри сладкой дрожью. Хорошо звучит. Красиво.

— Мы поедем туда? Риару Нероальдафе нужна жена?

— У риара Нероальдафе уже есть жена. — Да, точно брюнет. И он улыбался, рассказывая, словно говорить

об этих людях ему было приятно. — Его супруга — несравненная Оливия-хёгг, а наш риар — Сверр-хёгг.

— Хёгг? — встрепенулась долговязая. — Это что, титул?

Мужики снова переглянулись, хмыкнули. И указали на одноэтажное каменное здание, стоящее в стороне.

— Идемте, девы. Там вы отдохнете, а позже вас отправят туда, где отныне вы станете жить. — И словно вспомнив, махнул рукой, одним жестом охватывая красоту вокруг. — Фьорды приветствуют вас, девы.

Мы против воли улыбнулись на столь архаичное именование и поспешили за прожатым. Язык ильхов был нам понятен, хотя интонации и казались непривычными. В комиссии по переселению объясняли, что языковая база у народа фьордов и Конфедерации одинаковая на семьдесят процентов, значит, с общением проблем не будет.

Девушек провели в просторное помещение, где градус нашего настроения резко поднялся. Во-первых, здесь уже ждал накрытый стол. Мясные и сырные пироги, закуски и напитки, что упоительно пахли и настраивали на мирный лад. Во-вторых, нам показали несколько комнат с удобными диванчиками и кушетками, а также чудесный каменный бассейн, наполненный горячей водой, где можно было смыть усталость и страх дороги. Что девушки и принялись делать, недолго думая.

Я прыгать в бассейн не стала, и даже на стол покосилась настороженно.

— Боишься, что отравят? — жуя пирог, спросила долговязая. — Зря, мы им живые нужны. Не знаю, для чего, но точно живые!

— Ты что-нибудь слышала? — вскинулась я. — О том, что нас ждет?

— Мужья нас ждут, — хмыкнула девица. — Как раз это нам и обещала Конфедерация. Мужей, а заодно и

королевскую жизнь. — Она склонилась ниже. — Я слышала от одного знакомого в отделе безопасности, что за каждую переселенку ильхи платят золотом и драгоценностями. Да так, что правители Конфедерации готовы поставлять нас пачками. Да только не берут. Лимит у них на переселенков. Ну и ещё надо по возрасту пройти и по другим данным.

— Ну да...

Я задумалась. Критерий отбора на фьорды тоже был непонятным. Я знала, что многих желающих не одобрили, хотя девушки были молодыми и здоровыми. Самым странным для меня оказался непонятный ритуал. Претенденток вывозили в пустошь, и там заходили в одиноко стоящее здание с единственной комнатой. И просто оставляли на некоторое время. Многие потом шепотом рассказывали, что в этой пустой комнатке их посещали сексуальные фантазии и столь ненасытное желание, что они едва дышать могли!

Правда, когда вошла я, то никакого чувственного возбуждения не испытала, лишь желание поспать, но это скорее от скуки. А когда я попросила какую-нибудь книгу, чтобы скрасить ожидание непонятно чего, меня выпустили и объявили, что я прошла отбор.

Как и почему я его прошла, осталось неизвестным.

— Ешь, — долговязая протянула мне пирог. — Я Кайла, кстати. А тебя как звать?

— Вероника. Ника, — улыбнулась я.

Моя собеседница махнула в сторону бассейна.

— Пойду и я освежусь, чего уж там. И тебе советую. Мало ли куда ещё ехать придется. На невесту из Конфедерации заявки приходят со всех фьордов, и кто знает, как далеко мой? Так что надо бы подготовиться к встрече с женихом. Тебе показали изображение твоего?

Я кивнула, а Кайла протянула мне бумагу, на которой был нарисован молодой мужчина. Насмешливые губы, светлые волосы, голубые глаза...

— Красивый, — искренне сказала я, но девушка лишь хмыкнула.

— Это лишь рисунок, может, художник польстил моему будущему мужу, кто знает? Обещает свой дом и сундуки с платьями. А у тебя какой жених?

— Старше, — уклонилась я.

Расспрашивать она, к счастью, не стала, легко улыбнулась и ушла туда, где слышались женские голоса и смех. Я с сомнением посмотрела ей вслед. Сунула в рот кусок пирога.

— Искупаюсь на месте, — решила я.

Когда разгудавшиеся и довольные девушки уселись за стол, я ушла к выходу, избегая шумной компании. И тут ждал сюрприз. У дверей стоял ильх — молчаливый и суровый. И он весьма красноречиво преградил мне путь. Правда, вежливо пояснил:

— Тебе не стоит выходить, дева. Ты можешь потеряться или не заметить опасность. Оставайся в доме, пока не отвезут к твоему нареченному.

— Какую опасность? — не поняла я.

— Здесь водятся дикие звери, — с каменным лицом ответил мужчина. — И еще... змеи. Вам лучше остаться внутри. Скоро прибудет Лерт-хёгг, его корабль уже виден. Он отвезет.

Я отошла, переваривая информацию. Конечно, в словах ильха была определенная логика. Жительницы Конфедерации не знают эту местность, могут свалиться в незаметную расщелину или действительно наступить на змею... и все же... Подобные запреты мне совсем не нравились. Вот только выбора не было. Не вылезать же в окно в самом деле?

Размышляя, я прошла по коридору в сторону от основной комнаты, где обедали девушки. Толкнула двери других помещений, заглянула. Уютно, но не обжито, чувствуется, что здесь нет постоянных хозяев. Просто перевалочный пункт для переселенков.

Прижалась лбом к тонкому, какому-то льдистому стеклу, с изумлением всматриваясь в незнакомый пейзаж. Неужели я на фьордах? За стеной Великого Тумана? В мире загадок и тайн, пугающих и будоражащих? Чего только не говорят об этой земле. И что из этого правда — никто не знает.

Я застыла, внезапно осознав, что смогу узнать тайны этих земель, прикоснуться к ним, почувствовать... Это было так странно. Страшно и в то же время — волнительно. Потому что я никогда не мечтала о фьордах. Я хотела простой и понятной жизни, самой обычной, но судьба повернулась иначе...

Мой взгляд на миг затуманился, и, может, поэтому мне показалось, что я вижу в небе огромную крылатую тень дракона. Почти такого, как статуи при входе на фьорды. Но я моргнула, и тень пропала, оставив лишь недоумение и сомнения в собственном зрении и адекватности.

Усмехнулась, смеясь над собой. Докатилась, уже и драконы чудятся. Что дальше, Ника?

Мотнув головой, я отправилась в общий зал.

Глава 3

Появившийся вскоре ильх представился Лертом. Он оказался высоким и светловолосым, голубые глаза улыбались, и я заметила, как оживились девушки при виде этого молодого мужчины. Их уже не смущала ни непривычная одежда, ни оружие. Они видели, насколько ильхи красивы, и в своих мечтах уже планировали счастливую жизнь с ними. Лерт коротко, но дружелюбно поприветствовал нас и объявил, что у берега ждет корабль, который доставит дев к их женихам. Но прежде каждая из нас должна сменить одежду, дабы окончательно распрощаться с прошлой жизнью.

Нам выдали свертки, которые девушки с любопытством развернули.

— Вы шутите? — изумилась Кайла, держа на вытянутых руках светло-синее платье. — Я это не надену!

— Ты подписала договор и согласилась на наши условия, дева, — мягко, но твердо произнес мужчина. — На фьордах женщины не носят штаны.

И выразительно посмотрел на джинсы девушки.

— У нас это считается позором. — Он склонил голову, осматривая притихших женщин. Похоже, именно в этот момент каждая из нас осознала, насколько наша жизнь теперь изменится. — Вы согласились жить по законам и традициям фьордов, девы. И вот первые: женщина носит платье. Женщина не перечит мужчинам. Женщина улыбается. И за это каждая из вас получит защиту и уважение.

Кайла отчетливо скрипнула зубами, а я на миг задумалась, что забыла на фьордах такая решительная

и непокорная девушка. Но размышлять было некогда, ильх торопил.

Так что, фыркая и перекидываясь шутками, чтобы взбодриться, мы переоделись. И рассмеялись, осматривая друг друга.

— А что, неплохо, — выдала одна из моих спутниц. — Даже удобно.

— На спине лежать, — скривилась Кайла, недовольно осматривая свой наряд, оказавшийся ей коротким. Подол платья, который у всех оканчивался на середине голени, у нее открывал колени. — А вот бегать — не очень!

— А зачем нам бегать? — удивилась светловолосая толстушка.

Кайла красноречиво и презрительно фыркнула. Я снова промолчала, осматривая себя. Жаль, в комнате не было зеркал. А может, их вообще нет на фьордах — мелькнула нервная мысль. Все-таки, фьорды значительно отстают от Конфедерации в развитии, может, здесь ещё и не научились делать зеркала? Хотя я не слишком расстроюсь, если честно. Смотреть на себя особого желания не было даже дома. Я снова огладила свое платье, состоящее из двух: нижнее — тонкое и светлое, и верхнее — из плотной ткани, но без рукавов и с разрезами в боковых швах. Даже белье нам велели переодеть и взамен привычных бюстгалтеров и трусиков выдали что-то похожее на короткие хлопковые шортики.

— Зеленый не твой цвет, Ника, — незлобно хмыкнула Кайла, а я лишь улыбнулась. Точно, не мой. Впрочем, это неважно.

Кроссовки тоже пришлось снять и обуть удобные, хоть и непривычные кожаные ботинки.

— Единый, вы только гляньте. Это же натуральный мех! — восхитилась Тильда, желающая стать королевой. Остальные с восторгом кинулись к новым

сверткам, потянули с визгом тяжелые плащи, которые оказались подбиты шкурами животных. Лиса, песец, барс... Такой мех в Конфедерации стоит невероятных денег, так что далеко не каждая из нас могла позволить себе подобное. И сейчас девушки радовались и смеялись, кажется, уверившись, что впереди их ждет счастливое и прекрасное будущее. Ну разве может быть иначе? Мы лишь ступили на землю фьордов, а нас уже одарили драгоценными мехами. И мужчины все как на подбор — красавцы!

Мне достался плащ с мехом бурой лисы, его я молча и накинула на плечи, с сожалением отложив свою куртку.

Пока девушки ахали и осматривали друг друга, вернулся Лерт, глянул с одобрением. Покосился на наши холщовые простые сумки с желтой нашивкой, которые выдали всем перед отправлением и в которых лежали личные и памятные вещи. У кого-то фотографии, у кого-то безделушки или книга. Нам разрешили взять лишь самое ценное и дорогое.

— Что ж... идемте, — коротко одобрил мужчина.

За стенами дома к нам присоединились два десятка воинов, которые взяли нас в кольцо. И почему-то стражи зорко поглядывали не только по сторонам, но и в вверх, что снова заставило меня нахмуриться. Какая угроза может появиться с неба? Хищные птицы?

Но чего бы ни опасались воины, мы без происшествий спустились вниз, на берег. И там снова ахнули, увидев покачивающийся на воде корабль. Светлый парус трепетал на ветру, темное глянцевое дерево отбрасывало блики. А ещё на корме скалился искусно вырезанный морской змей и так же, как каменные статуи у входа, казался почти живым.

И как ни странно, но меня это слегка успокоило. Потому что, кем бы ни были люди, населяющие фьорды, они тонко чувствовали красоту. А это почему-то

ободряло. По деревянным сходням мы поднялись на борт, и я увидела, как наш сопровождающий с облегчением выдохнул. И снова задумалась. Чего он так боится?

— Тебе не кажется, что они нервничают? — чуть слышно произнесла рядом со мной Кайла, когда нас попросили спуститься вниз, в небольшое помещение внутри корабля. — Хотела бы я знать почему...

— Может, скоро отлив? Или наоборот, прилив... — пробормотала я. — Я плохо разбираюсь в мореходстве.

— Я в нем вообще не разбираюсь, — буркнула Кайла. — Зато разбираюсь в мужиках. Что-то наши ильхи темнят.

Я покосилась на молчаливого воина, что до белизны костяшек стиснул рукоять своего меча и расслабился, лишь когда все девушки оказались в укрытии. И не смогла не признать — да, ильхи беспокоились. Но вот причин этому я пока не видела. Море было спокойным, небо чистым, корабль выглядел вполне надежным. Так почему залегла хмурая складка на лице нашего капитана Лерта?

Стоило подумать о нем, как ильх тоже спустился вниз и широко улыбнулся, словно опровергая мои мрачные мысли. И снова обрадовались девушки, похоже, этот светловолосый ильх приглянулся многим переселенкам. Настолько, что кто-то даже выкрикнул:

— А тебе самому жена не нужна? Я готова!

Все рассмеялись, и напряжение окончательно развеялось. Ильх ухмыльнулся.

— Увы, я слишком люблю море, вряд ли найдется женщина, готовая ждать меня на берегу. К тому же, у меня нет ни земель, ни богатств, лишь корабль, на котором мы плывем. Правда, это один из лучших кораблей фьордов!

— Жаль... — захихикали освоившиеся девушки. — Тогда Расскажи о наших женихах!

— Этим я и собирался заняться! — двое парней внесли сундук и поставили его на просмоленные доски пола. Щелкнул замочек на крышке, открываясь, и Лерт объявил: — Здесь дары от ильхов, что пожелали видеть выбранную деву в женах. — Он достал золотое украшение и сопроводительную записку: — Наплечный браслет для прекрасной Анны от Витарра из Гараскона!

Названная девушка несмело вышла вперед, изумленно ахнула, принимая из рук ильха подарок.

— Это мне? — не поверила она. На щеках Анны проступили красные пятна волнения и смущения.

— Да, — улыбнулся мужчина. — И даже если жених тебе не понравится, дар останется твоим. Таков закон фьордов.

— Мне нравится здесь все больше! — радостно заволновались переселенки, вытягивая шеи, чтобы заглянуть в сундук.

Ильх снисходительно усмехнулся и вытащил ожерелье с жемчужинами:

— Подарок для Изабелл от Гудрета из Аурольхолла!

И снова восторженные охи, горящие глаза и радость. Ожидание и предвкушение подарка захватили даже меня, все же трудно устоять, когда рядом стоит сундук, набитый прекрасными, драгоценными и необычными вещами. Браслеты, ожерелья, медальоны, шкатулки, усыпанные камнями, мешочки с жемчужинами и прочие дары, как по волшебству появляющиеся из деревянного нутра, заставили каждую из нас почувствовать себя нужной и желанной. Вряд ли кто-то из обыкновенных девчонок с окраин Конфедерации, что сейчас толпились в этом помещении внутри корабля, хоть раз в жизни получали столь ценные дары. Мы даже смеяться перестали, лишь краснели и улыбались, некоторые — с блестящими от слез глазами. Одна Кайла по-прежнему хмурилась,

подбрасывая на ладони свой мешочек со сверкающими камушками.

— Надеюсь, подарки женихов пришлись вам по душе, — снова улыбнулся Лерт, закрывая крышку сундука.

Я слегка растерянно посмотрела на свои пустые ладони. Не то чтобы я так уж мечтала о даре от неизвестного мне мужчины, но...

— Стойте, а где подарок Вероники? — не сдержалась Кайла и ткнула в меня пальцем. — Вот ее. Ей ничего не дали!

Все глаза уставились на меня, и я ощутила себя в высшей степени неуютно. Лучше бы отошла тихонько за спины, чем ловить на себе любопытные или насмешливые взгляды более удачливых переселенков!

Лерт нахмурился, снова открыл сундук. Помрачнел ещё больше, уставился в свой список.

— Вероника? Ну да, вижу... Твой жених... — он осекся, помолчал, и мне стало не по себе, — ... риар Дьярвеншила. Хм... И увы, он не прислал для тебя подарка. — Ильх попытался ободряюще улыбнуться, но даже я видела, что глаза у него остались тревожными. — Возможно, он решил вручить свой дар при встрече. Да, скорее всего так и есть.

Я кивнула, делая вид, что поверила.

Пытаясь не обращать внимания на остальных девушек и их восторги, я молча ушла в угол комнаты, присела на деревянную лавку.

— Девы, во время путешествия оставайтесь здесь, внизу, — добавил Лерт. — Так будет безопаснее.

— А что может случиться с нами наверху? — насторожилась Кайла.

— С вами ничего не случится, уверяю, — ушел от ответа ильх. — «Стремительный» — самый надежный хёггкар фьордов. Но лучше оставайтесь здесь. Девы не приучены к длительному мореплаванию, а здесь вам

будет... удобно. К счастью, земли ваших женихов недалеко, не бойтесь. Отдыхайте и наслаждайтесь своими дарами.

— Но мы хотели посмотреть фьорды...

— Вы увидите их со своими женихами! — Лерт не повысил голос, но фраза прозвучала жестко. Впрочем, возражать никто не стал, девушки и правда занялись своими подарками да обсуждением будущей прекрасной жизни.

И, кивнув, ильх ушел наверх, плотно закрыв за собой дверь.

— Расстроилась? — без обиняков спросила присевшая рядом Кайла.

— Скорее, удивилась, — честно ответила я.

— Может, этот красавчик прав, а твой жених лично вручит подарок, — утешила девушка. Я пожала плечами — может и так.

— А вот запрет подниматься наверх мне совсем не нравится, — задумчиво протянула она. — Что-то от нас скрывают, Вероника...

— Это точно, — улыбнулась я. — Но мы все равно скоро узнаем, что нас ждет, ведь так?

Кайла кивнула, задумчиво подбрасывая на ладони подарок. А я прикрыла глаза, размышляя о своем женихе. Почему он не прислал подарок, как сделали остальные? Тревога кольнула сердце, стало не по себе. Может, меня уже и не ждут? Риар стар, а его заявку не одобряли слишком долго...

Мотнула головой, прогоняя недобрые мысли. Риар Дьярвеншила меня ждет. Если бы он передумал жениться, то отозвал бы свой запрос на невесту. А подарок... Уверена, его отсутствию найдется разумное объяснение, надо просто потерпеть.

Первая остановка корабля случилась совсем скоро. Судно дрогнуло и замерло, а вниз спустился Лерт сразу за тремя девушками. Остальные тоже ринулись к

лестнице — хотелось увидеть город ильхов, но нас снова вежливо попросили остаться внизу. А вид стоящих на ступеньках вооруженных воинов подсказывал, что лучше нам послушаться. Так что пришлось смириться с тем, что фьорды мы увидим, лишь когда прибудем к месту назначения.

Переселенки устроились на широких лавках-кроватях, укрытых покрывалами, многие задремали.

Надо признать, что внутри корабля было вполне комфортно. Судно шло ровно, без толчков, а на воде стояло так плотно, что качка почти не ощущалась. И это тоже меня удивило, ведь, судя по тому, что я знала, такие деревянные корабли передвигались с помощью гребцов и паруса, да и назвать их удобными было нельзя.

Но, видимо, этот хёггкар, как назвал его Лерт, лишь с виду был похож на те, что строили когда-то люди. И «Стремительный» был оснащен куда лучше, потому что неудобств мы не ощущали. В помещении было сухо, тепло и тихо. Так что и я закрыла глаза, размышляя, что ждет меня впереди.

К вечеру второго дня на борту осталось лишь трое переселенок — я, Кайла и пухленькая робкая Ирна. Большую часть путешествия мы или дремали, или болтали, делясь друг с другом событиями своей жизни, что привела на фьорды, и мечтами о новой судьбе. Я в основном молчала и слушала других, но от всей души желала каждой девушке доброй и счастливой судьбы по эту сторону Великого Тумана.

На ужин нам принесли холодные пироги и кожаные фляги с горячим пряным напитком, после которого мы слегка захмелели и запросились по нужде. На зов явился молчаливый ильх, который всю дорогу провожал девушек в столь необходимую комнатку.

Правда, после облегчения Кайла воспротивилась возвращению в нижнюю каюту.

— Можно нам хотя бы воздухом подышать? — возмутилась она. — Два дня уже внизу сидим, как кроты. Или мы все дорогу должны нюхать ваш сырой и вонючий трюм?

Сырым он не был, вонючим — тем более, но ильх растерялся. Может, от того, что был молод и смущался, глядя на высоченную воинственную девушку. И воспользовавшись замешательством парня, Кайла решительно двинулась к лестнице на палубу. Мы с Ирной переглянулись и устремились следом, решив, что и нам прогулка не помешает.

— Но Лерт-хёгг запретил. Стойте. Вы куда? Нельзя... — ильх метнулся следом, но было поздно — хмельное вино и скука сделали свое дело, а три засидевшиеся молодые женщины уже выбрались наверх и понеслись к борту. И застыли, сраженные красотой пейзажа.

Огромное пылающее солнце таяло на волне, и краснота растекалась штрихами и полосами, мешаясь с чернильной волной. С двух сторон высились скалы, вершины терялись в облаках...

— Можно отдать жизнь лишь ради того, чтобы увидеть это... — глухо произнесла Кайла, и мы согласно кивнули. И тут же подпрыгнули на окрик незнакомого ильха:

— Вы что здесь делаете? Живо вниз!

— Так нам Лерт разрешил! — соврала Кайла, пользуясь отсутствием названного блондина. — Воздухом подышать. Мы недолго, всего несколько минут!

— Когда это он вам разрешил? — удивился ильх. — Да и нельзя же...

— Несколько минут! — взмолились мы, не желая возвращаться в опостылевшую комнату. — Ну пожалуйста. Да мы сроду не видели такой красоты. Никогда в жизни!

В глазах пожилого мужчины мелькнуло понимание и даже сочувствие.

— Что верно, то верно, — прогудел он. — Нет на земле ничего красивее фьордов. Что же делать, не всем повезло родиться здесь. Бедняжки, жили не пойми как, видели не пойми что. Ну полюбуйтесь, раз Лерт-хёгг позволил... Да только недолго. А то мало ли...

Он опасливо посмотрел вверх.

— Что — мало ли? — уточнила я.

— Ничего, — буркнул мужчина, растеряв доброжелательность. — И хватит вам тут... посмотрели и топайте вниз, нечего!

Мы с досадой переглянулись, а Кайла проказливо вскинула голову.

— А вот и не пойдем. Поймай сначала!

И под ругательства растерявшегося ильха бросилась в сторону кормы. Захмелевшая от винного напитка Ирна взвизгнула и понеслась следом, я же осталась на месте, опешив не меньше мужчины. Носиться по кораблю с воплем «Поймай меня!» мне как-то не хотелось, видимо, я выпила недостаточно для такой забавы. Зато моим случайным приятельницам показалось, что это очень весело, похоже, напиток ударил девушкам в голову сильнее, чем могли предположить здоровые и сильные мужики.

— Куда? — завопил воин, кидаясь вслед за беглянками. Ирна, с хохотом и прытью, удивительной для столь пухлого тела, взобралась по лесенке на верхнюю палубу, рассмеялась...

Темная тень накрыла корабль, словно набежавшая туча, — бесшумно и неожиданно. Закричали воины — яростно, зло. Я вскинула голову. И застыла, глупо открыв рот и полностью потеряв способность мыслить, двигаться, думать...

Над хёггкармом завис дракон. Черная чешуя в свете заходящего солнца отливала багрянцем, хвост с рядом

шипов ударил по мачте, и судно вздрогнуло, словно живое. Глухое рычание раскатилось над морем, а дракон ринулся вниз — к застывшей фигурке Ирны. И тут же девушку сбил с ног незнакомый воин, закрыл собой, а в монстра полетели снаряды, которые на чешуйчатой шкуре вспыхивали холодным синим огнем и заставляли дракона выть и рычать. Ирна визжала, как заклинившая бензопила, и этот звук нервировал не только ильхов на корабле, но и зверя в небе. Он описал круг и снова упал вниз, распахивая жуткую пасть с двумя рядами блестящих клыков. На длинной шее дракона матово блеснуло кольцо, словно нарисованный углем обруч... Я вжалась в борт, не веря тому, что вижу. Ужас облил ледяной водой, пригвоздил меня к просмоленным доскам и полностью лишил воли. Разум бился в клетке шор и вбитых с детства канонов, на миг показалось, что я сошла с ума... Дракон? Но ведь это невозможно. Невозможно!

Опровергая мои мысли, черное чудовище ударило крыльями и снова ринулось вниз. Я вскрикнула, и треугольная голова дернулась на звук, а на меня уставились странные и пугающие глаза зверя — совершенно черные, без белков или видимого зрачка. И меня поразила злоба — густая, осязаемая и всеобъемлющая, бьющаяся за тьмой этого дикого взгляда. На меня смотрело существо, словно явившееся из самой бездны или самого мрачного кошмара. И я уже почти ощущала стальной захват смертельных клыков, что с легкостью перекусят меня пополам. Паника перехватила горло стальной удавкой, я задохнулась... И тут из морской волны взвилось длинное серебристое тело гигантского морского змея, на лету оплело черного крылатого монстра и рухнуло с другой стороны корабля.

Я зажала рот руками, чтобы не завопить, упала на доски и ужом поползла в сторону. Страх завладел моим

телом и сознанием, полностью вытеснив личность из хрупкой оболочки. Драконы... Чудовища. Вот кто населяет фьорды. Вот правда, которую скрывали от конфедератов ильхи!

Жуткие звери снова взвились над кораблем. Черный дракон успел сбросить морского змея и подняться в небо, а потом развернулся, и из его пасти вырвалось пламя. Верхушка мачты обуглилась, но, к моему изумлению, не загорелась, как и парус. Хотя мне казалось, что от такого пожара весь корабль уже должен поыхнуть, словно сухой лист!

Пригибая голову, я ползла вдоль досок, за спиной рычало и билось, от звериного рева дракона я почти оглохла!

Команда корабля снова вскинула тугие железные арбалеты, посылая в воздух металлический град. Черный дракон плюнул огнем и, издав яростное, дикое рычание, взвился вверх, а после растворился в облаках. Над морем резко потемнело небо, и в чернильной вышине вспыхнули молнии. Я забилась в узкое пространство между какими-то деревянными ящиками, дрожащей рукой провела по лбу, стирая влагу — то ли испарину, то ли морскую воду, пролившуюся с морского змея.

Корабль всколыхнулся, и прямо напротив моего укрытия на борт сполз морской змей, втянул воздух. И повернулся в мою сторону. Мигнули светло-голубые глаза с узким зрачком. А потом тело чудовища как-то размылось, словно расплескалось, и я порадовалась, что сижу. Иначе упала бы. Потому что вместо дракона на борту «Стремительного» стоял мужчина — наш капитан Лерт. Правда, на этот раз ильх не улыбался, напротив. Он хмуро осмотрел меня, скривился, сплюнул на палубу и повернулся к бегущим ильхам.

— Девы живы?

— Одна без чувств, — доложил воин, заботливо протирая тусклый металл своего меча. — А вторая... ругается. Обеих отправили вниз и заперли!

Я издала смешок. Видимо, перенервничала. Почему-то хотелось заорать что-то бесполезное и глупое, например: я не верю, так не бывает, ущипните меня!

Но я промолчала. Покачнувшись, поднялась и вцепилась в гладкий поручень. Ноги ощутимо дрожали. Лерт окинул меня очередным злым взглядом, и я поняла, что утешать и гладить по голове несчастную переселенку тут никто не собирается.

— Я велел оставаться внизу! — процедил капитан, приближаясь. — Это так сложно понять? Фьорды небезопасны!

— Ну да, на них водятся драконы, — со спокойствием, которого не ощущала, сказала я. Твердо посмотрела в голубые глаза ильха. — И ты... один из них. Так и знала, что неспроста все эти... подарки. Но как? Как такое возможно? Дракон...

Он помолчал, внимательно глядя на меня. Хмыкнул и поправил:

— Хёгг. У нас говорят так. Мне запрещено открывать эту тайну переселенцам, о таких вещах обычно рассказывают сами женихи или риар подвластных земель. Но раз уж так вышло... — он тяжело вздохнул. — Вы бы все равно узнали. Но позже.

Я сдавила ладонями виски, пытаюсь осмыслить новые факты. Драконы. И ильх, способный становиться гигантским монстром... Невозможно!

— Хочешь сказать, что этот... — я нервно посмотрела вверх. — Это чудовище... оно было разумным?

— Да, — хмуро бросил Лерт и с очередным вздохом дернул ворот своей рубахи, что полностью скрывал горло. И я увидела тонкий матовый обруч, обхватывающий шею мужчины. — Это кольцо

Горлохума, дева. Мы надеваем такие ещё мальчишками. В первый раз кольцо дает ильхам силу увидеть мир душ и там поймать дух свободного хёгга. Кольцо соединяет нас со зверем, позволяет воплощаться в него по нашему желанию. Сливаться с ним.

Я схватилась за край борта. Внутри туго сплелось столько эмоций, что я уже не понимала, что именно чувствую. Неверие, непонимание, удивление... и ещё — какой-то детский восторг, словно я вдруг воочию увидела волшебство. Страшно, но ещё больше — невероятно!

Неудивительно, что такое скрывается. Если люди Конфедерации узнают о тех, кто населяет фьорды, в моем мире случится массовая истерия, а возле Тумана соберутся толпы желающих хоть одним глазом увидеть «чудовище».

— Те, кто нас отправляют... — слабым голосом проговорила я. — Наши правители... они знают? Знают о том, кто вы?

— Да, — коротко подтвердил мои мысли Лерт. — Знают. Но по соглашению с фьордами правду таят. Именно поэтому вы покидаете свои земли навсегда. Наши миры слишком разные, дева. Слишком непохожие. И сокрытие истины лучшее, что можно сделать для обоих народов.

— Вероника, — негромко сказала я. — Меня зовут Вероника.

Мужчина смотрел по-прежнему хмуро.

— Ты не должна была этого видеть. Никто из вас не должен.

— Но увидела, — я снова посмотрела вверх. — Поэтому нас и держали внизу, ведь так? — Лерт помрачнел.

— Тебе лучше спуститься.

— Он вернется? — встревожилась я.

— Я не знаю, — капитан устало потер переносицу. — Иди вниз, дева. Иди.

Спорить я больше не стала и спустилась в каюту. Кайла бросилась ко мне, стоило показаться в дверях.

— Ты это видела? — заорала она, хватая меня за руки.

— ЭТО было сложно не увидеть, — хмыкнула я, пытаюсь улыбнуться.

— Мы все умрем! — истерично заголосила пришедшая в себя Ирна. — Нас скормят чудовищам. Я не хочу!

— Прекрати выть, — грубо оборвала Кайла. — Если бы тебя хотели кому-то скормить, то не спасали бы. — Она опустилась на лавку и подперла кулаком подбородок. — И что нам теперь делать, девы? Тьфу, кажется, я уже привыкла к местным наименованиям!

— Можно ещё выпить, — кивнула я на стол.

— Думаешь, поможет? — засомневалась Кайла.

— Ну, или можно угнать корабль и попытаться вернуться домой. Правда, надо ещё как-то пересечь Туман, а это невозможно без сопровождения ильхов. Но мы можем захватить в плен капитана Лерта. Кайла, ты взяла свой пулемет?

— У Кайлы есть пулемет? — вытаращила глаза Ирна.

— Да. Складной, в кармане.

Ирна перевела взгляд с меня на Кайлу и обратно. Моргнула. Снова на меня. Я не выдержала и хмыкнула, а потом начала хохотать, выплескивая пережитый страх ненормальным, истерическим смехом. Кайла присоединилась, одна Ирна по-прежнему смотрела непонимающе. А потом буркнула что-то себе под нос и ушла в угол, решив не связываться с сумасшедшими, то есть с нами.

Отсмеявшись, мы переглянулись уже серьезно.

— И все же, что нам делать, Ника? Все это... как-то чересчур... Это же... драконы!

— Придется расценивать их как необычный элемент местной фауны, — вздохнула я. — К тому же, разве у нас есть выбор, Кайла? Сами же согласились на переселение. Вот теперь будем... обживаться.

Собеседница кивнула, крепко задумавшись. Так мы и расползлись по углам, каждой было о чем подумать. А уже через час я осталась одна. Моих временных подруг забрали ильхи, девушки прибыли к своим женихам. Прощались мы с теплотой и немного грустью. Увидимся ли когда-нибудь? Кто знает...

Я устроилась на лавке в опустевшей каюте и удивилась, когда дверь снова открылась, впуская Лерта. Ильх помедлил на пороге, но вошел.

— В Дьярвеншил прибудем лишь послезавтра, — негромко произнес он. Нахмурился, словно не зная, что сказать мне. Помялся. Переступил с ноги на ногу. Я с интересом наблюдала, не спеша помочь ильху и не проявляя инициативу. Решившись, капитан совсем помрачнел и выдавил: — Я подумал, что тебе здесь может быть грустно. Я не хочу, чтобы ты плакала от страха и непонимания. Поэтому ты можешь подняться наверх, там есть навес, тебя не будет видно с неба. Пойдешь?

Плакать я и не собиралась, но спорить и разубеждать ильха не стала.

— Конечно. Спасибо, Лерт... хёгг.

Он слабо улыбнулся и посторонился, пропуская меня.

Ночное небо фьордов уже зажглось миллиардами невероятно ярких, крупных звезд, и я на миг застыла, рассматривая это чудо. Молчаливые ильхи устроили меня под навесом из ткани и шкур, укрыли покрывалом. В нескольких шагах от меня возвышалась фигура Лерта, и пока ильх не видел, я рассматривала его мужественный профиль, который чем-то неуловимо напоминал лицо риара с фотографии из Конфедерации.

Может, все дело в спокойной уверенности, что излучали эти лица.

Словно почувствовав мой взгляд, ильх обернулся, и снова по его губам скользнула улыбка. Я отвернулась, смутившись, а мужчина поманил одного из воинов и передал управление хёггкармом.

А сам подошел ко мне, устроился напротив.

— У тебя красивый корабль, Лерт-хёгг, — искренне сказала я.

— Один из лучших на фьордах, — кивнул капитан. И, подумав, выудил из кармана яблоко, протянул мне. — Возьми. Я слышал, девы любят сладкое.

Я поблагодарила улыбкой и надкусила красный бок фрукта. Кисловатый сок брызнул на губах, я слизала капельки языком. Ильх вздохнул, почему-то нахмурился и отвернулся.

— Расскажешь мне о хёггах? — негромко спросила я.

— Я не должен, — все ещё глядя на волны, отозвался мужчина. — Я виноват, что ты увидела слишком много.

— Но ты ведь не виноват. Ты нас спас! — торопливо уверила я, а ильх глянул удивленно. — Хотя, конечно, увидеть подобное зрелище я совсем не ожидала. Было... впечатляюще.

Лерт улыбнулся, глянул искоса. А я, ободренная, продолжила:

— Если тебе нельзя говорить, ты можешь молчать и кивать, ведь так? Значит, тот черный дракон — летает, а твой зверь — плавает в волнах, так?

Капитан не ответил, но улыбка стала более явной. Я задумчиво постучала пальцем по яблоку.

— Так-так. И сдается мне, «Стремительный» от того и лучший, что принадлежит морскому... хёггу. Сейчас мы идем под парусом, а днем корабль тащил ты?

Лерт рассмеялся.

— Ты очень любопытная, дева. Зачем ты приехала на фьорды? Разве в твоих землях тебе не нашлось жениха?

Не знаю почему, может, звезды так повлияли — слишком яркие и слишком близкие, или волна, бьющая в деревянный борт «Стремительного», а может, мужчина, сидящий рядом, но я пожала плечами и сказала правду:

— Я приехала не за женихом. Я приехала за чудесами, Лерт-хёгг.

— Чудесами? — он удивленно поднял брови. — Значит, ты не желаешь выходить замуж за риара Дьярвеншила?

— Нет, не желаю. — Во взгляде ильха появилось облегчения, а я вот насторожилась. Лерт явно хотел мне что-то сказать, но не решался.

— Тебя беспокоит что-то? — тихо спросила я. Капитан поднялся, я тоже вскочила, отложила надкушенное яблоко. Шагнула к мужчине и остановилась так близко, что почти коснулась мощной груди мужчины. Вскинула голову, заглядывая в голубые глаза. — Скажи. Прошу тебя. Что-то связанное с моим женихом, ведь так? Я имею право знать!

Лерт молчал так долго, что я уже думала — не ответит.

Но, возможно, звезды сегодня влияли не только на меня. Хотя, скорее, капитану просто стало жаль глупую деву.

— О Дьярвеншиле идет дурная слава, — мрачно уронил он. — Даже риара Ингольфа величают Лютым. Дьярвеншил не любит чужаков и гостей, дева. Сегодня ты увидела черного зверя, потомка Лагерхёгга, одного из четырех перворожденных хёггов. Черный зверь — владыка камня, железа и небесного огня. Ты должна знать, что многие хёгги воруют дев, — медленно произнес Лерт, — это в крови у зверя. Но потомки

перворожденных не причиняют пленницам вреда, лишь приносят в свои земли.

— Но?.. — подбодрила я.

— Какое-то время назад на фьордах появился иной зверь. Никто не знает точно, фьорды большие, дева. Но говорят... разное. — Лерт сжал кулаки. — А я находил в волнах останки. Останки дев.

— Какой ужас. Тот хёгг, что напал сегодня, это был он? Ведь так? — я прижала ладонь к губам. И похолодела. — Это ещё не все?

— Говорят, безумный хёгг прилетает из Дьярвеншила. Извини, но это лишь домыслы, дева. Я могу лишь предупредить тебя.

И, резко развернувшись, Лерт ушел, сделав знак своему воину. Меня тут же провели вниз, но я и не сопротивлялась. Я пыталась сложить в своей голове новое видение мира, в котором были драконы, черные обручи на шее и Дьярвеншил. Вполне возможно, что меня везут прямиком в лапы зверя, разрывающего своих жертв.

Глава 4

— Я туда не пойду!

Ильх скрипнул зубами. «Стремительный» остановился недалеко от черного каменного клыка, торчащего из воды. Такие же хаотично вырастали из моря вокруг Дьярвеншила, мешая кораблю подойти ближе.

С борта я испуганно смотрела на каменную стену, за которой скрывались дома, и высоченную башню, мрачной громадой нависающую сверху. С моря Дьярвеншил казался небольшим, даже не город, а скорее крепость.

— Не пойду!

— Придется, — тяжело произнес Лерт. — Прости, дева, но я не могу тебе помочь. Меня связывает слово хёгга, а это в нашем мире дороже золота. Я не могу нарушить его. И должен доставить дев из-за Тумана их женихам.

— Но ты сам сказал, что в Дьярвеншиле может ожидать чудовище!

— Это лишь предположение, — скрипнул зубами ильх. — Я не уверен. И жалею, что напугал тебя!

Пока я упиралась, ильхи уже спустили на воду небольшую лодку, и Лерт кивнул вниз.

— До берега можно добраться только на этом.

Я нервно прижала к себе мешок. Во тьме ночи вода и скалы утратили красоту. Сейчас я видела лишь неприглядную крепость, казавшуюся безжизненной, и густую плотную воду, на которой лодчонка выглядела слишком хлипкой.

— Я готов отвези деву, Лерт-хёгг, — вызвался один из воинов. Но капитан, покосившись на меня, отрицательно качнул головой.

— Я сам, Варт. Идем, дева. У нас с тобой нет выбора. Я обернулась на суровых ильхов, что стояли рядом. На корабле зажгли огни, странные лампы — живой огонь плясал внутри стекла. И желтый свет ложился неровными штрихами, словно подчеркивал нереальность происходящего.

Меня мягко подтолкнули к борту, и на негнущихся ногах я спустилась в лодку. Посудина качнулась, принимая меня, плеснуло в бортик водой. Следом прыгнул Лерт, отвязал веревку, связывающую с кораблем. И я ахнула, потому что ильх не стал брать весла, а просто опустил ладонь в воду, и наше суденышко легко заскользило по глади моря.

— Но как? — изумилась я.

— Я морской хёгг, — слабо улыбнулся Лерт. — Мне отзывается вода и дерево.

Отзывается? Как это? Моя голова почти лопалась от обилия новой и совершенно непонятной информации, которая не укладывалась в привычные представления о мире. И я решила, что пока просто приму все как есть, не пытаюсь найти объяснения.

Чем бы ни были способности светловолосого мужчины, сидящего рядом, но благодаря им расстояние до берега мы преодолели довольно быстро.

Когда лодка ткнулась носом в песок, ильх молча прыгнул в воду и вытащил меня из лодки. На руках вынес на сушу, поставил, платье оправил. И снова скривился, взглянув на темную стену позади.

— У меня нет выбора, дева, — снова повторил он. — И поэтому ты пойдешь сейчас в Дьярвеншил. Тебя должны ждать. И я верю, что у тебя все будет хорошо. Но... — он хмуро глянул на башню. — Но я чувствую себя ответственным. Или виноватым, не знаю... Поэтому возьми это. — Я удивленно глянула на небольшой медальон с мелкой жемчужиной в центре, который ильх сунул мне в руку. — Если с тобой случится беда, брось

его в море и позови. Я услышу, Вероника. И постараюсь помочь.

Он резко развернулся и пошел обратно к лодке. Замер на миг, обернулся. Снова усмехнулся.

— Береги себя, дева. Пусть перворожденные за тобой присмотрят.

И пока я растеряннo смотрела на него, не зная, что сказать, ильх запрыгнул в лодку, и суденышко заскользило обратно к кораблю.

— Но... почему? — сорвалось с языка.

— Возможно, мне тоже хочется, чтобы кто-то ждал на берегу, — донес ветер насмешливый ответ.

— Спасибо, — прошептала я.

Я стояла на песке до тех пор, пока «Стремительный» не отошел прочь от скал. А потом вздохнула и поплелась к деревянным воротам. К моему удивлению, низкая дверь оказалась незапертой. Толкнув тяжелую створку, я оказалась внутри крепости. Несмело сделала несколько шагов, почему-то стараясь ступать бесшумно. За стеной царила тишина. Передо мной расстилались узкие улочки, накрытые гнилыми досками, в которых зияли дыры, а местами — просто земляные. Кое-где торчали облезлые кустарники и кривые деревья, пару раз я перешагнула через что-то вязкое и дурно пахнущее, похоже, навоз. Рваными лоскутами цеплялся за корни и ветви туман, разливался жидкой молочной жижей и шевелился, словно живой. В одноэтажных приземистых домах из черного камня, с глухо закрытыми ставнями, не было света. Ни людей, ни собак, ни жизни... Лишь на вспучившихся крышах сидели, свесив горбатые клювы, жуткие птицы с лысыми шеями, но и они молчали, недобрым желтым взглядом провожая мое шествие. Пахло чем-то кислым, а ещё дымом и совсем немного — солью. Вымерший город. Даже дыма из труб я не видела, и на миг стало так жутко, что захотелось развернуться и бежать —

куда угодно. Вот только куда? Дьярвеншил окружен морем и скалами, куда мне бежать? А на фьордах водятся звери, о которых я понятия не имею!

Или самый страшный зверь живет здесь — за черными закопченными стенами? И он уже сожрал всех обитателей этого места?

Вздвогнув, я вцепилась в свой мешок и крадучись двинулась к башне. Она, словно черная исполинская обитель демона, торчала недалеко от крепостной стены, в узких окошках-бойницах дрожал робкий свет. Лерт сказал, что надо идти к ней, что там и проживает риар, выбравший невесту из-за Тумана. Но почему меня никто не встречает? Почему здесь так тихо и пусто? Может, риар болен? И лежит в постели, потому и забыл про меня? Может, у него и вовсе склероз, что неудивительно в таком-то возрасте!

Перебирая предположения, я добралась до дверей башни, толкнула дверь... и снова вздрогнула, поняв, что и здесь открыто. Вошла... И не сдержала писка, когда из-под ног порскнула крыса. Прощедив от неожиданности ругательство, я осмотрела круглый зал, в котором оказалась.

Здесь горела пара чадающих ламп, и этого света едва хватало, чтобы осветить жуткую картину. Я прижала руку к груди, переводя дыхание. Темные каменные своды, теряющийся во тьме потолок, жуткий запах, грязь... и тела. Повсюду валялись тела. На грубых лавках, полу и даже столе с остатками засохшей еды... Мужские, на рубахах и штанах темнели пятна... кровь? Ужас заставил меня попятиться назад. Бежать. Краем глаза заметила длинную юбку и оголенные ноги, торчащие из-под грязной тряпки скатерти. Женщина. Здесь есть женщины. Что с ней тут делали? Что сделали с ними всеми?. Бежать, прятаться, спастись. Мой притихший от шока инстинкт самосохранения кровью ударил в уши, в глазах потемнело... Вплавь, до

«Стремительного»... медальон в море... Скорее. Хоть бы Лерт услышал. Хоть бы забрал!

Резкий раскатистый звук заставил меня глухо вскрикнуть и броситься к двери. Но неудобное длинное платье, в которое меня нарядили, запуталось в коленях, и я рухнула лицом вниз. Да так, что едва не расквасила себе нос. И снова тот же звук сотряс зал. Рычание?

Храп...

Понимание заставило меня сначала замереть, а потом нервно хмыкнуть. Вот уж правда — у страха глаза велики. Дура, какая же я дура. Да они же просто спят. Напились и спят!

Паника отступила, оставив дрожащие коленки и легкий стыд за собственную впечатлительность. Теперь-то я видела, что пятна на одежде — вино и соусы, а люди не мертвы и растерзаны, а просто дрыхнут. Даже девица под столом, которая, как оказалось, обнимала какого-то мужика в одних подштанниках и во сне чмокала губами!

Совсем недавно в этом зале пировали, да так, что свалились на пол и лавки да заснули!

Бочком я обошла храпящего мужика и двинулась к лестнице, что спиралью вилась наверх. Если следовать логике, то комнаты местного риара располагаются как раз там. Неужели подданные совсем распоясались, пользуясь немощью старика? И уничтожают припасы крепости, пока никто не может призвать их к ответу?

На дереве лестницы темнел рисунок: узкий хвост у основания ширился, переходя в змеиное тело с крыльями в середине, и наверху оскаливался треугольной драконьей мордой.

Я сжала кулаки и пошла вверх, с трудом представляя, что буду делать, когда найду риара. Мне совсем не улыбалась мысль стать сиделкой при больном человеке, да и какая из меня сиделка? Я ничего не понимаю в медицине. Но по условиям договора я

должна месяц прожить в Дьярвеншиле, считаясь нареченной. После, если я не захочу выходить замуж, то могу либо остаться здесь жить, либо уехать на другой фьорд и попытаться найти счастья в ином месте. Ну а пока мне в любом случае надо познакомиться с ильхом, что одобрил невесту из-за Великого Тумана.

Лестница закончилась узкой галереей, на которой располагалась всего одна дверь.

— Закрывать здесь не принято, — буркнула я себе под нос, толкая створку, которая легко поддалась и впустила меня в полутемное помещение. Первое, что бросилось в глаза, — груда вещей и предметов на полу. Рубаха, корзина, штаны, поднос, сапог, остатки еды, платье, рваная нижняя сорочка... И пока я глазела на этот беспорядок, на кровати кто-то издал длинный протяжный стон. Я вскинулась и уставилась на постель, слабо освещенную тусклой лампой. И покраснела до корней волос. Над раскинутыми женскими ногами торчала мужская задница. Загорелая, крепкая, такая, от которой оказалось трудно отвести взгляд, хотя я и старалась. Кто бы сейчас не был в кровати со стонущей женщиной, но это точно не мой умирающий от старости жених. Напротив. Этот мужчина был более чем жив. Мой ошалелый взгляд метнулся от ягодиц к ямочкам поясницы и выше — к спине с таким рельефом мышц, что тоже захотелось застонать!

И, наверное, я все-таки издала какой-то писк, потому что спина напряглась, мужчина дернул головой, а уже через мгновение я заорала, потому что он оказался возле меня, а в шею уткнулось острие жуткого, кривого ножа!

— Пусти... — выдохнула я отчаянно.

Мужчина хмыкнул и опустил руку, отошел на шаг. И я уставилась в самые странные глаза, которые когда-либо видела. Левый — ярко-голубой. А правый... черный настолько, что радужка полностью слилась со зрачком.

Этот контраст и пугал, и притягивал, хотелось одновременно и отвернуться, и смотреть не отрываясь. И с усилием я перевела взгляд на резко очерченные губы, искривленные в усмешке, широкие темные брови, высокие скулы, нос с хищной горбинкой, а потом на длинные, спутанные темные волосы, прядь, заплетенную у лица в косичку с железными бусинами. И ниже — на поджарое и отлично развитое мужское тело, которое только что предавалось приятному занятию и было готово продолжить!

Покраснев так, что щеки, наверняка, приобрели приятный колор созревшего помидора, я сглотнула комок в горле и отступила.

— Краст, ты куда? — капризно пропел женский голос с кровати, и из-под грязного покрывала выглянула встрепанная голова. На меня уставились два темных глаза. — А это ещё кто?

— Наверное, решила к нам при... присоединиться, — запинаясь, ответил Краст. Его голос — хриплый после спиртного и секса заставил меня вздрогнуть и снова попятиться. Мужчина насмешливо улыбнулся. — Так? Ты для этого пришла?

Он, покачнувшись, обошел меня, рассматривая. И увиденное явно не вызвало у ильха энтузиазма. Он скривился и помрачнел.

Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но не успела. Краст рывком прижал меня к себе, мешок свалился на пол.

— Йотунова задница, проклятый зов. Надо было подпереть дверь... Терпеть не могу таких бесцветных дев, — процедил он. И я отшатнулась от явных хмельных паров, что ударили в лицо.

— Немедленно убери от меня свои поганые лапы! — рывкнула я. Усталость, пережитый ужас, непонимание и тревога за свое будущее навалились разом, лишив меня привычного самообладания и воспитания.

Краст непонимающе моргнул.

— Что? — не понял он.

— Что слышал. Руки убери. Я не для того тащилась на ваши проклятые фьорды, чтобы меня лапал какой-то пьяный мужлан. Пшел вон!

Он снова моргнул. И на удивление — отступил. Схватил с грязного, как и все здесь, столика кувшин с водой и... вылил себе на голову. Я ошарашенно уставилась на мужчину, который встряхнулся позвериному, разбрызгивая капли, и прищурился.

— Откуда тащилась? — почти трезвым голосом спросил он. Жуткие глаза, в которых отразилось пламя лампы, смотрели внимательно. И почему-то именно в этот момент мне стало страшно. Слишком быстро этот человек трезвел, буквально на глазах.

Не человек, поправила я себя. Черное кольцо на его шее давало понять, кто передо мной. Такой же обруч показал мне Лерт. А значит, этот Краст был не кто иной, как... Хёгг. Дракон. Пьяный, грязный и дурно пахнущий дракон, чтоб его!

Он нахмурился, покосился на девицу, с открытым ртом застывшую на покрывале. Слушала она с таким лицом, что я не сомневалась — весть о чужачке уже через пять минут облетит Дьярвеншил, стоит девушке покинуть эту спальню.

— Ты, — кивнул Краст своей постельной подруге, — убирайся.

Миг — и девушку как ветром сдуло. Она даже не оделась, лишь подхватила с пола платье и убежала.

— Откуда тащилась?! — рявкнул мужчина уже мне, и я подпрыгнула.

— Из Конфедерации, — прошептала робко и сделала еще шаг назад. Кажется, с угрозами я погорячилась. Ну что я сделаю, в самом-то деле? Оружия нет, сил тоже...

— Стоять! — угрожающе произнес мужчина. Мой оторопелый взгляд метнулся вниз, и я отметила, что

свое возбуждение он растерял. Правда, от этого смотреть на голого ильха проще не стало. Он зло прищурился.

— Риар Дьярвеншила одобрил невесту из-за Тумана! — почти с отчаянием выкрикнула я. — По программе переселения. Я приехала... А там все валяются. А здесь вы, то есть ты. Мне нужен риар Дьярвеншила!

— Да чтоб ты в Горлохум провалилась, — процедил Краст. — И кто тебя только звал?!

— Ваш риар...

— Я здесь риар! — злобно оскалился мужчина, и мне стало совсем дурно. То есть как это он? А где мой жених?

— Вы убили старика? — догадалась я. Ну да, с этого головореза станется. Даже не удивлюсь!

Краст уставился на меня с таким лицом, что я снова попятилась. А он прищурился недобро, словно решая, каким именно способом лучше избавиться от незваной гостьи. Мысли путались в голове, сердце стучало как ненормальное. Да он же просто чудовище — злой и агрессивный варвар. Жуть. Главное, до моря добежать... и зачем я вообще полезла в эту башню? Надо было вцепиться в Лерта и умолять о помощи. Просить. Требовать. Что-то мне подсказывало, что я смогла бы убедить капитана «Стремительного». Он бы защитил!

Я снова сделала крохотный шаг к двери.

— Не вздумай бежать, — мрачно пригвоздил меня к полу Краст. — Бесполезно. Я быстрее. К тому же, уже почти трезв. Вот же йотунова задница. Сядь здесь. И не вздумай двигаться, поняла?

Он указал на кресло, тоже заваленное какими-то тряпками. Я фыркнула, чтобы не показать страха, и, недолго думая, скинула все это добро на пол, внимательно осмотрела потертое сидение и, не

обнаружив ничего страшного, села. И внезапно успокоилась. В конце концов, бежать и правда глупо. Куда я убегу в этом платье да ночью? Смешно... Да и надо, наконец, прояснить ситуацию с моим замужеством. А ильх хоть и выглядит дикарем, но резких движений не делает, да и взгляд у него почти... осмысленный. Почти.

Так что я уселась, расправила складки платья, а вернее вытерла вспотевшие ладони. И уставилась на своего странного собеседника. Очень стараясь смотреть лишь на верхнюю его часть.

— Может, вы, то есть ты... может, ты оденешься?

Мужчина несколько удивленно посмотрел вниз, словно только сейчас осознал свой вид. Правда, его он не смутил. Но хвала богам, ильх все-таки выудил из груды валяющихся вещей полотняные штаны, натянул. Завязал на животе веревки. И на этом решил, что его вид вполне пристоен. Я бы с этим поспорила, но слишком устала.

Дальше Краст зажег ещё одну лампу, добавляя света. Грязная комната стала выглядеть еще хуже, но я промолчала. Если местным нравится так жить — их дело.

Молча вытащила из мешка договор Конфедерации с фьордами, протянула бумагу ильху.

— Здесь все написано. Это договор о переселении на мое имя — Вероника Эдвардс. Встречающая сторона и жених — Ингольф-хёгг из Дьярвеншила.

Риар смерил меня злым взглядом, глянул на бумагу. И отшвырнул ее в сторону.

— Гребаное пекло, — пробормотал он. — Папаша — старая сволочь. Даже за Туман дотянулся, чтоб его душу Хелехёгг поджарил!

— Значит, договор заключил твой отец? — уточнила я.

— Да, — Краст откинул ногой нижнее женское платье.

— И он мертв? Ну что же... В таком случае, договор расторгается в связи со смертью жениха! — радостно заключила я. — И я буду благодарна, если смогу переждать здесь ночь, а утром ты отправишь меня... ну, куда там принято отправлять невест из-за Тумана?

— На корм рыбам, — мрачно подсказал мужчина, и я напряглась, не понимая, шутит он или всерьез. Судя по мрачно блестящему черному глазу — какие уж тут шутки. Голубой глаз и вовсе казался осколком льда.

— Невесты защищены Конфедерацией, — пробормотала я. — Не надо меня пугать. Через месяц прибудет проверяющий, чтобы убедиться, что правила соблюдены!

— Плевать я хотел на твою Конфедерацию, — огрызнулся риар. — Да и на тебя тоже. Дьярвеншил подчиняется лишь Совету Ста Хёггов. Но есть одна проблема, чужачка.

Он схватил со стола кувшин и сделал жадный глоток. По блеснувшей на губах рубиновой капле я поняла — вино.

— По закону фьордов невеста умершего до свадьбы мужчины становится женой ближайшего свободного родича. Значит, моей.

— Что? — завопила я. — Твоей? Да ни за что!

— Замолчи. Мне тоже не нужна жена, тем более из-за Тумана! — процедил он и снова схватил договор. Повертел, осматривая, поскреб грязным ногтем печати и опять откинул. Посмотрел на меня и протянул задумчиво.

— Сиди здесь, чужачка. Высунешь нос за дверь — пожалеешь. Я разберусь с этим, — он махнул договором, который держал так, словно от него воняло!

И, развернувшись, ушел!

Я же мрачно осмотрела комнату. Разбросанные вещи, остатки еды на блюдах, потекший со свечей воск, мутные от разводов лампы и не самый свежий запах — вот удручающий результат осмотра. Не говоря уже о разворошенной постели, на которую я не лягу ни за что в жизни!

Ругаясь для бодрости и проклиная этого жуткого Краста, а заодно и фьорды, на которые меня угораздило притащиться, я снова обошла свое пристанище. Тяжелая и малочисленная мебель: кровать, стол, пара странных сидений — то ли кресла, то ли кушетки, лавка у стены, грязно-коричневая ткань, закрывающая окно, голые и неприглядные каменные стены. В глубине этого неприветливого жилища обнаружила еще одну дверь. Она вела в небольшое помещение, где в центре имелась бочка с холодной водой, наполовину утопленная в каменный пол. У противоположной стены имелась дыра, накрытая деревянной крышкой — туалет.

Со вздохом я постаралась забыть о нормальной душевой кабине, душистом мыле, пушистых полотенцах и прочих благах цивилизации.

Умылась холодной водой из бочки, окончательно замерзла и вернулась в комнату. Пнула от досады толстую ножку кровати, взвыла, снова осмотрелась. Хотелось есть. Но спать — больше. Дверь оставалась закрытой, куда бы ни отправился варвар, но возвращаться он не спешил.

Так что я не придумала ничего лучше, как прилечь на лавку в углу, накрыться своим плащом и закрыть глаза. Отдохну немного, а потом продолжу исследовать новый и негостеприимный мир, в котором я оказалась.

Глава 5

— Вставай, — Краст пнул ногой бессознательное тело бородача Биргера. Тот крякнул, вытаращил глаза и дернул руками, разыскивая оружие. А увидев риара, попытался встать. Удивительно, но это ему даже удалось, хотя и с трудом.

— Что случилось, мой риар?

— Это ты мне скажи. Какого гнилого йотуна ты пропускаешь в крепость посторонних?

— Каких таких? — еще сильнее вытаращился бородач. — Не было никого. Да ни одна крыса мимо не проскочит. Да я смотрел. Лишь на минутку на пир зашел, мой риар. Да и потом... с воды к нам не подобраться, все это знают. А с гор — рано еще, я ветер слышу!

— И это значит, что можно оставить двери нараспашку и залиться хмелем по самые брови? — яростно выдохнул Краст, и Биргер испуганно вытянулся в струнку, не понимая, что делает риар внизу. По всему ведь выходило, что он останется в своей спальне до самого утра. Так и должно было быть, но вот, нате вам. Торчит перед Биргером — полуодетый и жутко злой!

— Так последний пир ведь... — растерянно пробубнил ильх. — Ветра идут... Скоро ведь задует третий... когда же потом, мой риар?!

Рука Краста взметнулась так быстро, что бородач только крякнул и сжался, получив увесистый удар под ребра.

— Я оставил тебя присматривать за воротами, Биргер. И если я не могу на тебя положиться, то зачем мне такой воин?

Бородач судорожно кивнул, даже не думая дать сдачи. И голову склонил, молясь перворожденным,

чтобы те успокоили разъярившегося риара.

— Моя вина, моя... Готов искупить, виноват. Назначь наказание, Краст.

— Назначу. А теперь закрой ворота, пока к нам не пожаловали новые гости, — сухо произнес Краст, и бородач втянул воздух. Но риар уже не смотрел. Подобрал чужие сапоги и плащ, подбитый рысью, Краст, шипя сквозь зубы, обулся и толкнул дверь. В грудь ударил сырой и холодный воздух моря и гор, зато в голове прояснилось и перестало шуметь.

Ильх мрачно глянул за спину — на спящих вповалку людей, вышел. Привычно посмотрел на небо, где тонула в низких тучах желтая, тающая с боков луна. А потом так же привычно — на горы. Снежные верхушки светлели в ночи. Прищурившись, риар всмотрелся внимательнее и сжал кулаки. Призрачные голубые огни вспыхивали мягкими переливами, освещая скалы. Пока огней было совсем мало, человеческий глаз и не различит крошечные искорки, а вот риар видел. Видел и злился, понимая, что с каждым новым ветром, спускающимся с вершины, огней зажжется все больше. И чем сильнее ветра, тем ярче становится вершина, окутываясь мягким, серебристо-синим сиянием.

А гореть будет всю зиму.

Десять дней назад пришел первый ветер. Ласковый, как щенок. Первый всегда лишь проносится озорником по Дьярвеншилу, разбрасывает кучи листьев и хвойных иголок, трепет девам подолы, норовя взметнуть повыше. Играет. Но на следующее утро пришел второй ветер. Сильнее и злее. Уже не щенок, но ещё и не хищник. И этот, второй, огладил каменные дома ледяными порывами, выстудил. Тогда и забил на старой башне Дьярвеншила колокол, знаменуя начало ветров. Тогда и выставили в зале башни бочки с хмельным и горячим варевом, и туда же потянулись воины и девы. Время шатий, свадеб, гуляний, сладких ночей... И зова.

Сильного, злого. Чтобы в Дьярвеншиле родилось много детей, таких же сильных и таких же злых.

Краст потер виски, отворачиваясь от гор.

У стены башни в бочке темнела накапавшая со стока вода, Краст отложил в сторону злосчастный договор и плащ, провалил тонкую наледь, плеснул в лицо пригоршню. От воды, ледяной, острой, пахнувшей лежалыми листьями и землей, свело скулы и заломило зубы, но Краст плеснул снова, фыркая от капель, стекающих на спину и грудь. Встряхнулся. Хмель окончательно покинул голову, и, накинув плащ, риар направился вверх по склону, к одиноко стоящему дому.

— Рэм! — крикнул он, ударив в дверь. — Рэмилан, просыпайся!

Несколько минут царила тишина, а потом на пороге показался сонный и хмурый хозяин дома. Белые нечесанные волосы падали на льдистые голубые глаза, рот скривился в зевке.

— Какого пекла тебе не спится, Краст? — буркнул ильх.

Не отвечая, риар ткнул в побратима желтым свитком. Тот переступил босыми ногами на стылой земле, завязал веревку штанов, которые в данный момент являлись его единственной одеждой. Черный обруч на его шее блеснул, поймав свет ныряющей в облаках луны. Рэм, приподняв белые брови, удивленно развернул бумагу, нахмурился.

— И что это?!

— Договор Ингольфа и Конфедерации о свадьбе с чужачкой из-за Тумана. Невеста прибыла этой ночью, — чеканя слова, процедил Краст, и Рэм присвистнул. Повертел бумагу, рассмотрел знак Варисфольда и неизвестный на фьордах, видимо, принадлежащий той самой Конфедерации, будь она неладна!

— Так и знал, что твой папаша выкинет какую-нибудь гадость, — сплюнул Рэм. — И что ты

собираешься делать?

— Для начала нам надо понять условия договора, — Краст выхватил бумагу, прищурился, разбирая строчки. И выругался так, что Рэм скривился.

— Придется топать к Хальдору, — хмуро озвучил побратим то, что понимал и сам риар. — Без него не разобраться.

Краст снова глянул на горы. И кивнул, понимая, что придется. Хотя не хотелось до зубовного скрежета и снова рождало внутри глухую и опасную ярость. Риар выдохнул, успокаивая себя и тьму, что поднималась изнутри тягучей, густой волной.

Дом Хальдора стоял на другой стороне Дьярвеншила, в окружении вековых елей, треугольными исполинами закрывающих каменное двухэтажное строение. На красной крыше не росла вечнозеленая бодрянка, и потому там не было извечных вестников Дьярвеншила — горбоносых и крылатых хорнов. Ставни из белого дерева не пропускали свет, и Краст мрачно ударил в дверь кулаком, нарушая сон хозяев.

Створка распахнулась без скрипа и довольно скоро, значит, Хальдор не спал. Вышел на порог, глянул мрачно. Скривился, как обычно. Он, в отличие от побратимов, в этот ночной час был одет и совершенно трезв. Черные глаза смотрел со злой усмешкой, рука сжималась в опасной близости от рукояти меча.

— Что надо? — неприязненно буркнул Хальдор. Краст отодвинул его плечом, без спроса входя в теплый дом. Внутри горели лампы, освещая мягким живым светом витую лестницу и добротную мебель. Кинул бумагу. Хозяин дома поймал на лету, развернул.

— Прочитай, — приказал Краст.

Хальдор глянул злобно, сверкнули темные глаза, ловя отражение зажженных ламп.

— Ты же у нас риар, Краст, сам и читай, — усмехнулся он. — Или не выходит?

Ярость вспыхнула внутри черным безумием, толкая на глупость, убеждая оторвать голову усмехающегося ильха, стереть кулаком усмешку.

— Хочешь бросить мне вызов, Хальдор? — почти с надеждой спросил Краст. — Занять башню по праву сильнейшего?

Хозяин дома скривился, сжал кулаки. И Краст шагнул вперед с предвкушением, но остановился, когда дорогу преградил Рэм.

— Сейчас не время мериться силой! — оборвал снежный хёгг, становясь между двумя взбешенными черными. — Ветра идут.

Краст прищурился, в упор глядя на Хальдора, который уже готовился схватить нож, а то и секиру, висящую на стене. Два ильха застыли, сцепившись взглядами, словно звери, и не желая отступить. Полностью одетый и собранный Хальдор против полуголого и взъерошенного Краста. Рэм лишь скрипел зубами, переводя взгляд с одного на другого и надеясь, что на этот раз не дойдет до драки.

Но Хальдор моргнул, мотнул недовольно головой и сделал шаг назад. А потом молча поднял упавший свиток, вчитался. И расхохотался. В черных глазах мелькнуло злорадство, словно написанное примирило ильха с поражением.

— Ого, так тебя можно поздравить, мой риар? — усмехаясь, протянул он. — Надеюсь, невеста страшна, как и твоя жизнь, Краст?

Риар шагнул вперед и снова наткнулся на руку Рэма.

— Прекратите! — потерял терпение снежный. — Хальдор, объясни толком, что там написано? И может, пока не поздно, мы просто спалим эту бумажку?..

— Поздно, — ильх пожал плечами. — Это законный и действующий договор, его уничтожение ничего не

изменит. Через месяц в Дьярвеншил прибудет корабль с проверяющим из Варисфольда. В этот день невеста должна либо сказать свое «да» и назначить день свадьбы с риаром Дьярвеншила, либо уплыть в Варисфольд. Если девчонка окажется мертва либо покалечена, мы должны уплатить Совету Хёггов... — Хальдор помолчал, осмысливая. И закончил с ненавистью: — Сто шкур!

— Сколько? — ошалело выдохнул Рэм. — Да ни одна красавица фьордов не стоит столько. А чужачке из-за Тумана и вовсе пол шкуры цена. Да как можно...

— Замолчи, — оборвал Краст. Отошел к столу, на котором плясал в лампе живой огонек. Протянул руку, словно желая коснуться пламени и отдернул, стоило горячему лепестку качнуться навстречу. — Что еще там написано?

— Единственная возможность избежать свадьбы с чужачкой — она должна сама отказаться от тебя. В ином случае, через месяц наречение считается состоявшимся, и вскоре ты обязан надеть на нее уже не венец нареченной, а пояс жены. Но и тогда дева остается под присмотром Совета Ста Хёггов. Тут написано... — ильх всмотрелся в ровные строчки. — Написано, что каждая невеста из-за Тумана становится названной сестрой для самой... красной девы, Оливии-хёгг, разбудившей Горлохум и закрывшей проход между мирами. А значит, каждая ее сестра является драгоценным даром для фьордов.

Краст сжал кулак, и пламя в лампе тоже сжалось, почти угасло, словно норовя стать меньше и незаметнее. Рэм покосился на побратима, но промолчал. Хальдор тоже затих, между темных бровей залегла складка, словно ильх решал для себя какую-то задачу.

— Месяц, значит, — задумчиво протянул Краст. И Рэм вскинулся, переглянулся с хозяином дома. И оба

удивленно качнули головами. Месяц... Но ведь ветра идут!

Ничего больше не говоря, Краст забрал договор и вышел на порог. Звезды и луну успело затянуть тучами, и на Дьярвеншил посыпался тонкий хрупкий снежок. Еще не зима, но уже предостережение.

Рэм догнал побратима возле елей, приноровился к широкому шагу ильха.

— И что ты думаешь делать, мой риар? — не глядя на Краста, бросил он.

Краст хмыкнул, не отвечая.

Некоторое время шли молча.

— Дело не только в чужачке, ты и сам понимаешь, — негромко произнес Рэм, когда они поравнялись с домом на скале. — Хёгг из Варисфольда, Краст. Нечего ему тут делать. Дьярвеншил не любит чужаков.

Риар кивнул, не оборачиваясь, и пошел к башне.

Дьярвеншил ждет.

Дьярвеншил слушает ветра.

Дьярвеншил не любит чужаков.

Глава 6

— Разлеглась тут, ленивая мерзавка, думает, риар пустил, так все позволено? А мне тут ходи, убирай, вещи подбирай...

Глухое бормотание заставило меня открыть глаза и подпрыгнуть. Моргнула, потерла шею, которая затекла от неудобной позы. Уснула я на лавке, прямо в одежде, и сейчас чувствовала себя не столько отдохнувшей, сколько измятой. Села и уставилась на женщину с недовольно поджатыми губами.

— Доброе утро, — растерянно пробормотала я.

— Да конечно, доброе. Еще и издевается. А ну вставай, разлеглась тут. Полежала и хватит, на кухню иди!

— Почему на кухню? — нечего не поняла я спросонья. — Вы... ты кто?

— Кто-кто, ктокает она тут. Главная я здесь. А тебя что, недавно притащили, раз ты не знаешь? — старуха прищурила темные глаза. — Да и я тебя не помню что-то... Ты чья будешь? Что-то я тебя не припомню... И сразу в постель к риару, ишь, гадина прыткая!

— Да не лезла я ни к кому в постель! — растерялась я ещё больше. В моем мире никто не швыряется такими обвинениями просто так, но мне пора отвыкать от цивилизации. Судя по всему, на фьордах я еще и не такое увижу и услышу! — И вообще, прекратите. Я не кухарка.

— А кто? Поломойка?

— Невеста, — угрюмо буркнула я, пытаюсь оправить платье. — Риара.

Старуха смерила меня взглядом с головы до ног и вдруг рассмеялась.

— Ты? Невеста риара? Да быть того не может!

Я вздохнула. Нет, я конечно, и сама не претендую, но все равно как-то неприятно. И хотела бы сказать, что это ненадолго, но промолчала. Не стоит посвящать всех вокруг в подробности нашего соглашения.

— И все же, это так, — повторила я и твердо взглянула на женщину. — Я прибыла ночью, и мой... хм... жених не успел об этом объявить.

Прислужница обошла меня по кругу, совершенно беззастенчиво разглядывая, и я вдруг разозлилась. В конце концов, что она себе позволяет? Я не кусок мяса на прилавке, чтобы так глазеть!

— Хватит меня рассматривать! — рявкнула я. — И ты не сказала, кто ты!

— Так Брида, — несколько удивленно протянула она. — Старшая прислужница я.

— Прислужница? То есть убираешь и готовишь для риара?

— Ну да...

— Отлично. С сегодняшнего дня в этой комнате буду жить я. И для начала здесь нужно убрать. Ясно? Нам понадобятся тряпки и много горячей воды!

Прислужница окинула меня очередным взглядом, на этот раз угрюмым.

— Зачем это? Чисто здесь, недавно же убирались...

— Если недавно — это сто лет назад, то понятно! — отрезала я. — И ещё мне надо мыло. У вас есть мыло?

Женщина попятилась.

— Вода есть там, — махнула она рукой в сторону купальни. — С утра иногда бывает, как источник просыпается... И ведро тоже!

— Тогда я бы съела что-нибудь, и мы сможем приступить к уборке, — взбодрилась я. — Где я могу позавтракать и выпить горячий чай? Здесь довольно холодно.

— Так там... — пробормотала старуха, задумчиво косясь на меня. — На кухне еда... вроде... я принесу...

— Замечательно! — одобрила я, и Брида скрылась за дверью.

А примерно через полчаса ожидания стало понятно, что прислужница не собирается возвращаться ни с едой, ни с помощью. Я выглянула в коридор, но внизу орали что-то хриплые мужские голоса, и спускаться я не рискнула. Задумчиво обошла комнату, пытаясь унять нервную дрожь. В очередной раз осмотрелась и скривилась. Риар велел сидеть наверху, но кто сказал, что я должна сидеть в хлеву?. В моем детстве мама часто повторяла фразу о том, что не стыдно убирать, стыдно оставаться в грязи. Став взрослой, я поняла, что в доме с пятью детьми этот постулат был жизненно необходим. Но к тому времени я уже привыкла к чистоте. К тому же уборка — неплохой способ успокоиться. А раз помогать мне никто не собирается, то чистить эту конюшню, что по недоразумению зовется жилой комнатой, мне придется самой. В одном негодяйка не соврала — сегодня из железной фыркающей трубы и правда текла вода, холодная, но относительно чистая. Ну а на тряпки я без зазрения совести отправила нижнее платье неизвестной мне девицы, которое по — прежнему валялось посреди спальни.

Засучив рукава, я первым делом раздвинула тяжелые шторы, открывая окна. Чихнула несколько раз и ахнула. За грязным стеклом виднелись заснеженные вершины гор, серебряное море, стаи птиц, ныряющих в волну, и верхушки огромных елей... Да за один такой вид из окна можно отдраить не то что одну комнату, а всю башню!

Но начну все же с предоставленных мне апартаментов.

Несколько часов я мыла, чистила и скребла. Поначалу опасливо косясь на дверь, вскоре я плюнула на свои страхи, подвязала подол юбки и даже начала

напевать. При дневном свете я обнаружила, что под слоем пыли и копоти скрываются сюрпризы. На полу проявился рисунок из разных сортов дерева, массивный стол на драконьих лапах показался мне произведением искусства, а стекла в окне поразили своим серебристым сиянием. Преображаясь с каждым движением тряпки, помещение медленно показывало мне свой истинный вид. И я с изумлением осознавала, что он весьма неплох.

Замусоленные покрывала, занавеску и остальные тряпки я без зазрения совести сложила за дверь, решив, что когда-нибудь служанка все же появится, и я велю ей принести чистое. Было бы неплохо, конечно, сменить и саму кровать, для надежности, но покосившись на тяжелые железные ножки, я поняла, что последнее вряд ли удастся. Белые меховые шкуры на кровати хотелось выбить на снегу, но для этого пришлось бы спуститься вниз, так что и с этим я решила повременить.

И все же, стоило подумать, что вытворял хозяин башни на этой кровати, и внутри поднималось желание спалить постель вместе с ножками. И ещё перед глазами настойчиво вставала картина, увиденная ночью — филейная часть мужского тела с ритмично сокращающимися мышцами.

Выдохнув, я уселась на пол и стерла с лица испарину. Солнце уже вовсю светило в окна, значит, уже далеко за полдень. Мой желудок бурчал, требуя еды, благо, в моем мешке были припасены парочка шоколадных батончиков. Воды я напилась из-под крана, надеясь, что прививки, сделанные в столице Конфедерации, уберегут меня от кишечного расстройства.

Ну а когда солнечный свет заплясал по комнате косыми лучами, я удовлетворенно осмотрела комнаты и улыбнулась. Пыль, грязь, мутные разводы, налипший

воск и беспорядок бесследно исчезли. Даже дышать стало легче. А страх окончательно растворился в физическом труде и удовлетворении от хорошо проделанной работы.

На всякий случай подперев дверь лавкой, я отправилась в купальню, где, скрипя зубами, залезла в каменную бочку.

* * *

В нижнем зале все еще валялись хмельные воины. Некоторые уже расплзлись по домам, другие задумчиво допивали остатки браги. Между ними лениво двигались прислужницы, пытаясь навести подобие порядка.

Краст мрачно переступил через лежащее поперек лестницы тело, пнул ногой пустой кувшин. И поднялся по ступенькам, надеясь, что пришедшая чужачка не залила слезами его спальню, и он сможет спокойно с ней поговорить. Хотя это вряд ли. Разговаривать спокойно девы не умеют, это Краст понял давно.

Дева из Конфедерации, надо же. Риар хмуро подумал, что и мечтать не мог о подобном «счастье». Да что там, ещё несколько лет назад такое и предположить было трудно. Краст никогда не интересовался миром за Великим Туманом. Честно говоря, даже соседние фьорды мало его беспокоили. С Дьярвеншилом бы разобраться.... И сейчас риар испытывал огромное желание запереть навязанную невесту где-нибудь в подземелье до самого дня солнцестояния, чтобы не видеть ее и не слышать. Он скрипнул зубами, сожалея, что не может так поступить. И поморщился, толкая дверь в свои покои.

Только бы эта дева не начала голосить да жаловаться на свою несчастную судьбу. Это Краст

ненавидел еще сильнее!

Железная дверная ручка повернулась, но створка не сдвинулась с места. Краст нахмурился. Она что, заперлась изнутри? Хотя это верно. Ночью сюда вполне мог подняться какой-нибудь хмельной воин... Что ж, капля разума у девчонки имеется. И риар надеялся, что этой капли окажется достаточно, чтобы чужачка вела себя благоразумно и не лезла к нему. А самое главное — чтобы к концу месяца дева все так же желала уехать из Дьярвеншила, а не вознамерилась надеть пояс жены!

Краст, тяжело вздохнув, потер заросший щетиной подбородок. Пожалуй, лучше придержать зов до дня зимнего солнцестояния. А то не дай Перворожденные, зацепит ненароком чужачку, та и захочет большего. Решит задержаться в Дьярвеншиле, чтоб ее пекло Горлохума сожрало!

Риар содрогнулся, лишь представив это.

Хмыкнув, Краст приложил ладонь к стене, и камень послушно разошелся, повинуясь воле риара. Он шагнул внутрь спальни и застыл, ошалело осматривая незнакомое место. Нет, кровать он все же узнал, хотя аккуратно разложенные шкуры и внушали сомнения. Но разве у него был такой стул с синей обивкой? Или стол из темного дерева? Или блестящие в свете солнца подсвечники? И кстати, почему здесь так много солнца?!

И лишь груда мусора и грязных тканей у двери подтвердили смутное подозрение, что спальня все-таки его. Просто до скрипа чистая. До тошноты отмытая и до непривычного убранная. Почему-то это разозлило так, словно Краста лишили его личного мира, хотя он сам поселил деву сюда. Но великий Горлохум и проклятое пекло. Он и подумать не мог, что за один день это место превратится... в нечто чужое!

Голова риара дернулась на звук падающей воды, и губы растянулись в злой усмешке. А вот и причина

ярости. Сейчас он быстро отобьет у своей нареченной желание прикоснуться к его вещам!

Дверь в купальню поддавалась легко, и риар вошел в помещение, наполненное паром. Остановился, склонил голову. Дева стояла спиной к нему в бочке, отжимала волосы. Капли тяжело падали с прядей на камень — кап-кап, и Краст как-то оторопело проследил, как они разбиваются. А потом снова уставился на узкую бледную спину, тонкую талию, переходящую в тощие бедра и худые ягодицы. Хмыкнул. Сзади чужачка оказалась похожей на полудохлую птицу — бледная до синевы, тощая до торчащего хребта и совершенно неаппетитная.

Услышав его, девушка резко повернула голову, и в свете солнечного луча Краст увидел резко сузившиеся зрачки в светло-серых глазах. Губы чужачки гневно сжались, но вместо того, чтобы вскрикнуть, она резко взмахнула рукой, и в лицо мужчины полетел мокрый комок. Риар легко отклонился и уставился на деву с изумлением. Она что же, кинула в него какой-то тряпкой?!

— Убирайся, — прошипела чужачка, соскальзывая в воду и оттуда яростно сверля его взглядом. — На фьордах принято вламываться к незнакомым девушкам? И как ты вообще вошел, я ведь закрыла дверь!

Краст шагнул ближе, склонился, разглядывая рассерженное личико чужачки и совершенно не обращая внимания на ее ярость. И снова хмыкнул. Его невеста была... никакая. Блеклая, почти прозрачная, совершенно невзрачная. Неудивительно, что Краст ее совсем не запомнил. Нечего тут было запоминать. Дева казалась льдом — серым и безжизненным, медленно тающим в мутной воде. Широко расставленные, словно слегка удивленные глаза светло-серого цвета, бледная кожа и волосы — тоже серые, сейчас прилипшие к

голове. Тонкая, птичья шея, острые ключицы и тень маленьких грудок под водой. Ни одной яркой детали — ни румянца, ни манящих губ, ни дразнящих глаз. Пройдешь мимо — и не увидишь, словно призрак, тень. Не женщина, а насмешка одна. Сейчас она особенно напоминала морскую морь — бледную полупрозрачную деву из легенд, живущую в водах фьордов. И вот это выбрал в жены папаша?!

Злость обожгла нутро, и Краст мотнул головой, прогоняя внезапное и ненужное чувство. Опустил взгляд на тонкие пальчики, что вцепились в край бочки. Девушка смотрела гневно, но он уже ощутил ее страх, который нареченная пыталась спрятать. И не удивительно. Она совершенно беззащитна, захоти риар — смог бы сделать с ней что угодно. И они оба это понимали. Вот только боялась чужачка зря, Краст-то точно не захочет, что тут хотеть?

— Я под защитой Конфедерации, — словно прочитав его мысли, прошептала ненужная невеста. — Не смей меня... трогать.

Ильх поднял удивленно брови.

— Упаси Горлохум, — хмыкнул он. — Тут мне бояться надо, если уж честно. В твоей Конфедерации все такие... хм, бледные?

— Страшные хотел сказать? — Светло-серые глаза сузились и потемнели, губы скривились, и Краст с досадой подумал, что вот сейчас точно расплачется. Но к его удивлению, дева лишь вздернула голову и прищурилась, словно позабыв, что стоит обнаженная в воде.

— Какая есть. Я за тебя замуж не собираюсь. Я вообще замуж не собираюсь!

— Не представляешь, как я рад!

— Уже представила, — прошипела она, сжимая кулачки. — И раз мы это выяснили, то будь добр — проваливай. Я хочу выйти.

Краст насмешливо улыбнулся, выпрямился и вышел из купальни. Вернулся через минуту, швырнул на пол платье.

— Оденься, — бросил он. — Ты мне аппетит портишь. А нам надо поговорить.

И снова ушел, без стука закрыв дверь.

Глава 7

Я на миг закрыла глаза, переживая то, что сейчас произошло.

Хотя что сейчас произошло? Он просто на меня посмотрел. Ну и скривился еще... Почти до крови закусила губу, успокаивая бешено стучащее сердце и все еще видя перед глазами мужские глаза. Странные, пугающие, разноцветные глаза. А ещё насмешливые, слегка презрительные и равнодушные.

И разве мне не все равно?

Я вскинула голову и яростно плеснула в лицо водой. Сама знаю, что бледная и худая. Ну так что же. Плевать мне на мнение этого ильха. Да кто он такой? «Мне бояться надо...» Это он что же, решил, что я сойду с ума от его задницы и необычных глаз да повешусь на шею с воплем «Возьми меня, я твоя навеки?!» Да в гробу я видала такого самовлюбленного и наглого... варвара!

Что б он провалился!

Прогнав злостью печаль, я вылезла из каменной бочки и до красноты растерлась полотном. Натянула на влажную кожу платье и все-таки вышла, решив, что наглец прав — нам нужно поговорить.

Краст стоял у окна и на меня даже не обернулся, так что дышать стало легче. Но я все же отодвинулась подальше, видя напряженную спину мужчины.

Он повернул голову, и я вздрогнула от недовольства в его глазах.

— Разве я не говорил, чтобы ты вела себя тихо? — задумчиво произнес он. — И разве просил трогать мои вещи?

— Твои вещи? — непонимающе моргнула я. — Ты о комнате? Но я всего лишь убрала здесь...

— Я сказал — сиди тихо и ничего не трогай! — рывкнул мужчина, а я подскочила.

— То есть сиди в свинарнике? Извини, но я не привыкла...

— Если не привыкла, надо было оставаться в своей Конфедерации!

— Я приехала не к тебе!

— Вот только возиться с тобой придется мне!

— Возиться? — от злости я сжала кулаки, ощущая желание треснуть этого придурка по голове. Правда, такой может и сдачи дать, а я это вряд ли переживу. — Не сильно-то ты напрягался. Оставил меня в загаженной комнате и даже не сообщил о моем приезде своим людям? Я с утра не могу отсюда выйти, даже чтобы еду найти. Потому что внизу орут пьяные мужики. От такой заботы сдохнуть можно, риар Дьярвеншила!

Его лицо исказилось, кажется, Краст хотел заорать, но лишь выдохнул. Склонил голову на бок, прищурился.

И рывком встав, подошел к двери.

— Брида!!! — от крика риара я подпрыгнула, но сдержала желание заткнуть уши. — Брида, живо иди сюда!

Перепуганная служанка возникла на пороге уже через минуту.

— Что-то случилось, мой риар? Ой, а что здесь случилось?. Что это с комнатой-то?

— Она чистая, — фыркнула я. — Постарайтесь запомнить, как это выглядит. Вот так, видите? А не так, как вы считали раньше!

Оба — и Краст, и прислужница повернулись и уставились на меня с таким видом, словно внезапно заговорила оскаленная медвежья морда, висящая на стене. Жуткая, кстати.

— Да что себе позволяет эта... — начала женщина, но риар оборвал.

— Молчать. Разве Лурд не приказал тебе с утра накормить мою... гостью?

— Так спит Лурд, — хмыкнула служанка. — Хлебнул с утра браги и снова уснул. Да и мне некогда, — буркнула Брида, косясь на меня с неприязнью. — Дел-то полно, я еще даже не...

— Ты меня плохо поняла? Еду неси, — голос ильха вдруг утратил эмоции, стал спокойным и равнодушным. Но почему-то именно эта перемена вдруг отозвалась в прислужнице страхом, и я увидела, как она вздрогнула и попятилась. Краст стоял, не двигаясь, полубоком ко мне, и тень скрывала его лицо, но почему-то женщина побледнела и спиной вывалилась в коридор.

— Так я сейчас... я мигом... зачем же сразу... сейчас!

На хлопнувшую дверь я посмотрела с некоторым недоумением, не понимая, чем вызвана такая перемена в старухе. Краст ещё мгновение постоял спиной, а потом снова подошел к окну.

Не прошло и нескольких минут, как дверь снова открылась и вбежала Брида. Бухнула на столик тяжелый поднос и снова унеслась, испуганно косясь на мужчину. На меня она даже не посмотрела.

— Ешь, — не поворачиваясь приказал Краст.

Я пожала плечами, хотя он на меня и не смотрел. И присела возле стола, с вожделением оглядывая подношение. На деревянном подносе теснилось несколько не совсем чистых тарелок с холодным, подсохшим мясом, большая тушка пучеглазой и жутковатой рыбы, плесневелый сыр и две крохотные лепешки. Очевидно, на скалистой полоске земли, зажатой между горой и морем, зерно в дефиците. В центре возвышался кувшин, до краев наполненный темным напитком и судя по запаху — хмельным. Вилки и ножа не наблюдалось. Как и кружки или стакана. И честно говоря, выглядело все настолько неаппетитно,

что я всерьез задумалась, действительно ли голодна или можно и потереть?

Пока я думала, ильх подошел и, не церемонясь, схватил с подноса кусок мяса и хлеб, сунул в рот. Следом отправил часть рыбы и сыр, прожевал, рассматривая меня. Подхватил кувшин и сделал глоток прямо из горлышка, бухнул обратно на стол, расплескав. Я в каком-то ошалелом изумлении глянула на оставшуюся лепешку, теперь изрядно смоченную хмельным варевом. В той же лужице плавало мясо и сыр.

— Если не хочешь помереть в Дьярвеншиле от голода, то не стоит медлить, чужачка, — обронил Краст, вылавливая в лужице еду. Я сглотнула, уставившись на его пальцы и прогоняя от себя мысли о гигиене. Интересно, этот варвар руки мыл? Не то чтобы сейчас, а в принципе... когда-нибудь?

Насупившись, я всмотрелась. Надо признать, ильх, одетый в кожаную безрукавку, штаны и сапоги, выглядел чистым. На рельефном предплечье темнел железный браслет, на шее — обруч. Поджарое тело снова напряженно, словно к удару готовится... Длинные волосы убраны назад, кончики влажные. Интересно, где риар успел освежиться? Перевела взгляд на мужские ладони — широкие, с сильными длинными пальцами и короткими ногтями. Вот последние явно нуждались к обработке, похоже, ильх избавлялся от отросших кончиков единственным знакомым ему способом — обгрызал!

Пока я думала, еды на подносе стало втрое меньше, а мой живот издал жалобное ворчание.

— Будем считать вино за дезинфекцию, — пробормотала я, успокаивая себя. Рыбу, глядящую на меня выпученными глазами, я исключила из списка съедобного сразу. И со вздохом подцепила лепешку с кусочком мяса. Сдула невидимые соринки и сунула в

рот. Вкусной эту еду назвать было сложно, но я так проголодалась, что решила не придирааться. И не медлить, как мне и посоветовали. И когда ильх потянулся за последним куском мяса, проворно выхватила его первой и сунула в рот. И сыр тоже.

Краст моргнул и уставился на меня с таким непередаваемым выражением, что я чуть не подавилась.

— А вот забирать что-то у риара в Дьярвеншиле опасно для шеи, — протянул он.

— Я всего лишь следую твоим любезным советам, — проглотив, сообщила я.

— Каким советам? — подозрительно прищурился он, а я снова вздохнула. Да уж, придется нелегко. И надо бы изъясняться проще, чтобы меня не сожгли на костре за какое-нибудь словечко.

— Дружелюбным, — хмыкнула я. И сунула в рот последний кусок сыра.

Риар моргнул, и его губы искривились в усмешке.

— А ты шустрая, чужачка.

— У меня три младшие сестры, с ними не расслабишься, — сообщила я. — И я приехала на фьорды не для того, чтобы умереть от голода!

Упоминание о приезде мигом испортило ильху настроение, и он нахмурился.

— Это правда, то, что ты сказала? — резко бросил он. — Что ты не желаешь замуж?

— Истинная, — подтвердила я, доедая хлеб.

— Поэтому и выбрала в женихи моего отца? — догадался Краст. — Хотела скорее стать вдовой?

— Я не собиралась становиться даже женой, — сухо сказала я. — И когда решила на переселение, почти всех женихов уже разобрали. Ну и, как ты верно заметил, я далеко не красавица. Ну а Ингольф был далеко не молод. Я подумала, что мы сможем вполне спокойно просуществовать рядом положенный по

договору месяц... А потом я с радостью покину Дьярвеншил.

— Зачем же ты тогда приехала? — темные брови хмуро сошлись на переносице. — Разве не для этого сквозь Великий Туман идут ваши женщины? Чтобы обрести семью и мужа. И если тебе это не нужно, то что ты ищешь на земле моря и скал?

Я перевела взгляд на стену, делая вид, что меня больше всего интересует рисунок камней и трещин. Я ждала этого вопроса и готовилась к ответу. И все же, услышав, на миг запнулась. И ощутила, как поднимается внутри страх — колючий, жалящий.

Но лишь на миг.

— Всегда мечтала увидеть потерянные земли. С самого детства грезил фьордами и, когда началась программа переселения, решила осуществить свою мечту!

Ложь я выпалила на одном дыхании, даже не запнувшись. Уж если лжешь, то лги на совесть, чтоб не пришлось потом краснеть... И вроде прозвучала она правдоподобно. Или нет? Но ведь ильхи не знают конфедератов, так с чего бы этому мужчине усомниться?

Он и не усомнился, кивнул.

— Понятно. И как ты собиралась жить, если не выйдешь замуж?

— Комиссия обещала каждой переселенке защиту, — мрачно произнесла я. — И после отказа выходить замуж я могу поселиться, где захочу.

— Кроме Дьярвеншила, — жестко отрезал Краст. Выпрямился и шагнул ко мне, я постаралась не вздрагивать. Все-таки, когда на вас надвигается ильх — дикий, хмурый, со спутанными черными волосами и матовым обручем на шее — любой станет не по себе. — В день зимнего солнцестояния ты откажешься от замужества и покинешь мою крепость. Все поняла?

— Да с удовольствием, — буркнула я. — Надеюсь, на фьордах найдется место... почище!

В темной глубине мужских глаз мелькнуло облегчение, и я отвернулась.

— Так будет. И запомни законы моего дома, нареченная, — он вдруг склонился, уперся ладонями в спинку моего сидения. — Веди себя тихо и незаметно, чем незаметнее ты будешь, тем лучше для тебя. Занимайся чем хочешь, но постарайся не попадаться мне на глаза. Не заставляй меня повторять.

— Я запомнила с первого раза, — огрызнулась я. Как ни старалась сохранять спокойствие, а все же злилась. От недружелюбного приема и столь явного недовольства в глазах ильха.

Он прищурился, всматриваясь в мое лицо.

— Я слышал, что девы из-за Тумана наглые и невоспитанные. Ходят в постыдной одежде и живут в разврате.

Я изумленно открыла рот. И вот этот варвар, который при первом же знакомстве продемонстрировал себя во всей красе, обвиняет меня в разврате?. С ума сойти можно!

— Зато купаются каждый день, — отбила я. — И пахнут приятно. Это все вода и мыло, знаешь ли. Попробуй как-нибудь...

— То есть я воняю? — он так сжал пальцы на деревянной спинке стула, что я испугалась — сломает. Стул, конечно. И осторожно отодвинулась, хотя дальше было некуда.

— Ну не то чтобы очень...

— Ты меня что же, упрекаешь? — он даже удивился.

— Да упаси... перворожденные! — припомнила я местный культ. — Если вам тут, в Дьярвеншиле, нравится барахтаться в нечистотах — дело ваше. Я уж как-нибудь потерплю месяц, что же делать.

— В нечистотах? — угрожающе переспросил риар, но я лишь выше задрала нос.

— Вчера я увидела именно это.

— Вчера был праздник! — рявкнул ильх, теряя терпение. — Последний пир. Ты ничего о нас не знаешь, чужачка. Но уже начала судить. Так делают люди из-за Тумана или просто глупцы?

Я ахнула, поразившись тому, как ловко этот полуголый варвар все повернул. Значит, я же еще и глупа? Вдобавок к невразумительной внешности!

— Я лишь говорю то, что видела! — прошипела я, вжимаясь в спинку сидения. Ильх нависал сверху, и чувствовала я себя более чем некомфортно. Сразу пришло понимание, как плохо быть зверем в капкане. Он склонился еще ниже, так что я рассмотрела крапинки в разноцветных радужках.

— Меня не волнует твое мнение обо мне или Дьярвеншиле, чужачка, — прошипел Краст. — Молчи и не зли меня. Ясно?

— Дышать можно? — мрачно выдавила я и подняла ладони. — Все-все, ясно.

Он выпрямился и смерил меня хмурым взглядом.

— У тебя дерзкий язык, дева, — уронил риар.

— Ну да, — легко согласилась я и улыбнулась. — К тому же, я страшная, ты уже говорил, можно не повторять. На этом все?

Краст свел брови, рассматривая меня. И, стремительно отвернувшись, шагнул к двери.

— Скоро соберутся главы родов Дьярвеншила, и я при всех назову тебя нареченной. Забудь, откуда ты родом, для всех ты дева с далеких северных островов. Приготовься и оденься. Надеюсь, ты способна выбрать достойное одеяние, дерзкая дева?

Я промолчала, что сам ильх, не смущаясь, разгуливал передо мной без одежды. Тоже мне, поборник морали!

— По условиям переселения, каждая потенциальная невеста оставляет за Туманом не только предметы обихода, но и вещи, — злорадно отрапортовала я. И, увидев, как снова сузились глаза ничего не понявшего ильха, быстро пояснила: — Нам запретили брать свою одежду. А невесту должен одеть жених.

Жених слабо рыкнул.

— Брида покажет тебе кладовую. Будь готова.

И ушел, хлопнув дверью.

Я же задумчиво опустилась обратно в кресло и подперла рукой подбородок. Да уж, как-то по-другому я представляла себе переселение. «Невесты получают уважение, защиту и поддержку женихов, им обеспечат комфортную и спокойную жизнь, познакомят с традициями и нравами местного населения...» Ну да, познакомили меня уже. Хотя, если бы я дома знала о том, что увижу на фьордах, разве решилась бы я пересечь Туман? Вряд ли.

Вот только пути назад уже нет. А проводить время за бесплодными сожалениями я не привыкла. Лучше уж заняться делом!

Словно в ответ на мои мысли дверь снова распахнулась, впуская Бриду. Прислужница глянула недовольно, скривилась и махнула рукой.

— Риар велел показать тебе платья, — буркнула она. — Иди за мной, чужачка.

Я послушно отправилась следом. Прислужница шла на удивление быстро, так что я едва за ней поспевала. Неудобное длинное платье путалось между ног, а на пятке, кажется, образовалась мозоль. Не такие уж и удобные эти ботинки, кроссовки точно лучше. Но и тут поздно сожалеть.

Не без содрогания я спустилась в нижний зал и вздохнула, поняв, что хмельных мужиков здесь нет. Лишь лениво махали тряпками пара девиц, не убирая, а больше разгоняя пыль. Со стола исчезли пустые

кувшины и блюда с остатками пиршества, а в целом зал остался прежним — темным, грязным и неприглядным. Такой же была улица, на которую мы вышли. Правда, назвать ее так можно было с большой натяжкой. Узкое пространство между серыми каменными стенами, выбитый булыжник мостовой, подтаявший до жидкой кашицы выпавший ночью снежок, грязь и чахлые кустике, торчащие прямо посреди дороги. Их выкорчевыванием здесь точно никто не занимался. Так же, как и уборкой сухих листьев, кучей лежащей у домов, или принесенного ветром мусора. Я перешагнула через довольно внушительный ствол, непринужденно валяющийся поперек улочки, подобрала юбки, что бы не запачкать.

— Бесстыдница, — прошипела вдруг Брида. — Правильно говорят, нет у чужачек стыда. Чего ноги оголила, срам-то какой. Хочешь, чтобы все на твои колени пялились?

Я с недоумением оглядела сначала свои ноги, едва виднеющиеся из-под юбки, потом совершенно пустую улицу.

— Кто здесь будет пялиться?

— Мужики наши! — с ещё большей злобой отозвалась прислужница. — И принес же тебя Хеллехёгг на нашу голову. У-у-у, чужачка...

Бормоча себе под нос что-то ругательное, во что я решила не вслушиваться, Брида достала из-под короткой темной накидки тяжелую связку железных ключей и отперла низкую дверь.

— Здесь одежда, — ощутимо скрипя зубами, произнесла она. — Риар велел тебя впустить. Ух, будь моя воля... ну да погоди... Иди бери, чего встала?

Я пожала плечами, решив не обращать внимания на недовольную старуху. Осторожно переступила порог помещения. Внутри хватало света, льющегося из крошечных окошек. Осмотрелась. Вдоль стены

теснилось несколько сундуков, и я с любопытством откинула крышку ближайшего. В нос ударил тонкий запах какого-то растения, видимо листьями перекалывают ткани, что бы защитить от паразитов. Вот только не слишком успешно. Стоило вытащить наряд и стала заметна дыра, прогрызенная мышами. Второе платье оказалось в еще более плачевном состоянии и напоминало дырявый мешок из-под картошки. Осмотрев второй сундук, я и там нашла лишь старые, драные тряпки, которые точно нельзя было назвать «приличным нарядом для невесты». Да простое платье, которое выдали переселенкам на фоне этой рванины — вверх изящества и роскоши!

— Здесь есть другая одежда? — обернулась я к прислужнице.

— Бери, что есть! — теряя терпение, рявкнула Брида. — И шевелись давай, некогда мне тут с тобой. Думаешь, если риар велел, то я тут целый день расшаркиваться буду. Размечталась, бесстыдница!

Я отвернулась, решив не вступать в спор, хотя и не понимала такого отношения к себе. Хотя, может, тут со всем чужакам так разговаривают? Кто их знает, этих варваров... конечно, хотелось наглубить в ответ, но я сдержалась. Сейчас мне нужно разобраться в местных обычаях, а руганью с прислужгой я точно ничего не узнаю.

Открыла следующий сундук, но и тут настигло разочарование. Ничего красивого, нарядного или хотя бы целого. Тряпки... Старуха дышала за спиной, и я подумала, что неплохо бы наладить отношения хоть с кем-то в этом проклятом Дьярвеншиле!

Вероятно, злоба этой женщины лишь защитная реакция. Я для нее чужая, непонятная, к тому же разительно отличаюсь от местных — темноволосых и кареглазых девиц, вот прислужница и нервничает, не знает, как себя вести с пришлой девой. Так может,

стоит ей показать, что опасается она зря? И что я такая же женщина, растерявшаяся перед обрядом?

— Я не знаю, что мне выбрать, — приветливо улыбнулась я. — Ты мне не поможешь?

— Вот еще... — начала Брида, но осеклась. Верно, вспомнила наказ риара. Я изобразила еще больше дружелюбия, надеясь, что лицо не треснет от улыбки. Прислужница ответила хмурым взглядом, но ругаться не стала, и я сочла это хорошим признаком.

— Риар велел мне одеться красиво, я лишь пытаюсь выполнить его приказ. Так ты поможешь, Брида? А меня зовут Вероника. Знаешь, мне немного... непривычно ваша жизнь. У меня дома все иначе. И я не знаю, во что принято одеваться на такие события.

— Как это не знаешь? — не поверила прислужница.

— Совсем не знаю, — развела я руками, по — прежнему источая мед дружелюбия. — В моих землях нет таких обрядов. И невестой у нас становятся по — другому. А мне хочется выглядеть для риара красивой и надеть наряд, который его порадует. Так ты поможешь? Ведь ты наверняка знаешь все в Дьярвеншиле и тем более, как угодить риару!

— Знаю, а то, — купилась на мою лесть старуха. — Я-то с Ингольфом всю жизнь была, родня почти. И всегда он мне почет оказывал, не то что...

Старуха осеклась, а я быстро смекнула два факта: первое, нынешнего риара, Краста, прислужница не жалуется. И второе — лет ей немало, если вспомнить годы Инголфа. И надо сказать, для своих преклонных сохранилась старуха очень хорошо. Зубы на месте, движения быстрые, даже спина ровная. И восхитилась: вот это генофонд на фьордах. Даже завидно. Впрочем, отменные внешние данные ильхов я отметила сразу. Вероятно, воздух, не испорченный выхлопными газами, хорошо сказывается на здоровье!

Пока я размышляла, прислужница окинула меня задумчивым взглядом.

— Ладно, помогу, — проскрежетала она. Помедлила, словно не решаясь. И поковыляла к дальней стене, утопающей в полумраке. — Есть у нас платье. Да такое, что любую красавицей сделает. Такое, что всем невестам на зависть!

Скрипнула не смазанными петлями крышка короба, и, согнувшись, Брида зарылась в темное нутро сундука. А потом распрямилась и обернулась.

— Вот! — торжествующе произнесла она. — То, что тебе нужно!

— Ты так думаешь? — я окаменела на миг, а потом подошла несколько растерянно, рассматривая наряд. Да, это бесспорно было красиво. По белой ткани плелись алые и черные узоры — скалились драконы, сияли черной злобой глаза-ониксы, падал сзади тяжелый шлейф. Белое, красное и черное сплелось в этом наряде, и не понять, что было вначале — где ткань, а где искусный узор из цветных нитей. Это платье было прекрасным и ужасающе чуждым. Варварским. Диким. И совершенно мне неподходящим.

— Знаешь, я не уверена... — растерянно пробормотала я. В конце концов, я могу пойти в том, в чем приехала. Скажу, что не подобрала подходящего наряда. Вряд ли наши отношения с риаром станут хуже, ведь хуже уже некуда.

— Надевай! — припечатала Брида, отрезая мне путь к отступлению.

— Но...

— Сама помощи просила, а теперь нос воротишь? — скривила губы Брида. — Или тебе, чужанской деве, не по нраву наш наряд? Нет платья краше во всем Дьярвеншиле. Да что там. На всех фьордах краше нет!

В чем-то она была права. Я никогда не видела ничего похожего. Безумная красота. В таком одеянии

идти бы под венец черноглазой дикарке с волосами цвета ночи... Но уж никак не мне — бесцветной и бледной Веронике. Но красиво... Боги, как же красиво. И где-то внутри зреет желание хотя бы примерить такое великолепие. Явно же никогда в жизни подобное больше не надену.

Я тронула ткань — скользкая и тяжелая... Погладила, испытывая одновременно восхищение и страх. И улыбнулась — похоже, на фьордах эти два чувства так и будут идти рука об руку!

— Чье это платье?

— Ничье! — рявкнула Брида, сверкая из-под бровей черными глазами. — Давай, давай, стягивай свою одежонку, риар ждать не будет, а колокол уже звенит, чужачка!

В подтверждение где-то в отдалении звонко ударило: бом-бом!

— Скоро придут на зов риара почтенные мужи, усядутся, будут тебя, такую неповоротливую, ждать. Злиться будут. А бедной Бриде потом получай тумак, скажут, я виновата, что дева медлит. Снимай одежду, говорю!

— Ладно, ладно, уже раздеваюсь! — я поежилась, в приоткрытую дверь дул холодный ветер, а отопления здесь не было. Стуча зубами, стянула свое зеленое платье, и Брида торопливо накинула на меня алое. И закружила вокруг, оправляя и затягивая широкий кожаный пояс, плотно обхвативший мне ребра. С него свисали рядами черные бусины и глухо ударялись друг о друга при каждом движении. Варварское великолепие. Руки остались открытыми, как и верх груди. В высоких боковых разрезах виднелась светлая ткань нижнего платья, но при движении и она раскрывалась, оголяя ноги.

Бесспорно — красиво, только холодно. Я потерла покрывшуюся мурашками кожу, размышляя, можно ли

укутаться на церемонии обручения в плащ?

— Кажется, оно мне велико, — робко пробормотала я, пытаюсь заглянуть за спину. — Может я лучше...

— Так я сейчас вот здесь прихватчу... — бок кольнуло, и я подпрыгнула.

— Да не вертись ты, как детеныш йотуна. Стой спокойно! — прикрикнула прислужница. И не успела я уточнить, что это за детеныш такой, как она развернула меня к свету, обошла, разглядывая. — Вот так-то хорошо, вот так-то правильно. Пусть риар видит...

— Что видит?

— Что ты оделась, как надо. И вот еще...

Она толкнула меня на сундук, и я села, ойкнув. Служанка же, не церемонясь, дернула мой пучок волос, собранный на затылке, распустила пряди. Быстро разделила на две части, перекинула на грудь и перевила волосы красными лентами с такими же черными бусинами. Снова бросилась к полкам, схватила склянку, заполненную чем-то густым и темным.

И быстро провела по моим векам, осмотрела. А после одобрительно щелкнула языком.

— Вот теперь — все как надо, чужачка. Идем, не надо риара злить. Плохо будет, если он разъярится, ой плохо...

— А что будет? — снова не поняла я. Но старуха только мотнула головой и потащила меня прочь из кладовой.

— Стой, Брида! — попыталась хоть что-то разузнать я. — Расскажи, что это за церемония? Что мне нужно делать?

— Кричи погромче, — буркнула служанка. — Вот и все твоё дело.

— Кричать? — изумилась я. — Но зачем?

— Чтобы главы родов видели, какая горячая риару невеста досталась. — Брида глянула искоса и дернула

меня за руку. — Горячая да норовистая. Так что начнут поздравлять — кричи и возмущайся, поняла?!

Нет, не поняла. Ничего я не поняла. Но старуха уже волокла меня к башне, и оставалось лишь бежать следом. Все мое внимание сосредоточилось на складках платья, что так и норовили испачкаться, так что к башне риара я подошла красная от усилий и уставшая от этой борьбы. Как можно ходить в подобном наряде — я понятия не имела. Шлейф путался в ногах, цеплялся за все кусты и камушки, мигом окрашивался разводами, стоило не усмотреть. К тому же, сползла одна из лент с волос!

Хотела остановиться и отдышаться, поправить платье и прическу, попить, в конце концов. Ну и неплохо бы увидеть себя хоть где-нибудь, хоть в стекле, хоть в воде, раз зеркал здесь нет. Но стоило нам оказаться у дверей башни, как Брида втолкнула меня внутрь, не дав ни секунды передышки. Я ахнула от неожиданности и ввалилась в зал, который еще недавно видела пустым. Зажмурилась от яркого света. Осторожно открыла глаза. Разжала ладони, все ещё стискивающие подол. И тяжело сглотнула.

Глава 8

Зал изменился. Нет, он по —прежнему был довольно грязным. Но сейчас в углах горели широкие каменные чаши, на которых плясал огонь, безжалостно заливая помещение пронзительным желтым светом. Столы оказались сдвинуты, образуя пустое пространство, на котором я сейчас стояла. А у дальней стены сидело около трех десятков мужчин. Одеты в простые светлые рубашки или кожаные безрукавки, у многих на предплечьях массивные железные браслеты. Темноволосые, мощные, и на этот раз — трезвые. Перед каждым на столе — кубок. Больше ничего не было — ни закусок, ни кувшинов с напитками.

И все ильхи злыми, недовольными глазами наблюдали за моим приближением. Не понимая причин таких эмоций и моргая от рези в глазах, я сделала пару шагов и снова остановилась. Что я должна делать? Куда идти? О чем говорить?

И почему мне ничего не объяснили?!

Скользнула растерянным взглядом по чужим лицам. Снова моргнула. И зацепилась за знакомые разноцветные глаза. Краст сидел в центре, и я первый раз видела его полностью одетым. На плечах риара лежала белая звериная шкура, подчеркивая жесткое лицо, темные волосы и пронзительный взгляд. Пальцы Краста побелели на массивном кубке, который он сжимал в ладони. Миг — и железо смялось, а напиток плеснул на стол. И лицо ильха исказилось такой яростью, что я невольно попятилась, путаясь в расшитом шлейфе.

Рядом с хозяином башни хмурился парень со снежно-белыми длинными волосами, столь необычными среди темной масти остальных, что невольно

приковывал взгляд. И именно он положил ладонь на плечо Краста, когда тот дернулся, поднимаясь. Снежный что-то тихо сказал, и риар скривился.

Я стояла посреди ярко освещенного зала, под гневным и презрительным прицелом мужских глаз и ощущала себя ужасно. Ничего не понимая, сделала еще шаг назад, окончательно запуталась, ойкнула. Потянула шлейф, пытаюсь его расправить...

— Хватит! — рявкнул вдруг пожилой ильх. Его загорелое лицо изрезали морщины, но в темных волосах не было ни одной седой волосинки. И он вскочил, глядя на меня с такой неприязнью, что я ощутила ком в горле.

— Что это за йтонува проделка? Что за насмешка? Объясни, Краст!

— Это не насмешка, Манавр, — прозвучал ответ. — Почтенные мужи и главы родов Дьярвеншила, перворожденные осчастливили меня и послали невесту. Вернее, ее послали моему отцу, но он мертв. И как вы знаете... по закону фьордов его невеста становится моей нареченной.

— Вот эта чужачка? Но откуда она? Вы посмотрите на ее волосы. А лицо? Да помилует меня Великий Горлохум...

— Молчать! — рык Краста ударил в стены и отразился злым эхо. Пламя в чашах подпрыгнуло, словно живое, рассыпались оранжевые искры. Я дернулась в сторону, на миг показалось, что огонь желает спалить меня...

Блондин снова положил руку на плечо Краста, а я заметила черное кольцо на его шее, и если я правильно поняла объяснение Лерта, то именно мужчины с кольцом способны... сливаться с драконом. На миг перед глазами встала оскаленная черная пасть, и я покачнулась.

С другой стороны от Краста неподвижно застыл черноглазый молодой мужчина, на загорелых щеках

залегли белые пятна. Он смотрел на меня, не мигая, и я сглотнула, заметив и на его шее кольцо Горлохума.

Еще один дракон? Да сколько же их тут?

Гневный ответ Манавра снова привлек мое внимание.

— Ингольф выбрал эту деву в жены? Да кто она такая?

— Чужачка, — сказал другой мужчина, разглядывая меня прищуренными глазами. — Ингольф говорил об этом. Правда, не думал я, что он решится.

— Он решился, — хмуро бросил Краст. — Я видел договор. Ингольф-хёгг заплатил за деву выкуп — двадцать шкур совету хёггов и золото... родным землям невесты.

Кто-то в сердцах ударил кулаком по столу, подпрыгнули железные чаши и блюда. И снова на меня уставились со злобой. Я же лихорадочно обдумывала ситуацию. Так-так, значит, Ингольф ещё и заплатил за невесту. Причем, судя по перекошенным лицам присутствующих, немало. И не объяснить ведь, что я здесь не при чем и ту плату даже не видела!

— Чужачка станет твоей женой? — снова вскочил Манавр. — Ты же не допустишь этого, мой риар? Дьярвеншил не любит чужаков. А ты должен надеть пояс жены на деву, рожденную нашими скалами. Возращенную нашим ветром и морем!

— Значит, я должен выгнать невесту моего отца, так, Манавр? — вкрадчиво произнес риар. Ильх с готовностью кивнул, но скис, когда Краст добавил: — Выгнать, а завтрашним утром снарядить в Варисфольд хёггкар, чтобы уплатить долг — сто шкур.

— Сколько? — заорали, вскакивая ильхи. — Да где мы их возьмем?. Да в море эту деву и дело с концом...

— Заткнулись все! — Краст поднялся, обвел мужей тяжелым взглядом и снова вернулся ко мне. Гнетущая тишина повисла осязаемым, удушливым маревом. —

Дьярвеншил не будет ссориться с Варисфольдом из-за девы. А я почти память моего почившего отца, — на губах Краста появилась нехорошая усмешка. Ильхи отвели глаза, а я снова задумалась.

Несмотря на жарко горящий огонь, было холодно, хотя скорее меня знобило от страха.

Больше не глядя на воинов, Краст в несколько шагов пересек зал и, не церемонясь, сунул мне в руку тяжелый кубок, из которого пил до этого. На железе явственно виднелась вмятина, намекающая на жуткую, нечеловеческую силу ильха. Я непонимающе уставилась в темную густую жидкость, и Краст кивнул, мол — пей. Я и выпила, чуть не поперхнувшись. Напиток оказался пряным, горячим и хмельным, к тому же его было много. Но зато по озябшему телу мигом прокатилось мягкое тепло, и я почти перестала дрожать. А когда Краст снял с себя шкуру и накинул на меня, я невольно вцепилась в мех, грея замерзшие пальцы. Вскинула голову, встречаясь со взглядом странных глаз. О чем думал ильх, я не знала, лицо его оставалось хмурым и каким-то отрешенным. И почему-то снова стало холодно, несмотря на мех и согревающий напиток.

Краст нахмурился сильнее, рывком выхватил короткий нож, разрезал ладонь и провел рукой по моему лицу — ото лба до подбородка. Сладковатый запах крови ударил в нос, и горло свело тошнотой. Но Краст лишь прищурился, отбросил клинок и положил мне на голову тонкий обруч. Узкий венец лег тяжело, словно весил целую тонну.

— Беру Веронику под руку свою, принимаю в дом свой, называю своей нареченной и надеваю ей на голову венец, — бесцветно произнес Краст, а я удивилась. Он знает мое имя? Ну да, оно ведь написано в договоре о переселении...

— Ты называешь нареченной девку, что посмела надеть свадебный наряд Солвейг?. Думаешь, мы не

признали эту вышивку и эту ткань? Никто кроме Солвейг не мог сделать такое. А она нацепила на себя. Стерпишь такое оскорбление от этой чужачки? От той, что плюнула тебе в лицо? — выкрикнул, вскакивая, черноглазый ильх. Если бы не перекошенное от злости лицо, я назвала бы его самым красивым мужчиной, какого я только видела. Идеальные, мужественные черты чисто выбритого лица приковывали взгляд, как и широкие плечи, что не скрывала кожаная безрукавка. Его черные глаза казались жидкой тьмой — всепоглощающей и безумно манящей. Краст с его мрачностью и странными радужками выглядел скорее пугающим, чем привлекательным, а этот ильх мог бы стать героем моей девичьей грезы. Я чуть рот не открыла, разглядывая сей образец мужской красоты. Вот только эти потрясающие глаза смотрели на меня с такой откровенной неприязнью, что я поперхнулась. И с ужасом осознала слова ильха. Ну и еще то, насколько сильно меня подставила Брида. Свадебный наряд, значит... Чужой свадебный наряд. Так вот в чем дело. И если я честно начну лепетать: я не знала, это все прислужница, то лишь сильнее разъярю мужчин. Покажется, что я лишь пытаюсь свалить вину на несчастную старуху. И не объяснить ведь, что я не знаю местных нравов. Что понятия не имею, какое платье надела. Ведь Краст умолчал о том, что я переселенка. А значит, меня приняли за деву с фьордов!

Нет, я, конечно, девушка мирная, дружелюбная, но всему есть предел. Открыла рот, что бы объяснить, оправдаться, и... не издала ни звука. Гнев обжег внутренности и спалил страх. И стало просто противно, что я должна объяснять и каяться, хотя ни в чем не виновата!

Стиснула в пальцах проклятую расшитую ткань и высоко задрала подбородок.

— Ты можешь забрать венец, Краст, — это поднялся парень с белоснежными волосами. Его глаза в свете огня казались двумя хрустальными льдинками — светло-голубые и невыносимо колючие. Казалось, ещё миг, и этот ильх кинется на меня и придушит! — Оскорбление — это законный повод для отказа от нареченной. Долг твоего отца будет уплачен, если ты отдашь эту деву под шатю. Пусть ее заберет тот, кто согласен кормить деву, оскорбившую риара!

— Да кто на это согласится? Дьярвеншил не любит чужаков. Разве что в прислужницы ее... Ну, или согреет постель какому-нибудь безродному воину... Это оскорбление... Оскорбление!

Я похолодела. Не знаю, что означает эта шатя, но что-то подсказывало — ничего хорошего. Почему-то даже от слова у меня мурашки бежали по коже, и становилось дурно. Перспектива быть отданной ещё кому-то также не радовала. Какого демона? Да я вообще не собираюсь оставаться в этом проклятом Дьярвеншиле. Неужели этого и добивалась старуха Брида? Чтобы риар отказался от своих обязательств?

А может...

Мысль, пришедшая в голову, заставила похолодеть. А может, она это сделала по его приказу? Нарядила меня в платье неизвестной, но, очевидно, очень важной здесь женщины, чтобы риар мог отказаться от женитьбы? Тогда кричать «Я не виновата!» тем более глупо. Старуха будет все отрицать, и мне просто никто не поверит!

Рывком повернулась и гневно уставилась в глаза стоящего рядом мужчины. Чтобы сделать это, пришлось запрокинуть голову, все же ильх был значительно выше. Лицо Краста было равнодушно-спокойным, лишь расширенные при ярком свете зрачки выдавали его эмоции. Правда, понять — какие, я не могла. Злился ли

он? Или был рад, что нашел способ избавиться от проблемы в моем лице?

— По договору с твоим отцом, риар, я нахожусь под защитой моего дома, — негромко произнесла я, глядя в упор. — И могу либо стать твоей женой, либо уехать. И никак иначе.

Губы Краста насмешливо изогнулись. Если его и впечатлил мой намек на Конфедерацию и Совет хёггов, что присматривали за переселенками, то вида он не подал. Повернулся, осмотрел недовольно хмурящихся мужчин.

— Я все сказал.

— И ты вот так стерпишь оскорбление от девы? — прошипел черноглазый ильх, поднимаясь. Роста он оказался тоже внушительного... Красивое лицо исказила гримаса. — Что еще ожидать от того, кто рожден среди...

Движение Краста заставило меня вскрикнуть — слишком оно было быстрым, слишком стремительным. Вот риар стоит расслабленно рядом, а вот уже около возмущающегося красавца, хватает его затылок и с силой прикладывает к столу. Что-то чавкнуло, хрустнуло, а я судорожно сглотнула.

Черноглазый выпрямился рывком, сбросил руку Краста, сжал кулак. И я увидела, как растянулись улыбкой губы риара, словно он только и ждал удара.

— Я не стерплю оскорбление от своих воинов, Хальдор, — проговорил он. — И от тех, кто забыл, кто нынче риар в Дьярвеншиле. К тому же... не тебе говорить о Солвейг. Закрой свой рот и никогда больше не произноси это имя!

На лице ильха проступила такая ненависть, что на миг показалось — убийства не избежать. Но Хальдор лишь ухмыльнулся разбитыми губами.

Риар окинул взглядом притихших мужчин.

— В другой раз подумайте, прежде чем сказать о моей невесте.

— Воля твоя, риар, — глухо произнес Манавр. — Воля твоя, сила твоя, нареченная твоя. Признаю.

И с этими словами ильх поднялся, подхватив со стола кубок, а потом подошел ко мне и... плеснул на платье густую, темную жидкость. В нос ударил тяжелый запах крови и горьких трав, голова закружилась. Я ошарашенно уставилась на пятно, расползающееся по платью, безнадежно губя великолепный наряд. И пока я пыталась это осмыслить, ко мне приблизился второй воин и тоже плеснул на меня вонючее содержимое кубка. Я поперхнулась, совершенно потерявшись в эмоциях и непонимании. Что происходит? Почему они делают это? Да за что?!

А потом это действие повторил и третий воин, и следующий. Прекрасное платье повисло на теле мокрой грязной тряпкой, по рукам и ногам потекла воняющая гадость.

Я стояла, стараясь не дышать. Хотелось закричать, отшатнуться, сбежать. Но перед глазами вдруг всплыло лицо ухмыляющейся Бриды и ее слова: кричи, чужачка... И, видимо, от злости я сжала зубы, вскинула голову и уставилась в мерцающие глаза риара напротив. Краст смотрел мне в лицо — остро, внимательно. И почему — то внутри появилась уверенность, что все это — проверка, непонятный, непостижимый местный обычай, который я почти прошла, когда не закричала. Станный ритуал повторялся до тех пор, пока последний ильх, тот самый черноглазый, не вылил на меня дурно пахнущую жидкость. Плеснул в лицо, на губы, с усмешкой ожидая моего вскрика. Я прищурилась, глядя в темные злые глаза. А потом улыбнулась дерзко и демонстративно слизала с губы сладковатые капли. Ильх рвано

выдохнул и отвернулся резко. Швырнул пустой кубок на пол и, широко шагая, ушел.

Глава 9

А я осталась наедине с Крастом. И вздрогнула, когда ильх подошел — почти лениво, словно нехотя.

А потом схватил меня за подбородок.

— Твои глаза сухие и снова дерзкие, — протянул он. — Разве тебе не страшно?

— Страшно, — согласилась я. — Хотя больше противно. И холодно, здесь жуткие сквозняки. Зачем меня облили этой гадостью?

Он нахмурился, рассматривая мои глаза, а потом почему-то губы.

— Придержи язык, — протянул он, по-прежнему рассматривая мой рот. И ткнул пальцем в пятна на платье. — Кровь священной птицы, что слышит беду, горькие семена, снег и земля Дьярвеншила — вот то, что ты приняла сегодня. — Он скривился, явно не желая признавать мои заслуги, но все же добавил:

— Приняла достойно. Такую сдержанность трудно предположит в таком... хрупком теле.

Я сдержала улыбку и порадовалась, что не завопила и не позвала на помощь. Хотя кого мне было звать — то? А жизнь с сестрами, которые в детстве были похожи на бесенят, многому меня научила. Например, не паниковать и не орать, когда на тебя выливается нечто непонятное и вонючее. Подобное развлечение очень любила моя сестричка Ханна, сколько юбок и блузок она мне извела. В свое время я мечтала прибить мелкую проказницу за такое вредительство, а сейчас была готова расцеловать. Можно сказать, сестра выработала у меня привычку на большинство неприятных сюрпризов реагировать спокойно.

Но говорить об этом ильху я, конечно, не стала.

— Почему из всех платьев, валяющихся в сундуках кладовой, ты выбрала именно это. Оскорбить меня хотела? Думала ударить сильнее? Тебе рассказали про Солвейг, ведь так?

— Что? — искренне опешила я. — Нет. Это... — слова застряли в горле. Это не я? Глупо — то как звучит... и противно оправдываться.

— Что? — угрожающе мягко спросил Краст.

— Это... случайность. — Я осипла, но в глаза ему смотрела по — прежнему твердо. — Случайность. Я ничего не знала о Солвейг. И не знала, что, надев это платье, оскорблю тебя. Или других. Оно просто... красивое. Если честно, это единственное красивое платье в твоей кладовой. Все остальное больше похоже на тряпки для мытья полов!

Риар молчал, а я нервно облизнула губы, вновь ощутив сладость и горечь на них. Только лучше не задумываться, что именно оказалось у меня во рту!

— Красивое? Так просто?

— Да. Я лишь хотела... выглядеть достойно. И только.

Он разжал пальцы, и я выдохнула. Поверил ли? Да кто его знает, этого варвара. Сейчас, в свете пламени и пляшущих по стенам теней, я вдруг особенно остро осознала инаковость этого мужчины. Высокий, широкоплечий, с гривой темных волос и пугающим обручем в треугольном вырезе кожаной безрукавки, он был совершенно чужд мне. И, кажется, именно в этот момент я поняла, как сильно отличается жизнь фьордов от привычной. Больше нет цивилизации. Нет Конфедерации. Нет понятной и простой жизни. Есть фьорды. Мужчины с глазами убийц. Жуткие ритуалы. Драконы...

Я тяжело сглотнула. Кажется, Брида слишком сильно стянула мне ребра кожаным поясом... И, кажется, я сейчас грохнусь в обморок!

Краст нахмурился, всматриваясь в меня. Потом медленно кивнул, принимая ответ, и убрал руку. Я же попятилась к лестнице, уже мечтая закрыть дверь и остаться хоть ненадолго одной, без липких чужих взглядов, без осуждения, без... Краста. Но что — то, наверное, гордость, заставила меня остановиться. И, резко развернувшись на ступеньке, я бросила в мужскую спину.

— Раз я теперь твоя нареченная, то распорядись сшить мне новое платье. Чужое я больше не надену.

Краст поднял голову.

— Сама распорядись... нареченная. Венец я тебе надел, а дальше дело твое.

Сама? Я удержалась от желания взвыть. И как это сделать? Да меня здесь ненавидят. Разве послушают? Да и привычки у меня такой нет — распоряжаться. Никогда я не умела командовать другими!

Вот только просить этого гада не буду, и жаловаться тоже. Придумаю что-нибудь!

— Как скажешь, — кивнула я со всем возможным достоинством. И подумав, добавила: — благодарю тебя, мой... жених.

— Мой риар, — с насмешкой поправил Краст.

— Ну риар, так риар, — буркнула я, устав от всего. — Хоть крокодил, мне все равно... Тем более, что вы, похоже, родственники... дальние!

И, подхватив ненавистные юбки, я потащилась наверх, а уже через минуту закрыла за собой дверь комнаты. Прислонилась к стене, все ещё ощущая взгляд странных глаз, прожигающих спину.

А постояв минут пять и немного успокоившись, я осознала одну печальную истину — мне не во что было переодеться. Собственной одежды у меня не было, платье, которое выдали при входе на фьорды, осталось в кладовой. И что же мне теперь делать? Нужно вернуться, спуститься, пройти мимо ухмыляющегося

Краста, путаясь в юбке со шлейфом и ожидая гневного оклика, добраться до строения с сундуками и уже там найти свой наряд... Вот только что, если подлая Брида успела закрыть кладовую? Я ведь прекрасно помню железный замок и тяжелый засов!

В отчаянии осмотрела комнату. Что же делать? Честно говоря, от мысли, что я буду бегать вокруг башни в чужом свадебном наряде, заляпанном землей и кровью, становилось дурно. Ну уж нет, хватит с меня. Яростно скрипнув зубами, я развязала пояс, отбросила. Изогнувшись, дернула ленты на спине, одна треснула, не выдержав моего напора. Зато дышать сразу стало легче. От тяжелой мокрой ткани чесалась кожа, так что освобождалась я от нее, шипя и ругаясь. Вскоре у моих ног образовалась черно-красная лужица, влажно поблескивающая камушками. Туда же полетел венец с моей головы, почему-то даже смотреть на него мне не хотелось. Словно и он — часть чужого наряда и предназначен другой. Стоило лишь вспомнить, с каким лицом Краст надел его на мою голову... Но к демонам ильха. Скоро я освобожусь от него и от этого ужасного Дьярвеншила. Самое страшное уже позади. Расправила плечи и вздохнула с облегчением.

Вот только вопрос с моей одеждой все еще оставался открытым. Я обвела хмурым взглядом комнату. Может, соорудить наряд из занавески? А что, помнится, так сделала героиня в одной из моих любимых книг. Вот только героиня была красива и очаровательна в занавесочном платье, а я... Почесав нос и скривившись от того, что кожу стянуло коркой, я бросилась в купальню и здесь взвыла уже в голос. Воды не было. Нигде, ни капли. Железная труба лишь насмешливо фыркнула, бочка порадовала сухим дном.

И вот тут уже на самом деле захотелось расплакаться. Вот за что мне все это? Злые ильхи, ненавидящий меня риар, чужой свадебный наряд,

гадость, измазавшая мое тело с ног до головы. И что мне делать теперь? Во всем Дьярвеншиле не найдется никого, кто помог бы и ободрил!

Не позволяя себе отчаиваться, я стукнула ладонью по стене, приходя в себя. Хватить ныть, Вероника. Нет платья — пойду в шкуре!

Пытаясь не думать, что я сошла с ума или что напиток, выпитый на моей так называемой помолвке, оказался слишком крепким и ударил в голову, я стянула с кровати шкуры. Их было несколько — серо-белые, с густым шелковым ворсом. Что за зверь раньше красовался такой шубой, я не знала, окрас оказался мне незнаком, да и знаний в этой области явно не хватало. Может, какой-нибудь снежный барс?

Выбрала самую маленькую, понюхала мех и хмыкнула — сойдет. Намотала шкуру вокруг тела и закрепила все тем же кожаным поясом со свисающими бусинами. Покрутившись на месте и убедившись, что чудовищный наряд не свалится при движении, я довольно усмехнулась. Вот теперь я точно похожа на дикарку. Зато теплый мех и согрел, и почему — то придал немного уверенности. Может, удастся проскочить незамеченной, найти Бриду, потребовать вернуть платье и снова запереться в комнате? А там уже придумать, что делать дальше? Ну должно же мне хоть немного повезти в качестве компенсации за все пережитое?!

Вздернув повыше нос, я спустилась в зал, Краста там уже не было, и я вздохнула свободнее, начиная верить в свою удачу. Пусть мой фиктивный жених отправится куда подальше и, напившись местного пойла, там же и уснет. Да будет так. А мне главное понять, где искать подлую Бриду. Если следовать логике, то неподалеку от зала должна быть кухня или что-то похожее. Вряд ли закуски и напитки, которые я видела на столах, носят издалека. Да и сама башня

довольно большая, скорее всего, помимо общего зала и комнаты наверху, здесь есть и другие помещения. А внимательно осмотревшись, я обнаружила несколько дверей и даже лестницу вниз, предположительно в подвал. Две двери оказались закрыты, а третья легко распахнулась, впуская в меня в помещение, наполненное запахами подгоревший еды, едким дымом, от которого слезились глаза, и всевозможной кухонной утварью. Желудок тут же напомнил, что пора бы и подкрепиться, но прежде надо разобраться с прислужницей. Я сделала пару глубоких вдохов и даже порадовалась хмелю, слегка затуманившему разум!

Из-за огромной бочки выскочила фигура с подносом, развернулась ко мне... в тусклом освещении и дыму, я увидела, как дрогнуло лицо неизвестной мне девушки, как округлились светло-карие глаза. И, завизжав, кухарка уронила свою ношу. На доски пола выплеснулась густая горячая жидкость, я инстинктивно отпрыгнула.

— Йотун-шагун! — вопила кухарка так, что у меня заложило уши. — Йотун-шагун!!!

Не переставая голосить, девица нырнула за бочки. Я же, ничего не понимая, двинулась за ней. Йотун-шагун? Это еще кто? Или что? Обернулась слегка испуганно, но за спиной никого не оказалось.

— Эй? — неуверенно позвала я. — Ау?

Крик перешел в скулящий вой. Судя по звуку, девица забилась в узкую щель между широкими грубо сколоченными полками и стеной, там и голосила.

— Милости прошу, перворожденные... Огради от йотун-шагун... Пусть заберет она Ингрид и Боргу, а меня, Анни, стороной обойдет!

Я хмыкнула, поразившись «доброте» местной служанки. Значит, неведомых мне Ингрид и Боргу, вероятно, тоже местных девиц, не жалко, я себя вот очень даже!

Заглянула в тесное убежище и фыркнула. Девчонка оказалась совсем юной, не старше четырнадцати лет. И, похоже, ещё немного, и ее хватит удар, потому что круглое личико побелело, а на щеках расцвели багровые пятна. Увидев меня, склоняющуюся сверху, кухарка ойкнула, пискнула и вдруг бросилась мне в ноги.

— Не губи, великая йотун-шагун! — заорала она. — Семеро деток у меня, и все до лавки не долезают. От груди еще не оторвались. Не забирай меня. Возьми лучше Боргу, у нее и мяса побольше, и жира. А я худая, дохлая, болезненная...

— И деток семеро, — хмыкнула я.

Пигалица моргнула и часто-часто закивало!

— А может и больше, йотун-шагун. Маленькие все, есть просят, не губи...

Я с досадой поскребла макушку и увидела, как затряслась девчонка. А я вот не знала, плакать мне или смеяться. Понятно, что за неведомого йотуна приняли как раз меня. Нет, я, конечно, не красавица, но что — то подсказывает, приняли меня за местное страшилище.

Очень лестно.

— Брида где?

— Мудрая йотун-шагун, грозная и справедливая! — истово закивала головой девчонка, все ещё ползая где-то в районе моих ступней и боясь поднять голову. — Правильно, Бриду заberi. Она с жирком, потому что безбоязненно жрет еду риара, думает, раз Ингрид, кровинка ее, греет постель хёгга, так все и позволено теперь. Можешь и Ингрид как раз прихватить, а то хозяйкой ведь ходит, точно жена. Матушка йотун-шагун, заberi обеих, перворожденными молю!

И решившись, кухарка осторожно посмотрела вверх. Круглые карие глаза горели такой простодушной верой в собственную правоту, что я даже восхитилась. И правда, зачем брать тощего подростка, у которого

деток-то семеро? Или больше, я уже запуталась. Лучше Бриду с родственницей, которые изрядно эту милейшую деву достали... Но зато стала отчасти понятна старушечья ненависть. Похоже, это ее родню я видела в постели Краста в ночь прибытия. Что ж, с появлением нареченной ее жизнь в Дьярвеншиле могла сильно испортиться!

— Заберешь их? — с надеждой спросила Анни. — К себе, в дом из костей?

Я покосилась вниз и уже хотела ответить, как краем глаза заметила скользнувшую по стене тень. Отклонилась я на чистом инстинкте, не думая. Просто дернулась в сторону, и тяжелый топорик для рубки мяса рассек воздух совсем рядом с моей головой. Я грохнулась на пол, сбивая огромные кувшины и какую — то утварь, откатилась, вскочила... и развернулась к Бриде, что снова замахнулась.

— Умри, — сипло выкрикнула прислужница, вот только темные глаза блестели вовсе не страхом, как у девочки-кухарки, а холодным, но яростным торжеством.

— Стоять! — рявкнула я так, что сама замерла. Брида удивленно моргнула, но застыла с занесенной рукой. — Решила убить нареченную своего риара, Брида? — яростно бросила я. — Так? Знаешь, что тебе за это будет?

Я вот не знала, а прислужница — да. Потому что только сейчас в лице ее появился страх. И пользуясь этим, я сделал шаг назад, прячась за бочкой и стараясь не думать об угрожающе поблескивающем лезвии.

— Знаешь, знаешь. Риар при всех назвал меня нареченной, венец надел, а ты решила меня погубить? Ради дочки своей стараешься? Боишься, что риар ее из постели выгонит и закончится ваша сытая жизнь?

— Йотун-шагун стала нареченной риара... — со священным ужасом пробормотала девчонка-подросток.

И добавила совершенно по-детски: — Ой, ма-а-амочки, что делается!

Брида сжала зубы до побелевших скул. Я стояла, расправив плечи, не мигая, хотя от дыма кухни уже слезились глаза. Но задери меня демоны, если позволю этой старухе победить. Не для того я тащилась на клятые фьорды, чтобы сдастся немытой прислужнице!

Неизвестно, чем бы закончилось наше противостояние, вот только в кухне вдруг стало как-то светло и тесно. А на руку Бриды легла мужская ладонь, выхватывая топорик.

— Что здесь происходит? — с убийственной холодностью спросил Краст. За его спиной стоял беловолосый хёгг, рядом мрачный, бородатый здоровяк.

Брида охнула и вся разом как — то уменьшилась, ссутулилась, словно из нее выпустили воздух. В шоколадных глазах возник уже не страх — ужас. Какой — то дикий и первобытный, а потом плечи старухи опустились, и в лице разлилась обреченность.

— Я задал вопрос, — уже угрожающе повторил риар. Вздернув подбородок, повернулась к нему.

— Я пыталась найти помощницу, которая сошьет мне платье, — спокойно произнесла я. Припомнила имя девочки-кухарки: — Анни, ты шить умеешь?

— Конечно, шагун... ой, ну, то есть да!

— Вот и решили. Сейчас же пойдешь в кладовую, возьмешь там отрез ткани и приступишь к работе.

— Я? В кладовую? — девчонка высунулась из своего укрытия, блестя испуганными глазенками. — Да кто ж меня туда пустит?

— Брида тебя пустит, — перевела я взгляд на дрожащую старуху. — И пустит, и поможет выбрать хорошую ткань. Без дыр и плесени. Ведь так, Брида? Поможешь?

Тяжело сглотнув, прислужница кивнула.

— Платье, значит? — протянул Краст, переводя взгляд с меня на старуху. Я пыталась стоять ровно, прислужница нервно вздрагивала. — Почему в твоей руке был топор, Брида? И почему ты занесла его над той, кого я назвал нареченной?

Все тело женщины скукожилось, словно она желала стать не просто незаметной, а раствориться, исчезнуть...

— Я... я прошу... я не поняла... я ошиблась... Простите. Не признала вашу нареченную, решила, что зверь забрался. Темно здесь!

Я хмыкнула, не скрываясь. Ну да, темно. Потому что окна мыть надо, хоть иногда. И надо же, как врет старуха. Не стесняюсь!

— Зверь?

Краст перевел тяжелый взгляд на меня. И поднял брови, кажется, только сейчас заметив мой наряд. Снежный ухмыльнулся, бородач приоткрыл изумленно рот.

— Ну вылитая йотун-шагун, смилуйтесь перворожденные! — брякнул он.

Краст отчетливо скрипнул зубами. И бросил, разворачиваясь.

— Иди за мной, нареченная. А вы что встали? Не слышали, чем вам велено заняться?

Брида с Анни слаженно подпрыгнули и бросились куда-то вглубь помещения, я же глянула вслед старухе, но говорить ничего не стала. Вряд ли на фьордах слышали поговорку о мести, которая должна остыть, зато ее знаю я. Задумавшись, потащилась за мужчинами. В пустом зале Краст обернулся и рявкнул, ткнув пальцем в мое «платье»:

— Что это такое?

— Шкура, — буркнула я, отступая назад.

— Шкура? Какого йотуна навозного ты намотала на себя... шкуру!

— А что мне было делать? — разозлилась я. — Голой ходить? Так у вас тут окоченеть можно от холода. Нет у меня одежды, нет. Если ты не заметил, я приехала с одной сумкой. Ах да, не заметил, ты в тот момент очень занят был, мой риар. Единственное платье осталось в запертой кладовой, а красный наряд ты сам велел мне немедленно снять. Я и сняла, как видишь!

Краст моргнул и снова уставился на меня. И вот странно, казалось, что голубой глаз смотрит презрительно-холодно, а темный — яростно. И от этой двойственности создавалась жуткое и пугающее впечатление.

— Очень дерзкая дева, — протянул недовольно бородач. — Но говорит по делу. Лучше в шкуре, чем голышом. Дьярвеншил слушает ветер и бережет тепло.

Я взглянула на неожиданного заступника с удивлением.

— Кстати, мне казалось, что вышло неплохо, — осмотрела я свой наряд.

Беловолосый крикнул, здоровяк, имени которого мне так и не сказали, глянул изумленно. А Краст вдруг устало потер глаза и махнул рукой.

— Неплохо? Перворожденные меня проклинали... Рэм, покажи ей.

Снежный пожал плечами, взял со стола кувшин с водой и плеснул на стену. И не успела я изумиться столь странному действию, приложил ладони, и камни покрылись серебристым инеем, а после — льдом. Открыв от удивления рот и совершенно не понимая, как беловолосый это сделал, я шагнула ближе и ойкнула испуганно. Навстречу сделало шаг чудовище. Всклокоченные серо-красные волосы, окровавленное лицо, косматая шерсть и жуткие глаза, обведенные черной краской... И лишь попятившись, я осознала, что вижу свое отражение в заледеневшей воде.

— Жуть какая, — искренне сказала я, поворачиваясь, что бы рассмотреть лучше. — У-у-у, страшилище.

— Ты видишь себя, нареченная, — теряя терпение, рявкнул Краст.

— Так я поняла. О себе и говорю. Надо же, как погано я сегодня выгляжу, верно, ваш климат дурно на меня влияет. А говорили: хорошо на фьордах, свежо, море опять же...

Мужчины переглянулись. Здоровяк даже слегка попятился назад.

— Краст, ты прости, но... нареченная твоя того, кажись... ушибленная, — сиплым шепотом протянул беловолосый.

Сами вы тут все ушибленные, хотела сказать я, но глянула на здоровых, мрачных мужиков и промолчала. Ушибленная так ушибленная, мне же лучше. Какой спрос с такой?

Риар глянул зло.

— Рэм, Торкел, я поговорю с этой... с нареченной наедине.

Мужчины кивнули, а я запомнила — Рэм и Торкел, значит... И на всякий случай отошла подальше от риара.

— Если ты собираешься орать, то...

— Я собираюсь узнать, что на самом деле произошло в кухне, — оборвал Краст. — Говори.

Я задумалась. С одной стороны — отличная возможность поквитаться со злобной старухой. В конце концов, она и правда поступила ужасно, не только подставила меня с платьем, но и вполне недвусмысленно угрожала. С другой...

— Если Брида покусилась на жизнь нареченной риара, она будет наказана, — холодно произнес Краст. — Говори правду.

— И какое наказание ее ждет? — осторожно уточнила я. — Ну, если вдруг...

— Ее кинут в море со скалы.

— Со скалы? — опешила я. Мне, воспитанной на догмах гуманности и толерантности, сложно принять вот это спокойное — скинут со скалы.

— То есть... убьют?

Краст смерил меня хмурым взглядом.

— Да.

Я глотнула пересохшими губами холодный воздух. Смерть? И я буду виновата в ней? Даже если старуха и заслужила подобное, я не хочу отправлять ее на гибель. Я просто хочу переждать положенный месяц и убраться отсюда. И потому глянула твердо.

— Брида всего лишь обозналась. Ты и сам видишь, что я страшилище.

— И почему мне кажется, что ты врешь, нареченная? — медленно протянул Краст. — Когда речь идет о жизни, это глупо. Когда о жизни в Дьярвеншиле — глупо вдвойне.

Я пожала плечами. А он мягко шагнул ко мне и тронул пальцами подбородок, заглядывая в глаза. Гипнотизирующий взгляд разноцветных глаз пугал. Но я держалась.

— Странная ты, чужачка, — тихо уронил мужчина, хмурясь. — Говоришь непонятно. Ведешь себя и того хуже. То ли смеешься надо мной, то ли не понимаешь...

— Так я ушибленная, — буркнула я. — Как сообщил твой друг.

— Побратим, — все также рассматривая мое лицо, уточнил ильх. Держал он крепко, внимательно и как — то удивленно всматриваясь в меня. — И мой а-тэм. Помощник значит. Защитник. Он знает о тебе правду. А остальным говорить не стоит.

Последнее прозвучало с едва уловимым оттенком угрозы. Краст убрал руку и отступил.

— Теперь можешь просить, — бросил он.

— Что просить?

— Что хочешь за это, — он указал на мое лицо. — К нареченной нельзя прикасаться до свадьбы. А если мужчина не сдержался, то дева может просить любой подарок. Я тронул тебя второй раз, так что ты хочешь?

— Нельзя прикасаться? — Я так явно обрадовалась, что Краст нахмурился. Честно говоря, эта новость сама по себе была отличным подарком, но если уж таков закон... — А я могу попросить все, что угодно?

— Да, — хмуро уронил ильх. — Так что ты желаешь получить? Золото?

— А у тебя и золото есть? — изумилась я, красноречиво осмотрев грязный зал. — Так-то и не скажешь... Честно говоря, я думала, что в Дьярвеншиле с золотом не густо. С серебром тоже. Да и медяков, похоже, не сыщешь...

— Хватит! — оборвал Краст и я благоразумно заткнулась.

— Мне ничего не надо. Кормишь — и на том спасибо.

— Думаешь, я совсем нищий? — неожиданно разозлился Краст. Вот так и пойми этих мужчин! — Пара украшений для девы найдутся. Проси, — мрачно обрадовал мужчину, сверля меня разноцветным взглядом.

— Да не надо...

— Проси, я сказал, — уже угрожающе прорычал риар, а я попятилась. Ну надо же, еще никто так настойчиво не предлагал мне подарков. Придется срочно что — то придумать.

— Я хочу Анни! — выпалила я.

— Что?

— Девочку-кухарку, — пояснила я. — Хочу ее в это... ну, в услужение? Она поможет мне с одеждой и расскажет о Дьярвеншиле. Согласен?

— Ты и так можешь ее забрать, нареченная. Все прислужницы башни — твои после того, как я надел на тебя венец.

— Вот как? — я задумчиво почесала щеку и фыркнула, увидев засохшую кровь на пальцах. Надо все-таки найти воду и умыться, а то снова испугаю свою неожиданную помощницу. — И все же, в качестве подарка я возьму ее.

— Не украшение? — уточнил Краст. — Может, прежде взглянешь?

— Не надо. — Махнула рукой. — Так я могу идти?

— Нет. Ничего не возьмешь? Думай хорошо, нареченная, я не буду предлагать снова!

Я снова почесала нос и чихнула. И отрицательно мотнула головой. Объяснять, что мне не нужны подарки от человека, который мне никто и останется никем — не стала. И молча пошла к лестнице, придерживая свое одеяние.

— Кстати, а кто такая эта йотун-шагун?

— Ведьма. Злобная заклинательница, живущая в доме из человеческих костей. Это все, что осталось от людей, пожелавших узнать про йотун-шагун.

Я хмыкнула. Да уж, более лестного сравнения трудно придумать.

— И на тебе шкура йотуна, нареченная, — с усмешкой добавил Краст. Я снова потерла лицо и брякнула невпопад:

— Думаю, мне надо умыться.

— Надеешься, поможет? — ехидно спросил риар, и я уставилась на него с удивлением. Это он что же, пошутил? Ну надо же, у мрачного варвара есть чувство юмора? Да никогда бы не поверила!

— От схожести с йотун-шагун это вряд ли спасет, но хоть чесаться перестану!

И, взмахнув своим меховым платьем, я отправилась в комнату. Сзади донесся странный сдавленный звук. Неужели хмурый риар рассмеялся?

Но я не стала оборачиваться, что бы это проверить.

Глава 10

— Краст, ты там уснул с открытыми глазами? — вошедший Рэм отвлек от созерцания ровно горящего пламени в лампе.

— Что? А, нет... — риар повернулся к побратиму. — Скажи, ты вспоминаешь прошлое? То время, когда мы были похожи? У двоих темные волосы и голубые глаза, без кольца на шее... Ты помнишь то время?

— Я все помню, — мрачно отозвался ильх и отвернулся, не желая продолжать. — Вот только зачем вспоминать? То было плохое время, Краст. Голодное, злое. Оно прошло, и нам стоит радоваться. Мы с тобой прошли многое, и сейчас здесь, в Дьярвеншиле. Ты риар, я а-тэм, жизнь совсем неплоха.

— Прошло, — Краст задумчиво тронул огонь. — Но оно же сделало меня тем, кто я есть, Рэм. И ты тоже. Риар должен быть другим.

— Таким, как был твой отец? — непочтительно сплюнул Рэмилан.

Краст свел брови, не отвечая.

— Какой йотун тебя сегодня укусил? — вскинулся Рэм. — Хотя знаю. Это все чужачка. Разбудила бывшее, нацепила платье Солвейг. И ты снова думаешь о прошлом, о том, что нельзя изменить... О том, что пошло не так. Довольно, Краст. Я тоже помню. Я помню не хуже тебя. И мне тоже больно. Но ты все делаешь верно.

Краст скрипнул зубами и отвернулся. Подошел к углублению в стене, грязное, давно нечищенное нутро которого зияло чернотой.

— Я помню время, когда в этом зале всегда пылал живой огонь, согревая гостей. Ты помнишь, Рэм?

— Я никогда не любил пламя, Краст, — хмыкнул а-тэм и подбросил на ладони круглую льдинку. — Ты же знаешь. Хотя то время я помню. Это было тогда, когда на живое хёггово пламя в каменных чашах башни мы смотрели с тобой из-под лестницы, дрожа от ужаса, что нас заметят и снова высекут. Тебя этот огонь манил, словно глупого мотылька, а я вечно тащился за тобой, хотя моя спина ныла от палки не меньше твоей. Зачем ты вспомнил? Я не хочу возвращаться в прошлое.

Краст нахмурился. И правда — зачем? Время, когда ему было запрещено входить в эту башню, закончилось.

— Ты прав, — сухо уронил риар, — зря я вспомнил.

Побратим кивнул, глянул искоса.

— Кстати, твоя нареченная не так дурна, как ты говорил. Худовата, так это дело поправимое.

— Бледная морь, — сухо оборвал Краст.

— Бледная морь? Так ты ее называешь? — хохотнул Рэм. — Водяные мори считались красивейшими женщинами, брат, ты не знаешь сказок. Они всплывали над волной и заманивали воинов с хёггкаров в холодные глубины. Чужачка не похожа на дев Дьярвеншила, это верно. Наши отличаются темной мастью и крутыми боками. А чужачка иная. Но на нее приятно смотреть. На глаза, губы... Лунная дева. Да и ведет себя так, словно рождена в сияющей башне Аурольхолла. Говорят, старик Ингольф нюхом чуял лучших дев, сам знаешь... Не будь она твоей нареченной...

Рэм сладко зажмурился, а Краст ощутил внезапную вспышку раздражения.

— Если ты хочешь обсуждать чужачку, найди себе другого собеседника. А с меня довольно.

* * *

В комнате наверху оказалось темно, как в подzemелье. Только светлый квадрат окна радовал ориентиром. К тому же, в спальне было довольно холодно, и я укуталась в свою шкуру, решив, что меховой наряд в таком климате не такая уж и плохая идея!

От произошедшего внизу меня слегка потряхивало, все же я была не так спокойна, как хотела показаться. Да и какое уж тут спокойствие. Меня чем-то облили, чуть не убили, а потом еще и этот разговор с Крастом... Слишком много впечатлений для меня!

И вопрос — как действовать дальше? Что делать со старухой, которая вознамерилась меня извести? Может, попытаться ей объяснить, что мое проживание в башне — явление временное? Но риар запретил что-либо говорить. Да и вряд ли Брида поверит. Умом она не отличается, лишь злобностью. Была бы смекалистее, побоялась бы нападать в открытую на нареченную риара. Или... или и самого риара старуха считает помехой и за хозяина не принимает? Может, верит, что его правление тоже временное?

Неодобрение Краста явственно ощущалось и в мужчинах, главах родов. А старик Манавр и вовсе смотрел так, словно перед ним — прислужник, а не ровня и тем более не правитель.

Странно.

Я попыталась вспомнить фразу, царапнувшую меня внизу.

«Чего ещё ожидать от того, кто рожден в...». Договорить ильх не успел, но по лицам присутствующих скользнули глумливые усмешки.

Рожден где?

Я нахмурилась, пытаюсь разобраться, но понимая, что знаю недостаточно.

Положила ладонь на странное стекло, напоминающее лед. Руке стало зябко, вокруг пальцев

«стекло» просело, словно подтаяло... будто я в самом деле коснулась льдинки. Но ведь этого не может быть. Совершенно прозрачная, квадратная льдинка, впаянная в камень башни? Невозможно!

— Скажи это тому беловолосому, что сделал тебе зеркало, заморозив воду, — прошептала я, хмыкнув. Облачко пара коснулось странного льда и расцвело узором — линиями и завитками.

Я восторженно ахнула, снова подула — осторожно, едва-едва. И вновь проявился рисунок, словно распахнула крылья снежная бабочка. Миг — показала свои волшебные крылышки, еще миг — и пропала. Чудеса. Подула — и понеслись по снежной глади волшебные кони, полетели птицы и лепестки с облетающего дерева... невероятные картины, созданные моим дыханием.

Увлечшись игрой, я и не заметила, как открылась дверь и в спальню ворвалась девочка.

— Что ты делаешь, йотун-шагун! — вскрикнула она, увидев меня у окна. — Ой, то есть прости. Не губи. Не йотун-шагун, а нареченная риара, прекрасная лирин, чтоб меня перворожденные покарали за мой глупый язык, чтоб они его узлом завязали!

Я хмыкнула, разворачиваясь. А Анни торопливо сбросила на кресло свертки и поставила на стол лампу — внутри пузатого стекла, оплетенного грубыми железными ободками, ровно горело оранжевое пламя. Я поморгала, привыкая к свету.

— На чем горит этот огонь?

— На чем? — не поняла девочка, сноровисто подхватывая сброшенное на пол алое платье и складывая в аккуратный рулон. — Зачем ему гореть на чем-то? Это ведь живое хёггово пламя. Засыпает только, но встряхнул — и снова проснулось!

Я ничего не поняла. И задумчиво снова подула на стекло.

— Нельзя дышать на льдинку в окне! — всплеснув руками, воскликнула прислужница. — Дырка же будет!

— Дырка? — растерялась я, покосившись на остатки снежного сада на окне. — А почему?

— В твоих землях нет снежных хёггов? — с пониманием спросила девчонка. И деловито отпихнув меня от окна, потерла стекло краем своего рукава, стирая затихающее волшебство. — Они мастера делать такие вещи, то в окна льдинки наморозят, то вещицы всякие, красивые. Вроде и лед, а в руках не тает. Только дышать на них нельзя.

— Я не знала, — с сожалением глянула на окно.

— Так оно и видно, что ты чужачка, — хмыкнула девочка. — Говоришь не так, делаешь не так, и сама вся...

— Не такая?

— Другая, — дружелюбно улыбнулась Анни. Бояться меня девочка явно перестала и сейчас гладела с детской непосредственностью, но без враждебности. И я поневоле улыбнулась в ответ.

— А вот ты мне все и расскажешь. Чтобы я говорила и делала так!

Девчонка посмотрела с сомнением. И вздохнула так, словно ей предстояло как минимум спасти мир от глобальной катастрофы.

— Для начала тебя надо одеть, лирин. И волосы расчесать, а то снова напугаешь кого!

Тут я не могла не согласиться и покорно отправилась в уже знакомую мне тесную и темную комнатку с каменной бочкой. На этот раз железная труба фыркнула и выплюнула в углубление струю еле теплой и, кажется, не слишком чистой воды.

— Смотри, как замечательно, — восхитилась девчушка, — вода сама течет. И таскать из колодца не надо, и даже греть. Я и не знала, что у риара так все обустроено. Как в Варисфольде, ну надо же!

Я не стала комментировать детские восторги Анни, лишь глянула с жалостью. Дрожа от холода и зябко ежась, стянула свой меховой наряд и ступила под фыркающую струю.

— Холодно, — буркнула я, переступая с ноги на ногу на каменном днище.

— Сейчас тепло, — «утешила» девочка. — Вот через месяц хуже станет, ко дню зимнего солнцестояния. Тогда ветер и буран так воют, что и звери пугаются. Так что ты проси у нареченного больше мехов и нарядов!

— Не буду я ничего просить. Не муж он мне, что бы просить, — невнятно буркнула я, торопливо смывая с лица подсохшую грязь и кровь. Не муж и не будет им — уточнять не стала.

Анни воровато оглянулась на дверь, и склонилась к моему уху.

— Да что ты такое говоришь, лирин. Как жених венец надел — так надо действовать. И хитростью, хитростью! — жарко выдохнула она. — Риар к тебе до свадьбы прикасаться не смеет, так ты сделай так, что бы прикоснулся. Посмотри ласково, улыбнись, ненароком плечом тронь... или сделай вид, что падаешь, он и поймает. Или можно когда мужчина хмельной под одеялом ногу закинуть, или голову на грудь положить, а на утро сказать, что он сам. И за каждое прикосновение подарок взять — ткань там или украшение. А если под одеялом полежите без меча, то и вовсе — сундук с добром проси. Так что ты не робей, хоть первый раз неприятно, говорят... Но зато подарки. За месяц до свадьбы чем больше наберешь, тем лучше. Все так делают, ты не знаешь что ли? И украшать себя надо по — особенному, лицо красить, волосы завивать, чтобы больше даров получить. И ресницами, ресницами вот так. Жениху-то до пояса свадебного ничего нельзя, а он же мужчина. А у тебя и вовсе — черный хёгг. Он же без женской ласки никак не может. Огненный ведь...

Так что не удержится, тронет. Вот и дары тебе будут. Главное, не робей!

Я с изумлением уставилась на невинное дитя четырнадцати лет, которая учила меня, как разводить жениха на подарки. Глаза юной девушки сияли искренним желанием помочь и поделиться хитрой наукой. А я не знала плакать мне или смеяться на такое учение.

— Слушай, а ты откуда все это знаешь? — заподозрила я неладное. А то мало ли, вдруг в байке о семерых детях, ожидающих прислужницу, есть хоть доля правды? Ну хоть одна седьмая? — Ты что же...

— Я? — округлила глаза бывшая кухонная прислужница. — Ой, да кто же мне венец наденет, я же сирота. Меня риар не пометил и дочерью Дьярвеншила не назвал. Такую никто женой не возьмет, а без венца я сама к себе не подпущу, в нос дам и сбегу, если что. Это все прислужницы рассказывали друг другу, а я слышала. Я умею быть незаметной.

В ее голосе не прозвучало горечи, а мне вот стало грустно.

— Скажи, а что надо сделать, что бы стать дочерью Дьярвеншила?

— Полезной стать, нужной этому городу, — легко пояснила девушка. И сразу сбросила меня с небес на землю: — Только это лишь риар может определить. Была бы я мальчиком, могла бы пойти в воины, они получают имя и без риара, кровью и силой. А мне вот можно лишь надеется, что риар однажды захочет назвать вольнорожденной девой, подарить новое имя, свою кровь и защиту. Может, лет через двадцать я заслужу такую честь, если перворожденные будут ко мне милостивы.

Я хмуро уставилась на стекающую в дыру грязную воду.

— А как ты вообще в башню попала?

— Так прежний риар Ингольф-хёгг разрешил остаться две весны назад. Увидел возле хлева, я там у прежней хозяйки по хозяйству помогала, и велел в башню идти. Сказал, что пару лет подождет, а потом я пригожусь!

Я до хруста сжала челюсть, слушая болтовню девочки. И с ужасом понимая, почему старик решил оказать милость прислужнице. Анни была на редкость хорошенькой даже сейчас, а года через три расцветет в настоящую красавицу. Пару лет подождет? Вот сволочь старая. Да она же ребенок. Даже не понимает, чего избежала со смертью риара.

— А новый риар... — заранее холодея, спросила я. Кто знает, какие тут порядки?

— Жених твой? — удивилась девочка. — Он меня даже не видит.

Мы помолчали, пока я пыталась промыть волосы под брызгающей струей. И всерьез задумалась, не легче ли с такими условиями жизни вовсе отрезать пряди, что бы не мучиться. Останавливало лишь то, что на фьордах короткие стрижки не приняты, а я и так отличаюсь от местных. Боюсь, за модную ультракороткую прическу могут и побить!

Усмехнувшись своим мыслям, я снова плеснула в лицо и вылезла из так и не нагревшейся бочки.

— Вот, так-то лучше, теперь ты и не похожа на йотун-шагун, лирин! — радостно улыбнулась Анни и протянула мне тряпку, что бы вытереться. — И платье я тебе утром принесу, как почищу и пришью заплатки. И завтра же начну шить новое, ткань мне Брида дала.

— Она тебя не обижала? — всполошилась я.

— Что ты, лирин, после того что в кухне случилось, Брида сама не своя. Шипит, злится, но ткань мне выдала самую лучшую. И даже за волосы ни разу не дернула. И оплеухи не отвесила!

Я подумала, что надо рассмотреть вариант со сбрасыванием старухи со скалы.

— Почему ты называешь меня лирин?

— Так лирин ты и есть. Та, на кого риар надел венец. Лирин. А когда поясом обзаведешься, станешь женой. Или у нас говорят — венлирия. Опоясанная, значит. Мужняя.

Я закуталась в ткань, и мы вернулись в спальню. От одинокой лампы на стенах плясали тени и желтые всполохи, а я отчаянно моргала, пытаюсь рассмотреть больше в этом тусклом свете. Мне, жителю города, в котором даже улицы светились от фонарей, неоновых вывесок, экранов, телефонов и витрин, казалось невозможным жить в такой темноте. А вот моя помощница чувствовала себя вполне комфортно и порхала веселой птичкой, легко ориентируясь и без проблем находя нужные вещи.

— Садись сюда, лирин, — скомандовала она. — Тут теплее и из окна не дует. Волосы надо высушить, иначе ты можешь заболеть. А я пока принесу тебе ужин!

— Анни, кто такая Солвейг? — решила, наконец, я задать главный вопрос. Но девочка сразу сжалась, дернулась испуганно и зашептала, косясь почему-то не на дверь, а на каменные стены.

— Лучше тебе о ней не спрашивать, лирин. Лучше не надо. А то риар разъярится, а это всегда оканчивается плохо. Черная его ярость, страшная... Такая, что и йотуны бегут. Это имя нельзя произносить. Запрещено.

— Вот как? — я прикусила губу, но настаивать не стала. — А про хёггов можешь сказать? Сколько в Дьярвеншиле черных хёггов?

— Так двое, нареченная. Сам риар и Хальдор-хёгг.

— Хальдор? — перед глазами встало лицо черноглазого красавца. Да, так его зовут...

— Еще есть Рэм-хёгг, но он не черный, он снежный. Дьярвеншилу повезло. Сиди здесь, лирин, я скоро!

И не успела я опомниться, как шустрая прислужница притащила деревяшку, на которой лежал кусок вареной рыбы, несколько печеных картофелин и сухая лепешка. Еду я разделила с девочкой, поймав ее взгляд на доску и слегка погрызенную с одного бока картофелину. Очевидно, Анни не сдержалась, пока несла мне угощение. Есть ужин лирин Анни испуганно отказалась, так что пришлось приказать. Еда, показавшаяся мне пресной и невкусной, вызвала на лице девочки счастливый румянец и благодарную улыбку. А я ощутила, как внутри медленно, но верно разгорается злость. Внимательно осмотрела тощую фигурку подростка, и злости прибавилось.

Да что они здесь себе позволяют?

— Анни, ты что, голодаешь? — негромко поинтересовалась я. — Пожалуй, мне стоит поговорить с риаром...

— Что ты, лирин! — вдруг испугалась прислужница. — Вдоволь ем. Каждый день ем, ты не думай. Вот раньше, когда в хлеву жила, ела плохо, а сейчас — вдоволь. Только риару ничего не говори, перворожденными молю!

В круглых карих глазах возник такой ужас, что я снова нахмурилась.

— Ты его боишься?

— Так все его боятся, лирин! — выдохнула девочка, пугливо озираясь.

— Почему? — не поняла я. Конечно, Краст — не подарок, его трудно назвать дружелюбным, обходительным или приятным, но такой откровенный страх вкупе с неприязнью?

— Почему его все боятся?

— Так прОклятый же... — чуть слышно прошептала Анни.

— Кем проклятый? — не поняла я.

— Перворожденными! — и зажала себе рот рукой. А потом уже громко, в голос, заверещала: — Ой, болтаю тут с тобой, лирин, а дел, дел полно!

И кинулась к постели — перебирать шкуры и раскладывать чистое покрывало. Я скептически подняла брови, наблюдая такое демонстративное рвение. Понятно, что большего прислужница сегодня не скажет — боится и пока не доверяет. Ну ничего, не сегодня, так завтра, но я узнаю о местных тайнах. Пока же все, что я видела, лишь ужасало и вызывало внутри яростный протест!

Отодвинув поднос с остатками рыбы, я с сомнением покосилась на кровать, но идею ночевать на сундуке или лавке отбросила. Присела на кровать и погладила уже знакомый мех. Серо-белый, с невероятно длинным и мягким ворсом, ласкающим пальцы. За льдистым окном к этому времени окончательно стемнело, где-то наверху выл ветер, тихо посвистывал в воздуховодах и сквозняком гулял по полу. Холодно, голодно, неудобно. По стенам пляшут мрачные тени, снизу доносятся глухие мужские голоса...

Вот тебе и чудеса, Вероника. Чем дальше, тем чудесатее. Главное дверь подпереть, что бы совсем чудесно не стало!

— Ложись спать, лирин, — деловито велела девочка. — У тебя глаза, словно медом смазанные, липнут к щекам.

— Вероника, — поправила я, устав быть лирин. — Меня так зовут. Можешь звать меня Ника. — Я залезла под мех и зажмурилась от блаженного тепла, мигом укутавшего тело. — Расскажи мне еще о хёггах, Анни...

Глава 11

Черный зверь Лагерхёгг рожден был от железа и камня, в яйце золотом. Сила его велика и в скалах, и в небе, отзывается ему буря и грозовое ненастье. Черный хёгг — властитель небес и гор, и зов его родит самых сильных воинов и выносливых дев.

Белый зверь Ульхёгг родился от союза льда и сияния, в алмазном яйце. Глаза его видят сквозь толщу льда, отзываются ему хрусталь вершин, снега и ветра севера. А от зова Ульхёгга появляются люди, не боящиеся холода и плавающие стекло, что крепче алмаза.

Серый зверь Ньордхёгг вышел из пучины морской, и яйцо его там навеки осталось. От того водному хёггу легче жить в море. Хёгг этот вольный, и зов его слаб, оттого дети Ньордхёгга суше предпочитают свободные просторы водной глади.

Яйцо красного зверя Хелльхёгга треснуло в лаве и огне. Пробудился он злым и коварным, потому что жжет горящий уголь его шкуру от начала времен. И ярость этого зверя страшна так, что боятся ее люди от северного предела до южного острова. Ибо каждый ребенок фьордов знает: проснется красный зверь, издаст рев, и придет смерть. Потому что отзывается на зов красного хёгга Огненный Горлохум...

Это песни, что поют на фьордах, лирин. Но есть истории, которые можно услышать только в Дьярвеншиле. Они не о хёггах. Они о тех, кто был до хёггов, до людей, до Великого Горлохума. Это песня ветра, что приходит с гор, песня злого ветра... В его покрове прячутся серебряные звери, перед ними бессильны и потомки перворожденных... Злая гора, злой ветер, злые звери... Дьярвеншил помнит,

Дьярвеншил ждет... Слушай ветер, прекрасная дева, слушай ветер...

Слова тихой песни, что пела девочка, звучали и звучали, оплетали душу и разум шелковой паутиной. И было от этой песни одновременно тревожно и спокойно, словно стоишь на пороге невероятного, и стоит только сделать шаг...

Где-то на этой мысли я и уснула. И снился корабль, качающийся на волнах, и капитан с белозубой улыбкой, протягивающий яблоко, а потом — темное небо и чудовище, падающее сверху...

Проснувшись, хватая ртом холодный воздух. И не сразу смогла понять, где я. Лампа на столе не горела, лишь внутри пузыря тихо тлели искры. Вероятно, как и предупреждала Анни, живое пламя уснуло. В башне было тихо, даже снизу, из зала, не доносило ни звука. Густой полумрак окутывал комнату, лишь более светлый квадрат не зашторенного окна не давал тьме окончательно завладеть спальней. Мой сонный взгляд выхватывал углы сундуков, стол, фигуру у стены...

Фигуру?

Сердце подскочило и забилось где-то в горле. Кто это? Что это?. Там, где стояло чудовище, лежала густая тьма, куда не попадал свет лампы. И силуэт казался отпечатком на стене, нечетким рисунком.... Человеческие ноги, тонкие руки, тело, прикрытое мехом, жуткая рогатая голова, темная грива волос, спадающих до самого пола. И на миг показалось, что я даже вижу глаза — такие же жуткие, внимательно и остро глядящие на меня из мрака!

Да что это?

— Анни? — неуверенно прошептала я, надеясь, что девочка где-то рядом. Глаза слезились, и я заморгала — часто-часто, потерла веки рукой. Всмотрелась. Выдохнула. Тени лежали ровно, и не было никого в них.

Голая стена, рядом дверь в купальню. Померещилось? Почудилось после приснившегося кошмара. И только.

Зябко ежась, откинула одеяло и на цыпочках прокралась к столу, схватила лампу. Тряхнула, и внутри рассыпались искры, а едва тлеющий огонек взметнулся, освещая комнату. Нервничая и трясясь от холода, осмотрелась. Никого. Никаких признаков существа, причудившегося со сна. Прокралась к двери купальни, толкнула. Но и здесь было пусто. Я даже заглянула в каменную бочку, но она прятала в своей глубине лишь влажное дно.

— С ума можно сойти в этом Дьярвеншиле! — громко и сердито заявила я, что бы услышать свой голос.

«...сойти... уйти...», — ударилось от стен сухое шелестящее эхо. И почему-то снова стало жутко. И возникло острое, зудящее чувство, что на меня смотрят. Хотя в маленькой комнатке точно никого не было...

Я передернула плечами.

Немудрено, что мне не по себе. Чужой непривычный мир, странные ритуалы, пугающие порядки и песни. Наслушалась сказок на ночь и вот результат. Отсутствие света и ветер, постоянно воющий за окном. Да еще и чудовища, населяющие фьорды. Да от этого может начать мерещиться и не такое. Главное сохранять здравомыслие, а лучше вернуться в кровать и попытаться ещё поспать.

Однако снова уснуть не удалось. Так и лежала, завернувшись в теплый серебристый мех и глядя на медленно светлеющее окно. И обрадовалась, когда дверь тихо скрипнула, впуская Анни.

— Ой, лирин, ты уже не спишь? — девочка сгрузила на кресло ворох тканей. — А я как почуяла. И пришла вот. Помогу тебе одеться!

— Да я и сама могу... — начала, но увидев, как вытянулось лицо девочки, улыбнулась. Анни отчаянно

пыталась быть полезной нареченной риара, вероятно, для девочки-сироты такой поворот судьбы — большая удача. И расстраивать прислужницу мне не хотелось. Поэтому я безропотно позволила Анни облачить себя в нижнее серое платье, а сверху накинуть уже знакомое мне зеленое. Вот только что-то в нем изменилось!

— Что это такое? — недоуменно завертелась я, ощупывая наряд на боках и груди. Внутри, под тканью, обнаружились плотные валики, сухо шелестящие при надавливании. И располагались они как раз там, где у девушки находятся женские округлости — грудь и ягодицы!

— Анни! — заорала я.

— Так надо, лирин! — подскочила негодяйка, блестя карими глазищами. — Ты прости, но у тебя на боках мяса нет. И на груди тоже. А мужчины же не йотуны, им чтобы подержаться... А у тебя не за что, пусть свернется мой язык. Так ты и без подарков останешься!

— Немедленно убери это! — я стянула платье, гневно дернула набитый соломой мешочек, призванный обеспечить мне внимание мужчины и его подарки. Объемная имитация груди была пришита на совесть, сразу видно, что девчонка старалась!

— Лирин! — застонала Анни, пытаюсь отвоевать хотя бы филейную часть накладок. Но и ее я отодрала, хотя пришлось применить зубы. — Все пропало. Ну теперь Краст-хёгг точно не захочет с тобой возлежать! — чуть не расплакалась помощница.

И хвала перворожденным, решила я, но озвучивать не стала.

— Позволь хоть расчесать тебя, лирин!

Анни горестно шмыгала носом, симпатичное личико побледнело и пошло пятнами, в глазах блеснули слезы. Бедная прислужница искренне не понимала, почему глупая чужачка не желает придать своему телу нужных округлостей!

Я сжалась и покорно уселась на лавку у окна, позволяя себя расчесать. Девочка оживилась, бросилась за гребнем, трепетно провела вдоль прядей.

— Это тебе надо косы плести и в платья наряжать, — вздохнула я.

— Да мне-то зачем? — удивилась Анни. — Какие у тебя волосы удивительные, лирин, серебристые, как шкура йотуна... ой, прости. Я не хотела тебя обидеть. Просто цвет похож!

Я махнула рукой, показывая, что не обиделась. И задумалась — возможно, в этом цвете кроется еще одна причина неприязни местных жителей. Анни крутилась вокруг меня, тихо мурлыча под нос песенку, а я зевнула и расслабилась. Словно в прошлое вернулась. Туда, где младшие сестры тоже использовали меня вместо куклы, заплетали волосы и рисовали на лице «макияж». Ханни больше любила подвижные игры, а вот Илия — обожала возиться со мной, наряжать, укладывать спать, красить... Чем-то Анни неувовимо напоминала мою сестренку, верно, поэтому так сжималось сердце, когда я смотрела на девочку.

На миг накатила острая тоска по прошлому. По дому, где было шумно, но тепло, по родным людям, по смеху... Я прикрыла глаза, заново переживая счастливые моменты своей жизни. Как бы мне хотелось...

Вздохнула и распахнула ресницы, которые шустрая прислужница успела чем-то смазать.

— Нельзя трогать! — строго, как взрослая, приказала Анни. И быстро намазала мне губы, мазнула мягкой тряпочкой щеки.

— Это что?

— Это для кожи. Чтобы ветер не колол! — искренне пояснила помощница, и я поняла — врет. Ну да ладно, меня не слишком волновало, что она намазала на мое

лицо, важнее, что сама Анни теперь сияет от радости, как разгорающееся солнце!

Зеркала в комнате не было, так что оценить свой внешний вид мне не удалось. Лишь ощупала две косы, гребнями расположившиеся с двух сторон головы и стекающие на спину. В волосы девочка вплела витые шнуры — черные и красные, я видела подобные на головах местных девиц. Что ж, надеюсь, не распугаю всех жителей Дьярвеншила!

На миг замерла у окна, снова любуясь грандиозным пейзажем. Горы, небо, море... И почудилось на миг, что я вижу «Стремительный», огибающий скалу. Но, верно, это снова расшалившееся воображение, что делать возле Дьярвеншила капитану Лерту?

Прихватив меховую накидку, я спустилась вниз, где Анни поставила завтрак: все ту же вареную рыбу, только застывшую в студне, и горячий отвар, остро пахнущий еловыми иголками и кислой ягодой. Рыбу с содроганием отодвинула, глотнула едва сдобренный медом напиток, и поднялась.

— Я пройдуся.

Анни что-то щебетала о том, что так я никогда не наращу бока, вздыхала, не понимая, что мне не нравится в такой вкусной еде. Но я уже вышла из башни.

Снежная крошка спиралями вилась за стенами, ветер трепал подол, норовя взметнуть его повыше и добраться до ног. Придерживая накидку, я двинулась по улочке, вертя головой. Хотя смотреть пока особо было не на что. Вокруг высились одноэтажные приземистые дома из камня, с крохотными окошками. Горбатые крыши густо устилал то ли мох, то ли какое-то вечнозеленое растение, которое лениво клевали жутковатые птицы с длинными лысыми шеями и серым оперением.

Землю между домами укрывали доски, но во многих местах они сгнили и зияли дырами. Порой попадались и двухэтажные дома, но они были скорее редкость. Улочка расширилась и вывела меня на некое подобие городской площади. В центре возвышался каменный столб, на вершине которого стояла с поднятым мечом статуя. Но кто был высечен в камне, рассмотреть не удалось — мешал медленно падающий снег, да и высоко слишком. В стороне, под длинным навесом, расположились женщины с товаром — меховые рукавицы, вязаные носки, сушеные ягоды, деревянная и глиняная посуда, платки, нутряной жир и какие-то толстые корешки, травы и прочая всячина. Торговки переговаривались, улыбались, прогуливались вдоль навеса суровые воины и простые ильхи. А больше всего меня порадовало, что здесь же крутились дети и собаки, оживляя местный рынок.

Сбоку пристроилась статная женщина, рядом с ним исходил паром котел с густой и, судя по запаху, рыбной похлебкой. Я подошла ближе, с интересом рассматривая тех, кто уже вовсю уплетал варево. Они расселись на грубой лавке, держа на коленях глиняные тарелки, но что удивительно, похлебка в них не остывала, как должна была, а продолжала бурлить!

И лишь когда суровый воин выскреб суп, я увидела на дне раскаленный добела камень, который и нагревал варево.

— Лирин? Что ты тут делаешь? — мужской голос и уже знакомое слово заставили обернуться. И тут же об этом пожалеть. Рядом стоял черноглазый красавец Хальдор, смотрел на меня со смесью интереса и насмешки. Я нахмурилась, вспомнив, как он плеснул мне в лицо кровь с землей, и отвернулась. Однако понять намеков ильх не захотел. Подошел ближе, заглянул в глаза, улыбнулся.

— Уже осматриваешь будущие владения, нареченная Ингольф-хёгга?

— Нареченная Краста, — поправила я, вскинув голову. Рядом с такими мужчинами, как Хальдор, я всегда терялась. Красивый, уверенный, себе на уме. Хотя не помню, что бы в прошлой жизни я встречала таких. Хальдор был слишком хорош, настолько, что это отупляло. И самое плохое, он прекрасно понимал, какое производит впечатление. На ильхе была распахнутая черная шуба до колен, под которой виднелись плотные штаны, светлая рубаха с вышивкой у горла и короткие ножны на бедре. Голова непокрыта, и снежинки медленно таяли на темных волосах. Руки закрывали кожаные перчатки с меховой оторочкой. Да, ильх производил сногшибательное впечатление.

Я отодвинулась подальше.

— Брось, — вдруг широко улыбнулся он, остро впиваясь взглядом в мое лицо. Рассматривал с непонятным мне выражением, почти не моргая. И снова улыбнулся. — Неужели злишься? Твое появление стало неожиданностью, признаю.

— Я слышала, насколько ты удивился, — уколола я.

— Да, я не сдержался. Порой это непросто, знаешь ли... — он склонил голову и потер рукой шею, где блестело кольцо Горлохума. — Хочешь, покажу тебе Дьярвеншил?

Я глянула с подозрением. Переход от вчерашней лютой ненависти к сегодняшнему дружелюбию настораживал. Ильх снова улыбнулся и отошел к торговкам, а вернулся с тонкой, свернутой рулетом, лепешкой, от которой сладко пахло медом и фруктами.

— Попробуй, такое делают только в Дьярвеншиле. Здесь особый ингредиент — синяя ягода, растущая под снегом на наших скалах. Очень вкусно.

Я с сомнением покосилась на мужчину, теряясь от его улыбок и подарка. С чего бы это? Краем глаза

заметила взгляды ильхов из-под навеса. Кажется, нескольких воинов я видела в башне.

— Ну же, бери! — Хальдор почти насильно всунул лакомство мне в руку, продолжая улыбаться. — Сомневаюсь, что ты с утра поела. В башне кормят просто ужасно. И я по глазам вижу, что ты голодна.

Я осторожно поднесла ко рту угощение, откусила. По губам растекся сладкий с кислинкой сок. Действительно, вкусно. А действительно проголодалась. И, пожалуй, могу поговорить с этим ильхом, может, удастся у него хоть что-нибудь узнать.

— Так-то лучше, — хмыкнул Хальдор и махнул рукой на женщину с котлом. — Алвина каждый день приносит свой суп, сваренный по семейному рецепту, который истово бережет. Говорят, она использует пять видов рыб и сладкий корень. К Алвине приходят те, у кого нет семей или жен, что бы готовить еду.

— Ты тоже? — вырвалось у меня, и черные глаза довольно блеснули.

— Хочешь узнать, есть ли в моем доме хозяйка? — поднял он брови. — Нет.

В темноте глаз мелькнуло что-то странное, словно пламя взвилось. И опало, оставив красные искры. Но ильх уже тряхнул головой, сбрасывая снежинки.

А я кивнула на бурлящее без огня варево:

— Что это за бульжники у них в тарелках?

— Камни из недр Горлохума. Ты даже этого не знаешь? Такие находят у подножия вулкана, они никогда не остывают. — Ильх указал на улицу за площадью. — Хочешь увидеть больше, нареченная? Или боишься?

— С чего ты такой добрый?

— Ты лирин, невеста моего риара, — снова краснота в глазах. — Я обязан служить тебе. К тому же, у меня есть свободное время, и мне хочется больше узнать о деве из Конфедерации.

— Ты знаешь? — я так удивилась, что кусок теста встал поперек горла, и я закашлялась.

— Да, — он усмехнулся, глянул остро. — Думаю, тебе тяжело здесь. После города, полного света, жизни, после всех благ прогресса оказаться здесь, — он сделал широкий жест рукой.

— Ты знаешь о наших городах? — осторожно спросила я, отмечая и речь ильха, и слова, которые он произносит. Ингредиенты, прогресс... Этот мужчина был далеко не глуп. И на мой вопрос легко пожал плечами.

— Немного. Дети фьордов не любят мир за Туманом, лирин. Сильно не любят. Поэтому тебе не стоит говорить правду о себе. Если хочешь прожить спокойно месяц до прибытия вестника из Варисфольда.

Я нахмурилась, глядя в красивое лицо мужчины. Значит, и о том, что наша помолвка с Крастом фиктивная, этот ильх тоже знает. Хорошо это или плохо? Почему-то мне не слишком нравилась его осведомленность.

Может поэтому я указала на его нос.

— Быстро зажило.

Хальдор чуть заметно скривился, улыбка померкла. Верно, и он вспомнил, как риар приложил об стол. Но ответил ильх спокойно, без эмоций.

— Я хёгг, лирин. На нас все быстро заживает. Ты ведь уже знаешь о хёггах? Вижу, что знаешь... Кстати, там твой несостоявшийся жених, Ингольф, — рука в перчатке указала на столб. А губы ильха исказились в усмешке. — Право, мне даже жаль тебя. Ожидала увидеть истинного риара и город с чудесами, а получила...

— Что получила? — послекусие от лепешки оказалось горьковатым. Или это послекусие от общения с Хальдором?

— Дьярвеншил. И Краста.

— Кажется, мой новый жених не так уж и плох, — я сделала мечтательное лицо, наблюдая за стоящим рядом мужчиной. — И молод, в отличие от Ингольфа. Так что мне скорее надо радоваться.

Хальдор указал в сторону домов.

— Радоваться? Не думаю. Ты не знаешь того, кто надел венец на твою голову. Никто в Дьярвеншиле не стал бы радоваться его обществу. Но идем, я обещал показать тебе нашу жизнь.

Нахмурившись, я неуверенно двинулась за ильхом вдоль каменных стен. Встречные люди провожали нас взглядами, кивали Хальдору и глазели на меня, а после перешептывались. И даже спиной я ощущала чужое внимание. Мы покинули площадь и двинулись по шатким доскам, покрытым инеем. От каждого шага на дереве оставались вмятины-следы.

— И почему же мне не стоит радоваться? — решила уточнить я.

— Краст не тот, кем кажется тебе, дева из-за Тумана, — бесцветно произнес Хальдор. — И он недолго продержится в башне, лирин. Тебе не повезло. Но таким, как он, там не место.

— Вот как? — я все ещё ничего не понимала. Но Хальдор замолчал, неторопливо двигаясь мимо домов. Распахнутые полы его шубы трепал ветер, словно встряхивался зверь. А я подумала, что будет, если в лоб задать вопрос: не ты ли напал на корабль, черный хёгг? Вот только сомневаюсь, что получу ответ.

— Может, расскажешь мне о Солвейг, Хальдор?

Ильх остановился посреди безлюдной улочки, глянул сверху вниз. И красноты в его черных глазах стало больше. А может, это лишь отблеск солнца раскрасил багрянцем радужки.

— Солвейг мертва, лирин. И она, и Ингольф, — не мигая глядя на меня, уронил он. Шагнул совсем близко, почти притиснув меня к стене, и я пожалела, что

купилась на улыбки и угощение. Как девочка, право. Хальдор смотрел свысока, недобро. Показное добродушие исчезло. — Спроси у своего нареченного, кто виноват в ее смерти. Спроси, что с прежним риаром. Спроси про его мать. И про проклятие. Тебе стоит знать о том, с кем ты проживешь месяц в одной комнате.

Я сжала кулаки, заставляя себя стоять ровно и не отводить глаз. Хальдор усмехнулся и отступил.

И снова улыбнулся.

— Кстати, ты можешь задать вопросы прямо сейчас. Мы уже пришли.

— Куда? — не поняла я. Но не успела опомниться, как ильх втолкнул меня в приоткрытую дверь длинного каменного здания, из-за стен которого доносились глухие удары и выкрики.

В первый момент меня ослепили вспышки света, и я попятилась, ничего не понимая. А потом увидела огромное горнило, жар, плещущийся в нем, здоровенные кадки, в которых тоже бухало и шумело. Здесь пахло гарью, железом и чем-то мускусно-острым, как бывает там, где много и тяжело работают мужчины.

— Тяни. Держи. Горячая, гадина. Да чтоб тебя в пасть йотуна... Переворачиваем!

Голоса раздавались где-то внутри этой мешанины.

Из-за гудящего котла вышел мужчина, блестящее от пота тело прикрывала лишь кожаная повязка на бедрах. Темные волосы собраны пучком на макушке, лицо и грудь перепачкана сажей и копотью так сильно, что кожа кажется эбонитовой. Лишь голубой глаз сверкает на потемневшем лице злым азартом. В руках риар держал обод колеса, оплавленный с одной стороны.

Краст увидел нас и остановился. Перевел взгляд с меня на Хальдора, снова на меня. И мне почему-то стало стыдно.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивал Краст тоже у меня, словно Хальдора за спиной и не было.

— Я показываю лирин город, мой риар, — с явной издевкой произнес мой спутник. — Думаю, ей полезно больше узнать о месте, в котором она оказалась.

И о тебе. Недосказанные слова повисли в воздухе, и Краст сжал зубы. Обод в его руках согнулся.

— Вижу, в грязной кузне тебе удобнее, чем в башне, — улыбаясь, добавил Хальдор. — Кто к чему привык...

Я ощутила, как вспыхнули щеки. И захотелось со всех сил наступить каблуком на ногу черноглазого гада, что скалился рядом. Понятно, что он просто использовал меня, чтобы унижить Краста, вот только мне совсем не хотелось участвовать в этих распрях!

Риар хотел ответить, но тут сзади грохнуло, и сноп искр столбом взвился в воздух и жалящими осами упал на плечи ильха. Он встрепенулся досадливо, повел рукой, сбрасывая шипящее на коже пламя. А я чуть рот не открыла от изумления. Огонь, который у любого нормального человека оставил бы ожоги, не причинил Красту никакого вреда. Теперь понятно, почему в обжигающе горячем помещении он был почти голый. Похоже, обжечься черный хёгг не может.

— Проваливайте, — процедил риар, прерывая мои мысли. — Вам тут не место.

— Нам — да, — хмыкнул Хальдор, но Краст уже не слушал, словно потерял интерес. Отвернувшись, он швырнул обод в горнило, наклонился, подхватывая огромный молот. Я уставилась на спину с продольными мышцами и узлами сухожилий, напряженных от нечеловеческой тяжести.

Торопливо выскочила за дверь. Откинула голову, хватая ртом колющие снежинки.

Черноглазый красавец стоял рядом, рассматривал с любопытством. Я выдохнула и глянула на него со всем высокомерием, на которое только была способна. Хальдор усмехнулся.

— Боюсь, мое время закончилось, лирин. Так что дальше осматривай местные красоты без меня, — сообщил он. И шагнул ближе, нависая как скала. Голос стал вкрадчивым. — И вот еще, чужачка. Не стоит брать еду из рук чужого мужчины, да еще и на глазах у всех. Ты снова оскорбила своего жениха. Хотя он проклят и без тебя, вряд ли расстроится сильнее. Краст не риар, чужачка, ты скоро поймешь. Он отродье злой горы, проклятый перворожденными. И кольцо Горлохума получил обманом. А за лепешку ты должна мне подарок. На фьордах ничто не дается просто так, лирин, — он склонился ещё ниже. — Так чем ты поблагодаришь меня, дева?

— Отойди от нее, Хальдор, — спокойный голос за спиной заставил меня вздрогнуть, а черноглазого оскалиться. И я четко осознала, что за всей этой красотой и даже образованностью скрывается зверь.

Краст стоял на пороге кузни и казался расслабленным. Грязный, остро пахнувший потом и пеплом, неподвижный. Лишь молот в его руках угрожающе поблескивал гранями. Снежинки медленно оседали на разгоряченной коже и таяли, превращаясь в капли.

Многозначительно глянув на меня черными глазами, Хальдор усмехнулся, сделал шаг назад, а потом, не оборачиваясь, пошел прочь. Не взглянув на меня, риар вернулся в кузню. Дверь закрылась.

Я ещё потопталась, слегка ошарашенно пялясь на захлопнувшуюся створку. Все казалось, что Краст снова выйдет, скажет что-то... Может, задаст вопрос? Но изнутри глухо и сильно доносились удары молота и звон железа, а я поняла — не выйдет. И, наверное, к лучшему.

Отвернувшись, я тихонько двинулась вниз по улице. Птицы провожали меня взглядами, склоняя маленькие головы и выгибая длинные шеи.

Дальше я бродила бесцельно. Рассматривала дома, горбатые каменные мостики или деревянные настилы через узкие потоки воды, стекающие с гор к морю. Дивилась на странные камни — тонкие, сточенные у основания и огромные сверху, словно перевернутые бутылки. Зеленые от мха и белые от шапок уже нападавшего снега. Казалось, дунь ветер — и основание сломится, обрушивая вниз громаду.

Встречные жители Дьярвеншила смотрели мне вслед, перешептывались, но вопросов не задавали. А я все думала о поступке Хальдора. Понятно, что по местным меркам риар, то есть правитель, не должен пачкаться в кузне. И черноглазый пытался задеть Краста, приведя к нему меня. Интересно, что за вражда связывает этих двоих? И как это связано с неведомой Солвейг?

Снежный ветер налетел пеленой, укрывая пустырь рядом с речкой и дергая подол моей накидки, норовя стянуть с плеч. И снова царапнуло между лопатками, как бывает от взгляда — чужого и острого. Я обернулась резко, но за спиной была пустая улочка и дома без окон.

Мотнула головой, прогоняя страх. Да и чего мне бояться? Местные глазют, но особой враждебности я не ощущаю, хоть Хальдор и пугал. Если уже бояться, то скорее гнева риара, если прознает обо мне правду. Насупилась. Вот об этом думать совсем не хотелось.

Чтобы отвлечься, двинулась вверх — к странному коробу из досок, что соединял два берега узкого водяного потока. Пола у сооружения не было, похоже, вода свободно текла под каменными опорами, на которых уже стояли стены. Сквозь щели валил пар, рядом топтались и пересмеивались двое ильхов — молодые, совсем мальчишки. На мое появление они отреагировали с интересом. Враждебности я не видела, так что осмелилась спросить:

— Не подскажешь, что это? — ткнула пальцем на доски. Внутри раздался глухой плюх, словно рухнуло в воду тяжелое тело.

— Эх, хорошо, йотунова мать! — пробухтел мужской голос, а мальчишки хмыкнули.

— Так купальня, дева! — сказал ближайший, тараща карие глаза. Второй молча мялся рядом, но взгляд его так и цеплялся за мои волосы и лицо. — Не знаешь, что ли?

— А я чужачка, — хмыкнула почти весело. Хотелось разглядеть удивительную конструкцию, но, судя по голосам, внутри были мужчины. И судя по назначению сооружения — без одежды. Снова раздался плеск — еще один ильх упал в речку из «купальни».

— Если хочешь искупаться, то идти лучше к сломанной ели, за домом старой Норхи, это туда, — мальчик ткнул куда-то за мою спину. — Там вода течет от горячих источников, потому и теплая. Там девы и грязь смывают, и стирают. А здесь внутри лишь чаша с хёгговым огнем, поток она не нагреет. Так что это купальня для мужчин.

Он выпятил грудь, показывая, что как раз сам этим мужчиной и является. Я сдержала улыбку и поймала рукой падающую снежинку. Да уж, мыться в продуваемой всеми ветрами коробке, а потом нырять в ледяную воду — это точно не для меня. Ни для кого из тех, кто вырос на благах прогрессивной цивилизации. А здесь такое в порядке вещей.

— Здесь вода кусачая, зато полезная. Хочешь? — Темноглазый зачерпнул у камня, протянул мне глиняную плошку.

Я покосилась уже с сомнением. Может, и воду из чужих рук пить нельзя? Но пацанята смотрели дружелюбно и открыто, никакого подвоха я не ощущала. А пить действительно хочется.

Сделала глоток. Холодная вода кусала язык и щеки, но потом растекалась свежей сладостью. Вкусная настолько, что я выхлебала всю чашку!

— Полезная, — с улыбкой повторил мальчик. — Из злой горы течет. Само ай-ро ее пьет...

Второй ткнул друга локтем под ребра, и мальчишка осекся, насупился. И оба глянули в сторону белой вершины, шапкой накрывшей скалу. Переспрашивать я не стала, понятно, что снова столкнулась с местными легендами, больше ребята не скажут. Вон уже сдвинули по-взрослому брови и смотрят на чужачку волком!

Поблагодарив, я отправилась дальше, намереваясь найти ту самую купальню из горячего источника — было любопытно. Но осуществить задуманное не удалось. Погода резко испортилась, небо потемнело, ветер усилился, и я начала замерзать. Так что пришлось повернуть к башне. С каждым шагом настроение ухудшалось. Снова вспомнился Хальдор. «Чем отблагодаришь меня, лирин?»

— Сковородой по хребту, — пробурчала я, плотнее укутываясь в накидку. Руки озябли, и я спрятала их в мех.

Неужели и Лерт, одаривая меня яблоком и медальоном, рассчитывал на ответную... благодарность? От понимания этого стало горько, я надеялась, что улыбчивый капитан угостил и помог просто так. Потрогала украшение, висящее на груди. Если раньше я надеялась кинуть его в море, случись необходимость, то теперь придется дважды подумать. Как же все сложно на этих фьордах. Тем более что я ничего не понимаю в местных правилах!

К башне я подбегала, уже сгибаясь от ветра, который разбушевался не на шутку.

Глава 12

Молот опустил на заготовку меча с такой силой, что железо разлетелось, словно деревяшка. Помощник, молодой крепкий Инв, глянул искоса из-за кожаных мехов, нагоняющих в горн воздух, и попятился, увидев, как исказилось лицо риара. По опыту знал, что лучше уйти тихо и молча. Снова удар — уже по столу — бессмысленно и напрасно.

В оставленном без присмотра горне что-то треснуло, и на спину Краста посыпались острые, колющие искры. Он жадно втянул раскаленный воздух, выдохнул. В голове слегка прояснилось. Обжигающий огонь снова спалил его ярость.

Почти спалил. Почти. Тлеющие угли остались, но их не дано погасить ничему. Ни кузне с ее жаром, ни ярости битвы.

Краст постоял, рывком вытащил кипящее железо, отбросил на наковальню. И скривился. Из-за дурости загубил меч. Не смог сдержать злости при виде Хальдора. Или при виде чужачки? Сегодня она прихорошилась. Одного взгляда хватило, что бы оценить и косы, и подчерненные ресницы, и румянец на обычно бледном лице. Если бы он не вышел, как стала бы благодарить Хальдора его лирин? Разговор Краст услышал, от того и взбесился. Запереть бы бледную морь в подполе, что бы сидела тихо и не доставляла ему забот. Понятно, что девчонка лишь послужила орудием в руке Хальдора, но все же... мерзко.

Хотя, если бы Хальдор прикоснулся к лирин, Краст мог бы его убить. Жаль, что Хальдор не такой дурак.

Глубокий вдох и выдох. Огненные искры кружили вокруг тела, жалили осами, но Краст стоял неподвижно,

принимая их колючую и целебную силу. Надо успокоиться...

Перед тем, что он должен сделать, надо успокоиться.

Неспешно отложил молот. Натянул штаны и сапоги. Накинул безрукавку из шкуры мехом внутрь. Вытащил из сундука в углу кузни мешок. И вышел под снег.

Шел долго. Уже и Дьярвеншила не видно, лишь скалы, белые сугробы и голубые огни, злящие до зубовного скрежета. Постоял, слушая ветер. Шалит, воет. Еще не страшный, но уже предвещающий. И огней за ночь стало больше.

Неслышимые звуки незримого мира окружали со всех сторон — там ухает филин, там свистит хорн, здесь скалится хёгг... Если пожелать, то можно и увидеть, но этого Краст не хотел. Рассмотрел внимательно следы на белом полотне — звериных много, человеческие все остались позади. То, что нужно.

Краст сбросил безрукавку, огляделся. Подходящие палки нашлись скоро, недавняя непогода наломала ветвей со старого кедра. Илх ножом счистил кору, подготавливая две палки с себя ростом. Потом скинул сапоги, встал босыми ногами на снег, покрутился, вытаптывая первый круг. Покосился на мешок. И со вздохом вытащил гладкие косточки на черном шнурке. Погладил пальцами — теплые, как всегда, накинул веревку на шею. Снова глянул в сторону подмигивающих голубых искр. Рано зажгись, рано!

Выдохнул. Ударил палки друг об друга, выбивая сухой ритм.

Первое движение плавное, так качается змея. Второе гибкое, так выгибается барс. Третье — стремительное, так налетает ветер... Тело напряжено и в то же время расслаблено, и дух покидает его. Дух тоже танцует, но в вышине, смотрит сверху на выгибающееся, ломающееся в немыслимых движениях

тело. Резкий бросок, разворот, удар обеими палками... вскопанный снег, прыжок, рваный выдох... ещё быстрее, еще сильнее, еще резче. Так, чтобы ломало суставы, на грани возможного... и дальше — как уже невозможно. Танец-битва, приказ для тех, кто ждет нового ветра. Заклятие для того, кто сам ветер.

Прыжок, прогиб, удар!

И рухнуть коленями в снег, завершая...

Несколько мгновений Краст слышал лишь рев собственной крови — в ушах, висках, груди. Моргнул, прогоняя снежную пелену, заставшую глаза. Поднялся. Отбросил палки на утоптаный его ногами круг. Убрал с шеи кости, накинул шкуру, обулся.

И пошел прочь от скал.

Голубые огни погасли. Но риар знал, что они зажгутся снова — чуть позже.

* * *

В нижнем зале башни сидело за столом несколько воинов, они проводили меня напряженными взглядами. Я заметила среди них и тех, кто был на площади, когда Хальдор угощал меня лепешкой. В темных глазах мужчин мелькнуло неодобрение, так что захотелось снова закричать, что не виновата, что не знала. Но я лишь стиснула зубы, поздоровалась и ушла наверх. Верная Анни притащила на обед суп, снова из рыбы, от запаха которой меня уже воротило. Кое-как проглотив несколько ложек невкусного варева, с плавающей на поверхности рыбной чешуей, я всерьез задумалась о своей жизни в Дьярвеншиле. На такой кормежке, боюсь, мне не продержаться месяц. Или я оголодаю настолько, что и такая похлебка покажется аппетитной?

С сомнением покосилась на тарелку, край которой покрылся серым налетом застывающего жира. Но

гораздо больше невкусной еды беспокоили отношения с местными. И с Крастом. Пока риар оставался единственным, кто, как ни странно, меня защищал. На свой, непонятный лад, но все же. Он надел мне венец, хотя невеста из-за Тумана вызывала у ильха лишь неприязнь, и даже сегодня прогнал Хальдора, не позволив прикоснуться ко мне. Краст заинтересован в том, чтобы я благополучно пережила месяц и отбыла восвояси, забыв Дьярвеншил. И потому — хочет или нет — но обязан обо мне заботиться. Но ильхи непредсказуемы и непонятны мне, чего ждать от своего защитника в гневе, я не знала. И настраивать Краста против себя не хотела. А Хальдор сегодня подлил масла в огонь, прилюдно спровоцировав.

Я принялась мерить шагами комнату, раздумывая, как исправить ситуацию. Надо поговорить с Крастом. Объяснить. Надо было сделать это сразу, а не хлопать глазами, рассматривая тающие на его теле снежинки!

Приняв решение, я вздохнула с облегчением.

Вот только риар не спешил появиться в башне, чтобы выслушать мои оправдания. Внизу кто-то разговаривал, приходили и уходили воины, бряцало оружие, стучали о стол тяжелые кружки, но голоса Краста так и не раздалось. А под вечер и вовсе стало тихо. Прибежавшая Анни на мой вопрос сделала круглые глаза и торопливо уронила:

— Обвал на скалах, лирин. Совсем рядом с домами. Риар там, разбирает завалы вместе со своими воинами.

— Никто не пострадал? — встревожилась я и облегченно вздохнула, когда девочка мотнула головой.

— Водяной поток завалило, вот мужчины и убирают. Не переживай, лирин, им не впервой. Горы порой гnevаются и трясутся, вот камни и летят!

— Может, нужна помощь?

— Да чем же ты поможешь, — всплеснула ладошками прислужница. — Ты сама вон худая и

тонкая. Тебе и крохотный камушек не поднять. Да и не для дев это. Лучше сшей своему жениху рубаху или рукавицы. У тебя времени ведь совсем мало, а надо подготовить подарки для будущего мужа. Что ты ему поднесешь, когда он наденет на тебя пояс жены?

Не слушая мой ответ, девочка снова умчалась, а прибежала с кусками меха, нитками и толстой иглой.

— Вот. Шей!

Поблагодарив, я отпустила бойкую служанку, сунула мех подальше и достала из своей сумки книгу. Но сосредоточиться на любимом сюжете никак не получалось, мысли то и дело возвращались к завалу, который сейчас вручную разгребали ильхи. Без техники, без специального оборудования... А ведь судя по словам Анни завалы здесь случались нередко.

Передернула озябшими плечами. Да, жизнь в Дьярвеншиле трудно назвать сахарной.

Ночь опустилась на город быстро и рано, совсем скоро я перестала различать строчки в наступившей тьме. Встряхнула лампу, оживляя пламя. Но интерес к книге пропал окончательно, к тому же я замерзла. Ужин из печеных и слегка подгоревших корешков неизвестного мне растения тяжелым комом упал в желудок, но это была не рыба — уже радость!

После еды невыносимо потянуло в сон, наверное, от безделья. Так что я не придумала ничего лучше, чем улечься в кровать.

А проснулась от того, что в бок упиралось что-то твердое. Давило, мешало... Не открывая глаз, протянула ладонь, тронула это непонятное. Длинное, странное...

Сознание зацепилось за вспыхнувшее на грани сна и яви удивление, и дремота отступила. И что же это такое в моей постели? Может, пульт от телевизора? Так он пластиковый, знакомый. А это, кажется, железное и... острое!

Палец кольнуло, я ойкнула и открыла глаза. Моргнула и шарахнулась в сторону, потому что на кровати лицом ко мне лежал Краст, а из-под одеяла торчала... рукоять меча!

— Это что такое? — ничего не понимая, выдохнула я. Приподняла покрывала и изумленно уставилась на длинный, почти с меня, клинок. Железное лезвие весело подмигнуло мне пробежавшим бликом.

Краст сонно зевнул во весь рот, показав отменные зубы и даже не подумав из приличия прикрыть рот рукой. Впрочем, он, скорее всего, знать не знает, что такое приличие.

— Это меч, — недовольно буркнул он.

— Я вижу, что это меч. Но что он делает в кровати. Я же могла порезаться. И кстати... ты сам что здесь делаешь?

— Я здесь сплю, — огрызнулся ильх. — И спал бы дальше, если бы ты не начала орать с утра пораньше. А меч тебя не тронет, если отодвинешься. — Утешил ильх и снова закрыл глаза. Похоже, он собрался опять уснуть.

— Но зачем он здесь?

Краст глянул недобро.

— Потому что таков закон! — процедил он. — Лежи на своей стороне и не лезь на мою, нареченная!

Я открыла рот, чтобы сказать, насколько бредово все это звучит, и осеклась. Вот и Анни что-то такое говорила — про то, что жених не может возлечь с нареченной без меча. Но я-то решила, что это некое иносказание. А оказалось, все очень даже реально и ощутимо. Лежит вон это иносказание и колется!

— погоди, — вдруг дошло до меня. — То есть ты это положил, чтобы Я к тебе не лезла?

— Не ЭТО, а родовой меч риаров Дьярвеншила, — рявкнул ильх. В черном глазу уже загорался пожар злости, видимо, от того, что его планы ещё вздремнуть

провалились. — И лежит он там, где ему положено лежать до свадьбы. Ясно тебе?

— Ясно, зачем так нервничать, — пробормотала я. Легла и даже глаза закрыла, всем видом показывая дружелюбие и исключительную сговорчивость. На самом деле, глубоко в душе я даже почти обрадовалась присутствию мужчины. Кровать широкая, на меня ильх не претендует, сам вон лежит боится. А вчерашнее пробуждение и жуткий силуэт у стены все еще живы в памяти. С Крастом как-то... спокойнее. Особенно, если с ним не разговаривать.

Но все же наличие острого предмета в непосредственной близости от моего зада как-то напрягало.

— Слушай, а по закону ваш родовой меч должен как лежать?

— Так! — взревел Краст, явно теряя терпение. — Без ножен, чтобы дурные мысли не лезли в голову чужанской деве!

Я скептически хмыкнула.

— Ну понятно. Ножны под запретом. А хоть тряпочкой обернуть можно?

— Тряпочкой? — голубой глаз Краста медленно наливался краснотой. Черный, наверное, тоже, просто не видно было. — Родовой меч — тряпочкой?!

— Угу. Знаешь, что-то не хочется ненароком отрезать себе пол задницы!

Риар моргнул. Приподнялся на локте. Внимательно осмотрел мое насупленное лицо и растрепанные волосы. И неожиданно хмыкнул.

— Нашла чего бояться. У тебя там даже взяться не за что. И меч соскользнет — не зацепится.

— Ну спасибо, успокоил, — буркнула я. — Вдвойне обидно будет, если все же зацепится. И так-то ничего нет, а если что-то отрежется, совсем грустно станет. Тебе-то все равно, а мне ещё жить. Ну, я надеюсь.

Ильх свел брови, не сводя с меня взгляда. Я же зевнула и села, решив, что уснуть все равно уже не получится.

— Кстати, а почему ты в моей кровати? — опомнилась вдруг.

— Это ты в моей кровати, дева. А тот, кто надел венец, должен охранять сон и честь своей нареченной. За глупости дев у нас отвечают мужчины. И порой головой. Так что я за тобой присмотрю, чтобы не лезла куда не надо.

— С ума сойти, — покачала я головой. Сквозь не зашторенное окно в комнату лился слабый утренний свет. Я снова покосилась на ильха, который прикрыл глаза. Щеки у Краста ввалились, на подбородке темнела колючая щетина. Саж и копот не видно, верно, ополоснулся в одной из странных купален на реке. Интересно, как давно он пришел? Судя по сонному виду — недавно, выспаться не успел.

Ругаясь про себя, откинула покрывало и глянула на свое длинное нижнее платье, в котором улеглась спать. Решив, что оно более чем приличное для появления перед мужчиной, я, стуча зубами, сползла с кровати. Прыгая на стылых досках и размахивая руками, подхватила свой зеленый наряд, натянула, путаясь в рукавах.

— Это такой чужанский ритуал? — спросил ильх, не сводящий с меня своих пугающих глаз. — Ты каждое утро будешь его исполнять?

— Это попытка согреться! — рявкнула я, вертась вокруг себя и пытаюсь разобраться в непонятных кусках ткани. — В этой комнате можно покрыться льдом!

— Тебе холодно?

— Да! — Я подпрыгнула, попала в пройму, выдохнула с облегчением.

— А будет лишь хуже, — довольно протянул ильх. — Зимы в Дьярвеншиле такие, что птицы на лету

замерзают. Так что радуйся, что тебя тут скоро не будет!

Вот же гад. А я-то на миг понадеялась, что суженый удосужится решить вопрос с отоплением. Извиняться за вчерашнее резко расхотелось, пусть катится к демонам. Не отвечая, натянула плотные вязаные штанишки и вздохнула свободнее. Краст лежал, не двигаясь, и к моему удивлению почти не укрываясь. Обнаженный мужской торс в тусклом свете разгорающегося дня поневоле притягивал взгляд, так же, как и черные волосы, резко выделяющиеся на фоне белой кожи. Кусок белого меха углом укрывал мужской пах, открывая остальное тело с впечатляющим рельефом мышц и бронзовой кожей. Поджарый и сильный. Даже в таком, расслабленном состоянии, этот мужчина казался сжатой пружиной.

Ну и еще как всегда — мрачный и недовольный.

Риар поднял бровь, заметив мое внимание.

— Помни о мече, что меж нами, дева. И о своих обещаниях.

Я закатила глаза, поражаясь такой самовлюбленности. Хотя, это и понятно. То, что ильхи красивы, заметила каждая из переселенок, как только мы прибыли на фьорды. Краст отличался от тех, кого мы встречали, и пожалуй, он не был так привлекателен, как Лерт, или тот же Хальдор, не обладал точеным профилем того риара, что был изображен на известном в столице фото. Скулы Краста были слишком высокими и острыми, глаза пугающими, а нос с горбинкой. Нет, он не был классическим красавцем, но от этого казался еще более притягательным. Не сомневаюсь, что он понравился бы девушкам Конфедерации.

К счастью, я к этим несчастным не относилась.

— Не переживай, — злость в голосе скрыть не сумела. Повертелась, пытаюсь разобраться, как повязывается длинный пояс. — Я покину твой

Дьярвеншил, как только смогу. Навсегда. К тому же... — не удержалась я от шпильки: — Ты не в моем вкусе, Краст. Всегда предпочитала светловолосых!

Натянула ботинок и тихо зашипела от боли. При ближайшем осмотре выяснилось, что в мою обувь кто-то насыпал мелких и острых камушков.

— Гостеприимство по-дьярвеншильски, — фыркнула я, осматривая остальную одежду. К счастью, она была в порядке — то ли вредители побоялись портить ткань, то ли лежала она слишком близко к кровати. Но вот впредь мне точно стоит внимательнее смотреть и по сторонам, и под ноги.

— Что ты там бормочешь себе под нос? — осведомился с кровати риар.

— Размышляю, в какое прекрасное место попала, — отозвалась я. — Какие здесь милые и добрые люди. То душат, то подставляют, то обувь портят... Золото, а не люди. Что б вас всех...

Краст приподнялся и нахмурился. А я, гордо задрав подбородок, направилась к двери. Правда, уйти с достоинством не удалось — я споткнулась о неровную доску на полу, и чуть не грохнулась носом об стол. И окончательное фиаско настигло меня насмешливым мужским голосом:

— Не хочу тебя останавливать, но ты неправильно надела платье, нареченная. Вышивка должна быть впереди.

Я пробормотала что-то ругательное, попыталась развязать кожаный пояс, затянула узел, зашипела и плюнула.

— И я запрещаю тебе покидать башню.

— Что? — подол взлетел от резкого движения. Мне теперь в четырех стенах сидеть?

— Я сказал. От тебя много проблем, лирин. И уже убытки. Твои долги оплачивать придется мне. Или надеялась сама расплатиться с Хальдором?

— Я не знала, что нельзя брать еду!

— Так узнай, прежде чем делать! — рявкнул ильх. — На что у тебя под боком вертится эта мелкая прислужница? Кроме как ресницы чернить ни до чего путного не додумались?

Щекам стало жарко, кулаки сжались от злости. Вот же гад. Взгляд сам собой зацепился за кувшин на столе.

— Кинешь в меня — запру в подполе, — с предвкушением произнес ильх. И приподнялся на локтях, прищурился. Всем своим видом изображая отличную мишень, в которую так сложно промазать. И по ожиданию в его лице было понятно — ильх прямо жаждет осуществить свою угрозу!

Поэтому я лишь расправила плечи, развернулась и вышла, от души хлопнув дверью.

Глава 13

Краст со злостью глянул на закрытую дверь. Дерзкая дева. Жаль, что не швырнула кувшин, вот бы он обрадовался. И не пришлось бы как вчера колотить молотом по наковальне, чтобы унять глухую ярость. Запер бы девчонку в подполе — и нет проблемы!

Хальдору пришлось отдать хороший кинжал за глупость лирин. Пришел, швырнул клинок, тот и впился острием у ног черного хёгга.

— В уплату долга, — процедил Краст, глядя на ильха. — А ещё раз подойдешь к чужачке — следующий нож воткну в твоё горло.

— Посмотрим, — прошипел в ответ Хальдор и усмехнулся насмешливо. — Мне жаль эту девушку. Ты ведь не сказал ей о себе? Соврал или промолчал? Она растеряна и напугана, ничего не понимает... Ей не повезло оказаться в Дьярвеншиле.

— Жаль ее? Вот уж вряд ли. Ты лишь нашел повод позлить меня, — Краст хмыкнул, а Хальдор вздохнул и пожал плечами.

— Это повод показать тебе, что каждому свое место, Краст. Ты не на своем, и сам это знаешь. Все это знают.

Риар вскинул голову, хищно прищурился, спросил с надеждой:

— Хочешь это изменить?

Хальдор наклонился, рывком вытащил застрявший в доске нож. Выпрямился. Ухмыльнулся. Качнул лезвие на пальце, оценивая клинок. Кивнул одобрительно и убрал в голенище сапога.

— Ты хороший кузнец, Краст.

Краст скрипнул зубами. Хороший кузнец. Но плохой риар.

Вышел, придерживав дверь, чтобы не снести ее к йотуновой матери!

А потом пришлось колотить молотом по наковальне так, что чуть не разнес кузню. Надо бы придерживать злость... Но как ее сдержишь, когда ветер шумит, Дьярвеншил разваливается, да еще и ненужная невеста рядом крутится и всюду сует свой нос!?

Когда он пришел ночью, девчонка уже сопела под одеялом и шкурами, залезла с головой, словно звереныш в нору. Думал и уйдет, пока спит. Так нет же, проснулась, чтоб ее Горлохум спалил и Хеллехёгг сожрал!

Краст фыркнул недовольно, но вдруг поймал себя на том, что усмехается. И настроение на удивление бодрое, хотя это и странно, стоит вспомнить пробуждение. Странная чужачка напоминала неведомого зверька — странного и порой даже смешного. Хотя за предложение завернуть родовой меч в тряпочку и хотелось свернуть девчонке шею. Ни одна женщина фьордов никогда не сказала бы такое воину. Никому такое и в голову не пришло бы. В тряпочку. Краст снова хмыкнул. Первым желанием было поступить как должно — наказать зарвавшуюся деву. Лишить еды на пару дней, голод всегда наводит порядок в глупых головах. Но глянув в лицо девы, Краст почему-то промолчал. Может, потому что мяса в ней и так не было. А он слишком хорошо знает, что такое голод... Ну и к тому же... не хотелось признаваться, но стало смешно. Да так, что он едва сдержался. Краст помнил время, когда этот меч висел над кроватью отца, как символ войны, которая сделала его риаром. Ингольф захватил Дьярвеншил по праву сильнейшего, вызвав на поединок прежнего риара башни. Историю этого клинка Краст слышал тысячу раз и ненавидел и ее, и сам меч, к которому ему было запрещено прикасаться. Он и не думал, что давняя эта злость еще

жива в нем, а когда чужачка сделала свое оскорбительное предложение, вдруг ощутил, как что-то внутри натянулось... и треснуло. Словно давно дрожащая от натуги тетива. А всего-то и нужно было — обернуть в тряпочку отцовское наследие.

Усмехнувшись, риар легко спрыгнул с кровати, прошелся по комнате, потягиваясь и с удовольствием подставляя тело прохладному воздуху.

Он сказал девчонке правду — скоро в Дьярвеншил придут ветра с гор, принесут такой холод, что пора бы оживить огонь хёгга между каменных стен башни. Но, пожалуй, риар повременит. А то еще согреется его лирин, да решит задержаться!

А это не нужно.

Ей же лучше будет, если уберется из этих мест как можно дальше.

Краст сжал зубы.

Он присел возле стены, поднял острый камушек, повертел задумчиво в руках. То, как вытряхнула свою обувь чужачка, не укрылось от взора риара. А вот то, что промолчала, не став никого обвинять — заинтересовало. Дева оказалась стойкой, чего и не скажешь, глядя на нее. Стойкая и упрямая. Ну да ладно, Дьярвеншил и не таких стесывал. Долго все равно не продержится, сбежит, причитая и охая — и хорошо.

Однако кто же удружил его нареченной, начинив ботинки? Краст хмыкнул недобро, подбросил на ладони осколок. Женщины, кто же еще... все беды от них. Смотрят волком на его лирин, скалят зубы.

Помрачнев, поднял с лавки у стены холщовый мешок девы и без зазрения совести высыпал содержимое на пол. Присел, рассматривая пару книг в потрепанных обложках, цветные стержни, несколько плотно исписанных листов, перевязанных красной лентой. Чьи послания так важны для чужачки, что она привезла их даже в Дьярвеншил? Ведь ей можно было

взять лишь самое дорогое, значит, вот это и есть — самое...

Так от кого эти письма?

Краст знал некоторые буквы, но в синих строчках разобраться не выходило. Резкие угловатые хвостики и сильный наклон не давали понять слова.

Повел пальцем, силясь уловить ускользающий смысл и сложить издевающиеся над ним знаки. Вот здесь А, а там — Р. И ещё С, К. Буквы его имени. А эти — неизвестные, круглые, пузатые, непонятные... словно гнусные насекомые, усевшиеся на ровных линиях. Внутри полыхнуло горечью и злостью, и захотелось сунуть листок в огонь, чтобы покончить с этим.

— Что ты делаешь? — возмущенный окрик нареченной заставил риара моргнуть и выпрямиться. Дева открыла рот, быстро скользнула взглядом по его телу и... покраснела. Так резко и явно, что ильх удивленно уставился на лицо, залившееся румянцем.

Дева же резко отвернулась и сказала глухо, глядя в противоположную стену комнаты.

— Почему я постоянно застаю тебя... без ничего. И отдай мои письма. Кто тебе разрешил копаться в моих вещах?

— Венец, который я на тебя надел, — напомнил Краст, с интересом разглядывая напряженную до хруста спину девушки. И почему-то вспомнилось, какая она была на ритуале — в шкуре и крови. И как облизывала губы, с вызовом и насмешкой глядя в лицо Харальда. Или как стояла в кузне, с удивлением глядя на Краста. Презрения в ее глазах не было... Мотнул головой, прогоняя воспоминания. Не надо думать о чужачке.

— К тому же, я должен знать, кто живет в моем доме. Что здесь написано?

Нареченная быстро глянула через плечо, снова отвернулась.

— Это письма моей матери. И раз ты их читал, то зачем спрашиваешь! — сердито воскликнула она. И вдруг застыла. Медленно повернулась, закинув голову и глядя в лицо ильха. — Постой-ка... ты что же... читать не умеешь? Но мне говорили, что риары умеют читать, наследников этому учат!

Краст сжал зубы, ощущая, как портится благодушное утреннее настроение. Швырнул бумаги на пол, и снова захотелось — в огонь... вместе с чужачкой. Надо было ее все-таки придушить. Или запереть... Жаль, что за это придется слишком дорого платить!

— Меня не учили. И в риары не пророчили. И это не твое дело, поняла?

Дева смотрела внимательно, но ожидаемого презрения Краст снова не заметил. Ни презрения, ни насмешки, как тогда, в кузне. Лишь легкое удивление.

— Поняла, — она вздернула свой острый подбородок, словно воин — острое клинка. — Хочешь, научу?

Сказала и осеклась, словно пожалела. Но тут же вскинула подбородок еще выше.

— Научу читать и писать. Сколько получится, раз у нас всего месяц...

— Мне не нужны подачки от пришлой девы, — сквозь зубы прошипел риар и, развернувшись на пятках, схватил свою одежду и хлопнул дверью комнаты. Злость улеглась уже на десятой ступеньке, возвращая голове разум. И Краст остановился. Натянул неторопливо штаны, ещё медленнее рубашку. Покосился на закрытую дверь наверху. И снова помрачнел. Разве нареченная не должна бежать следом и кричать, что она не права? Ну или еще что-то кричать, неважно что, лишь бы задобрить и успокоить разъярившегося от бабской глупости воина?

Дверь оставалась закрытой, а бежать и кричать, похоже, никто не собирался. Снова захотелось

подняться и придушить вредную деву, что злит его уже в который раз!

— Морь бесцветная, — хмуро сказал Краст, все ещё поглядывая на дверь.

— Краст? — внизу показалось лицо Рэма. — Ругаешься? Неужели Ингрид снова подарки требует? Так у дев порода такая, ты же знаешь!

Краст рывкнул, что Рэму лучше бы заткнуться, когда наверху скрипнула половица. Резко повернув голову, ильх увидел бледное лицо чужачки и серые глаза, казавшиеся глубокими водами тающих ледников. Скрипнув зубами, риар отвернулся и пошел вниз.

* * *

В нижнем зале за столом сидел лишь беловолосый ильх. Краст молча устроился в торце, посмотрел в тарелку с вязкой субстанцией, которую поставила перед ним прислужница. Мне подали такую же, и я с отвращением ткнула ложкой во что-то, воняющее тухлятиной. Попробовала осторожно, но надеждам не суждено было сбыться. Вкус у варева оказался ещё хуже, чем вид. Поэтому я изумилась, увидев, как быстро и сосредоточенно поедает невкусный завтрак Краст.

Риар ел, не поднимая глаз, положив локти на стол так, что тарелка оказалась внутри рук. Дочиста выскреб со стенок мерзкое варево и даже ложку несколько раз облизал. Глянул с легким сожалением, словно желая добавки, но просить не стал. Так же молча поднялся и ушел.

Я проводила взглядом его спину. Внутри было как-то плохо и маетно.

— Чем ты снова разозлила своего риара, дева? — спросил вдруг беловолосый, заставив меня вздрогнуть.

Ответить не успела, потому что из кухни вылетела покрасневшая Анни.

— Лирин, ты уже встала? Но почему не позвала, я помогла бы тебе одеться!

— Я сама справилась, — пробормотала негромко, косясь на пустую тарелку, оставленную на столе риаром.

— Скажи, Анни, у вас тут всегда так кормят?

— Да, нареченная. Для тебя все самое лучшее!

Лучшее? Я чуть слюной не подавилась. Боюсь тогда предположить, что едят прислужницы или простые воины!

— И кто руководит на кухне?

— Так Брида. Кухарка она! — покосилась на дверь девочка. — Я сейчас попить принесу!

Анни умчалась, а я понимающе хмыкнула. Кажется, старуха неплохо тут устроилась и хозяйничает, пользуясь тем, что риар не обращает внимания на самоуправство. Хотя это и странно, неужели ему все равно?

— Нареченная риара имеет право распоряжаться в его владениях, — тягуче произнес рядом беловолосый. Я подпрыгнула, потому что в своих раздумьях успела о нем забыть. Ильх устроился на лавке напротив, внимательно рассматривая меня. Я решила, что тоже могу не стесняться, в конце концов, какой спрос с ушибленной? И уставилась на него в ответ.

Молодой, на вид ровесник Краста. Приятные черты лица, холодные ярко-голубые глаза, ресницы и длинные волосы такого белого цвета, что кажутся ненастоящими. Словно снегом присыпанные. Так же, как и черная грива Краста, волосы распущены, лишь схвачены с боков несколькими тонкими косичками, в которых болтаются железные бусины, косточки и, кажется, льдинки. В противовес прядям, лицо загорелое, почти смуглое. Выглядит это сочетание

бронзы и льда завораживающе настолько, что невозможно оторвать глаз.

В ворота безрукавки ильха темнело черное кольцо Горлохума, на рельефных предплечьях — широкие, изрезанные символами браслеты. И металл этих странных украшений тоже удивительный — тускло-белый, словно серебро или платина, покрытая инеем.

Я покопалась в памяти, вспоминая его имя. Рэм. Снежный дракон.

— Сегодня ты уже не похожа на йотун-шагун, — с усмешкой протянул снежный. — Наш воздух не так уж и плох?

— В отличие от вашей еды, — любезно улыбнулась я, отодвигая тухлые лепешки. — Боюсь, от нее точно можно озвереть. Значит, нареченная риара может посмотреть запасы?

— Конечно. Это ее обязанность. Запасы, кладовые, подполы. Все, кроме сокровищницы. От того, как покажет себя нареченная, многое зависит. И если неумелая, то риар может и отказаться от такой невесты, найти более... способную.

Ильх явно насмеялся, но я решила пропустить издевку мимо ушей. Хвала всем местным и неместным богам, риар и так от меня откажется. А вот если не наладить кормежку, то я скончаюсь от голода или несварения желудка гораздо раньше пресловутого дня солнцестояния.

Снова посмотрела на тарелку Краста и, нахмурившись, отвернулась.

— Помнится, прежний риар, отец Краста, не один десяток невест перепробовал. — Ильх наклонился вперед, положил крупные ладони на стол. — Нареченные у него не задерживались, да и жены тоже. Гибли, бедняжки. До того дошло, что ни один фьорд свою деву в Дьярвеншил не отдавал. Пришлось за Туман прошение посылать. А вот твоим правителям, видимо,

плевать на дочь своих земель. Откуп взяли и тебя отправили. Конфедерации не ценит своих дочерей?

Я смотрела в ярко-голубые глаза ильха спокойно. Если он и надеялся, что вспылю, то ошибся, меня такой провокацией точно не возьмешь. Я-то знаю, зачем приехала.

— Разве фьорды не самое лучшее место на земле? — доброжелательно улыбнулась я. Снежный изобразил удивление, я улыбнулась еще любезнее. — И разве я не должна гордиться тем, что попала сюда?

Мое лицо сияло благожелательностью и радушием, а ильх коротко рассмеялся.

— Лучшее. Правда, это не относится к Дьярвеншилу.

— Возможно, Дьярвеншил стал бы удобнее, если бы местные жители подружились с горячей водой и мылом.

— Дочери Конфедерации слишком дерзки на язык, — уронил он. — У нас женщины умеют молчать.

— И, видимо, не умеют готовить, — отбила я. — А заодно стирать и убирать. Честно говоря, глядя вокруг, умение молчать трудно считать великим достижением. Ведь, судя по всему, оно единственное!

Ильх недобро глянул исподлобья и протянул угрожающе:

— Ты ничего не знаешь, дерзкая дева. Но уже обвиняешь.

— Я хочу найти в этой башне хоть что-то съедобное, — поморщилась я. — И только.

Анни вприпрыжку выскочила из дверей на кухню, принеся с собой запах горького дыма и кислятины, а я поднялась. Шагнула к девочке и вздрогнула, когда передо мной бесшумно оказался ильх. Я вздрогнула от неожиданности, ну и от того, что едва не уткнулась носом в мужскую грудь. Вскинула голову, чтобы пригвоздить наглеца взглядом, ну или хотя бы поинтересоваться, какого, собственно, гада этому замороженному надо и почему он мешает мне пройти. И

завороженно замерла. В голубых глазах ильха мерцали искры, словно радужки вдруг стали ночным небом, на котором разлилось северное сияние. Я изумленно моргнула, наблюдая это невероятное зрелище, но желудок протестующе заворчал, напоминая о более приземленных потребностях.

Так что я аккуратно обошла ильха, по — прежнему глазеющего на меня, и схватила за руку Анни. Девочка тоже таращилась на снежного, но почему-то негодующе, пришлось ее слегка встряхнуть. Уже у дверей кухни я все же оглянулась, не выдержав. Рэм стоял там же, между белых бровей залегла задумчивая складка. Он смотрел мне вслед так ошарашенно, словно увидел нечто невероятное.

Но, конечно, я не стала уточнять что именно. Пожала плечами и вошла в дверь, таща за собой Анни.

Внутри кухни пахло даже хуже, чем я предполагала. Судя по едкому дыму здесь спалили шкуру того самого йотуна вместе с самим йотуном. Я закашляла и прикрыла нос рукавом, пытаюсь хоть что-то рассмотреть в полутемном помещении.

— Анни, открой окна!

— Но, нареченная, нельзя. Там тесто стоит, опадет же!

— Живо открывай! — рявкнула я, пытаюсь вдохнуть. Какое тесто в таком чаду?

Девочка испуганно ойкнула, но привычка повиноваться сделала свое дело, и створки с натугой и скрипом распахнулись. Холодный ветер с моря разметал развешанные на веревках грязные тряпки, сдул с полок пыль, и дышать стало легче.

— Это что такое? — заорала Брида, выплывая из-за столов. — Анни, это ты, паршивка? Да я тебя...

— Ты ничего ей не сделаешь, — убрав ладонь от лица, я взглянула на старуху. Та, увидев меня, попятилась, сверкнула злобным глазищами. Но

смолчала. Вокруг столпилось ещё несколько девушек-кухарок, и все поглядывали на меня со смесью ехидства и любопытства. Среди них я увидела и знакомое лицо, правда на этот раз девица была одета. Та самая Ингрид, которую я видела в постели Краста. Сейчас я смогла оценить и стать девушки, и темную, броскую красоту. Да, прислужница определенно была из тех, что нравятся мужчинам. И смотрела она свысока — насмешливо и презрительно. Как смотрит красавица-любовница на неудачницу жену.

Отвернулась.

— Я хочу посмотреть запасы продуктов. Ты, — ткнула пальцем в ближайшую девицу, — отведешь меня.

Кухарка с ужасом глянула на Бриду, явно не зная, что делать. Но старуха молча швырнула на стол увесистую связку ключей и, кряхтя, отошла. Я удовлетворенно улыбнулась.

— И пока я осматриваю кладовые, проветрите здесь так, чтобы не осталось и воспоминаний о дыме. И окна помойте. И... принесите еще лампы. Они ведь есть? Эти тряпки, — указала на грязные полотна, свисающие с веревок, — убрать. Все ясно?

Девушки моргали и смотрели так, словно я снова обратилась в пресловутую йотун-шагун. Но неуверенного кивка я все же дождалась и повернулась к недовольной деве.

— Веди в кладовые. Где они?

— Так там...

— Значит, води так туда! — рявкнула я, ощущая закипающую внутри злость. Острая и жгучая, она разливалась под сердцем и требовала действий.

Юмор мой никто не оценил, понятно, но куда требовалось, я все-таки попала. Кладовые риара находились в подполе. Из темного подземелья дуло холодом, и лезть в него мне совсем не хотелось. Но

пришлось. На всякий случай велела Анни остаться наверху, а то со злобной старухи станется запереть меня в подполе. Прихватив лампу, внутри которой плескалось красное пламя, мы спустились по обледеневшим ступеням. Длинное помещение выглядело жутковато, дальние концы терялись во тьме. Подземелье оказалось огромным, длинный коридор разветвлялся и пугал черными квадратами то ли пустых, то ли чем-то заваленных помещений.

— Там раньше пленников держали, — махнула прислужница рукой на железные решетки.

Я промычала что-то, порадовавшись слову «раньше».

Кладовая с продуктами была обустроена в одном из «квадратов». Я осмотрелась торопливо. Вдоль стен тянулись просмоленные доски, на которых лежали куски копченого мяса или рыбы, внизу ютились впритык бочки и подгнившие ящики, заполненные овощами. Пахло плесенью и влагой, где-то в глубине капала вода. И в таком ужасе хранятся припасы? Я скрипнула от злости зубами.

Через полчаса хождения вдоль полок я уже кипела от ярости, которая даже почти согрела мое окоченевшее тело. Большинство запасов, на мой взгляд, надо просто выбросить, мясо отчетливо пахло гнилью, а в ящике с крупными клубнями, которые в Дьярвеншиле запекали, резвились крысы. А ведь впереди зима!

— Сколько людей питается из этой кладовой? — спросила я испуганно сопящую рядом прислужницу?

— Так риар, его побратим Рэм и воины из личной стражи.

— А Брида и Ингрид тоже едят в башне? — задумалась я.

— Нет, прислужницы живут в отдельном доме. Там себе и готовят.

Так-так. Неплохо бы осмотреть запасы в том доме. Что-то старуха и ее кровиночка не выглядят голодными. Скорее наоборот. У черноволосой Ингрид грудь вываливалась из платья, явно не от голода пухнет девица!

Я сжала пальцы с такой силой, что чуть не треснула железная дужка лампы. И что будут делать мужчины, когда поймут, что еды нет? И чем думает риар, позволяя такое? Или не знает о самоуправстве Бриды?

— Возьми это и это, — приказала я, придирчиво обнюхав копчености. — И те клубни. И вот еще... Идем!

Подхватив юбку, чтобы не мешала, я вернулась в кухню, где прислужницы успели навести хоть какой-то порядок. Тряпки исчезли вместе с дымом, дышать стало легче. Моя помощница поставила на стол корзину с продуктами, а я обвела столпившихся женщин грозным взглядом. Нашла ту, что выглядела старше и опытнее, поманила ближе.

— На обед приготовишь мясной суп, — велела я. — Прослежу. Мужчины всегда обедают в зале?

— Да, лирин...

— Так что же вы стоите? Приступайте!

Кухарки восторжествовали и расползлись по своим местам. Торопиться они явно не собирались, двигались лениво и на меня поглядывали недовольно. Да еще и Брида вернулась, уселась на лавку, скорбно поджала губы, словно говоря: посмотрим, что выйдет у пришлой девки. Явно ведь, ничего хорошего!

Но я лишь сцепила зубы и отвернулась к очагу. От злости хотелось взять кочергу и треснуть мерзавок по хребту, чтобы двигались быстрее. К слову, кухонная утварь тоже выглядела ужасно. Черный жир устилал дно каждого горшка и тарелки, на железных кубках царапалась ржавчина. Так что первым делом пришлось велеть отмыть посуду, к которой даже прикасаться было противно. В ответ я получила новую порцию косых

взглядов и недовольства. Шевелились и старались лишь Анни и Гунвор — девушка, провожающая меня в подвалы. Остальные лишь цыкали недовольно, да делали вид, что помогают. Так что я плюнула на бездельниц, и обед мы готовили втроем.

Менять привычные здесь блюда я не стала, лишь внесла свои коррективы. Увеличила количества мяса в супе, велела перебрать крупу и выбросить гнилые клубни, которые чуть было не стали частью обеда. Через два часа по кухне поплыли вполне аппетитные запахи наваристого густого бульона, а из печи потянуло ароматным тестом. Я устало вытерла со лба испарину и, слегка волнуясь, налила себе суп на пробу. Кухарки принялись с интересом, переглядываясь.

— Ну как? — не выдержала Анни, подпрыгивая на месте.

Я сунула в рот ещё одну ложку супа, проглотила. И рассмеялась.

— Отлично. Это очень вкусно. Попробуйте!

— Негоже женщинам есть до того, как утолили свой голод воины! — оборвала вдруг появившаяся из-за спин кухарок Брида. — Прежде их угостите, а потом свой живот набивайте!

Я кивнула, соглашаясь. Что же, не буду спорить и нарушать традиции фьордов. В конце концов, я хочу лишь нормально питаться, а не устроить тут революцию!

Но радость от хорошо проделанной работы не покидала и тогда, когда я вышла в зал. Замерла на миг, не ожидая увидеть здесь столько мужчин. Они уже расселись за длинным столом, но, заметив меня, привстали и кивнули. Я же с любопытством рассмотрела суровые обветренные лица, сильные тела и мозолистые руки, привыкшие к бою и тяжелому оружию.

— Это первая десятка риара, — тихо подсказала Анни. — Воины, что первыми становятся в защиту, если

в Дьярвеншил приходит беда. И защищают самого риара, если понадобится.

Я кивнула, прошмыгнула к лестнице, но уйти не успела.

— Куда же ты убегаешь, дева? — насмешливый голос Рэма заставил меня скрипнуть зубами и обернуться. Снежный тоже был здесь, вертел в ладони кривой нож. — Останься. Девчонка разболтала, что обед для воинов ты готовила своими руками?

— Я лишь помогала, — уточнила негромко, покосившись на сияющую Анни. Девочка хотела похвастаться и не понимала, отчего я смотрю волком. Но ругать ее я не буду, конечно, не поймет. Тихо села с краю. Правда, моя уверенность слегка пошатнулась, когда в зал вошел Краст. Воины вскочили, а я сглотнула комок в горле, возникший при виде риара. На черных волосах блестел снег, а от мужчины веяло холодом, но вот пахло пеплом. Слово он вышел из пожара — ужасающего и губительного. Губы сжаты, тело напряжено, и в глазах бьется что-то такое, от чего хотелось убраться куда подальше. Дернув головой, Краст уставился на меня, и на миг показалось — прогонит. Но он лишь прищурился, нахмурился и медленно кивнул.

— Рад видеть моих воинов. Рад видеть тебя, нареченная, — так, словно готов всех нас поубивать, произнес он. Однако мужчины лишь кивнули в ответ и снова расселись по местам. А когда кухарки внесли котел с супом, и вовсе заулыбались, ожидая угощение.

Я застыла на краю лавки, предвкушая, как изменятся лица мужчин. И может быть, даже риар перестанет смотреть волком и взглянет с благодарностью? Не то чтобы я безумно этого ждала, но признаться, было бы приятно. Я устала от неприязненных взглядов, и раз уже путь к сердцу

мужчин лежит через желудок, то почему бы этим не воспользоваться?

Прислужницы разлили густой суп по тарелкам, застучали ложки. Я с надеждой всмотрелась в суровые лица, ожидая... всего чего угодно, но не того, что они скривятся от отвращения!

— Что это за йотунова моча? — выкрикнул кто-то.

Остальные побросали ложки, сплевывая на пол и вытирая перекошенные рты, а я сидела ни жива, ни мертва, совершенно не понимая, что происходит!

— Кто это готовил? — с пугающим спокойствием произнес Краст, поворачивая голову к застывшей рядом Ингрид.

— Так нареченная твоя, мой риар, — в голосе прислужницы чуть заметно скользнула насмешка. — Все она, умница, своими ручками и готовила.

Я, не выдержав, вскочила, схватила ложку и макнула в котел. И тоже выплюнула, едва бульон попал в рот. Едкая горечь обожгла губы и нёбо, даже дыхание перехватило. В нос ударил тонкий сладковатый запах, словно что-то сгнило.

— Но как же так? — я растерянно осмотрела злых и голодных мужчин. От обиды хотелось плакать. Очередное унижение почти лишило сил, я сжала зубы, ощущая, как расплывается все перед глазами от слез. Надо взять себя в руки, не хватало еще разреветься при всех! — Я ведь пробовала. И было вкусно. Этот суп был вкусным!

— Эти помои невозможно есть, — мрачно буркнул седой воин. — Да тухлая крыса на вкус лучше!

— Но я...

— Хватит! — оборвал Краст. Обвел стол тяжелым взглядом, и воины затихли. — Сегодня переберемся холодным мясом и лепешками. — Пугающий разноцветный взгляд остановился на мне, и я вздрогнула. Голубой глаз побелел, цвет почти исчез,

оставив лишь точку зрачка. А черный казался дырой в бездну. И выглядело это так жутко, что спорить или доказывать что-то мне совсем не хотелось. Да и что доказывать? Понятно, что, когда я ушла, прислужницы насыпали в мой суп какую-то гадость, поставили на место зарвавшуюся чужачку, что возомнила себя хозяйкой. А ведь я хотела помочь. Хотела накормить мужчин нормальной едой!

— Позовите кухарок, — приказал Краст.

Злые слезы обожгли мне глаза, и я быстро-быстро задышала, не позволяя им пролиться. Мои недавние помощницы по кухне столпились поблизости, насмешливо поглядывая на ильхов.

Воины молчали. Краст неторопливо опустил свою ложку в суп, проглотил. Подумал и глотнул снова. Хотелось выкрикнуть, чтобы перестал надо мной издеваться и есть эту гадость, но я молчала.

— Вкусный суп, — задумчиво произнес риар. — Был. До того, как в него плеснули настойку бодрянки, которой прижигают раны. Думаю, плеснули изрядно да гнили всякой добавили.

Деревянная ложка со стуком упала на стол. Прислужницы переглянулись, воины нахмурились.

— Бодрянку в суп? Но зачем?

Краст смотрел на меня, не отрываясь.

— Вещи своей девы я проверил, у нее не было бодрянки. Скажи, лирин, ты добавила в суп эту настойку?

— Я первый раз о ней слышу, — честно ответила я, удивленно глядя на риара. Он что же, мне поверил? Мне — пришедшей деве? Но почему?

— Конечно, не слышала, — с превосходством пробурчал седой ильх. — Бодрянка растет лишь в наших горах. И мы не любим рассказывать своих секретов.

— Значит, ее добавили те, кто о бодрянке знают. — Краст посмотрел в сторону притихших женщин. — А это

значит, что именно они решили навредить мне и моим воинам. А вину свалить на деву, что станет моей женой, а пока почетная гостья в моем доме. — Прислужницы побледнели и вздрогнули. Глумливое выражение пропало с их лиц, похоже, кухарки не ожидали такого исхода. Краст смотрел не мигая, равнодушно. И приказ прозвучал жутко: — В море всех. Связать.

— Помилуй, риар. Сжался!

С рыданием женщины повалились на пол, умоляя о снисхождении. Я же в ужасе прижала к губам ладонь. В море? Это означает... смерть? Мамочки, да как же так? Вот так просто — и на смерть?!

— Нет! — не думая, я схватила Краста за руку. Риар медленно посмотрел на мои пальцы, бледные и тонкие в его шершавой и загорелой ладони. Снова в лицо. Я же лихорадочно размышляла, решая, как поступить. — Прислужницы башни принадлежат нареченной, ведь так? Прошу... разреши мне самой наказать виновных. Прошу тебя!

Кухарки начали подвывать, но я смотрела лишь в лицо Краста, уже безмолвно умоляя о снисхождении. Отправить на смерть за испорченный суп? Да я с ума сойду, если это произойдет!

— И каково будет наказание, лирин? — Краст смотрел мне в глаза, а я все ещё ощущала его горячую ладонь.

— Я сохраню их жизни.

— Твоя нареченная очень милосердна, — раздался насмешливый голос Рэма. — Только не уверен, что в Дьярвеншиле это можно считать достоинством.

Я не обратила внимания на снежного, продолжая смотреть лишь на Краста. А моя рука все так же сжимала его ладонь. В какой-то момент я ощутила, как пальцы риара дрогнули, словно он хотел сжать мою руку в ответ. Но длилось это лишь миг и, возможно, вовсе показалось.

— Да, Рэм, — хмуро бросил риар, выдергивая свою руку из моих ладоней и отворачиваясь. — В Дьярвеншиле никогда его не было — милосердия. Ты можешь делать с этими женщинами, что хочешь, нареченная. Они — твои. Распоряжайся их судьбой так, как сочтешь нужным.

— Благодарю тебя, мой риар, — сипло выдавила я, ощущая головокружение. Семь пар женских глаз смотрели на меня. — Я сохраню их жизни, потому что живые девы полезнее мертвых. Однако... Брида и Ингрид должны покинуть Дьярвеншил навсегда. Сегодня же. Им запрещено возвращаться в эти места. Рэм... — я глянула на усмехающегося снежного. — Ты можешь... хм... переместить их на другой фьорд?

Ильх кивнул, а я выдохнула. Все-таки момент транспортировки оставался для меня неясным. Но, похоже, беловолосый был на моей стороне, хотя и не знаю почему.

— Но здесь наш дом! — заорала старуха. — Здесь прошла вся моя жизнь. Кому я нужна в чужих краях? Ты пожалеешь. Да как ты смеешь!

Краст повернул голову, и Брида осеклась, лишь глянула с ненавистью. Ингрид выпятила пышную грудь, надеясь на снисхождение, но тщетно, риар на нее не смотрел. Кто-то из мужчин понимающе хмыкнул, покосившись на разъяренную девушку.

— Остальные девы завтра же начнут убирать башню и приводить в порядок кладовые. И принесут продукты, которые, наверняка, припрятаны в доме у Бриды! — девушки вздрогнули, и по изумленным взглядам я поняла, что догадка оказалась верной. Воровала кухарка, причем бессовестно! — И если я найду где-нибудь хоть пылинку, то назначу новое наказание. Ясно?

— Да, нареченная. Благодарим, нареченная. Долгих лет и благоденствия тебе. Пусть берегут тебя

перворожденные!

Ильхи молчали, голодными глазами косились на котел, исходящий ароматным паром. И снова обожгло злостью. Из-за бабьей дурости мужчины остались без горячей еды, а продукты переведены зря.

— Заприте их на сутки в подземелье, — распорядилась я, кивнув на кухарок. — Убирать начнете завтра.

Причитающих прислужниц увели вниз, я же отправилась с Анни на кухню. Вытащила мягкий сыр, вяленое мясо и лепешки, которые, к счастью, не успели сгореть. В печи доходили клубни, которые мы тоже принесли на стол. Щеки горели, когда я ставила угощение. Отвернувшись, не глядя на мужчин. Еду ильхи разобрали молча, а я сбежала на лестницу. Обернувшись через плечо — Краст ел как утром, быстро и сосредоточенно, подбирая каждую упавшую крошку.

Почему-то была уверена, что он поднимется, когда доест — и точно. В спальне Краст остановился посреди комнаты, глянул исподлобья.

— Спасибо, — слегка растерянno пробормотала я, как-то слишком остро ощущая присутствие этого мужчины. Он словно заполнял все пространство, не оставляя места ни мне, ни воздуху. — За то, что вступился...

— Дело не в тебе, — оборвал он. — Прислужницы оскорбили меня, решив, что могут проделать такое безнаказанно. Они подумали, что их риар слишком глуп, чтобы догадаться и найти виновных. Я слишком много им позволил. — Он потер покрасневшие глаза, словно ильх долго смотрел на огонь. — Ты зря их пожалела. Дьярвеншил не знает жалости. И зря соврала в первый раз про Бриду. Она могла убить тебя. А мне пришлось бы выплачивать долг за твою жизнь Варисфольду. Больше такое не повторится. И если ты совершь снова о том, кто тебе угрожает, я запру тебе в комнате до

конца месяца. Такое Варисфольд не осудит, будешь зла, зато в целости. Запомни это, лирин.

Ну, конечно. Моя смерть слишком дорого обойдется Красту. Сознать причины его заступничества неприятно, но, если убрать эмоции, риар прав. Судя по всему, моя смерть обойдется ему в сумму, которой у Дьярвеншила просто нет. Не надо быть финансовым гением, чтобы оценить общую картину запустения.

Я дернула сухим горлом.

Главное, чтобы Краст не узнал правды обо мне... Надо же так попасть!

— Женщины виноваты, но я не хочу их смерти, — произнесла хмуро, возвращаясь к прислужницам. — Да и зачем лишаться рабочих рук, когда можно использовать их по-другому. И все же, я благодарна, что ты заступился. Неважно, в чем была причина. Я благодарна. Спасибо тебе, Краст.

Он глянул удивленно, словно я сказала что-то не то.

— Или я не могу называть тебя по имени? Извини, в этом я тоже пока не разобралась.

— Ты можешь, — нехотя бросил он. — Но мне не нужна благодарность. Ты будешь учить меня.

— Учить? — подняла я брови.

— Буквам, — процедил риар. Похоже, признаваться в собственном невежестве ему не нравилось. Лицо застыло маской, на щеках проступили пятна. Поэтому переспрашивать я благоразумно не стала, лишь кивнула согласно:

— Когда ты готов начать? И еще я хочу свободно покидать башню. Извини, но в четырех стенах я свихнусь.

Краст сверлил меня таким взглядом, словно готовился свернуть шею, но медленно, через силу, кивнул.

Бросил короткое: «Позже» и ушел.

Глава 14

Я без сил упала в кресло и на несколько секунд зажмурилась до мушек, плавающих под закрытыми веками. Хмыкнула. Да уж, вот тебе и приключения, Ника. Вот тебе и тайны фьордов, которых лучше не знать. Сидела бы дома и не лезла туда, где ничего не понимаешь. Разве могла я подумать, что однажды стану в прямом смысле распоряжаться чужой судьбой? Решать — жить кому-то или умереть? Да я и представить себе такого не могла. А насколько это тяжело и страшно, мне не снилось и в кошмарах!

И, честно говоря, все, что сейчас хотелось, — это забиться в какой-нибудь угол и побыть одной. Обдумать. Но прежде надо решить вопрос с кормежкой в этой проклятой башне. Была у меня одна мысль...

Прихватив накидку, я отправилась на площадь Дьярвеншила. Сегодня за стенами башни светило солнце, ветер стих. Я сочла это добрым знаком. Без приключений добралась к уже знакомому навесу и, робея, приблизилась к статной женщине у котла. Та глянула на меня удивленно.

— Милости перворожденных тебе, Алвина, — почти привычно произнесла я, вспомнив имя незнакомки. — Меня зовут Вероника. Я...

— Ты — лирин, — оборвала кухарка, помешивая суп в своем котле. Пах он упоительно, и я сглотнула голодную слюну. Из-за навеса на нас косились ильхи, но в разговор никто не вмешивался. — Я знаю. Таких волос нет ни у кого в Дьярвеншиле. — Она глянула быстро на гору, снежной вершиной белеющую вдали. — Чего ты хочешь, нареченная риара?

— В башне нужна кухарка, — выпалила я. — Та, что умеет готовить. И пара крепких помощниц для нее.

Твою еду хвалят во всем городе, и, может, ты захочешь...

— Нет, — уронила женщина. Нахмурилась.

— Нет? — признаться, я слегка опешила. Потому что ожидала иного ответа. Разве не лучше быть стряпухой у местного правителя, чем стоять с котлом на холоде? — Нет? Думаю, риар сможет платить тебе... я пока не знаю сколько, но можно договориться...

— Нет. Ты не понимаешь, лирин. Ты чужая здесь. Это видно. И слышно. Ни одна вольнорожденная дева не пойдет добровольно в башню к проКлятому риару. Ты напрасно явилась ко мне.

Я онемела, не зная, что сказать. Алвина смотрела хмуро, всем видом показывая, что не рада моему визиту. А я, наконец, осознала, насколько все плохо. Краст не был дураком и наверняка знал, что Брида лентяйка и воровка. Да только выбора у него не было. Очевидно, те женщины, что сейчас томились в подземелье — единственные, согласившиеся на работу в башне. Обязанности свои они выполняли из рук вон плохо, потому что тоже понимали — заменить их некем. Вот и меня решили поставить на место, посчитав, что риар не пойдет на крайние меры.

А он пошел, потому что моя жизнь сейчас ценнее стряпух.

И теперь башня осталась без поварихи. И чем будут питаться Краст и его воины? На холодных припасах они долго не протянут!

Я прикусила от досады щеку. Что же делать?

— Послушай, Алвина, — почти с отчаянием начала я. — Ты права, я чужачка. Но разве все вы, жители Дьярвеншила, не должны помогать своему риару? Из-за глупых суеверий вы превратились в пугливых крыс, что боятся переступить порог башни!

— Мы боимся не суеверий, девочка! — вспыхнула женщина. За ее спиной уже хмурились несколько

товарок. — Ты здесь чужая и не знаешь, что говоришь. Разве ты не видела его глаза? Наш риар проклят, в нем злая кровь. Страшная. Он отмечен ветром, как любой ребенок с голубыми глазами, но это лишь полбеды. Краст-хёгг иной, ты не понимаешь. И нам жаль тебя, глупая девочка. Мы не любили старого Ингольфа, это правда, но его сын в разы страшнее!

— Какая чушь. Вы просто трусите! — вспыхнула я. Потерла устало виски. Боги, какое дремучее невежество. Я уже заметила, что жители Дьярвеншила темноглазые, со всех сторон я видела радужки разных оттенков карего, от светлого до черного. А у риара глаза даже не голубые, а разноцветные. Неужели обычную гетерохромию приняли за проклятие. Впрочем, чего я ожидала от этих диких земель?

— Мы не боимся смерти, — с достоинством отозвалась кухарка, оглаживая крутые бока под добротным синим платьем. — Но есть то, что страшнее ее. Стоит посмотреть риару в глаза, и каждый понимает, что надо бежать. Лишь такие же безумцы встанут рядом с ним. Даже кольцо Горлохума не спасло Краст-хёгга от проклятия! — Снова испуганный взгляд в сторону гор. И мрачный — на меня. — Теперь уходи, лирин. В башню никто не пойдет.

На меня уставилось несколько пар недовольных, тревожных взглядов. Я высоко подняла голову, понимая, что проиграла. Вот почему Брида твердила, что мы пожалеем. Она точно знала, как обстоят дела.

— Мне стыдно быть частью Дьярвеншила. Риар защищает вас. Помогает. Еще вчера он разбирал завалы наравне со всеми, не гнушаясь тяжелой работой. И думаю, это не первый раз. А когда помощь нужна ему, вы прячетесь за глупыми страхами. Я слышала, что Дьярвеншил не любит чужаков. Но, похоже, он никого не любит. Лишь отворачивается, когда просят о

помощи! — развернулась и пошла обратно к башне, ощущая прожигающие спину взгляды.

К своему временному пристанищу я подходила, кусая губы. Вопрос с кухней оставался открытым. И что делать? Самой становиться к печи? Я не умела управляться с местными котлами, ухватами, я не знала, как готовить еду на открытом огне или углях и из чего ее готовить. Местные продукты были мне непонятны. Да и не кухарка я. Я просто не справлюсь, глупо себя обманывать. Сегодняшний котел супа я осилила еле-еле, да и то не сама. Готовить ежедневно на ораву мужчин я просто не смогу!

Вздыхнула, закуталась в мех накидки. Солнце закрыла сизая туча, белые лучи веером раскинулись над башней. На миг я замерла, любясь восхитительным зрелищем. И решительно сжала кулаки. Ничего, я что-нибудь придумаю. Нельзя раскисать!

Но в спальню поднялась в расстроенных чувствах. Верная Анни притащила лепешку с копченым мясом, которую я сжевала, не чувствуя вкуса.

Бороться с человеческими предрассудками невероятно сложно. Даже в истории ныне прогрессивной Конфедерации полно случаев притеснения тех, кто так или иначе отличался от остальной массы людей. А у Краста эта проклятая гетерохромия. Судя по тому, как риар ест и ведет себя, его жизнь была не слишком радостной. Он собирает даже крошки, как человек, хорошо знакомый с голодом и лишениями.

Боги, и как со всем этим бороться? Даже сам риар здесь лишний, а я так и подавно!

— Полжизни отдала бы за кофе и шоколад, — буркнула я, потирая озябшие ладони. Может, риар и сегодня отправится по каким-нибудь своим делам? Заниматься его обучением мне категорически не хотелось, я уже жалела, что предложила это. —

Проклятый Дьярвеншил, — проворчала, глядя на горы, темнеющие в окне.

За спиной раздалось хмыканье, и я, подпрыгнув, обернулась.

— Он не так плох, — произнес Краст, рассматривая меня. — Весной и летом здесь очень красиво. Бодрянка на крышах покрывается крошечными голубыми побегами, водопады просыпаются. А в ложбине скал есть озеро арлайн, это означает «око гор». По его берегам цветут желтые и красные цветы, а вода в озере такого глубокого синего цвета, какого не бывает и в небесах. Говорят, это самое красивое озеро фьордов.

Я молчала, невольно представив эту картину. И удивляясь, с чего бы мрачный риар решил мне это рассказать. К весне меня здесь точно не будет.

Кажется, он тоже задался этим вопросом, потому что нахмурился и отвернулся.

Ощущая странную растерянность, я снова потерла руки и уронила сердито:

— Если ты пришел заниматься, то нам нужны книги и бумага. Найдутся?

Моим надеждам на отрицательный ответ и спасение от уроков не суждено было сбыться. Краст глянул исподлобья, а потом подошел к стене. И я онемела, увидев, как часть кладки отодвинулась, открывая проход, которого раньше не было.

— Но как?..

Он не ответил, даже не посмотрел. Я осторожно ступила в узкий темный коридор, пялясь на спину Краста. Сегодня на нем были штаны и безрукавка, железные браслеты на предплечьях матово светились. Проход закончился комнатой, и я снова потеряла дар речи. Здесь были книги — множество. Сваленные в кучу на полу, раскиданные на столе, пыльные, с выцветавшими страницами или покрытые налетом ржавчины на железных застёжках. Тяжелые фолианты,

размером со стол, и небрежно отброшенные свитки. На всем лежала печать запустения и ненужности, а моя душа встрепенулась от негодования при виде столь вопиющего отношения к книгам. Неважно, что большинство написаны на языке, которого я даже не знала!

— Здесь обучали наследников Дьярвеншила, — процедил Краст, осматриваясь с такой ненавистью, что я решила не задерживаться. — Возьми, что тебе нужно.

Я не стала поправлять, что нужно ему, а не мне. Молча подняла ближайший фолиант и расчихалась от пыли. «Ветра и скалы» — было выведено на обложке.

— Глазам своим не верю. Настоящий раритет!

— Это книга. Как ты и просила! — нахмурившись, поправил ильх, и я скрыла улыбку. Ну да, книга...

— Попробуем начать с этих, — уронила я, поднимая еще пару книг. Уходить из этой комнаты не хотелось, честно говоря, больше всего я желала зарыться во все эти тома и страницы, словно отчаянный кладоискатель в сундук с сокровищами. Но Краст уже почти рычал, его тело окаменело, а возле губ залегли складки. Похоже, это помещение риару категорически не нравилось. Так что я решила вернуться и не дразнить злого... дракона. Попробую приучать его к виду книг постепенно, может, к концу месяца он не будет так рычать при виде кожаных обложек и желтых листов?

Покосилась с сомнением. Ох, чует мое сердце, месяца на перевоспитание слишком мало!

— Мне нужно будет посмотреть, что ещё может пригодиться в занятиях. Я смогу сюда приходить?

Ильх напрягся еще больше, того и гляди — иглы и шипы во все стороны полезут. Но неохотно кивнул, и мое настроение мигом улучшилось. Мысленно попрощавшись с комнатой сокровищ, я вернулась в спальню.

Достала из своей сумки коробку карандашей, решив, что поначалу писать мой ученик будет ими. Села за стол и показала на стул напротив. Краст смотрел исподлобья, но я старалась не обращать на это внимания, хотя меня слегка потряхивало. Так, надо собраться и представить, что обучаю младшую сестренку... Ладно, братика... Такого двухметрового, дикого и очень злого братика...

— Начнем с алфавита, — начала я, и Краст злобно клацнул зубами.

— Это еще кто?

— Кто? — растерялась я. — А... это буквы.

— Так буквы или какой-то там алфавит? — рявкнул Краст.

— Это одно и то же. И не перебивай меня, пожалуйста!

— Объясняй нормально, — огрызнулся риар, нервно тарабаня пальцами по столешнице. — Ничего не понятно.

— Слушай, я вообще-то не нанималась сюда учительницей для дикого ильха! — не выдержала я и вскочила. Краст тоже поднялся, зыркнул сердито. Выдохнул. И сел на место, глядя на меня с таким выражением, что хотелось заорать и сбежать.

— Я. Тебя. Слушаю, — с трудом выдавил ильх, явно распознав на моем лице это желание.

— Ну надо же, какая честь, — буркнула я, но тоже села. Риар снова скрипнул зубами. Я уставилась недовольно.

— Ну? — процедил риар. — У меня нет времени тут торчать целый день!

Я хотела посоветовать ему вообще тут не торчать, а идти куда-нибудь подальше, но заметила нервно подрагивающие пальцы, напряженную до выступивших вен шею, окаменевшие плечи и... промолчала. Боги. Да он же просто волнуется. Осознание заставило меня

покраснеть. Этот проклятый ильх, этот здоровый дикарь, который наверняка способен без трепета перерезать кому-то горло, просто боится. Опасается показать свою слабость, переживает, что ничего у него не выйдет и он опозорится перед чужачкой. Как же я сразу не догадалась? Краст выглядит так угрожающе, что мне просто не пришло это в голову!

Я помолчала и, чтобы собраться с мыслями, открыла одну из принесенных книг. Поверх строчек темнели неуверенно выведенные буквы. И судя по тому, как вздрогнул Краст, я догадалась, что это он уже пытался повторить написание символов.

Но комментировать увиденное я благоразумно не стала. За что получила чуть слышный вздох облегчения.

— Насколько я знаю, наши устные языки по большей части совпадают, — начала я, положив перед ильхом бумагу и синий карандаш. — Что касается письменности, то тут сложнее. На фьордах используются две формы. Ваша изначальная письменность — руническая, с которой я незнакома. Чуть позже стала применяться основная, с ней мы и будем работать. — Я осторожно погладила строчки в книге. — Наши историки предполагают, что обмен знаниями между Конфедерацией и фьордами происходил всегда, благодаря подводным течениям. Как и когда вы получили образцы нашей письменности — неизвестно, да и неважно. Главное, нам есть с чем работать. И для начала мне нужно понять, сколько букв ты уже знаешь. Если... знаешь.

Краст глянул так, словно мечтал вырвать мой язык, говорящий неслыханные дерзости. Но теперь я смотрела невозмутимо и выжидающе, как будто обучать грамоте агрессивно настроенного варвара — это то, что я делаю каждый день после завтрака. И зашипев сквозь зубы, риар сдался.

— Я знаю, как написать свое имя. И еще несколько слов, — процедил он. Неловко взял карандаш... и тот треснул в бронзовых пальцах, сломавшись пополам!

Я тоже выдохнула, молча отобрала останки несчастного грифеля, сунула Красту новый и кивнула.

— Это уже что-то. Пиши. Как правильно сказать: Краст, сын Ингольфа?

— Краст, — рыкнул ильх. — И все. Отец меня не признал, так что я не могу представляться его именем.

Я задумалась над новой информацией. Не признал, значит...

— Хорошо, тогда просто твое имя.

Очень медленно мужчина вывел буквы. Под слишком сильным нажимом новый грифель порвал бумагу и тоже сломался. А разозлившийся ильх разорвал остатки, швырнул на пол и злобно глянул на меня. Как будто ждал, что я начну кричать и он со спокойной душой сможет уйти. Ну, или, наконец, прибьет чужачку. Но я лишь молча достала третий карандаш, новый лист и пожалела, что поблизости нет канцелярского магазина. Если так пойдет дальше, писчие принадлежности понадобятся нам довольно скоро.

— Постарайся так сильно не давить, — велела я, игнорируя злобное шипение риара. Обошла его, встала позади и положила руку на каменный кулак, сжимающий карандаш. — Вот смотри, надо мягче. Ты держишь не нож, а грифель. И с ним надо ласково, понимаешь? Ну как... с девой.

— А зачем с ней ласково? — не понял варвар, и я снова вздохнула.

Все ясно, пример неудачный.

— Потому что девам это обычно нравится. Все, забудь. Просто держи это осторожнее и не дави на бумагу так, словно ненавидишь ее!

Хотя, похоже, именно это чувство он и испытывал. Краст уставился на мою руку, потом на бумагу и снова повел грифелем, выписывая букву К. Я придержала мощное запястье, не давая испортить и этот лист. Ильх напрягся всем телом, словно готовился к бою, тяжело втянул воздух.

— Мягче, Краст. Вот так... Или мне нельзя к тебе прикасаться?

— Можно, — сквозь зубы выдавил ильх. — Мужчине нельзя. А деве можно.

Он снова покосился на ладонь, выдохнул и повел осторожнее.

— Вот видишь, получается! — обрадовалась я. — Еще легче, не сжимай пальцы, Краст. Вот так... отлично. У тебя все очень хорошо выходит!

Он резко повернул голову, уставился на меня снизу вверх. И я осеклась, откашлялась и убрала руку.

— Теперь сам попробуй.

Снова села напротив, бдительно следя за своим мрачным учеником.

— Нам говорили, что на фьордах много образованных людей, — негромко начала я.

— В Варисфольде, — угрюмо кивнул Краст. — В Нероальдафе. Альсколе. В других местах. Не в Дьярвеншиле.

— Твой отец... хм, Ингольф-хёгг умел писать? — если нет, то это могло бы многое объяснить.

— Умел. Но плохо. Он ненавидел... — Краст нахмурился, подбирая слово, — учение.

— Образование?

— Да. Считал, что с ним Дьярвеншил станет таким же, как Саленгвард.

И видя мое недоумение, пояснил:

— Мертвый город фьордов. Урок для всех ильхов. Когда-то Саленгвард был самым просвещенным городом от Горлохума до Красных Озер. Он спорил с

самим Варисфольдом и никому не подчинялся. Сейчас там лишь тени и призраки прошлого... Нельзя желать слишком много. Надо беречь то, что есть. Ингольф-хёгг считал, что наука погубит фьорды. В Дьярвеншиле она была под запретом.

— Значит, здесь никто не умеет писать? — изумилась я.

— Хальдор умеет, — в глазах Краста возникло такое выражение, что стало не по себе. И я вспомнила: Хальдор — это тот красавец, что привел меня в кузницу. Значит, именно он здесь и самый образованный... Но как так получилось?

Гадать не пришлось. Краст откинулся на спинку стула, сверля меня недобрым взглядом.

— Хальдора Ингольф-хёгг готовил в наследники. Хотя он ему не сын, а лишь сын брата. Хальдора учили читать и писать, правильно брать женщин и разбираться во всем, что положено знать истинному риару.

Разноцветные глаза смотрели в упор, ожидая какой-то реакции, но я лишь подняла брови.

— А разве женщин можно брать ещё и неправильно?

Краст усмехнулся, и закаменевшие плечи расслабились. Не полностью, конечно, кажется, полностью ильх не расслабляется даже во сне, но ощущение натянутой тетивы ушло.

— Я беру ради своего удовольствия, чужачка, — хмыкнул он. — Но риару это непозволительно. Неправильно. Только у риаров нет выбора. Этому мне тоже надо... научиться.

Он как-то устало потер лоб.

— И все же хозяйин этой башни ты, а не Хальдор, — осторожно сказала я, решив сексуальные трудности риаров обдумать позже. — Как так вышло?

— По праву крови и силы. Я заявил свое право на башню, и буду здесь, пока кто-то из воинов не кинет

мне вызов. — Он снова замкнулся, и я решила не продолжать расспросы. Хотя внутри просто зудело от желания узнать больше. Кто его мать? Как прошло его детство? И почему прежний правитель Дьярвеншила не признал сына?

— Похоже, мне повезло, что я не застала Ингольфа, — задумчиво уронила я. — Потому что не представляю свою жизнь без книг. У меня большая семья, сестры и брат, так что в детстве я вечно искала тихий угол, чтобы спрятаться и почитать.

— Разве я спрашивал тебя о семье? Я не хочу об этом знать, — оборвал Краст, а я скрипнула зубами. Проклятый ильх, ну почему он такой... трудный?!

Убрала упавшую на лицо прядь, чтобы не вспылить, и снова склонилась над бумагой.

— С именем мы разобрались, попробуй написать Дьярвеншил.

Очень медленно и отчаянно скрипя по бумаге заскользил грифель. Эти буквы риар тоже знал, и я решила схитрить:

— Дьярвеншил... напиши любое слово, которое будет означать это место.

— Дьярвеншил значит злая гора, — не глядя на меня, сказал ильх. — И я не знаю, как это пишется.

— Злая гора? — удивилась я. — Видимо, не случайно крепость назвали именно так. Вот есть в этом что-то правильное. Ну что же... будем учиться писать и это. Давай я покажу.

Обошла стол и склонилась рядом с риаром, вычерчивая на бумаге буквы. Его ладонь лежала рядом с моей, и я вдруг увидела, что Краст смотрит не на пропись, а на мои руки. Внимательно, пристально. Рассматривает пальцы, костяшки, запястья, виднеющиеся из-под края рукава. Потом взгляд скользит выше — до сгиба локтя. Перемещается вбок.

Очень медленно поднимается от округлости груди до ключиц. Замирает.

— Достаточно, — неожиданно он отбросил карандаш и поднялся.

Ответить я не успела, дверь снова закрылась за риаром. А я прижала холодные ладони к вспыхнувшим щекам, удивляясь странному ощущению. Вроде и не сделал ильх ничего, даже в глаза не посмотрел, а мне жарко стало...

Глава 15

Краст положил ладони на камень, прислушался. Скала пела свою извечную песню, шептала о волне, стачивающей ее, о деревьях, щекочущих корнями, о ветре, облизывающем вершину...

Говорила о своем, том, что было за столетия до риара и будет столетия после. О людях скала молчала. Мелкие и суетные, они были ей неинтересны.

Краст надавил, заставляя камень открыться. Скала заворчала недовольно. Ей не нравилась сила, способная разъединить ее части, злила. Злая гора... Краст сжал зубы, без слов приказывая, и скала дрогнула, неохотно поддалась, размыкаясь. Узкий коридор, образовавшийся в плотной породе, сомкнулся, стоило ильху пройти его.

Но назад Краст и не смотрел. Тонкие красные прожилки, испещрившие свод пещеры, осветили печальную картину. На утопанной земле одиноко валялась пара десятков тусклых золотых монет, небольшая горка меди, несколько поцарапанных кубков да женских безделушек. В огромном пространстве, способном вместить хёгга, эти жалкие остатки места силы казались насмешкой. Не сдержавшись, Краст пнул кубок, и он, описав в воздухе дугу, шмякнулся о стену и смялся от силы удара. Мелкие рубины высыпались на землю, блеснув кровавыми каплями.

Краст потер переносицу, заставляя себя успокоиться. Однажды он видел эту пещеру иной. В тот день, когда надел кольцо Горлохума и Ингольф привел мальчика сюда. Юный ильх застыл, пораженный, глядя на груды золота, сундуки с тканями и шкатулки с драгоценностями. Ингольф окинул сокровища взглядом и подобрал валяющийся у ног нож. Совсем простой, с кривым лезвием и треснувшей костяной ручкой.

— На вот, — насмешливо кинул клинок на землю. — По закону каждый, кто сумел поймать душу хёгга, получает от риара дар. Бери, гаденыш. И запомни — это все, что получишь в Дьярвеншиле. Не надейся на большее. Хоть с кольцом, хоть без — но ты лишь выблядок своей дикой мамы. Не более того. А теперь убирайся, чтобы я тебя больше не видел и не прибил ненароком!

Ингольф рассмеялся, глядя в лицо мальчишки. А Краст молча подобрал с земли кривой нож, сжал в руке. Стер кровь, текущую из носа, растянул в усмешке разбитые губы. Бой за душу хёгга оказался непростым.

— Благодарю, мой риар, — тихо произнес он. Вскинул голову, не мигая глядя в глаза отца. — Благодарю за дар, которым однажды убью тебя.

И развернувшись, пошел к широкому коридору, ведущему наружу. Ингольф кричал позади, посылая на голову наглomu выблядку проклятия перворожденных, но Краст не слушал...

...снова потер переносицу, прогоняя видения прошлого. Сейчас оно не должно волновать. Ингольф мертв, но гораздо важнее то, что Дьярвеншил разорен. Войдя в сокровищницу спустя годы, Краст не поверил своим глазам. Здесь ничего не осталось. Жалкие крохи богатств, веками накопленных предками риара. Место силы всегда священо, его пытаются не только сохранить, но и приумножить. Потому что это не только пещера, где способен залечить свои раны черный хёгг, но и безопасность всего города.

Чем Краст заплатит воинам, прислужницам, кузнецам и мастерам Дьярвеншила? Чем, поглотит все Горлохум? Склады пусты, золота нет, даже шкур почти нет. А новые можно добыть, лишь отправившись на злую гору. Вот только каждый поход за йотуновой шубой оборачивается не только уловом, но и гибелью воинов. Пятый ветер еще не сошел, а огни уже горят...

Это значит, что в этом году зверей много и они голодны. А голод делает хищников яростными. Сколько мужчин не досчитается Дьярвеншил после злой горы?

Ингольф плевал на чужие жизни и посылал воинов на смерть, не задумываясь.

Краст сжал зубы так, что услышал хруст. Нахмурившись, он в сотый раз искал выход, но не видел его. Чтобы восстановить Дьярвеншил, нужно золото. Чтобы получить золото, нужны йотуновы шкуры, что так ценятся на фьордах. Чтобы добыть шкуры, нужны воины... Но никто не пойдет на гибель без золотого обещания. Можно пустить в крепость наемников, таких, каким несколько лет был сам Краст. Когда-то он ушел из Дьярвеншила и не думал возвращаться. Их с Рэмом жизнь была посвящена диким землям и случайным заработкам, походам и боям. Ильхи без рода и риара, свободные воины, готовые идти на смерть ради нескольких монет. Такие же наемники могли помочь Дьярвеншилу и добыть шкуры, которые на фьордах ценятся больше желтого металла.

Это и предложил Краст, как только занял башню риара Дьярвеншила. Но тут воспротивились главы родов, особенно Манавр, отец Хальдора.

— Дьярвеншил станет прибежищем для банды наемников? — орал он, потрясая кулаками. — Ты хочешь пустить за наши стены толпу вооруженных ильхов, что не чтят даже перворожденных? Кто поручится за то, что они станут тебя слушать? И что пойдут на злую гору, а не по нашим домам — убивать и брать наших женщин? Тебе, может, и не привыкать к такому, слышали, ты и сам много лет тем и жил... мой риар! — выплюнул старый ильх — брат его отца.

В тот день Краст едва удержался от убийства. Хотя и хотелось до красноты в глазах. Но старик Манавр не тот противник, ради которого нужно оголять сталь. А самое плохое — Манавр был и остался конухмом. Его

выбрали главы родов, и риар не в силах его сместить. И с мнением конухма приходилось считаться, как ни хотелось Красту послать Манавра в пасть йотуна.

Ильх присел, подобрал с земли тусклую золотую монетку, повертел в пальцах. Дьярвеншил не любит чужаков... А ещё — образование, науку и все новое, что способно сломать устоявшуюся жизнь этого города. Злая гора... Злая и дикая гора. Дьярвеншил гибнет, но, кажется, пока это понимает лишь сам Краст. Даже Рэм считает опасения побратима глупыми. Так жили на этой земле веками, зачем что-то менять? Погибнут воины в походе за шкурой, так что же — они всегда гибли. С девятым ветром придут звери в город — так спрячемся под землей, как прятались всегда...

Дьярвеншил слушает ветра.

Дьярвеншил смотрит на огни.

Дьярвеншил прячется, молится, умирает...

И ничего не хочет менять. Так было за века до рождения Краста. Так должно быть века после.

Вот только почему внутри молодого риара зреет глухая ярость и понимание, что этот путь ведет напрямик в пекло Горлохума?

И с чего ему так думать?

Он всего лишь ошибка, непризнанный сын, порченный хёгг и бывший наемник, что видел лишь самые дальние фьорды, где и крепостей-то не было, не то что городов... Он не знает, как изменить жизнь. Не знает, что надо делать и с чего начинать. Пекло, да он даже букв не знает. Может, надо однажды ночью вырезать всех мужчин — глав родов, плюнуть на недовольных и сделать по — своему? Краст невесело усмехнулся. Так поступил когда-то Ингольф Лютый и правил на этой земле мечом и кровью много лет. Посылал на злую гору всех мужчин Дьярвеншила и наказывал тех, кто возвращался без йотуновой шкуры. Серебристые меха потом отправлялись в Варисфольд, и

там менялись на золото. Вот только цена их была гораздо дороже. Жизни. Много жизней. Но на это Ингольфу было наплевать. Он звался Лютым и гордился этим.

Вот только Краст хотел иного.

Но что он может сделать с пустой сокровищницей и ненавидящим его городом? Единственная поддержка сейчас — личный отряд, который пришел с Крастом из похода и осел в Дьярвеншиле. И даже за это риар едва не поплатился жизнью. А теперь вызвал еще большее недовольство родов, назвав нареченной пришлую девчонку!

Краст зло сплюнул и швырнул монету. Кругляш ребром впился в окаменевшую землю да там и застрял. Но риар уже повернулся спиной и пошел обратно.

Надо решить, где взять проклятые монеты. И как защитить Дьярвеншил. И что делать с чужачкой. Хотя с ней-то как раз все ясно, придет срок — уберется из его башни ко всем йотунам!

И пусть бы это произошло скорее. Бледная морь пробуждает внутри тьму. Пусть скорее уйдет, пусть проваливается. Рядом с ней он чувствует себя странно, то злится, то пялится на бледные пальцы и тонкие, вразлет, ключицы, виднеющиеся в вырезе платья. И от этих ключиц внутри беспокойно, маетно... И горло сохнет. От злобы, верно.

Он видел таких, как она. Тонких и надменных высокородных дев, что смотрели свысока на Краста, кривили красивые губы и отворачивались. Каждый раз происходило именно так. Стоило деве увидеть разноцветные глаза, и на женском лице появлялись страх и отчуждение.

Даже Ингрид не желала смотреть в лицо Краста, просила «делать все так, как делает риар», то есть, развернув к себе спиной и хорошенько оглушив зовом. Наверное, потому он и не желал разворачивать, а

пышногрудая красавица зажимивалась каждый раз, словно один взгляд в лицо прОклятого мог превратить ее в йотуна.

Правда, ради подарков Ингрид все равно приходила, не брезговала. Или ради зова, что дарит женщинам наслаждение.

Зов — проклятый подарок кольца Горлохума. Хёгги гордятся им, об умении иных риаров накрывать зовом целые города ходят легенды. А Краст вот ненавидит эту способность. Ведь стоит позвать, и дева уже не видит его, прОклятого. Вот только сам Краст знает, что все обман.

Ильх сжал кулаки.

Чужачка иная. И даров не хочет, и в лицо смотрит без страха. Открыто, прямо, без враждебности. И даже без насмешки. Или прячет? Так прячет, что и внимательный взгляд Краста не замечает? Скорее всего. А в душе насмехается над риаром, что не может прочесть и двух слов. Сама-то вон листает страницы так быстро, что у Краста голова кружится. Поначалу даже не верил, что читает, думал врет. Не может человек так читать. А потом всмотрелся внимательнее в лицо с едва дрожащими от улыбки уголками губ, в быстрые движения радужек, в сосредоточенную морщинку, залегшую между бровей и понял — правда читает. Так быстро, что риар опешил и ощутил внутри глухую тоску. Словно вот эта вот бледная чужачка могла увидеть мир, заключенный на желтой странице, а он нет.

Конечно, она насмехается над ним, как же иначе? Он же видит, как рассматривает его исподтишка. Наверное, грязь выискивает!

Краст посмотрел на свои руки. Хмыкнул. Притащилась чистюля на его голову!

Правда, ожидаемой насмешки он в чужачке не заметил.

И это сбивало с толку.

Такая дева, как она, — ученая, знающая все эти непонятные слова, чистенькая до блеска, тонкая и чужая, должна обливаться презрением каждый раз, завидя грязного кузнеца.

Наверняка насмехается. Так и хочется шею свернуть.

И зачем согласился на глупое учение? Сидеть в этой комнате рядом с чужачкой, смотреть на нее — то ещё мучение!

Прожил бы и без знания букв, как жил всегда. Он умеет сражаться, этого достаточно для воина. Скорее бы она ушла!

«Ну да, так и будешь таскаться на поклон к Хальдору, да слушать его уколы, раз сам ни строчки прочесть не можешь. Риар, а от незнакомых слов дергаешься, как будто йотун в зад укусил. Изменений хочешь, а сам?»

Краст досадливо потер шею. Вот уж йотунова отрыжка. Куда ни плюнь — везде ловушка!

Ладно, он перетерпит. Стиснет зубы и выдержит. Главное — смотреть в книги, чтоб они провалились, а не думать о том, что творится в голове у бледной мори. Да и какая ему разница? Пусть думает, что хочет!

И на пальцы ее не смотреть, и на эти тонкие ключицы в вырезе, и на губы...

Тем более что и смотреть там не на что. Поганка тощая.

Скорее бы убралась. Бесит так, что зубы скрипят!

* * *

Главное управление ликвидации и предупреждения внешних угроз Конфедерации.

— Наш агент на месте? — Этан Грэй, командующий внешней разведки Конфедерации смотрел в упор не мигая, что в сочетании с его серым мундиром и полным отсутствием мимики на лице всегда производило угнетающее впечатление на собеседников.

Однако человек, сидящий напротив, без проблем выдержал и немигающий взгляд, и суровые интонации вопроса. Может, потому что был как раз нечеловеком.

— Да. Этот человек пересек Туман и находится на земле фьордов. — Он помолчал, задумчиво посмотрел на свои сложенные руки. — Что ты хочешь найти?

Командующий сдержал недовольство. Обращение на «ты» его коробило, но тот, кто сидел напротив, не признавал другого. Грей заставил себя расслабиться и даже слегка улыбнуться. Его губы на краткий, почти неуловимый миг дернулись, левые уголок рта приподнялся, и снова все вернулось на место — в ровную и тонкую линию.

— Мы ищем все, что поспособствует провалу программы переселения и создаст необходимый прецедент для ее закрытия.

Сидящий напротив мужчина поморщился, но переспрашивать не стал. Понял. Он был умен, и это порой нервировало Грея.

— Наши планы совпадают. Думаю, ваш человек найдет, что ищет.

— Несомненно. — Грэй посмотрел в панорамное окно, за которым высились небоскребы столицы. — Наши миры слишком разные, хорошо, что мы с... тобой это понимаем. Научное сообщество и общественность пока на стороне программы переселения, но это пока.

— Хочешь открыть людям правду? — вскинул брови визави командора. — Ты знаешь закон.

— Ты сейчас предположил, что я нарушу закон Конфедерации? Или фьордов? — чуть больше холодного ветра... И усмешка на бледных губах командующего. —

Закон призван защищать жителей страны. В том числе и переселенцев. Если мы обнаружим факты, позволяющие усомниться в безопасности программы переселения, закон будет пересмотрен, а фьорды из нейтральных земель перейдут во враждебные, и проход будет закрыт. Это должно произойти.

Его собеседник оторвал взгляд от окна, рассматривать которое ему нравилось больше, чем хозяина кабинета.

— Да. Так будет лучше для всех. Меня не волнует Конфедерация. Но фьордам будет лучше без нее.

— Заботишься о своих землях?

Ильх, сидящий в кресле командора разведки, улыбнулся. И Грей едва не скривился. Внешняя привлекательность варваров — это тоже какая-то насмешка над всей Конфедерацией. Инстинкты, сила, завораживающая мощь и дикость — то, чего почти лишены представители разумной цивилизации и чем так щедро наделены эти... чудовища.

Недовольство все же скользнуло по лицу командора, но он сдержался. Несмотря на улыбку и спокойную расслабленность ильха Этан Грей ни на миг не забывал, кто перед ним.

Дракон.

* * *

Ужинали снова сухими запасами, от которых у меня уже болел желудок. А вечером риар не пришел. Куда отправился и где спал — мне не сообщил, понятно. Может, решил попрощаться с Ингрид? Кажется, эта пышногрудая красотка как раз в его вкусе!

Долго лежала без сна, всматриваясь в очертания гор, виднеющиеся за окном, и слушая ветер. Я уже привыкла к его песням, и порой даже казалось, что

ветер говорит что-то важное. В шорохе, вое и свисте мне слышались слова о хёггах и существах, живущих в скалах, словно и ветер рассказывал мне о фьордах.

А проснулась я, вздрагивая от кошмара: черный дракон с бесконечной тьмой в глазах завис прямо надо мной. Стальные клыки вот-вот сомкнутся на моем теле, я уже ощущаю горячее дыхание зверя и близость гибели...

Очнулась, хватая ртом воздух, и увидела лицо Краста. Он смотрел на меня, видимо, разбуженный всхлипами, но не делая попыток успокоить. Лежал на боку, как всегда, почти не прикрываясь. Волосы чернильным пятном на белом мехе, а в глазах... что? Я смутилась и отвернулась, все ещё продолжая ощущать спиной его взгляд. А утром его снова не было. И если бы не краткое пробуждение среди ночи, я решила бы, что риар и вовсе не приходил. Впрочем, может, так оно и было. Может, мне и вовсе приснился тот странный взгляд поверх разделяющих нас покрывал и шкур. Взгляд, который я так и не смогла понять или объяснить.

Покидать утром кровать стало настоящим испытанием, с каждым днем башня остывала все сильнее. Так что я уже мрачно прикидывала, как буду спать в платье и накидке. А с купанием и вовсе придется попрощаться.

— Так я быстренько превращусь в немытую дикарку, — прыгая на одной ноге, пробурчала я.

Внизу было тихо — ни прислужниц, ни воинов, ни риара.

Я зябко укуталась в накидку и, зевая, вошла в кухню. В пустом и полутемном помещении было неуютно. Я привыкла к небольшой, но светлой кухоньке дома, где стоял добротный стол, привычная и понятная техника, любимый пузатый чайник... а здесь? Черное нутро пугающего очага, жуткие ухваты для горшков,

чугунки, доски, камни непонятного назначения, палки, бочки... И все это такое примитивное и неудобное. Как можно готовить в таком жутком месте?

Со вздохом я потянулась к глиняному кувшину с водой и замерла. Луч света скользнул по стене, выхватив силуэт — рогатый и косматый. Я вздрогнула испуганно, вот только дрожать и бояться мне осточертело уже до безумия. И потому я отшвырнула кувшин, схватила тяжелый железный прут и рванула к чужаку.

— А ну стоять! — заорала я, грозно потрясая своим орудием.

Фигура качнулась, ушла во тьму. А когда я подбежала, то возле стены были лишь пустые бочки. Отшвырнув прут, я с рычанием перевернула ближайшую, кинулась ко второй, третьей...

— Где ты. А ну выходи. Хватит прятаться. Я не боюсь тебя! — орала я, громя и без того разворошенную кухню.

— Лирин, что ты делаешь? — испуганный голос Анни заставил меня остановиться и стереть со лба испарину. Девочка смотрела со страхом, что и понятно. Кажется, я слегка увлеклась и теперь сильно напоминала ту самую ушибленную!

— Утреннюю зарядку! — хмыкнула я. — У вас тут дико холодно, вот, греюсь!

— Так надо развести огонь, — прислужница покосилась на меня с опаской. — А кого ты искала, лирин?

Я снова обвела взглядом помещение.

— Никого!

Пугать девочку еще больше не хотелось, так что я приказала заниматься едой и не болтать. Как оказалось, мои сомнения по поводу готовки в подобном месте были не напрасными. Я дважды обожгла руки, пытаюсь совладать с печью, разбила несколько тарелок,

спалила проклятые клубни и испортила рыбу. У меня не получалось ловко выхватить горячий противень или поднять ухват, весящий, казалось, больше меня. От открытого огня я шарахалась и ничего не понимала в местных блюдах. Анни управлялась куда сноровистее меня, но и она не была кухаркой. Раньше девочка лишь мыла горшки да убирала, к продуктам ее не подпускали. И теперь мы с ней ощущали себя двумя неудачницами, которые бесславно проиграли войну с проклятой кухней!

— Мы все равно это сделаем! — цедила я сквозь зубы. Красная, взмыленная, уставшая и перепачканная сажей. Как раз этот момент выбрал Краст, чтобы явиться.

Окинул разгромленное помещение удивленным взглядом, посмотрел на меня. И брови поднял так, что я крепче сжала деревянную ручку огромной сковороды.

— Что ты делаешь, лирин?

— А что незаметно? — огрызнулась я. — Пытаюсь хоть что-то приготовить!

Краст помолчал, снова осмотрелся.

— Мы развели снаружи огонь и зажарили кабана. Ночью я был на охоте. Если хотите есть, вам стоит поторопиться.

Я сглотнула голодную слюну.

— Кабан? Не рыба? — слабым голосом пробормотала я.

Краст усмехнулся.

— Умойся, лирин. Ты сейчас испугаешь и саму йотуншагун. Я оставил для вас мясо на столе.

И ушел. Я же торопливо плеснула водой в лицо и вылетела в зал. От вкусного запаха жареного мяса рот наполнился слюной. Мы с Анни вцепились в сочные куски, как две дикарки, урча от удовольствия и посмеиваясь друг над другом. Хотела сказать Красту спасибо, но он снова исчез.

Риар с силой ударил по железной свае, устанавливая основание для водяного отвода.

— Держи! — рявкнул помощнику.

Инв качнулся, но устоял, остальные мужики подхватили, чтобы огромный железный брус не рухнул, увлекая за собой постройку. Еще один удар, и свая прочно вошла в глубину.

Краст стер со лба пот, глянул на гору. Надо закончить до того, как морозы прихватят землю. Голубых огней пока не видно, но риар нюхом чуял — там они, там. За скалами, в недрах горы. И скоро полезут на поверхность, а потом и вниз — к Дьярвеншилу.

Ветер неувовимо крепчает с каждым днем.

И в дни, когда люди не смогут выйти из своих домов, у каждого должна быть вода. Для того он и истекает десятым потом, устанавливая сваи и направляя своенравный поток туда, куда нужно.

Когда просыпается ай-ро, даже горячие источники замерзают. Город без воды — город в ловушке, добыча. А добычей риар быть не желал.

— Здесь надо будет положить деревянный настил, — указал Краст на поток, отделившийся от основного русла. — Установить внутри камни Горлохума, закрыть, чтобы не промерзло. Чем ближе к горе, тем холоднее, значит сюда больше дерева и камней... Ты, Айвен, позаботишься о досках...

— Так доски монет стоят, Краст-хёгг, — сипло отозвался мастеровой. — Кто платить будет? Ты уж прости, но я все лето над своими запасами корпел, если бесплатно отдам, на что жить стану? Я свою древесину хочу в соседний Тронхергард отправить...

Краст скрипнул зубами. Проклятье. Айвен по — своему прав, его семья живет за счет древесины, которую обрабатывают и сплавляют на скалистый фьорд.

— Сейчас не время жадничать, — процедил Краст, отворачиваясь от созерцания гор. — Если источники воды замерзнут, вряд ли тебе понадобится хёггкар до Тронхергарда.

— Так колодцы есть, риар, — нахально отозвался молодой верзила Рвен. — Будем молить перворожденных, чтобы вода не ушла!

Молить перворожденных. От злости у Краста потемнело в глазах. Молить. Вместо того, чтобы сделать все возможно для сохранения источников!

— Эта зима обещает быть суровой, — пытаюсь отогнать эмоции, проскрипел риар. — Я видел огни уже несколько раз.

— Что? — всполошились ильхи, и все взгляды, как один, уткнулись в скалы, выискивая тревожные признаки. — Да нет пока огней... может, почудилось? Рано еще...

— Огни были! — теряя терпение, прорычал Краст. Он устал, почти не спал, проголодался и спорить с ильхами не хотел. Но на него смотрели недоверчиво и косо. От этого он тоже устал. Отбросил молот, потер затекшую шею. И глянул недобро. — Огни были. И ай-ро пробуждается. Эта зима будет холоднее обычных, и вода замерзнет даже в колодцах. И этот поток — единственное, что останется, если мы сделаем все, как надо. Неужели не ясно!

— Что там с зимой — ещё неизвестно, а вот кушать нам всем на что-то надо... — хмуро пробурчал Рвен. — Прежний риар платил...

Краст сжал зубы до хруста. Все верно, платил. Иногда. Вот только сейчас сокровищница пуста, а без воды зиму не пережить. И как убеждать этих

тупоголовых ильхов, а особенно враждебно настроенных глупцов вроде Рвена? Молодой и безмозглый, он поглядывал свысока на грязного после тяжелой работы риара, и на красивом лице явно читалось пренебрежение. Вот на Хальдора Рвен смотрел уважительно, а Краст в его глазах лишь отродье гор.

— Может, почудились огни, а? — с усмешкой протянул молодой верзила. Кулак Краста врезался в грудь наглеца, один ударом сваливая с ног. Рвен встал на четвереньки, мотая головой, как бычок, и ошарашенно косясь снизу вверх на взбешенного риара. Попятился задом, изумленно вздрагивая и не понимая, откуда у прОклятого такая сила. Ведь одним ударом свалил, и чуял Рвен — не самым-то сильным. Нутром ощутил, как риар сдержал в последний момент замах и кулак лишь поверг наземь, а не вышиб дух из тела. И это его — одного из сильнейших каменщиков Дьярвеншила. Да как так?!

— Милостивые перворожденные, — выдохнул потрясенный Рвен. — Да это же... это... невозможно!

Но на него Краст уже не смотрел.

— Принесешь доски, Айвен, — процедил Краст. — А вы — камни. Плату получите.

И отвернулся. Мужики, переглядываясь и перешептываясь, потянулись прочь, оставив риара возле нового источника.

Краст втянул студеной воздух, приходя в себя. Зря ударил, зря не сдержался. Сколько их таких было в его жизни — косых взглядов, насмешливых слов, перепуганных лиц? И как заткнуть все эти рты, шепчущие ему вслед «прОклятый»? Поубивать всех? С каждым драться?

Присел, зачерпнул воды, умылся. Сделал несколько жадных глотков. Над морем блеснула искорка, и Краст приложил ладонь к глазам, всматриваясь. Миг, и стали

видны серые крылья-паруса, длинное тело, покрытое снежной чешуей, и вытянутая морда с гребнем. Рэм пропахал борозду в снегу и земле, встряхнулся и подошел уже человеком.

— Ого, я думал, успею, а ты уже и сваи поставил. Немного осталось! — а-тэм глянул внимательно в лицо побратима. — Опять недовольные нашлись? Рвен?

— Пришлось слегка поучить, — рассеянно уронил Краст.

— Вряд ли это добавит хорошего к тебе расположения, — огорчился снежный, а риар пожал плечами. Точно не добавит. Род Рвена — это значительная часть Дьярвеншила, и теперь все они озлобятся на Краста. Впрочем, разве раньше было иначе?

— Этот выскочка жив? — осторожно уточнил Рэм и вздохнул с облегчением от кивка друга. — Потерпи, Краст. Городу нужно время...

— Сколько? — рявкнул риар. — Десятилетия? Века? Это все бесполезно, Рэм. Ты знаешь не хуже меня. Для Дьярвеншила я всегда останусь тем, кто я есть. Хоть в башне поселись, хоть на площади под колонной!

— А кто ты есть, Краст? — тихо произнес Рэмилан, и риар отвернулся.

Снова потер виски и встряхнулся.

— Куда дел Бриду с дочерью?

— Как ты и велел, оттащил подальше, — бодро отозвался Рэм, скаля зубы.

— Куда? — повторил риар, и а-тэм посерьезнел.

— Не вернутся, — негромко уронил он, и Краст прикрыл глаза. Снежный дернул недовольно плечом, нахмурился.

— Не кори себя. Они виноваты, не ты. Воровали за десятерых, лирин убить собирались. В доме Бриды нашлось много вещей из твоей башни. Таскала мешками у тебя за спиной, пока ты тут сваи вколачивал! — Рэм

злобно оскалился. — За свои дела нужно платить. Закон для всех, Краст. И мы оба знаем, что нельзя оставлять змей за спиной — нападут. Не на тебя. На твою нежную нареченную. Она же тонкая, дунь и сломается. Брида бы вернулась, ты знаешь.

Краст тяжело оперся о деревянные опоры, опустил голову. Но лишь на миг. Встряхнулся, кивнул.

— Знаю.

Рэм снова оскалился.

— Брось, этих змеек давно пора было утопить под скалой да забыть. Я бы так и сделал, если бы не твоя постель. Надо же ее хоть кому-то греть. Хотя от Ингрид больше притворства и кривляния, чем удовольствия, знаю, пробовал!

— И когда только успел? — качнул головой Краст, а Рэм беззаботно сверкнул зубами.

— Эта дева не стоила и тех монет, что ты ей отдал за ночное трепыхание. И сейчас они там, где им самое место.

А-тэм прищурился, в льдистых глазах блеснул лютый холод. Но лишь на миг, а-тэм снова улыбнулся.

— А что твоя нареченная? Как она согревает твою постель? Говорят, девы из-за Тумана многое умеют...

Рэм хмыкнул, блестя глазами.

— Ты сдурел? — риар подхватил молот. — Я не собираюсь к ней прикасаться.

Рэм качнулся с носка на пятку, подняв вопросительно брови.

— Мне не нужна нареченная. И тем более навязанная Ингольфом, — уронил Краст. — Я считаю дни, когда чужачка уберется из Дьярвеншила. И если ты собираешься помочь, то сдвинь тот камень и хватит болтать.

— Есть еще кое-что, Краст, — на указанный валун Рэм глянул мельком и снова перевел взгляд на побратима. — Дурные слухи бродят по фьордам.

Нехорошие. О том, что появился на землях скал и воды безумный черный хёгг. Рвет дев на части, а куски сжирает. Шепчутся, что кто-то из тех, кто носит кольцо Горлохума, утратил власть над зверем, и хищник безумствует...

— И что же? — равнодушно произнес Краст. Выглянувшее солнце ослепило снежного и скрыло глаза побратима. И Рэм не понял, что было в лице риара.

— Глупцы твердят, что безумный хёгг прилетает из Дьярвеншила, — закончил беловолосый.

— Глупцов везде хватает, — пожал плечами Краст. И отвернулся.

Солнце снова нырнуло в тучу, и на короткий миг Рэму почудилось странное в глазах друга. Все знают, чем заканчивается жизнь хёггов, утративших разум. Совет Варисфольда принудительно снимает с их шеи кольцо Горлохума. А это возможно лишь одним способом — вместе с головой.

— И то верно, — отозвался Рэм. — Так какой камень, говоришь?

Глава 16

Занятия с риаром продолжались уже несколько дней, за которые я успела сделать несколько выводов. Основное состояние моего дикого ученика — настороженность, в которой он находился большую часть времени. После первого урока Краст вообще старался не смотреть в мою сторону. Надо признать, это задевало, но я пыталась не обращать внимания. Краст словно постоянно ожидал удара, не расслаблялся ни на минуту, и это сильно мешало процессу обучения. Илх воспринимал уроки как трудовую повинность и унижение, смотрел зверем, и порой мне казалось, что готов оторвать голову «учительнице». Кажется, он даже испытал бы облегчение, сделав это. Так что каждый раз я возносила небесам и Конфедерации безмолвную благодарность. Моя жизнь слишком дорого обойдется Красту, так что вспышки ярости ему приходилось сдерживать. А то, что риар «закипает» быстрее самого технологично навороченного чайника, я уже поняла!

Как объяснила Анни, все дело в черном хёгге риара. Драконья сущность дика и первобытна, к тому же опасно горяча. И сдерживать приступы раздражительности риару чрезвычайно тяжело. Потому черным драконам и нужен побратим — такой, как снежный Рэм, чтобы успокаивать. А еще девочка добавила, что ежели хозяин башни выйдет из себя, то лучше сразу бежать и прятаться, потому что никто не знает, к чему приведет его ярость... Прежний риар — отец Краста — был прозван Лютым не ради красивого словца.

— Краст-хёгг, конечно, не такой, как его отец, — косясь на стены и дверь, шепнула Анни поутру,

заплетая мне косички на висках. — Хвала за то перворожденным. И все же ты очень смелая, лирин, раз согласилась стать его женой.

Ну, допустим, я на подобное не соглашалась, но девочке этого знать не нужно. А вот мне не помешают подробности о сущности риара.

— Все дело в глазах Краста, ведь так? Они разные. Но какое это имеет значение?

— Родиться с голубыми глазами в Дьярвеншиле — само по себе плохо. Это знак тех, кто отмечен злой горой, — насупилась Анни. — А у риара все и того хуже... Он вообще не должен был родиться. Голубой глаз так и горит на его лице. Значит, и черный хёгг оказался слабее, не смог совладать. Страшно!

— Это всего лишь гетерохромия! — рассердилась я. Ну, сколько можно? Рациональная часть меня, привыкшая к цивилизованной жизни, хотела заорать: не говори глупостей, разный цвет глаз не означает безумия. Но что я знаю о безумии? Или о хёггах? Говорят, со своими правилами не идут в чужой храм, так что и мне лучше помолчать и послушать.

Да и черный дракон по-прежнему прилетал ко мне во снах, что не добавляло уверенности. Глядя на Краста, выцарапывающего слова, я не могла не думать, не был ли он тем, кто напал на корабль и чуть нас всех не сожрал?

Замкнутый и мрачный риар как никто иной подходил на роль злодея — это понимала даже я.

— Ты знаешь, как мой нареченный жил раньше? Он не ладил с Ингольфом, ведь так?

— Подробностей я не знаю, я тогда даже не родилась, лирин. Слышала, что Краст-хёгга подобрал хромым кузнец Свир, говорят, мальчик замерзал в снегу возле башни... У Свира уже был ученик, сирота Рэмилан. Так мальчики и росли вместе, выполняя самую грязную и черную работу. Свир их хоть и воспитывал, но спуска

не давал. А когда мальчишки подросли, то явились на совет Дьярвеншила и потребовали кольца Горлохума. Никто не может отказать в таком требовании, вот и Ингольф не смог. И мальчики сумели поймать души хёггов. Рэм вот снежного зверя, а Краст — черного. Вот только время шло, а его масть так и не сменилась полностью. Глаза-то от рождения были голубыми... так один таким и остался. Говорят, прежний риар разозлился и приказал выкинуть Краста и Рэма из Дьярвеншила, запретив им возвращаться в эти края. Я слышала, Краст-хёгг много лет провел в диких землях, там, где бродят лишь звери и духи. Он был наемником.

— Наемником?

— Да. Воином без хозяина. Хёггом без земли и дома. Рэм стал его побратимом, потому что потомкам Лагерхёгга нужен тот, кто будет сдерживать их ярость и возвращать разум. Черные хёгги очень сильны, лирин, но они чаще других теряют способность мыслить по-человечески. Это плата за дары перворожденного Лагерхёгга.

Я задумалась. Понятно, что у моего жениха выдалось не самое лучшее детство.

Анни склонилась ниже и заговорила так тихо, что я уже с трудом различала слова.

— Поговаривают, Ингольф-хёгг хотел убить Краста. Чтобы Дьярвеншил не достался порченному. Так и говорил: был у Дьярвеншила риар Лютый, но Безумному не бывать. Вот только перворожденные справедливы и не дали Инголфу других сыновей. Как отрезало у него — ни одного мальчишки больше не родилось. Уж сколько он местных девок попортил, сколько жен выторговал. Служанки рассказывали, что раньше Дьярвеншил был иным. Что богатства тут были, достаток... Но верно, все ушло на жен старого риара. Он ведь любил красавиц — белокожих и светловолосых, синеглазых и родовитых, а такие очень дорого стоят. За

каждую невесту Ингольф отдавал золото и шкуры, целый хёггкар, представляешь? Сидел в башне и лишь невест требовал, новых и новых. Так ничего от богатств и не осталось. Крысы одни.

И помирать старик не собирался, даже за Туман сумел запрос отправить. Я поморщилась. Это получается, старый Ингольф желал с невестой из Конфедерации нового наследника сделать? Да ещё прожить достаточно долго, чтобы его воспитать? Силен мужик, нечего сказать!

— А как умер Ингольф-хёгг?

Анни провела пальцем по шее и хмыкнула.

— Так Краст-хёгг его... того. Ой, что-то я заболталась, нареченная! — уже нормальным голосом сказала девочка. — И накормить тебя забыла. Вот влетит мне от риара, что невеста его голодная. Сейчас принесу!

И убежала вприпрыжку. Я же только головой покачала. Еще один вывод, который я успела сделать — местные боятся говорить о своих риарах, хёггах или злой горе. Верят, что и у камня есть уши, а значит, разговор может быть услышан, и это принесет беду. Расспрашивать их почти бесполезно. Кажется, и Анни испугалась, что сболтнула лишнего, теперь будет до вечера вздрагивать и коситься на меня недоверчиво.

Но хоть что-то узнать удалось. А то от этих многозначительных взглядов и недомолвок меня уже потряхивать начинает!

Безумие, значит?

Я задумчиво постучала пальцем по крышке стола. Нет, безумия я в Красте не заметила. Вон как быстро разобрался с моим супом. И все же...

За несколько дней я видела риара лишь на наших странных уроках. Общались мы уже привычно — он рычал, я не обращала внимания. Пока Краст выводил

буквы, успевала пролистать несколько страниц книги, пытаюсь разобраться в сказаниях и легендах фьордов.

Алфавит риар почти освоил, так что мы перешли к словам.

Сегодняшний урок почти подходил к концу. Устав, я отложила книгу и потерла глаза. Все-таки в комнате мало света, так я ослепну за этот месяц. Надо бы попросить Анни принести еще лампы.

Красту скудное освещение и холод не мешали. Раздражало его лишь мое присутствие, но как раз с этим я ничего поделать не могла.

Чтобы уменьшить напряжение я даже предложила пригласить на занятия ещё кого-нибудь.

— Кого? — насторожился Краст.

— Ну... Рэма, например. Он ведь тоже неграмотный? Я могла бы обучать и его...

— Нет! — рявкнул он так, что я подпрыгнула.

Вот же дикарь!

— Нет так нет, зачем орать, — буркнула недовольно.

— Объясни, для чего ты хочешь позвать Рэма? — прищурился ильх, в упор рассматривая меня. Ну, надо же, смотрит. А то все в стену пялился, словно меня и нет!

Я закатила глаза.

— Чтобы тебе было комфортнее, то есть спокойнее. Кажется, наедине со мной ты вспыхиваешь, словно этот ваш Горлохум!

— Я не вспыхиваю. И учить ты будешь меня... наедине, — сквозь зубы выдавил Краст, снова отводя взгляд.

Я фыркнула, скептически подняла брови и решила — йотуны с ним. Пусть так и будет, мое дело предложить. Может, попросить Анни подлить риару успокоительных капелек? Или для драконов таких еще не придумали? Надо бы заняться на досуге производством. Озолочусь ведь!

Пока риар портил кривыми строчками очередной лист бумаги, я решила разобраться с местными поверьями

— Я читаю сборник песен и легенд фьордов, — указала я на книгу. — Что вот это значит — потомкам Лагерхёгга отзывается небесный огонь? Это метафора? Ну, то есть...

— То есть это правда, — буркнул Краст.

Откинулся на спинку стула, повертел в пальцах карандаш. Я отвела взгляд от пальцев ильха. Хотя, надо признать, я частенько их рассматривала, когда риар писал. Руки у него красивые.

Да и его я тоже рассматривала, тем более что сам Краст упрямо пялился в другую сторону. Так что, когда он склонялся над бумагой, я могла позволить себе взгляд поверх книги. Стоило риару расслабиться, увлечься написанием букв, как хмурая морщинка пропадала с его лба, уголки губ приподнимались. А на смуглые скулы ложилась тень от коротких, но густых ресниц, скрывая разноцветные радужки. И в этот миг Краст становился невероятно привлекательным. И мой взгляд поневоле полз ниже — на резко очерченные чувственные губы, на матовое кольцо Горлохума, обхватывающее шею, на твердые мышцы груди, виднеющиеся в распахнутой кожаной безрукавке. Или на сильные предплечья с железными браслетами...

И в этот миг уже я отводила глаза и начинала смотреть в стену.

— Это то, что достается с кольцом Горлохума, — вернул меня в реальность риар. — Потомкам черного Лагерхёгга отзывается железо, камень и небесный огонь, нареченная. Всем по — разному, это зависит от зверя и от человека. Нам с Рэмом не слишком повезло. Дар снежных — растить под шкурой драгоценные искры, но у моего а-тэма они получаются раз в год. А я... Я надел кольцо Горлохума, потому что всегда любил

железо. Мечтал делать вещи, недоступные обычному человеку. Но мне досталось лишь умение слышать камни. Иногда — двигать их. Вот и все. У прежнего риара железо в руках таяло, как нутряной жир. И молнии шипели над башней каждую ночь. Ингольф был очень силен.

Краст на меня не смотрел, лицо его сделалось равнодушным.

— А железо? Тебе не... отзывается? — вспомнила я местное обозначение.

— Нет, — помрачнел Краст и усмехнулся. — Но я научился плавить его не руками, а огнем. Как и все кузнецы до меня.

Мы помолчали, думая каждый о своем. На Дьярвеншил опускалась ночь, и я одновременно с Крастом потянулась к лампе, чтобы встряхнуть ее. Наши с риаром пальцы соприкоснулись и замерли.

Но он тут же отдернул руку. И даже стул отодвинул подальше!

Меня это слегка покорило, подумаешь, случайное прикосновение. Дергается, словно я заразная. Недотрога. Но вида я не подала, даже улыбнулась. На что Краст помрачнел еще сильнее.

— Как думаешь, куда мне лучше поехать, когда покину Дьярвеншил? — слова эти сорвались с губ неожиданно даже для меня, но я все же упрямо закончила: — Я видела Нероальдафе, когда мы пересекли Туман. Удивительный город. А о красотах Варисфольда написано несколько книг, — кивнула на стопку фолиантов. — Еще мне интересен скальный город, построенный на трех вершинах и соединенный каменными переходами. Думаю, это очень красиво. Может, мне отправиться туда?

— Откуда я знаю? — грубо оборвал Краст. — Отправляйся, куда хочешь, меня это не волнует.

— Просто советуюсь, — пожала я плечами. — Ты знаешь фьорды лучше меня.

— Я не был ни в Нероальдафе, ни в Варисфольде, ни в городе на скалах. Таких, — он ткнул пальцем в свою лицо, — нигде не любят. Так что я плохой советчик, чужачка.

— А Хальдор? — невинно поинтересовалась я. — Он много знает. Даже о Конфедерации. А уж про фьорды, наверное, и подавно. Может, мне спросить у него?

Плечи риара снова окаменели, глаза сузились. Он наклонился ко мне с таким лицом, что захотелось срastись со спинкой стула, но я заставила себя остаться на месте.

— Не смей. Даже приближаться. К нему, — раздельно процедил Краст. — Поняла? Я тебе запрещаю, лирин.

О, как. Запрещает, значит. Ну-ну.

— Кстати, как твой нареченный, вполне могу тебя наказать, — кровожадно поведал риар. — Запереть в подполе, закрыть в комнате, а то и привязать к кровати.

Разноцветные глаза его нехорошо блеснули, и мне это совсем не понравилось. Кажется, все озвученное повышало настроение варвара.

— Привязать?

— Да. Девы часто поступают глупо и вредят себе и другим. Мужчина обязан позаботиться о своей нареченной. Порой лучшее решение — это комната с надежным замком. Так что не зли меня, чужачка.

И пока я ошалело хлопала глазами, переваривая его слова, Краст припечатал к столу лист бумаги.

— Я закончил.

Поднялся и вышел.

Я моргнула и перевела взгляд на ровные строчки. Аккуратно выведенные буквы теснились угловатыми, резкими рядами. Ошибок сегодня не было. И даже не

знала, порадоваться за способного ученика или плюнуть ему вслед.

* * *

А на следующий день наш урок закончился, почти не начавшись.

Вышло ужасно глупо. Ночью мне снова приснился кошмар, и я плохо выспалась, видимо, потому с утра я была вялая и сонная. Окно затянулось морозным узором, и в комнате царил полумрак. Завтрак из холодных кусков мяса категорически не желал проваливаться в желудок. Настроение тоже не радовало. Но я велела себе собраться, привычно умылась, привела себя в порядок и устроилась с книгами в ожидании Краста.

А когда он пришел, буркнув что-то, классифицированное мною как приветствие, и приступил к письму, я решила отодвинуть талмуды. Но едва приблизилась, как тут же споткнулась о выступающую доску и неловко, боком, свалилась на колени Краста.

— Ой! — выдохнула я, инстинктивно цепляясь за его плечи.

Краст втянул воздух, и суровая линия его рта стала ещё жестче. Колени риара подо мной напряглись, и я даже сквозь юбки ощутила закаменевшие мышцы.

— Извини! — торопливо выдохнула я, пытаюсь подняться, но путалась в юбках. — Извини, это случайно!

И тут ильх с силой прижал меня к себе. Я уткнулась носом в его шею, над тонким черным обручем, втянула терпкий и вкусный мужской запах. Мои губы скользнули по коже Краста, я ахнула, а он откинул голову, словно подставляясь моим нечаянным поцелуям. На миг резко

обозначились сухожилия на напряженном горле, выступили вены, ильх судорожно сглотнул... А потом посмотрел мне в лицо. В разноцветных глазах словно огонь вспыхнул, так что я застыла, пытаюсь насладиться заморозившим меня зрелищем.

Да что же это такое? То у Рэма глаза сверкают, то у риара?

Что за странности?

Или это лишь отсвет солнца в радужках?

Но додумать не успела, Краст просто спихнул меня со своих колен, и я нелепо свалилась на пол. Вскочила, шипя сквозь зубы, выпрямилась...

И открыла рот, глядя на спину торопливо уходящего ильха.

— Прости... Не сдержал! — с хрипотцой в голосе бросил он, даже не повернувшись.

Вот только за что риар попросил прощения, я не поняла. За невежливое обращение? Вот уж вряд ли!

Метнулась следом, чтобы расспросить, но увидела лишь спину ильха, покидающего башню. А самое странное, что тут же начали разбегаться и прислужницы, которые до этого усердно терли от грязи башню. Я растерянно уставилась на причитающих и торопливо одевающихся женщин.

— Ох, как сладко!

— Давно я такого зова не слышала...

— Да никогда!

— Хоть бы муж дома был...

— Да хоть и не дома, прибежит сейчас, Дора. Все мужики сейчас прибегут...

— Эх, доберусь я сейчас до своего ненаглядного!

Открыв рот, я осмотрела опустевшую башню, в которой никого не осталось. Потрясла головой.

— Эй? — неуверенно произнесла, усаживаясь на ступеньку.

Нет, это просто сумасшедший дом какой-то. Куда все умчались? Что за зов, о котором все постоянно говорят? Что тут происходит?

Через пару часов женщины вернулись, улыбающиеся и довольные, словно сытые кошки. И кинулись мыть да убирать с утроенной силой, словно каждой из них сделали инъекцию бодрости и хорошего настроения. Похоже, даже сутки в подполе выветрились из их голов, вечно хмурые и недовольные девы теперь улыбались, показывая прекрасные зубы и преображаясь из мрачных сплетниц в дивных красавиц.

Вот только на мои вопросы лишь хихикали и подмигивали.

— А ты терпи, пока риар тебе пояс жены не наденет, лирин! — проговорила одна из дев. — Если он сейчас так зовет, то что потом будет. Тяжело тебе, верно, но на то он и венец. Терпи!

— Да о чем речь! — заорала я, но, увы, негодяйки лишь посмеивались и краснели. Так что я всерьез подумывала снова запереть их в подземелье или начать пытаться клещами и раскаленной кочергой!

Анни куда-то запропастилась, и расспросить о непонятном поведении женщин оказалось некого. Поэтому я не придумала ничего лучше, как отправиться к самому Красту.

Натянула толстый шерстяной плащ да вязанные рукавицы и пошла в сторону кузницы. Интуитивно я понимала, что странное возбуждение, охватившее прислужниц, связано с риаром, но вот как именно?

Улицы Дьярвеншила словно вымерли, лишь в тесном закутке, куда я случайно забрела, оказались мужчина и женщина, но когда я присмотрелась и поняла, чем они там заняты, то покраснела до кончиков волос и торопливо сбежала. Правда, меня любовники даже не заметили, настолько были поглощены друг другом.

Что здесь происходит?

Возле кузницы я остановилась, прислушалась. Изнутри доносились злые удары молотом, и когда я толкнула дверь, меня тут же опалило жаром. Как я и предполагала, Краст сбежал именно сюда и сейчас колотил по наковальне с такой силой, что я пожелала железной колоде скорой кончины. Ну, чтобы не мучиться!

На ильхе, как и в первый раз, красовался лишь кусок кожи, прикрывающий бедра, и я замерла, не зная, что делать дальше. Тяжелый молот на миг завис в воздухе, над головой риара, а потом обрушился вниз с такой силой и грохотом, что я подпрыгнула.

— Убирайся отсюда! — прорычал Краст, глянув через плечо.

Надо же, услышал, значит...

— Объясни, что происходит. За что ты извинялся?

Краст замер, мышцы на его спине окаменели. Дернул головой, потер шею, не поворачиваясь.

— Уйди, лирин!

— Ты пугаешь меня. Что случилось?

— Просто уйди. Убирайся. Принес же тебя Хелехёгг на мою голову. И когда ты уже исчезнешь из Дьярвеншила!

В хриплом голосе прозвучала такая ярость, что стало обидно. И зачем я перед ним распинаюсь? Для чего? Упертый баран, а не риар!

Развернулась и хлопнула дверью. Хотелось, чтобы от удара ее с петель снесло, но, конечно, моих слабых силенок хватило лишь на полудохлый хлопок!

В башню возвращаться не хотелось, видеть ильхов — тоже, так что я сама не заметила, как дошагала до крепостной стены, миновала молчаливого стража и вышла к морю.

Серо-синяя волна билась, накатывала на берег и облизывала скалы. Я брела бесцельно, почти наслаждаясь холодным ветром и ощущением свободы.

Вот бы нырнуть в это море да покинуть Дьярвеншил. Оставить позади и город с его тайнами, и ветер с его песнями, и риара с его раздражительностью...

Да что он о себе возомнил? Рычит, словно зверь. А я даже не поняла, что сделала не так!

— Чтоб его разорвало от собственной злобы! — буркнула я, пиная в сердцах круглый камушек.

— Вероника!

Показалось?

Удивленно вскинулась, повернулась... И вскрикнула изумленно:

— Лерт. Это действительно ты? Глазам своим не верю. Это ты?!

— Я, — рассмеялся белозубо морской хёгг.

Он стоял у самой кромки воды, но увидев меня, торопливо приблизился. И снова сверкнула на загорелом лице улыбка, делая ильха еще привлекательнее. На нем была зеленая туника, подпоясанная кожаными ремнями, темно-серые штаны и высокие сапоги — обычная одежда на фьордах. Ильх внимательно осмотрел меня и улыбнулся еще шире.

— Ты стала еще красивее, дева.

— Я? Ты издеваешься? — от изумления я чуть не подавилась холодным воздухом, но стало очень приятно. После вечно хмурого Краста, общение с Лертом — как бальзам на израненное самолюбие!

— Очень красивая, — повторил ильх. И в его голубых глазах я не увидела лжи. — Просто твоя красота другая. Ты видела, как стелется по воде лунный свет? словно серебряное полотно. И во мраке ночи от него невозможно оторвать глаз. И ты такая же...

Я смутилась. Вот уж не ожидала таких слов. Да и пообщаться с капитаном не надеялась!

— Что ты тут делаешь?

— Хотел тебя увидеть. Я беспокоился, — с подкупающим смущением произнес он и развел

руками. — Приплывал уже несколько раз, но в Дьярвеншил мне хода нет. Здесь не любят чужаков.

Значит, не показался мне «Стремительный». От понимания, что Ильх переживал, внутри стало тепло настолько, что губы сами собой сложились в улыбку.

— Я так рада тебя увидеть, Лерт. И ты прав, в этом городе чужаков не жалуют!

— Тебя обидели? — встревожился капитан. — Мне показалось... что ты плакала.

— Это всего лишь ветер, — отмахнулась я. Откровенничать с Лертом, несмотря на все его улыбки, что-то не хотелось. — Не бери в голову. К тому же, у меня все хорошо.

Он поднял брови, выразительно глядя на мою непокрытую голову и, наверняка, бледный вид.

— Что-то непохоже.

— Брось, все отлично, — махнула я рукой. — Дьярвеншил не слишком ласков, но...

— Ты можешь рассказать мне все без страха, Вероника! — Лерт вдруг шагнул ближе, заглядывая в глаза. — Не бойся. Что с тобой происходит? Я могу помочь, я хочу помочь. Сколько раз я приплывал к этому берегу, надеясь увидеть хотя бы твои следы. Ты запала мне в сердце, лунная дева... и я волновался. А теперь вижу, что не напрасно. Ты плакала. Не лги, я вижу. Риар тебя обижает?

— Лерт, все хорошо, — я осторожно отодвинулась дальше. Не спорю, его участие было приятно, но все же... отвечать на порывы капитана я точно не готова. Да и неожиданны они как-то — порывы эти!

Отошла назад и улыбнулась, смягчая его недовольство.

— Просто мне нелегко привыкнуть к новой жизни. У меня дома все иначе.

Ильх помолчал, словно что-то обдумывая.

— Я надеялся, что ты бросишь в волну мой подарок, Вероника. Что позовешь меня. Риар Дьярвеншила тебе приглянулся больше, чем я? Но ты бледна, и ты плачешь, дева из-за Тумана. А я... Думаю о тебе... — он шагнул ближе. — Ты можешь пойти со мной, Вероника. Прямо сейчас. «Стремительный» за тем утесом, я увезу тебя, и никто не найдет!

— Лерт, ты сошел с ума! — ахнула я, не сдержавшись.

Нет, я, конечно, очень рада появлению ильха и с удовольствием с ним поболтаю, но убегать на его корабле? Вот уж точно — опасайся своих желаний. Разве не об этом я только что мечтала? Так вот она — свобода, стоит и улыбается в образе чрезвычайно привлекательного мужчины. Уплыву с ним, оставлю Дьярвеншил позади. Зачем ждать месяц? Терять время, которого и так может быть слишком мало!

Разве меня хоть что-то держит в этом негостеприимном городе?

Оглянулась на башню риара, торчащую над городской стеной.

Холодно, голодно, неуютно. Злые слова, косые взгляды. Лишь протянуть руку Лерту — и уйти. Куда-нибудь, где тепло, где вкусно кормят и где будут мне рады.

И все же...

Все же есть ещё сирота Анни, есть башня, оставшаяся по моей вине без кухарки, есть... вечно хмурый ученик. И загадки, которые не дают покоя. И даже йотуны, которых я еще не видела!

— Я... не могу, — качнула я головой.

В голубых глазах ильха вспыхнуло разочарование, но он улыбнулся.

— Я сделаю вид, что не слышал этих слов. И не буду прощаться, Вероника. Сейчас я уйду, но скоро мы увидимся.

И развернувшись, Лерт прыгнул со скалы вниз, а уже через миг волну рассекло тело огромного морского змея. Я же ещё немного постояла на берегу, а потом задумчиво побрела обратно. Об отказе я не жалела. Голубоглазый ильх хорош во всех отношениях, но зачем давать ему напрасную надежду? Его намерения более чем очевидны. И эти намерения не входят в мои планы!

— Все тебе не так, Ника! — улыбнувшись, посетовала я на свои мысли. — Краст не смотрит — плохо. Лерт смотрит — опять плохо. И когда ты успела избаловаться?

Зато встреча с капитаном улучшила мое настроение и прогнала из головы мысли о хмуром риаре. Я тронула медальон на груди. Может, лучше избавиться от такого дара? Но выкинуть украшение рука не поднималась, так что я лишь сняла его и сунула в мешочек на поясе — такие использовались здесь вместо сумочек или карманов.

Тряхнула головой и решительно направилась к башне.

Глава 17

«...Мы скоро увидимся, дева...»

Отдернул ладонь от камня, а потом с размаха ударил молотом, разнося в мелкую крошку.

Ярость затянула глаза багровой пеленой, да так, что свет померк!

И от чего? Оттого, что чужачка приглянулась постороннему? Оттого, что ходила к нему на берег? Так сам прогнал. Сначала оглушил зовом, а потом прогнал. Даже в кузницу ведь за ним прибежала, а все этот проклятый зов!

Краст подышал, пытаясь разогнать багровую пелену перед глазами. Пусть идет, куда хочет. Он и не держит!

Вот только перед глазами темно, а тело дрожит от дикого и невыносимого желания свернуть шею наглецу, что посмел говорить с его лирин. Закопать, оставить под толщей земли, где ему самое место. А потом зайти в башню, прижать к стене чужачку и увидеть, как распахнутся ее глаза, как разлетятся волосы — серебряные, как проклятый лунный свет. Как приоткроется ее рот... А потом.... Потом...

Воздух закончился. По телу прошла дрожь, скручиваясь тугим горячим спазмом в животе.

Краст снова ударил молотом, да так, что железная колода все-таки треснула, словно деревяшка. Стер пот со лба, выругался сквозь зубы.

Что с ним творится? Что?!

Так он и правда станет безумным, как о нем шепчутся в городе!

И зов, который он не смог удержать. Раньше приходилось почти выталкивать из себя это проклятие Горлохума, а с чужачкой...

Что случилось, Краст толком и не понял. Вот он царапал на листе проклятые буквы, а вот... лирин сидит на его коленях. Цепляется тонкими пальчиками за плечи. Жарко дышит в шею. Потом ее сочные губы касаются его кожи, почти невесомо, словно птица крылом. И скользят ниже.

Он даже и не почувствовал. Почти.

Так отчего же полыхнуло внутри так, что горло свело и дышать стало нечем? И вылетели из головы все мысли, оставив лишь обжигающее желание стиснуть ладони на тонком теле и не отпускать до следующего утра?

Краст ошалело потряс головой. Глупость какая. Морь бесцветная. Чужачка. Бледная дева из-за Тумана, что говорит непонятно и бесит до зубовного скрежета. Морок какой-то!

И желание его — морок. Лирин ему даже не нравится, чтоб ее йотуны сожрали. Тонкая, хрупкая, вот только от ее губ на коже трясет, словно в лихорадке...

Кто был с лирин на берегу? Проклятие, почему он не дослушал?

Разозлился потому что. На свой отклик, на зов, что и сейчас выжигает внутренности, а ведь он сдерживает его, как может!

«Я буду ждать...»

Закопать. Сначала оторвать лишние части тела, потом закопать.

И поставить стражей. Запереть чужачку в комнате. Привязать. Нет, лучше цепь, а то мало ли...

Великий Горлохум. О чем он думает?!

Разве ему не все равно? Разве он не избавится от проблемы, если чужачка уедет?

Откинув молот и толкнув ногой дверь, Краст в несколько шагов пересек двор за кузней и с разбега прыгнул в ледяной поток, протекающий рядом. Здесь даже не было деревянного навеса с камнями

Горлохума, лишь глубина, обжигающая холодом. Фыркая, риар поднялся на поверхность, глотнул воздуха и снова нырнул, пытаюсь охладить разгоряченное тело.

И убедить себя, что чувства, испытанные сегодня — лишь досадная оплошность, ошибка. Чужачка скоро уедет, надо лишь дождаться...

* * *

Несколько дней я риара не видела. Он явился вечером и не глядя швырнул на кровать золотую побрякушку — долг за прикосновение, а потом заявил, что мне запрещено покидать башню. Снова!

Правда я в ответ послала риара куда подальше. Уточнять направление не стала, сам разберется, раз такой умный. Тусклый браслет из желтого металла забросила в сундук, обойдусь без таких подарков.

Раздражительность Краста надоела мне до мушек в глазах. Да и сам ильх — тоже.

Видимо, я ему тоже, потому что в башню ильх не являлся, забросив даже наши уроки. И тут я испытала сожаление, все же чувствовала ответственность за дикого ученика.

Анни докладывала, что Краст-хёгг постоянно или в кузнице, или в городе — помогает расчищать завалы, настилать новые доски между домами, складывать печь для неведомого мне ильха или тренируется со своей дюжиной на скале за башней.

Последнее вызвало череду картинок в моей голове, от которых я краснела и кусала губы. Врать самой себе не хотелось, Краст вызывал во мне эмоции. Пугающие, непонятные, даже дикие. Такие же, как он сам. Так что лучше нам видеться как можно реже, похоже, и сам риар это понял.

На кухне регулярно появлялось свежее мясо, видимо, одним из обязательных пунктов расписания Краста стала охота. Туши кабана или лося, зажаренной на вертеле, хватало на всю десятку воинов и прислужниц, а мне стабильно приносили самые сочные куски. Это точно было лучше гнилой еды Бриды, но быстро надоело. До урчания в животе хотелось супа, каши, овощей. Но, конечно, я не жаловалась и благодарила за то, что есть.

В покои Краст поднимался, когда я уже спала, а утром исчезал до моего пробуждения. Правда, до тех пор, пока однажды вечером я не обнаружила, что половина кровати залита чем-то мокрым и холодным!

— Я случайно, — ныла Анни, хлопая глазищами.

— Врешь! — разозлилась я.

Девчонка стыдливо кивнула, но тут же вскинулась:

— Так надо, лирин. Я же вижу, что ты совсем в этих делах темная, хоть голова и светлая. Ресницы не чернишь, губами вот так не делаешь! — и прислужница сложила губы бантиком. — И мне запретила, а я бы научила, как надо. Смотришь прямо, кто же так на мужчину смотрит. Да еще и на хёгга. Вот он к тебе и не прикасается, не приходит даже, а время-то идет. Скоро и не останется его, времени. А дары? Так и будешь в одном платье ходить, лирин. А так поневоле придвинется, лед в кровати — дело проверенное!

Ну, хоть не навоз, мрачно подумала я.

Ругать Анни оказалось бесполезно, девчонка горела искренним желанием помочь глупой чужачке и не понимала, почему я злюсь.

— Я ещё много способов знаю, ты не переживай! — жарко выдохнула она, и мне совсем дурно стало.

Да уж, со сноровкой Анни надо было сразу в Варисфольд подаваться — окручивать местных богатеев. Вот там бы девчонка развернулась!

Высушить постель до ночи не получилось, наглая служанка залила ее основательно. И сократила площадь кровати больше чем наполовину. Но я все же улеглась спать, надеясь, что именно сегодня Краст не придет.

Но, увы.

Ночью я неожиданно проснулась, чтобы, сонно повозившись, обнаружить себя устроившейся под боком у ильха. Замерла, осознавая весь кошмар положения. Моя голова покоилась на груди Краста, ногу я закинула на его бедро, и даже руками ильха обхватила. Ужас заставил меня замереть. Вероятно, ночью я снова замерзла и бессознательно подползла к источнику тепла. И теперь вот обнимаю мужчину руками и ногами, нагло наплевав на меч меж нами. Правда, какой в этом толк, если я обернула его тканью. Сталь я завернула ещё несколько дней назад, но Краст так ничего и не сказал по этому поводу.

И вот, забравшись на ильха почти целиком, да ещё и уткнувшись носом в его шею, я осознала, что есть смысл в странном обычае, еще как есть. Укололась бы во сне и не залезла на риара. Вот попала!

И самое плохое, что тяжелая ладонь Краста лежит на моих ягодицах. Уверенно так, нагло лежит. Сжимает даже. Это когда? Это как?!

Я затихла, вслушиваясь в дыхание ильха. Спит?. Вроде, да... Грудь приподнимается равномерно, глаза закрыты. Бледное пламя хёггова огня в лампе дает мало света, но достаточно, чтобы видеть лицо Краста.

Вот же йотунова пасть. Напасть, я бы даже сказала. Пошевелюсь — проснется...

— Может, ты уже слезешь с меня?

От тихого голоса я дернулась и на миг онемела. Что? Не спит? Значит, не спит?

И тут же ощутила удары его сердца, прямо там, где все ещё была моя ладонь. Сильно, мощно, как-то...

лихорадочно...

— Ну? — и голос такой хриплый со сна... И дыхание прерывистое. А тело — окаменевшее и напряженное.

— Ты меня держишь, — придушенно отозвалась я, ощущая горячие ладони чуть ниже поясницы.

Короткий вдох. Длинный выдох.

— Я не держу.

Я перепроверила свои ощущения.

— Держишь!

И руки его сжались еще сильнее, да так, что я пискнула и прижалась губами к мужской щеке. Илья дернулся, словно я его кипятком ошпарила. Прорычал что-то гадкое. Кажется, там было нечто о бледной мори и навязанной чужачке...

Ладони его разжались, и я дернулась в сторону. Отползла подальше и сквозь зубы вспомнила Анни. Помогла, лучше не придумаешь. И что теперь делать? Объяснить, что я не нарочно?

Илья снова втянул воздух, слишком близко, как мне показалось.

Рывком отбросил покрывало, так что я вцепилась в ткань нервно подрагивающими пальцами. Так же рывком сдернул тряпку с меча, отбросил. Из груди Ильха донеслось утробное глухое рычание, и я сжалась в комочек, мечтая раствориться среди шкур. Илья с яростью накинуд покрывало обратно, закрывая меня с головой. Откатился туда, где простыни были влажными и сейчас, наверняка, ледяными. Повернулся спиной.

Я медленно выпрямилась, пытаюсь устроиться удобнее. Внутри кольнуло сожаление, кажется, на груди Краста мне впервые стало тепло. Замерла, прислушиваясь к дыханию Ильха. Он лежал неподвижно, и мне казалось — тоже слушал. И злился. Потому что я ловила его короткие вдохи, сиплые выдохи и злое шипение. Или это испарялась влага под горячим мужским телом?

А потом я все же уснула. И проснулась на редкость раздраженной. В комнате снова царил лютый холод, и с утра вылезти из-под покрывал казалось сущей мукой. Пол наверняка был ледяным, а изо рта разве что пар не шел. Хотелось тепла, горячую ванну и чай с шоколадной булочкой.

Так что пришлось напомнить себе, зачем я здесь и, поминая сквозь зубы йотунов — нахватавшись у местных — вытолкнуть себя в новый день.

До обеда я успела проверить прислужниц, что истово отмывали башню, кладовые, кухню и кучу помещений, которые обнаружили на первом этаже. Женщины стирали занавеси, выбивали шкуры, натирали полы и лестницу, мыли и терли. Я лишь изумлялась, глядя на их рвение. Верно, ночевка в подполе здорово меняет приоритеты. А может, ссылка Бриды и Ингрид лишила их наглости.

Проход в ученическую остался открытым. Хотя, скорее, это было кладбище книг, потому что большинство фолиантов оказалось безнадежно испорченными, и я скрипела зубами, пытаясь сохранить распадающиеся листы и потрепанные обложки. В основном это были сказания или былинные песни, довольно сложные для восприятия. А ведь эти книги были истинным сокровищем. Тяжелые, в железных, ржавых от времени ободах или бронзовых оковах, с искусной вышивкой на шелке или камнями на коже. Я испытывала истинный восторг, когда прикасалась к их строчкам и шершавым листам. Наводить порядок среди книг всегда было моим любимым занятием, и сейчас я втайне радовалась возможности снова погрузиться в него.

Сегодня я как раз пыталась разобраться в тех тридцати процентах символов, что отличались от используемых на моей родине, когда рядом выросла тень. Умение Краста двигаться по-звериному бесшумно

частенько заставляло меня врасплох и заставляло вздрагивать.

— Риар, — настороженно поприветствовала я. И опустила голову, пытаясь скрыть заалевшие щеки. Воспоминание о моем ночном пробуждении не давало покоя.

— Лирин, — процедил он. Как обычно, смотрел без улыбки, но на этот раз — в упор. И в разноцветных глазах застыло что-то такое, отчего мои щеки снова вспыхнули. — Сегодня будешь меня учить.

— Да что ты? — не сдержалась я от насмешки. — Может, у меня другие планы!

— Это какие? — напрягся он.

— Пройтись по магазинам, посидеть в кафе, кино посмотреть! — рявкнула я со злостью. — Ну, может, еще в театр заглянуть. Люблю, знаешь ли, театр. Ах, ещё неплохо бы посетить аттракционы и авиа-шоу!

Краст помрачнел еще сильнее и сейчас напоминал грозовую тучу, что вот-вот пришибет парочкой грозовых разрядов.

— Издеваешься? — выдохнул он, наклоняясь ко мне. — Думаешь, я не понимаю? Смеешься надо мной?

Он рывком положил ладони на подлокотники старого кресла, в котором я сидела. Черная косичка, заплетенная у лица ильха, качнулась перед моими глазами, и почему-то ужасно захотелось ее потрогать. На конце болталась железная бусина, и я неосознанно протянула руку.

И отдернула.

Краст тихо выдохнул. И словно только сейчас понял, что нависает надо мной. Рывком отвернулся, отодвинул подальше стул, сел боком, не глядя.

— Смейся, дева, — глухо произнес он. — Это и правда смешно — риар, который ничего не знает.

Злость схлынула, и мне вдруг стало стыдно. Я хотела лишь уколоть ильха, а он ни слова не понял.

Лишь осознал, что слова ему незнакомы.

— Я не смеюсь над тобой. Ладно. Забудь. Я буду тебя учить.

Краст глянул недоверчиво и вытащил из голенища сапога жуткого вида нож. Я сглотнула, на миг мелькнула трусливая мысль, что сейчас-то меня и прирежут. Ильх поднял брови, уловив мой страх, хмыкнул. И потянувшись к остаткам несчастных карандашей, принялся их точить!

И я удивилась, как у него так получается. Руки у мужчины крупные, нож — кривой и огромный, а стружечка выходит тонюсенькая, и сам грифель — острый!

— Начнем? — подтолкнула к риару бумагу, стараясь не встречаться с ним взглядом. — Давай я буду диктовать, а ты попробуешь записать на слух.

— Диктовать? — снова не понял Краст.

— Читать, — проскрипела я. — А ты попробуй записывать.

Он мрачно кивнул. Но карандаш сжал решительно. Так решительно, что скоро снова точить придется — сломает же.

Читала я медленно, поглядывая на строчки, появляющиеся на бумаге. Краст сжимал зубы, карандаш натужно скрипел, но большинство букв все-таки риар писал верно. Так что я даже ощутила что-то вроде гордости, хотя моей заслуги было немного — ильх действительно быстро учился. А если бы не его нетерпеливость и неусидчивость, уже знал бы гораздо больше!

Я потерла руки, пытаюсь их согреть, подула на бледные пальцы. С каждым днем в башне становилось холоднее, и я уже всерьез беспокоилась. Все же жить на морозе я не умею, да и научусь вряд ли!

Снова подула на пальцы и поняла, что Краст не пишет, а смотрит на меня. И снова этот странный

взгляд-прикосновение. Внимательно так скользит по моим рукам, поднимается к плечам, на миг замирает у груди... и выше — на шею, на лицо...

Риар вскинул голову, блеснул его ярко-голубой глаз. Слишком резкий контраст двух радужек завораживал.

— Ты замерзла, — произнес ильх.

— Я пытаюсь привыкнуть. И да, я помню, что скоро здесь будет ещё холоднее. На моей родине все иначе, — вздохнула я, желая вернуть хрупкое перемирие. — Продолжим?

— Почему ты не осталась там, где тепло? Там, где ты родилась и выросла? — со злостью процедил риар.

— Я хотела увидеть фьорды. И как только покину Дьярвеншил, смогу этим заняться. Может, отправлюсь в Варисфольд или еще куда-то... Давай продолжим, Краст. Осталось не так много времени до моего отъезда. Стоит поторопиться.

Он по —прежнему сверлил меня взглядом, не поднимая карандаш.

— Ты замерзла, нареченная. Совсем замерзла, — со странной интонацией произнес ильх. Наклонился вперед и выдохнул: — Я могу согреть тебя. Если ты попросишь.

— Что? — от удивления я, кажется, согрелась. — Не понимаю тебя. Можешь согреть?

— Да. Хочешь согреться... Ни-ика? — растянув мое имя, спросил ильх. А я вскинула в ответ брови, прислушиваясь к странному, непривычному звучанию. Краст впервые назвал меня по имени.

— Конечно! — я по-прежнему не понимала, но перспектива перестать трястись вызвала прилив небывалого энтузиазма. — У вас есть какие-то средства для обогрева помещений? У нас используют специальные переносные печи, может, у вас есть что-то подобное? Я видела чаши внизу, в зале, может, в них разводят огонь? Хотя боюсь, здесь станет нечем

дышать, если их зажечь... — и я осеклась — Краст молча смотрел на меня, а я смутилась от того голода, который мелькнул в его глазах. — Почему ты так на меня смотришь?

Он резко поднялся и так же резко покинул комнату. Я проводила его недоумевающим взглядом. Может, риар отправился за тем самым местным обогревателем? Но через полчаса стало очевидно, что Краст просто ушел. Я огорченно покачала головой, если он будет так поступать, то научить его не удастся и за год. Тьфу, тьфу, не дай перворожденные. Сложив книги в аккуратную стопку, я задумалась, чем заняться.

Конечно, дел в башне было невпроворот. Вчера я помогала перебирать запасы круп, решив, что любая активная деятельность — это хороший способ разогнать кровь по дрожащему организму. А накануне перетряхивала с двумя прислужницами ткани и покрывала из кладовой. Работы я не боялась, и как любой ребенок, выросший в большой семье, была с детства приучена к труду. Но сегодня складывать копченое мясо или считать битые горшки не хотелось, так что я решила пройтись. Все равно в башне не намного теплее, чем снаружи, а мне пора ближе познакомиться с Дьярвеншилом. Пока я видела лишь пару узких грязных улочек да каменные дома с закрытыми ставнями.

К тому же, утром Краст молча оставил на кровати короткую шубку из черного меха, к ней — такую же шапку, огромные варежки и теплые сапоги. Еще одна плата за прикосновение, хотя это я залезла на него ночью!

И хотела ведь объяснить это досадное происшествие, но Краст уже хлопнул дверью. На самом деле я уже всерьез задумывалась о том, чтобы прекратить наши занятия. С каждым днем риар становился все мрачнее и злее, смотрел так, словно

желал убить. И мне это порядком надоело. Понятно, что ильха злит мое присутствие, но разве я не стараюсь быть полезной?

Пнула со злостью ножку стула и взвыла. Зато злость отступила и в голове прояснилось!

Хватит сидеть в башне, Ника. Нужен свежий воздух и ветер, он живо выметет дурные мысли и непонятные чувства. И воспоминание о каменном теле, на котором угораздило проснуться!

Глава 18

Натянув теплую одежду, я спустилась вниз. От дверей вела уже знакомая дорожка, но миновав кладовые, я свернула не к крепостной стене и морю, а пошла вверх — к скалам. Выше и выше, надеясь забраться туда, откуда можно будет рассмотреть этот город-крепость.

Навстречу мне иногда попадались ильхи, но никто не останавливал и вопросов не задавал. Меха скрыли мои светлые волосы, так что я вполне могла сойти за местную. Как я заметила, на многих были такие же шубы и шапки, как у меня. Так что я приободрилась и зашагала веселее. Дорога в гору согрела, к тому же, чем дальше я удалялась от берега, тем становилось теплее. За каменными стенами домов ветер почти не ощущался, и прогулка начала доставлять мне удовольствие. Я вертела головой уже с интересом, правда, смотреть особо было не на что. Дома одноэтажные, иногда встречались деревянные постройки — то ли сараи с домашней живностью, то ли склады. На крышах стелился ковром бурый мох, и сидели все те же птицы — с длинными шеями и крохотными горбоносими головами. Но они лишь провожали меня сонными взглядами, так что я сочла этих чудовищ странными на вид, но не опасными.

Взобравшись по вырубленным в скале ступеням на уступ, где прилип боком к горе лишь один дом, я обернулась и окинула взглядом Дьярвеншил. Похоже, когда-то это действительно была лишь башня. А потом вокруг выросли, как грибы, дома — без какого-либо плана застройки или стремления к красоте. Очевидно, что строили как придется и где придется, с одной стороны куча домов впритык, а с другой — почти лес. А

потом снова дома. Между каменными зданиями высятся невероятно огромные ели, ниже лениво перекачивается холодное море, а наверху белеют верхушками скалы.

И во всем этом — непродуманном и диком — есть что-то притягательное. И пугающее одновременно. И задумавшись, я поняла, в чем тут дело. Дьярвеншил казался такой же частью пейзажа, как скалы и море. Ничего искусственного, ничего симметричного или геометрически выверенного, как в городах Конфедерации. Природный хаос, на котором и зиждется гармония естественности.

Между лопаток зачесалось, и я повела плечом, сбрасывая неприятное ощущение. Ощущение чужого взгляда... словно за спиной был кто-то, совсем близко, смотрел... нет, не смотрел. Рассматривал.

Страх кольнул изнутри, и я резко обернулась, не желая поддаваться панике. Мелькнули за скалой темные волосы. И пропали. Я протерла глаза, не уверенная, что мне не почудилось. Действительно ли за камнями кто-то был и наблюдал за мной? И если да, то кто? В Дьярвеншиле темноволосые почти все, и мужчины, и женщины, так что какой-то ильх вполне мог оказаться сегодня здесь. И все же таких волос я не видела. Длинные, почти до земли, не летящие, а плескающиеся на ветру. Словно живые... кому они могли принадлежать? И кто ходит в холода вот так — без шапки, с распущенными прядями?

Не найдя ответа, я снова обернулась к городу, раздумывая, не лучше ли мне вернуться.

— Нравится? — голос за спиной заставил меня подскочить и обернуться.

— Рэм? — удивилась я, увидев беловолосого ильха. — То есть... приветствую тебя, Рэмилен-хёгг. Я тебя не видела.

— И я тебя приветствую, Вероника, нареченная риара, — хмыкнул а-тэм. — А не видела, потому что я

только что подошел.

Он улыбнулся, а я поневоле поежилась, глядя на его одежду — штаны, сапоги да тонкая безрукавка. Но, похоже, ильх совсем не мерз. На меня он смотрел с улыбкой, белые волосы поблескивали снегом под лучами зимнего солнца, в голубых глазах таился смех. Рэм одобрительно щелкнул языком, обойдя меня по кругу.

— Вижу, воздух Дьярвеншила все же пошел тебе на пользу, чужачка. Ты выглядишь гораздо лучше. На щеках румянец, глаза блестят. Может, и на боках уже что-торосло?

Я фыркнула от столь сомнительного комплимента, но Рэм смотрел весело, и я все же рассмеялась.

— Я в жизни не ела столько мяса, сколько довелось слопать в Дьярвеншиле. А румянец у меня от холода. К тому же моя помощница Анни каждый день что-то мажет мне на лицо, понятия не имею — что, но моей коже, похоже, нравится!

— Эта девчонка знает, как выжить в Дьярвеншиле, — усмехнулся ильх. — Я не ждал гостей, но заходи, если хочешь, — он махнул на дом за спиной.

— В гости? Нет, не нужно... Ты живешь здесь один?

— Да. Я не люблю огонь, а в башне он теперь горит постоянно.

— Понятно. А я просто осматриваю город.

— И что же увидела?

Я улыбнулась и снова посмотрела вниз — на ели, дома, море...

— Он красивый. Странно красивый. И дикий.

— Дикий? — в ярких глазах ильха мелькнуло удивление, а потом он откинул голову и рассмеялся. — А знаешь, ты права!

Дикий, как его риар, хотела добавить я, но промолчала.

— А еще — холодный, — хмыкнула я. — У нас тоже бывает зима, и раньше я ее даже любила. Но на фьордах все иначе.

— Почему?

— Потому что дома я не боялась замерзнуть, — улыбнулась я. — Зимой мы ходили на каток, катались на лыжах или санках с горки. Это очень весело. Мои сестры обожали такое развлечение. Да и сейчас любят. Каждый раз мы носились до посинения или пока не приходил папа, чтобы загнать в дом непутевых дочек. — Я улыбнулась воспоминаниям. — С этой горки можно было бы устроить отличный спуск!

— И сколько у тебя сестер?

— Много, — хмыкнула я. — Это настоящий кошмар, если честно. Главной мечтой моего детства было найти угол, где никого нет!

— Ты скучаешь по ним. — Это был не вопрос, и отвечать я не стала. — Почему же ты оставила их и приехала на фьорды, лирин?

— Пожалуй, мне пора возвращаться, — опомнилась я, уже жалея о своем рассказе. И что на меня нашло? Просто захотелось с кем-то поболтать, наверное. Поговорить о доме, о сестрах, которые пусть вредные и шумные, но любимые. Ильх прав, я просто скучала по ним. Хоть и старалась не думать.

— Постой, — Рэм неожиданно положил руку мне на плечо. И убрал тут же. — Не уходи. Я думаю, ты могла бы прокатиться с этой горки, лирин.

— Прокатиться? — изумилась я.

— Ну да, — на лице ильха расцвела задорная улыбка, и я вдруг подумала, что Рэм довольно молод. Как и Краст, кстати. Вряд ли они намного старше меня, просто фьорды заставляют мальчиков взрослеть рано. — Прокатиться!

— Но снега совсем мало, и льда нет...

Рэм улыбнулся шире и шагнул к склону, опустился на корточки. Положил ладони на землю, задумался. И я ахнула, увидев, как стелется белая поземка, а черная земля покрывается слоем льда.

— Это невероятно! — не выдержав, я захлопала в ладоши. — И не понимаю, как ты это сделал, но это... чудесно!

— Давай скорее, дева, скоро все растает! — хохотнул ильх, блестя глазами.

А я воззрилась на него изумленно.

— Ты серьезно? Хочешь, чтобы я прокатилась?

— Да. Может, тогда ты улыбнешься.

Я оглянулась вокруг, не зная, как поступить. Но здесь, возле дома ильха, не было, кроме нас, ни одной живой души. А мне до безумия хотелось веселья. Воспоминания о доме разбредили и без того ноющую душу, мне хотелось хоть немного смеха!

— Ладно, — я подобрала плащ и села на край склона. Эх, санки бы мне. Но соорудить ещё и их Рэм вряд ли способен!

Коротко охнув, я оттолкнулась и, как масло по скороде, скатилась вниз. Ветер обжег щеки, сердце подскочило, на миг возвращая меня в безоблачное и веселое детство. Я расхохоталась и взвизгнула, когда сверху свалилось что-то большое и тяжелое, сбивая меня с ног.

— Йотунова задница, — сказал Рэм, барахтаясь в моих юбках. — Ты же говорила это весело? Я себе чуть кишки не отбил. Давай еще раз!

Я захихикала, встала на колени, отпихивая от себя ильха. Он проехался ладонями по скользкому склону, зацепился за мои ноги, грохнулся. И выругался так, что я покраснела и зажала себе рот, пытаюсь не смеяться.

Вот только веселье растаяло, когда раздался злой до бешенства голос:

— Что тут происходит, задери вас шельг?

Кем ругнулся Краст, я не поняла, но осознала, что риар недоволен. Да что там, похоже, он снова хотел меня придушить. На всякий случай я отползла подальше от Рэма, который как назло запутался в складках и подниматься, кажется, не торопился.

— Рэм! — рявкнул Краст.

Я посмотрела снизу вверх и ойкнула. Выглядел риар устрашающе.

— Твоя нареченная показала забаву своего дома, — отозвался снежный.

— Так делают девы Конфедерации? — процедил Краст. — Позорят своего жениха, когда он отворачивается? И ложатся под его побратимов?

Осознание того, в чем меня обвиняют, заставило покраснеть сначала от стыда, а потом — от злости. Я вскочила, чуть снова не грохнувшись. Но устояла и сжала кулаки.

— Я никого не позорю. Я всего лишь немного развлеклась и скатилась с горки. Зимой, в одежде и всех этих мехах. Как можно опозорить кого-то тем, что я просто захотела немного смеха!

— Если тебе нужно веселье, то не стоило приезжать в Дьярвеншил!

— Да я покину твой Дьярвеншил хоть сейчас! — заорала я, не сдержавшись. — И тебя заодно. Думаешь, мне тут нравится? Да ты, верно, самый ужасный риар, который есть на фьордах. Я считаю дни, когда смогу забыть это место, как кошмарный сон. И тебя тоже!

В повисшей тишине я увидела, как побелело лицо Краста, и вспыхнули пятна на лице Рэма.

— Самый ужасный? — как-то заторможенно переспросил ильх.

Рэм медленно шагнул вперед, почему-то держа руки ладонями вперед. Словно показывал, что у него оружия.

— Краст... — начал он.

— Отойди, — глухо сказал его побратим.

— Краст, спокойно...

Но на друга риар не смотрел, лишь на меня. Прожигал мне череп своим взглядом.

— Самый ужасный?

— Да! — выдохнула я. — Проклятие. Ненавижу этот город. Грязь, голод и холод!

— Тебя сюда никто не звал, — с едва сдерживаемым бешенством заорал Краст.

— Звал вообще-то. Твой отец. И меня обещали принять как почетную гостью. И что же? Я мою твою башню, молчу, улыбаюсь, пытаюсь стать незаметной и полезной, и что?. Что? Вижу от тебя лишь злобные взгляды. Разве так принимают гостей? Ничего мне не объяснил, ведешь себя так, словно тебя эти ваши йотуны в зад укусили!

Рэм бочком двинулся ко мне, желая отпихнуть подальше от разъяренного Краста, но мне было уже наплевать. Усталость и переживания сделали свое дело — и я собиралась высказать все, что накопилось за эти дни!

— Я учу тебя писать и разве сказала хоть раз что-то обидное? Разве позволила себе оскорбление или унижение? Нет. Я искренне хотела тебе помочь. Но заслужила лишь то, что ты назвал меня... падшей женщиной. За то, что я лишь хотела немного смеха. Чуть-чуть смеха и тепла в вашем мрачном и холодном Дьярвеншиле, чтоб вас всех Горлохум спалил!

— Замолчи. Он же не в себе, ты что, не видишь? — прошипел Рэм, и я шумно втянула воздух и повернулась к снежному:

— Надоело мне молчать. Что? Что он сделает, твой побратим? Окинет меня очередным недовольным взглядом? Посмотрит, как на пустое место? Рэм, тебе стоит подарить риару хоть одно зеркало, чтобы злобно глазеть он мог на себя!

— Что?! — заорал Краст.

— Что слышал! — заорала я в ответ. — Ненавижу тебя, понял?!

— Ники, отойди... — прошептал Рэм, отпихивая меня в сторону и не спуская глаз со взбешенного риара. — Отойди!

— Ники? — дернул головой Краст.

Его глаза сузились, и вот тут мне стало страшно. По-настоящему. И захотелось затолкать обратно сорвавшиеся с губ злые слова. Над головой явственно сгущались тучи, город резко потемнел и замер как перед страшной грозой.

— Краст, успокойся... — выдавил Рэм.

Риар дернул головой, глянул на снежного хёгга. И вдруг застыл, не спуская бешеного взгляда с его лица. Черный глаз полыхнул яростью, да такой, что я похолодела.

— Твои глаза, Рэм... Ты ее позвал? — тихо и страшно произнес ильх. — Позвал ту, на которую я надел венец?

— Я... — Рэм удивленно хлопнул себя по лбу. — Да случайно вышло. Да тебе же на нее плевать, ты сам говорил. Она же для тебя бледная морь!

— Кто я? Морь бледная? Ах, ты сволочь. Да ты... ты! — сжала кулаки, надеясь, что моих сил хватит на хорошую оплеуху этому поганому риару!

— Он позвал тебя! — зарычал Краст, кажется, не соображая, что я собираюсь его прибить.

Я изумленно нахмурилась. Куда позвал? Кататься со склона? Ну, так что же? Или может это какое-то особое табу? Но какое может быть табу в детском и невинном развлечении?!

Ударить я не успела, потому что пока думала, кулак Краста взлетел и врезался в лицо Рэма с такой силой и скоростью, что его побратим отлетел и рухнул на подтаявший снег. Я вскрикнула от ужаса, совершенно не понимая, что так взбесило риара, и не зная, как остановить драку. Сплюнув, а-тэм оказался на ногах и

бросился на друга. Ильки сцепились, рухнули, покатались по земле, вколачивая друг друга в подмерзшую грязь. Я в ужасе зажала рукой рот, ведь от каждого удара кулаков, как мне казалось, можно было скончаться на месте. И даже странно, что оба илька не только все еще живы, но и продолжают активно выбивать друг из друга внутренности!

А-тэм ударил кулаком в бок риара, но тот не рухнул, а лишь согнулся на миг и врезал Рэму в солнечное сплетение. Я услышала треск и завопила — кажется, у кого-то сломалось ребро...

Вокруг двух тел завертелась поземка, Рэм откатился по снегу, и его вдруг накрыла серая тень. А уже через миг человек исчез, а возле скалы раздалось яростное рычание белого дракона.

Я прижала к щекам ладони, с ужасом глядя на него. А я ведь уже почти убедила себя, что произошедшее на корабле мне приснилось... Что нет никаких драконов, есть просто ильки... И вот я смотрела на зверя, размером с дом, имя которому — снежный дракон, потомок Улехёгга. Его серая шкура была покрыта инистым узором, длинную шею украшал ряд ледяных шипов, а крупная чешуя отливала искрами северного сияния. Мощные серые крылья распахнулись, поднимая снежную круговерть, ударил тонкий гибкий хвост, и зверь рассерженно зашипел.

Напротив снежного хёгга застыл неподвижно риар. Высокая фигура Краста сейчас казалась такой уязвимой, что мне вдруг стало страшно. Да этот обратившийся Рэм запросто перекусит его пополам. Да в один присест ведь сожрет, сволочь!

И вместо того, чтобы бежать прочь, как и должна поступить здравомыслящая девушка, я вдруг бросилась к ильху, по-прежнему торчащему перед своим озверевшим побратимом.

— Уходи! — заорала я. — Краст, уходи, слышишь. Он же дракон, чтоб вас всех йотуны покусали. Ты что, ослеп?!

Снежное чудовище оскалилось, дыхнуло холодом.

— Не смей его жрать, ящерица белобрысая! — взвилась я. — Только попробуй!

И риар, и сам дракон дернули головами и воззрились на меня. Я затормозила, оскользнулась и, конечно же, рухнула, прокатилась на заднице несколько метров и остановилась как раз у лап дракона. Вернее, он просто дернул хвостом, преграждая мне дальнейший полет по льду и земле. И тут же сверху к моему лицу опустилась ужасающая оскаленная морда. Змеиные глаза глянули с интересом, узкий язык щелкнул по огромным клыкам. И хёгг пропал.

Я села, откинула со лба взмокшие волосы. Рэм — снова человек — протянул мне руку, но я лишь фыркнула и поднялась сама, решив больше не связываться с этими ненормальными варварами.

Краст стоял в двух шагах. И снова смотрел слишком странно. Так, как я не могла понять.

Рэм усмехался и почему-то выглядел жутко довольным, несмотря на разбитый нос, подбитый глаз и кровь, заливающую лицо. Голубые глаза искрились от смеха, словно он только что получил долгожданный подарок!

— Ты что, защищала меня? — заморожено спросил Краст. Моргнул. Прикрыл глаза. И снова уставился.

— Да ну вас ко всем йотунам! — разозлилась я, уже ничего не понимая. — Сами разбирайтесь. Ненормальные!

Перевела взгляд с одного ильха на другого, плохо соображая, что сейчас произошло, и лишь надеясь, что за все произошедшее меня не утопят сегодня в море. С варваров станется. Подобрала с земли свою слетевшую

шапку, нахлобучила ее на голову и, гордо вздернув подбородок, потопала вниз.

Ужасно тянуло оглянуться, чтобы убедиться, что там, сзади, по-прежнему люди, а не два чудовища, решивших перегрызть друг другу глотки. Но на склоне было тихо.

И уже спустившись, я вдруг осознала истину.

Одно чудовище. Лишь Рэм слился со зверем, но не Краст.

Но означает ли это хоть что-то?

И вряд ли в Дьярвеншиле найдется хоть кто-то, способный объяснить.

Глава 19

— Зачем ты пришел, риар?

Вперед выступила статная женщина, уперла руки в бока. Смотрела она прямо и уверенно, но на самом донышке светло-карих глаз Краст видел страх. И он же отблеском ложился на лица остальных женщин, что стопились за спиной кухарки.

— Кажется, моя нареченная уже приходила к тебе, Алвина, — неторопливо произнес ильх, разглядывая собирающуюся толпу. — Приходила с просьбой, хотя могла приказать. Ты отказала.

Женщина набычилась, сжала губы. Товарки помрачнели.

— Я вольнорожденная дева Дьярвеншила, Краст... хёгг. И твоя лирин мне не указ, пока не надела пояс жены. Мы здесь не рабыни. Мы свое место знаем!

Краст поднял брови, слушая.

— Вот как. Уж не намекаешь ли ты и на мое место, Алвина? На то, что и оно — не в башне? Я ведь лишь дитя злой горы, отродье ай-ро. Так ты говорила недавно на этой площади?

Сказал насмешливо, но женщины отхлынули назад волной. И даже храбрая Алвина побледнела. Сжала для смелости ухват, который держала в руке, и тут же отбросила. Краст хмыкнул. Молодец, поняла.

— Мы знаем, кто ты, риар, — но смотрела кухарка пока твердо. — И я от своих слов не отказываюсь. Правду говорить не стыдно.

— Правду? — Краст улыбнулся, но веселее окружающим не стало. Смотрели настороженно, уже и мужики подтянулись, правда, хватало ума оружие не доставать. — Ну, что же. Пусть будет правда. Я слишком долго слушал шепот за своей спиной. И видят

перворожденные, не желал вам зла. Но, видимо, похорошему вы не поймете.

Он окинул взглядом людей. Когда их успело собраться так много? Но тем и лучше. И сказал громко, так, что услышал каждый на этой площади.

— Я сын своего отца, Ингольф-хёгга, которого фьорды прозвали Лютым. И своей матери, йотун-шагун, отданной ай-ро в услужение!

Рокот прокатился над толпой, люди вздрогнули и уже заметно попятились. Древний страх перед тем, кто мог ходить по грани незримого мира, исказил лица. Порыв ветра разметал подола, сорвал шапки, ударил по щекам каждого, словно оплеухой. Ильки дернулись, в глазах вспыхнул страх. А Краст рассмеялся.

— И еще я ваш риар. По праву силы и крови. Я поклялся защищать вас и сделаю это даже ценой своей жизни. Вот только я начинаю думать, что в Дьярвеншиле слишком много жителей! — и он обвел притихших людей злым взглядом. — Я спрошу ещё раз, Алвина. Ты готова послужить своему риару и стать кухаркой в башне?

Женщина тяжело сглотнула и кивнула.

— Да, мой риар, — выдавила она.

— Хорошо, завтра начнешь, — сухо кивнул Краст. — И выбери трех дев — себе в помощницы.

— Да, мой риар...

Краст снова тяжело осмотрел площадь. Люди вздрагивали, страшась его взгляда, и горечь обожгла риара изнутри. Страх — вот то, что он видел всегда и у всех. Страх... Когда-то он мечтал избавиться от этого гнилого чувства. Искоренить его в душах горожан. Хотел, чтобы они видели в нем равного, своего. Он помогал им изо дня в день, жертвуя своим отдыхом, своими желаниями, собой... Таскал камни, защищал, отдавал последнее. И к чему пришел? К тому же. Страх одним махом решил проблему.

— Вечером в башне состоится совет родов. Готовьтесь, жители Дьярвеншила. Вас ждут перемены. И с теми, кто их не примет, разговор будет особый. И еще. Ты права, Алвина. Я действительно слышу ваши голоса. Каждого. В любое время. Все, что вы говорите. Так что следите за своими языками. Могу и рассердиться.

Развернулся резко и пошел обратно, успокаиваясь. Плевать. Значит, пусть боятся. Сильно, истово. Зато теперь в башне будет нормальная еда, такая, от которой даже у бледной мори нарастет на боках мясо.

Риар потер глаза, покрасневшие за бессонную ночь. И снова вспомнил слова лирин. И хоть первым желанием было придушить дерзкую чужачку, он все же сдержался. Да и не за что ее было душить, разве что за собственную глупость. За правду в Дьярвеншиле не наказывают.

Самых поганый риар на фьордах. Рэм кричал вслед, что все это чушь, и что пришлая дева ничего не знает... а Краст молчал. Смотрел, прищурившись, на туман, залегший в корнях вековых елей, на снег, укрывающий горы, на мерцающие голубые огни, на башню, черным осколком торчащую сбоку. Думал. И мысли эти ему не нравились. Тяжелые это были мысли, дурные. Полные яростной злобы. На самого себя. Разве не видел он, что прислужницы обленились, башня заросла грязью, а в углах пищат мыши? Так почему позволил этому произойти? Не желал стать вторым Лютым? А кем стал?

В бою все просто, все понятно. Свой — чужой, бей или тебя... а вот как разговаривать с женщинами или наладить простой быт, Краст не знал и не умел. И как жить по-другому — не понимал. У него всегда было так — плохая и скудная еда, холодные стены, нож в руке — даже во сне. И женщина — так, как подсказывает инстинкт, а не так, как надо... И стыдно сказать, но даже горькому хлебу и жесткому мясу он и сейчас

радовался, как в детстве. И казалось ведь, что вкусно. Он даже гордился, что теперь есть и мягкая постель, и горячий обед. И иногда — девы, что приходят сами, пусть и не смотрят в глаза. Вот только не смотрят не потому, что так правильно, не потому, что он теперь — риар, а оттого, что боятся. Все в Дьярвеншиле знают того, кого старый Ингольф-хёгг называл порченным, а то и хуже — йотуновым отродьем. Все знали, что в глаза Краста лучше не заглядывать, ведь там живет безумие...

Но он давно привык и к этому страху, и к шепоту за спиной. Привык отвечать ножом и кулаком, и казалось — все верно...

Оттого и злился, когда чужачка морщилась от их еды, злился, когда смотрела и фыркала, оглядывая Дьярвеншил. Так и хотелось запереть дерзкую деву в чулане, чтобы и не смотрела... Да только... Она-то точно знала, что и еда — поганая, и риар такой же.

Вот такая она — правда... и глядя на сосны, Краст признал ее и принял. Поганный риар. Может, и не самый худший на фьордах, но если не задумается прямо сейчас, то станет им. Он верил, что главное — защитить Дьярвеншил, а остальное — само как-нибудь. Но само не случилось, само лишь сгнило и заросло паутиной.

Всё так.

Ну что ж, значит — перемены.

Теперь каждый житель Дьярвеншила послужит на его благо и сделает все, чтобы город стал жить лучше. Так решил он — риар. И так будет. Злой риар? Плевать. Но Дьярвеншил станет местом, которым можно гордиться!

Да только на склоне он взбесился не из-за дерзких слов. По правде сказать, когда лирин кричала, сжимая свои ладони — раскрасневшаяся и вострепанная, он смотрел, испытывая совсем иные чувства. Такой он ее еще не видел и такая она ему понравилась. Нареченная

не шепталась за спиной, а кричала в лицо, и это тоже понравилось риару.

А не понравилось то, из-за чего он ударил побратима. Знал он ему название — тому чувству. Желанию схватить, спрятать, разорвать на куски любого, кто приблизится... Звериное чувство, злое, безумное. Инстинкт хёгга, что желает утащить СВОЕ!

И с чего бы ему так чувствовать чужачку?

Ведь морь же бесцветная, тонкая, чужая. И схватить не за что, и прижать — так кости же одни!

Вот только горло сдавило, стоило о ней подумать. И зов защекотал губы, норовя вырваться из тела. Наваждение какое-то, чтоб его йотуны сожрали!

Напоследок все-таки двинул Рэму ещё разок, чтобы наверняка осознал и прочувствовал. А-тэм сплюнул на снег, усмехнулся. И на рычание риара почему-то начал смеяться.

— Не смей к ней приближаться! — рявкнул Краст, ощущая желание оторвать снежному башку. — Не смей даже смотреть. И тем более — звать!

— Ты что, не понял? — оскалился Рэм. И фыркнул, как конь. — Тогда я, пожалуй, и не скажу. Может, сам додумаешься, когда отпустит.

И снова рассмеявшись, призвал хёгга, разметав снежную крошку.

* * *

Честно говоря, возвращения Краста я ожидала с легкой паникой. Когда обида и злость отступили, я поняла, что должна была промолчать — снова. Конечно, обидно, холодно, страшно, но мне надо просто потерпеть месяц. И осталось не так много времени. В конце концов, меня вполне устраивал тот странный нейтралитет, что установился между мной и местными.

А теперь что же? Война?

Вот только вряд ли я смогу в ней победить!

Чтобы не нервничать, я повторно отмыла комнаты, перебрала покрывала и затеяла уборку в кладовых. Прислужницы кряхтели и охали, поглядывали на меня косо, но молчали и работали, помня о наказе риара. А самого ильха все не было. Уже и ужин скоро, и лампы зажглись, а Краст так и не пришел.

А потом в башне стали собираться мужчины — суровые и встревоженные, а женщин выгнали, велев не мешать.

Я поднялась в спальню, раздумывая уйти ли в «библиотеку» или плюнуть на воспитание и тихонько подслушать, о чем будут говорить внизу? Судя по разговорам, риар созвал совет родов, как я поняла — местную власть. И меня терзали сомнения и страхи, вдруг дело во мне и Краст решил довести до всеобщего сведения решение о наказании чужачки?

Гордость пересилила и подслушивать я не стала. Уселась возле лампы с книгой и попыталась проникнуться историей чужой жизни.

Подпрыгнула, когда дверь распахнулась, впуская Анни с подносом. Девочка бухнула еду на стол и заверещала тоненько:

— Ой, что делается, лирин, что творится! — глаза девчонки стали круглыми от страха и восторга. — Краст-хёгг осерчал. Ох, как осерчал. Так, что даже Манавр замолчал!

Манавр — это отец Хальдора, вспомнила я.

— И что он говорит... — запнувшись, уточнила я. — Краст-хёгг?

— Сердится! — выдохнула Анни. — Сказал, что отныне жить все станут по-новому. И раз в Дьярвеншиле уважают лишь силу, он готов прямо сейчас принять бой от любого, кто не согласен с решениями риара. Так и сказал — каждый, кто против,

пусть докажет право на собственное мнение мечом. А не может, так пусть заткнется или покинет город до рассвета. Ой, что творится!

Я сглотнула. Вот так натворила я дел. Ляпнула о поганом риаре, вот Краст и вспыхнул...

— А дальше что?

— Краст-хёгг сказал, что отныне каждый дом будет платить в сокровищницу монеты от своего хозяйства. От проданной пушнины, леса или ремесел. А кто не может заплатить — должен отработать на благо Дьярвеншила. И еще теперь появятся обязательные работы для всех. Для женщин и мужчин, представляешь? Каждый будет заниматься тем, что лучше всего умеет, но не только для себя, но и для города!

Я хмыкнула. А риар не дурак!

— Что ответил совет?

— Сначала вспылили, конечно. Манавр особенно... Тогда Краст-хёгг заявил, что раз конухм не желает работать для процветания Дьярвеншила, то пусть убирается прямо сейчас. Или докажет силой свое право быть конухмом. Тот и замолчал. Надулся, как злой йотун, но вызов риару так и не бросил...

— Почему? — шепнула я.

— Так все знают, что победить Краст-хёгга не выйдет, — пожала губы Анни. — Сильный он, лирин. Очень сильный. Вот совет родов и притих. Представляешь? Ой-е, что будет!

Я помолчала, осмысливая. Что будет, что будет... Перемены будут. И где-то внутри вдруг ощутила гордость за Краста. Не побоялся выступить против всего города, и ведь цель — благая.

— Ну, я побежала, лирин! — спохватилась Анни, что ещё не все услышала. Событие дня так захватило девчонку, что она даже забыла о своей основной заботе

— обучении глупой чужачки нелегкому искусству соблазнения! — Ты тут того... Отдыхай!

И ускакала, забрав поднос.

Снизу изредка доносились голоса и шум, а потом и вовсе все стихло — ильхи разошлись.

Умывшись, я покосилась на меч, делящий кровать, и забралась на свою половину.

Надо будет извиниться, решила я. В конце концов, не мое это дело, как правит Дьярвеншилом местный риар, я в этом ничего не понимаю. И зря так налетела... надеюсь, меня не отправят на корм рыбам этой же ночью.

Нервно усмехнувшись, я забралась под одеяло, накрылась шкурами. Спать я уже привыкла в нижнем платье, с головой укутавшись в покрывала. И все равно к утру замерзала так, что стучали зубы, а мысль о том, что надо покинуть более-менее теплую берлогу вызывала приступы ужаса.

Но может сегодня и вовсе не стоит раздеваться? А то если вернется Краст и решит выкинуть меня в море, то в платье — теплее...

Веселя себя глупыми мыслями, я свернулась клубочком, чутко прислушиваясь к шагам на лестнице. Но толстые каменные стены не пропускали ни звука.

И я не заметила, как уснула.

...мне снова снился кошмар и черный хёгг, заглядывающий в лицо. Наверное, я вскрикнула. Потому что очнулась от своих же всхлипов. Вот только на этот раз моя голова оказалась прижата к твердому плечу, а над виском слышалось дыхание. Я замерла. В спальне было темно, я ничего не видела, да и соображала со сна плохо. Может, я снова придвинулась к ильху во сне? Неосознанно? В поисках тепла и... утешения?

Но почему он меня обнимает? Тоже неосознанно? Ну не мог же он утешать меня, находясь в рассудке, верно? Тем более после всего, что случилось на склоне!

Значит, надо медленно отодвинуться, пока Краст не проснулся.

И где этот родовой меч, почему от него нет никакого толка?

Мужская ладонь, лежащая на моей талии, надавила сильнее. Я застыла, вслушиваясь в дыхание Краста и не понимая, что делать. Дышал он глубоко, под моей ладонью сильно и тяжело билось сердце.

Спит? Или...

Снова шевельнулась. Короткий вдох, и мужские пальцы прошлись сверху вниз по хребту, пересчитывая позвонки. То ли погладил, то ли придержал мое движение. А потом снова — уже явно. Провел ладонью по спине, коснулся волос, успокаивая. Я тихо всхлипнула, все ещё переживая дурной сон. И млея в тепле мужских объятий. Осторожно втянула воздух, а вместе с ним — запах риара. И с трудом сдержалась, чтобы не повторить. Мне так нравился его запах... Захотелось лизнуть кожу, чтобы ощутить и вкус, с трудом удержалась.

Страх от кошмара схлынул, обнажая иные чувства. И острое понимание близости с молодым и красивым мужчиной, на которого я так отчаянно пыталась не смотреть днем.

Руки Краста сжались на моих бедрах, подтягивая выше, к лицу, к открытому рту, дышащему короткими вдохами. Рывок... и я оказалась внизу, прижатая к кровати мощным и обнаженным телом ильха. Я до рези в глазах уставилась в темноту, но видела лишь смутные очертания его фигуры. Покрывало сползло, обнажая широкие плечи и напряженные руки. Ильх молчал, я слышала лишь стук его сердца и дыхание — уже сбитое. Вспыхнула, прикусила пересохшую губу. Почему-то нарушить тишину было страшно... И снова услышала вдох. Мужская рука поднырнула под мои бедра, сжались пальцы... Ильх застыл. Короткий

хриплый выдох... Мне казалось, что Краст смотрит на меня, разглядывает, хотя разве это возможно в такой чернильной тьме?

Я же почти не дышала. Сон и явь сплелись и стали единым, я почти не понимала, реальность это или все же сновидение. Слишком все было... странно. Томительно. Горячо. Кровь стучала в горле, висках, внизу живота, губы сохли... и мне хотелось их облизать, но я не решалась. Казалось, стоит это сделать и...

И Краст тоже что-то делает.

То, что уже невозможно будет отменить, то, что изменит нас обоих.

Теперь я уже точно ощущала, что все это не сон. Что ильх здесь — прикасается, нависает... Обнаженный и горячий... я чувствовала его дыхание, его жар, его подрагивающие от напряжения руки...

И сама уже не могла дышать. Обжигающее желание раскатилось внутри, мешая думать и заставляя лишь чувствовать... Краст не двигался, а я понимала, что если протяну руку... если прикоснусь к нему... Всего лишь прикоснусь... То...

Не успела.

Так же молча ильх откатился, встал, забрал свою одежду и ушел.

Какое-то время я лежала, таращась во мрак ночи и пытаюсь осмыслить произошедшее. Самое простое объяснение — Краст со сна перепутал меня с Ингрид. А когда осознал, что под ним не красавица фьордов, а бледная морь, ушел.

От обиды пришлось прикусить щеку и заставить себя не думать. Правда, получалось плохо, и заснула я лишь под утро.

А пробудилась от странного и непонятного чувства, почти забытого. Нос щекотало мехом покрывала, и я сонно зевнула, потянулась. На границе пробуждающегося сознания — удивилась. А вот чему,

еще не поняла. Может, тому, что телу было хорошо, мягко, тепло...

Тепло? Моргнула, открыла глаза. Плечи торчат над покрывалом, одна нога свесилась с кровати. И тепло. Очень тепло. Ни стылого воздуха, ни ледяных полов, ни пара изо рта!

Но — как?

Села на кровати, вертя головой в поисках источника тепла. Но ничего похожего на камин или огонь поблизости не наблюдалось. Все та же, уже привычная до мелочей комната. Удивляясь необъяснимому феномену глобального потепления в границах одного помещения, я спрыгнула на пол, прошлась. Ближе к стенам тепла становилось больше, словно... словно камень нагревался. Коснулась ладонью — так и есть. Ничем не закрытые каменные стены, которые казались мне столь ужасными, сейчас щедро делились теплом!

А когда я вошла в полутемную купальню, то и вовсе чуть не зарыдала от счастья. С фырканием из трубы текла горячая вода. Горячая вода. Лишь от сочетания этих слов можно было запеть. Это я и сделала, забравшись под блаженные струи и радостно плеская водой.

Все равно кроме меня в комнатах никого не было, Краст так и не вернулся. Зато очевидно расплатился за ночное прикосновение. И я не знала радоваться мне этому или огорчаться.

* * *

Прислушался к голосу камней, сжал зубы.

Говорят, Ингольф не мог услышать даже то, что происходит в соседней комнате, а Краст делал это без малейших усилий. Он мог бы слушать весь Дьярвеншил, если бы пожелал. А может, и все фьорды. Камень

заботливо сохранял каждый звук, каждое слово и нес риару.

Правда, ильх обычно не хотел. Но сегодня чужачка пела. И риар не смог удержаться. Пожалуй, голос — вот то, что завораживало в ней с первого звука. Когда она стояла за спиной и читала строки из старой книги, Красту хотелось закрыть глаза и слушать, слушать... Впитывать в себя каждый звук, словно он тоже — камень, а слова чужачки — вода.

Голос звенел серебром — тонко и чисто. Слова Краст почти не понимал, но стоял и слушал, силясь сложить образ из мелодии.

Краст давно не слышал музыки и пения. Ингольфхёгг презирал такие глупости, которыми занимаются лишь недалекие женщины, но которым недостойно предаваться воинам.

В башне риара никогда никто не пел, пожалуй, чужачка первая. И дух его отца наверняка сейчас шипит гадюкой, пока его жарит в пекле Горлохума Хеллехёгг.

Краст усмехнулся. Он надеялся, что это так.

Девчонка умолкла, а потом запела снова. Голос такой нежный, негромкий, чужой. И почему он стоит здесь и слушает? Оживил огонь хёгга в простенке, так пора бы и уйти. И оживил — зря, и стоит — зря... И утешал ночью зря. Хотя утешение быстро стало иным.

Краст задохнулся и нахмурился, камень загудел, отзываясь на силу риара. И дева оборвала песню, повернулась резко, расплескивая вокруг себя воду. Каждый звук Краст слышал явно и четко. Камень все собрал, и все рассказал заботливо... а остальное добавило воображение, рисуя в голове ненужные картины, от которых сладким спазмом сжимало в паху. И снова оживали ночные воспоминания, мешая думать. Все, связанное с лирин, прожигало насквозь. То, как она смотрела, как пела, как дышала ему в шею, как защищала...

Последнее никак не укладывалось в голове у риара. Защищала? Его? Бледная и нежная дева?

Но почему?

Он не понимал. И сколько не искал ответ, все равно не мог его найти. Неужели... Ей было не безразлично? Неужели испугалась... за него?

Да быть этого не может!

Мелодия затихла, и выругавшись, ильх развернулся и ушел.

Усмехнулся своим мыслям. Ничего, ветер уже задувает снежную пургу, несет ледяное крошево с вершины горы. И Рэм слишком легко заморозил склон для глупой забавы, значит — холод близко.

На днях пришел четвертый ветер, а следом, зацепившись хвостом, и пятый. Уже злой, уже сильный. Шестой согнет ели, а следующий сожмет башню в ледяном объятии, губительном и яростном. Дьярвеншил укроется снегом и льдом, затихнет...

Риар заставил себя не думать. Слушать ветер. Ждать. Забыть о наваждении, что будит лирин... Забыть о ней. Чужачка уедет совсем скоро. А он останется. Надо выбросить из головы дурость. Забыть.

Потому что лучше так, чем осознавать, что именно с ним происходит.

* * *

Накупавшись так, что кожа начала скрипеть, я выбралась из бочки, с наслаждением вытерлась льняным полотном и натянула нижнее платье. Оказывается, чтобы ощутить себя счастливой нужно не так-то много — горячая вода, тепло, ну и ещё что-нибудь вкусное!

От радости я заплясала по комнате, продолжая напевать. Такой меня и застала Анни.

— Ой, ты уже знаешь? Риар разбудил пламя хёгга! — бесхитростно закричала с порога девочка. — Здорово, правда? Тепло-то как!

— Великолепно! — пропела я, продолжая кружиться. Схватила прислужницу за руки и потянула за собой в глупом, но веселом танце, больше похожем на прыжки и подскоки. Девочка ойкала, таращилась на меня испуганно, но потом веселье захватило и ее, так что прыгать мы начали вместе.

И окончательно раскрасневшиеся, с хохотом повалились на кровать. Правда, тут Анни уже снова перепугалась, вскочила, отпрыгнула. Я махнула на нее рукой и посмеиваясь потянулась за своим платьем.

— Кстати, а где он — риар? — опомнилась я.

— Ушел недавно, — девочка с готовностью подала мне обувь. — Как убедился, что хёггово пламя пробудилось, так и ушел.

— Да? — я задумчиво повязала пояс. — Пожалуй, я тоже прогуляюсь. Дай мне теплые вещи, пожалуйста.

— Только сначала поешь, — хитро подмигнула Анни. — Вот увидишь, такого ты еще не ела!

Я скептически хмыкнула, но спустилась. И чего такого я не ела?

Внизу упоительно, умопомрачительно и невероятно пахло едой. Вкусный, сдобный, вызывающий обильную слюну запах заставил меня сначала замереть, а потом броситься к столу.

На нем уже стояло блюдо, накрытое чистой вышитой тканью.

— Прекрасные милостивые перворожденные, — прошептала я, обзревая кусок пышного золотистого пирога с мясом и яйцами, тонкие, со слезой, кусочки белоснежного сыра, кружку молока, мед и сладкое варенье из синих ягод.

А когда из кухни выплыла Алвина, пожелала мне хорошего дня и поставила на стол еще и тарелку

дымящейся, сдобренной маслом, каши, я и вовсе чуть не расплакалась.

— Риар велел сытно накормить тебя, лирин, — улыбнувшись, произнесла женщина и добавила: — Вижу, он прав. Ты совсем тоненькая, не дело это. Чтобы выносить сына от черного хёгга, нужны силы. Ешь, лирин. На обед будет мой рыбный суп, два пирога — с сыром и мясом, тушеная с травами и грибами лосятина и запеченные в меду яблоки.

Пока я хватала ртом воздух, Алвина с достоинством кивнула и поплыла обратно.

— Но как? — отмерла я. В голове все ещё звучали волшебные слова. Тушеная лосятина. Яблоки в меду. Пироги. О, я сейчас с ума сойду!

— Ты же отказалась?!

— Риар нашел слова, чтобы меня убедить, — кухарка качнулась на пороге кухни. Повернула голову. — И я... была неправа. Ешь, лирин.

Я и ела. Да что там — лопала так, что треск стоял. Мне казалось, что никогда в жизни я не пробовала ничего вкуснее!

После завтрака заглянула на кухню, убедилась, что Алвина знает, что делать. Рядом с этой неторопливой и обстоятельной женщиной кипела работа, прислужницы — уже знакомые и новые — носились по кухне как угорелые.

И я даже не сомневалась, что к обеду на столе будет вкусная и сытная еда.

Но как Краст уговорил кухарку?

И интересно, куда сам отправился. Может, к своему побратиму? Произошедшее вчера не давало мне покоя, хотелось убедиться, что наш хрупкий нейтралитет все еще в силе. Или просто посмотреть в разноцветные глаза ильха и понять, чего ждать. Неопределенность раздражала. Так что, натянув шапку, я вышла за стены башни.

Глава 20

За ночь снега стало больше. Он укрыл Дьярвеншил белым пологом, делая город чистым и каким-то обновленным. Я вдохнула полной грудью студеной воздух, прищурилась от мерцания снега и на миг вспомнила глаза Рэма. И почему так разъярился на него Краст? Непонятно... Но тут же передернула плечами, не желая больше думать об ильхах. В конце концов, я просто хочу спокойно прожить оставшиеся дни и уехать. И все, что мне нужно, это улыбаться и никуда не лезть, что я и собиралась делать.

Но для начала извинюсь перед Крастом, зря я ему столько всего наговорила...

Или... или мне просто хочется его увидеть?

Мотнула с досадой головой, приказывая себе и это выкинуть из бедовой головушки!

Я поправила шапку, сползающую мне на глаза, запахнула меховую накидку и уже уверенно двинулась к скалам. Прогуляюсь и подумаю, что делать дальше. А то мой бедный живот, отвыкший от сытной еды, раздулся мячиком, неплохо бы и растрясти завтрак!

Людей на улочках Дьярвеншила было немного, что и понятно — зима. Я снова с интересом крутила головой, разглядывая дома, припорошенные снегом, странных птиц, к которым я уже привыкла, деревянные ставни, встречающихся ильхов, поглядывающих на меня с интересом. В таком маленьком поселении наверняка все друг с другом знакомы, и меня тут же узнавали — чужачка, нареченная риара. Кто-то даже кивал приветливо, иные — фыркали и отворачивались. Но и это не могло испортить хорошего настроения. Редкое в этих краях солнышко весело гоняло по снежку солнечных зайчиков, под елями залегли густые синие

тени, и это было так красиво, что прогулка доставляла мне истинное наслаждение. И я даже поймала себя на мысли, что Дьярвеншил не так уж и плох. Да — иной, да — непривычный, но и здесь можно жить, и даже вполне комфортно!

Вон и еда уже стала радовать, и комната согрелась, и вода идет. А если ещё наладить производство шоколада... я мечтательно закатила глаза и рассмеялась своим мыслями. Давно ли я ужасалась этому отвратительному месту и почти плакала от страха и отвращения? А вот уже о шоколаде мечтаю и раздумываю, как наладить быт!

Фыркнув и снова поправив меховую шапку, я забралась на скалу возле дома Рэма. Но, увы, ставни оказались закрыты, как и дверь, а на мой стук никто не вышел. Похоже, здесь не было не только Краста, но и хозяина дома.

Потоптавшись у порога, я задумчиво глянула в сторону города. Возвращаться в башню не хотелось. За прошедшие дни мне изрядно надоело сидеть в стенах, пусть теперь и теплых. Поэтому я решила пройтись, раз уж солнце светит. А то покину Дьярвеншил и даже не увижу всех его красот, так и останутся в памяти лишь грязные горшки да сырые кладовые!

Мурлыча под нос песенку, я обошла дом Рэма и двинулась по тропинке дальше. Недалеко нависал уступ, с которого наверняка видна вторая половина крепости и море. К нему я и двинулась. Дошла и ахнула — неудивительно, что Рэм поселился именно здесь. Вид с уступа открывался потрясающий, и море виднелось до самого горизонта, так и казалось — прыгни вниз, и побежишь по мягко мерцающей бликами волне!

Я глубоко вдохнула, наслаждаясь вкусным воздухом, напитанным солью и свежестью снега. И уже хотела повернуть обратно, как мелькнуло сбоку голубым. Повернула голову, пытаюсь понять, что

привлекло мое внимание. На миг почудилось, что я увидела в снегу цветок, может, тот самый эдельвейс, что растет на горных склонах? Или померещилось?

Но нет. Голубая искорка блеснула шагах в двадцати, словно огонек.

Я слегка растерянно оглянулась на город. Уходить далеко мне совсем не хотелось, глупой я не была и понимала опасность хождения по заснеженным скалам. Но башня риара была совсем близко, вон же — торчит черной громадиной, возвышаясь над Дьярвеншилом. Да и дом Рэма рядом, а он ведь не стал бы жить там, где опасно?

А огонек-цветок качается, манит...

И интересно до жути, что там? Неужели и правда эдельвейс? Я их видела лишь на картинках и в прошлой жизни даже не мечтала рассмотреть вживую. Так разве упущу этот шанс?

Сделала несколько осторожных шагов. Но дорожка за домом Рэма была утоптанной, почва под ногами — твердая. Снежок приятно похрустывал, солнце светило... И чего тут бояться?

Посмеиваясь над собой, я пошла быстрее, всматриваясь в голубую точку. Нет, все же не цветок. Огонек? Любопытно... Пробежала, всмотрелась. И удивилась на миг — вроде даже запыхаться успела, а голубая искорка не приблизилась. И вот же она — близко совсем. Вспыхнула чуть ярче и снова кажется — цветок. Вот только его мешают рассмотреть блики солнца на снегу да мечущаяся белая поземка, что кружит вокруг меня, играет с подолом плаща, укрывает искорку, к которой так хочется прикоснуться!

И дыхание уже сбилось, и даже студёный воздух пробрался под теплую одежду, а искорка все не приближается!

Еще шажок, еще парочка — и поймаю!

Споткнулась, вздрогнула.

Разум вернулся резко, рывком, и я как-то ошалело вскинулась, осмотрелась. И похолодела. Дом Рэма исчез, как и город. Все исчезло. Я стояла под сводами огромной пещеры. Каменные стены терялись во тьме, сквозь дыры высоко вверху шпагами сходились лучи света. Они выхватывали из мрака то снежный настил под ногами, то угрожающе торчащие сверху и снизу ледяные пики. Я открыла рот, выпустив облачко пара. Боги, как я тут оказалась? Ведь прошло лишь несколько минут. Я прекрасно помню, что лишь недавно стояла на скале, рассматривая огонек. Как я попала сюда?

Прислушалась к себе. Тело ломило, колени дрожали, как бывает после длительного и тяжелого похода. Или после бега. От понимания происходящего стало совсем дурно. Кажется, прошли не минуты. Я шла, долго шла. Неслась вслед за огнем!

Ужас сжал сердце. Разум уже освободился от странного оцепенения, в котором я неслась сюда, не чувствуя ног и ничего не понимая. И теперь я с пугающей ясностью осознавала, что влипла. Что не понимаю, где нахожусь, и как смогла сюда прийти. Что вокруг лишь камни и лед. Что я не знаю, как выбраться!

Паника поднялась волной, но я задавила ее в зародыше.

— Ничего страшного, Вероника, — пробормотала я, оглядываясь и отчаянно надеясь увидеть какой-нибудь ориентир. — Я где-то совсем рядом с городом. Надо только понять — где... А для начала — вылезти из этого странного места!

Словно издеваясь, голубая искорка вспыхнула возле скалы, подмигнула. Я глянула на нее сердито и вспомнила болотные огни, что заманивают глупых путников в самую топь...

Сжала кулаки так, что ногти впились в кожу.

— Не паниковать! — приказала я себе, вглядываясь в следы на снегу. — Я выберусь. В конце концов, я всего

лишь заблудилась. Сейчас день, ну, наверное... Еще день... я недалеко, и если что — меня найдут...

Да уже, верно, ищут!

Хотя... Если нежеланная чужачка по собственной глупости сгинет в скалах, то сама и виновата...

— Я вижу следы, — хотелось слышать хоть кого-то, так что я продолжила бормотать. — Я иду. Я уже почти дошла. Я скоро найду путь...

Голубая искра мелькнула сбоку. Близко. Ближе, чем была раньше. И я впервые задумалась, как она передвигается. Уставилась на огонек, дрожащий неподалеку. Прищурилась. Кажется, или... Или тянется от огонька что-то длинное... словно веревка. Что за ерунда?

Уставилась, зачарованная. И даже шаг вперед сделала... Воздух возле огонька качнулся, сгустился.... Затвердел, словно прозрачное желе. Ничего не понимая, я уставилась в пустоту. Прищурилась. Показалось? В ленивом движении ветра и непонятно откуда берущегося снега вдруг проступила фигура. Словно снежинки на миг соткались во что-то огромное, рисуя силуэт странного снежного зверя, стоящего на двух ногах, с прозрачными глазами, косматой серебристой шерстью и длинным хвостом, на конце которого мерцал голубой огонек.

Я ахнула и осела на снег, боясь издать громкий возглас.

Чудище лениво повернуло голову, глянуло сверху вниз. Замирая, оно становилось невидимым, и лишь при движении проявлялась серебристая шерсть, так знакомая мне. Йотун. Та вот кто живет в злой горе!

Стараясь не издавать звуков, очень медленно я отползла. Йотун не шевелился, лишь кончик его хвоста подрагивал, заставляя плясать голубой огонек. И к моему ужасу, я заметила краем глаза еще несколько вспыхнувших «приманок». Зверь был не один...

Загребла руками снег, уколов руку. В ладонь впилась железная игла, и я глянула мельком на неожиданную находку — брошь. Несколько завитков, синий камушек в центре... Вот только не до украшений было. Отбросила, медленно выпрямилась.

Обмирая от ужаса, я пятилась до тех пор, пока спиной не уперлась в сталагмит. Голубых огней становилось все больше, а потом... Из мрака пещеры появилось новое чудовище. Этот зверь не прятался за невидимостью, он был вполне материален. Выше и крупнее, с белыми рогами, украшающими голову. Тело стояло на двух ногах, длинные верхние лапы почти касались земли. Плоская морда без носа, белесые глаза и пасть, внутри которой поблескивали острые треугольные зубы. Хвоста с огоньком у этого монстра не было.

Луч света выхватил множество ледяных образований, в каждом из которых отразился снежный монстр. Или не отразился? Или за сталагмитами и прятались звери? Сколько их здесь, в этой пещере?

Паника облила холодной водой, на миг лишив ясности ума. Захотелось поступить как какая-нибудь идиотка — то есть побежать, не разбирая дороги с воплем «спасите!» Когда-то меня лишь веселили такие проявления глупости, но вот сейчас, стоя в пещере среди чудовищ, я чуть не сделала то же самое. Разум просто норовил отключиться, а инстинкт требовал лишь бежать и орать!

Поэтому я заткнула себе рот рукой и начала отползать, пристально следя за йотунами. Они так же внимательно наблюдали за мной. Рогатый, которого я заметила первым, сделал шаг следом. Голубые огоньки подпрыгнули. Из-за льдин выскользнуло сразу несколько йотунов, и каждый из них не сводил с меня белых глаз. В пасти ближайшего мелькнул полупрозрачный язык, облизывающий клыки.

Да эти чудные пушистики явно собрались перекусить. Мною!

Шаг назад. Еще. Нога соскользнула, и я рухнула на пол. Тихо ахнула, вскочила... и взвизгнула в голос, когда звери пришли в движение. Рогатые кинулись ко мне с такой скоростью, что серебристая шерсть вспыхнула искрами!

Бежать!

— Стоять! — тихий, но яростный шепот Краста заставил меня подпрыгнуть и обернуться.

Еще не веря своим глазам, я уставилась на ильха, который был за спиной, шагах в десяти от меня. Облегчение и радость чуть снова не свалили меня с ног. От счастья я была готова кинуться риару на шею, вот только на меня он не смотрел, лишь на снежных чудовищ. Те при виде ильха насторожились, задержали белыми носами. Серебристая шерсть встала дыбом, а голубые огни нервно ударили об пол, словно хвосты рассерженных кошек.

— Краст! — я выдохнула его имя так, словно это лучшее слово на земле. Впрочем, сейчас так оно было. — Прости. Я увидела огонек, думала, это эдельвейс, и пошла за ним, я не знала, что уйду далеко, но как же...

— Не двигайся, Ника, — почему-то ильх на меня не смотрел. Не мигая, он вглядывался в льдистое пространство. И повторил шепотом: — Не двигайся... Отвернись...

Медленно и плавно ильх шагнул вперед. И я содрогнулась, поняв, что он стоит босиком и без своей привычной кожаной безрукавки. И оружия в руках риара не было, лишь две палки. Мудрые перворожденные, он что же, будет отбиваться какими-то сухими ветками? От десятков страшилищ?. Он с ума сошел?

Но отбиваться ильх и не собирался. Плавно качнулся вперед, назад, в стороны. Словно змей... снова качнулся... развернулся в прыжке, перепрыгнув с ноги на ногу... высоко... так высоко, как не может прыгнуть человек!

Риар танцевал.

И это был жуткий и прекрасный танец. Я спиной прижалась к льдине, не в силах отвести глаз от резких и плавных движений бронзового тела. От ударов палок, от прыжков и взмахов. Танец-сражение, танец-заклинание... Я поймала себя на том, что качаюсь из стороны в сторону, так же, как и йотуны, замороженные этим шаманским приказом. Качаюсь, смотрю не моргая, и что-то рождается внутри — сильное и болезненное, словно танец пробуждает скрытое. Желания кружат водоворотом, утаскивая на самую глубину подвластной ему бездны.

А что там? Там он... Только он. И он смотрит на меня, без слов приказывая. И я подчиняюсь, потому что самое желанное — подчиняться его приказам. Там, в этой бездне, Краст иной. Там его глаза смотрят властно, губы улыбаются с уверенной насмешкой, движения совершенны... Он — совершенен. Больше нет настороженности, нет злости... Краст движется, и я готова рыдать, поклоняясь ему, как божеству. Он дик. Свободен и завораживающе прекрасен. Он — бронзовый бог... Он оказывается рядом, прикасается — кончиками пальцев к щеке, к шее... и я слышу собственный стон. Облизываю губы, и снова он близко, словно обжигает обещанием наслаждения... В голове стучит ритм, созданный Крастом, а я так безнадежно нуждаюсь в его прикосновениях... В нем...

Разворот... стук палок, прыжок. Легкое приземление, удар. И снова покачивание...

— Очнись, лирин, — насмешка в голосе Краста заставила сглотнуть.

Танец закончился, но я все ещё жила им, дышала, чувствовала... И переживала картины того, что увидела в своей голове. И это было так живо и ярко, что мне и сейчас чудилось ощущение горячих пальцев на моей коже.

Или... Или оно было — это прикосновение?

Отвернулась, скрывая пылающие щеки.

Ильх молча поднял сброшенные сапоги, обулся, накинул меховую безрукавку. Я в это время оторопело глазела на застывших йотунов. Сейчас чудовища были похожи на снежные скульптуры — устрашающие и неподвижные шедевры сумасшедшего мастера. Их было много, не менее сотни, и все они замерли в неподвижности.

— Они спят, — тихий голос Краста оторвал меня от изумительного зрелища. — Но нам надо торопиться. Ветер ай-ро силен, разбудит.

Мало что понимая, я побежала за ильхом, который уверенно двигался мимо окаменевших хищников и льдин. Очень хотелось схватить Краста за руку, но не решилась.

— Ветер. Чем он громче, тем короче сон йотунов.

— Почему они разные? — сглотнув, я переступила через голубой огонек. — У одних хвост, у других рога...

— Мы с тобой тоже разные, — хмыкнул ильх.

Я осеклась, осознавая его слова. Самки и самцы, значит? И кто есть кто?

— С огоньками — это самки, да?

— Конечно. Заманивают в недра горы глупых чужаков, которым не сидится в теплом доме! — в голосе Краста прозвучало раздражение. — Шевели ногами, лирин!

Огрызаться я не стала, за насмешкой ильха явственно звучала обеспокоенность. Краст уже почти бежал, и я с трудом поспевала за ним. Ледяная пещера то сужалась, то снова расширялась, вырастали из пола

хрустальные пики, порой они сливались со сталактитами, образуя колоны, арки, кружевные туннели и зеркала, в которых отражалась искаженная, испуганная Вероника. Здесь было жутко красиво, правда, рассмотреть ничего толком не удавалось.

Ноги снова поехали, я вскрикнула, теряя равновесие.

— Тихо! — прошипел Краст, хватая меня за шкирку и дергая вверх.

В глубине за нашими спинами что-то грохнуло, зашипело, зашуршало. Порыв ветра ударил в стены, почти сбив с ног, и я на миг изумилась — неужели пещера сквозная? Иначе откуда такой сильный ветер?

— Скорее! — ильх дернул меня за руку, оглянулся на миг. В разноцветных глазах его мелькнул злой огонек.

Я бежала со всех ног, уже задыхаясь от усталости. Льда стало больше, оно образовывало вверху странную полусферу, прутьями спускаясь к земле от длинного центрального хребта.

Хребта?

Я вскинула голову. Точно. То, внутри чего мы бежали, напоминало клетку ребер. Да вон же внутри — кости, только заключенные в оболочку льда. Скелет. Перворожденные, да это же... скелет дракона. Полностью обледеневший!

Ветер из нутра пещеры снова ударил в спины, и на этот раз на ногах не удержался даже Краст. Мы рухнули и покатились, я свалилась на ильха, путаясь в тканях. Зло зашипев, риар скинул меня со своего тела и тут же вздернул вверх. Ледяной поток усилился, теперь мы двигались словно в огромной аэротрубе, затягивающей обратно в пещеру. Обледеневший череп дракона скалился разинутой пастью, Краст вцепился ладонью в белеющий клык. Я вскрикнула, снова рухнув на скользкий пол. Поток воздуха тянул меня обратно, словно огромная волна — щепку. Ноги оторвались от

пола, и лишь ладонь Краста не давала затянуть в ужасающую ледяную бездну!

— Краст...

Вспыхнули разноцветные глаза. И риар разжал ладонь, отпуская меня!

Стремительный поток легко подхватил мое тело, взметнул, потащил...

— Ай-ро!

Злобный крик ильха ударился о стены пещеры, тысячекратно умножился хрустальным эхо. Звон прокатился по льду, нарастая до жуткого ультразвука, и я, закричав, рухнула на пол, зажимая уши.

А когда подняла голову, то показалось, что я оглохла, такая тишина стояла вокруг. Не было звона, не было ветра. Лед на скелете давно почившего дракона покрылся трещинами.

Краст стоял на коленях, низко опустив голову.

Наверное, я издала какой-то писк, потому что ильх покачнулся и посмотрел на меня. Искажённое бледное лицо, пустые глаза без капли узнавания. Я видела незнакомца. Страшного, чужого, пугающего незнакомца...

— Краст?

Он моргнул, и маска чужака спала, показав лишь уставшего мужчину. Он поднялся, кивнул в сторону стены.

— Идем. Там есть проход.

Я кинулась в указанную сторону, а уже через несколько минут мы выбрались на снег, и я зажмурилась от яркого вечернего солнца.

И почти наткнулась на йотуна, который издал жуткий, сводящий с ума рев-свист.

— Беги! — рявкнул уже в голос Краст, дергая меня за руку и буквально отшвыривая в сторону. Я проехала по скользкому снегу пару метров, чудом удержала равновесие и метнулась в сторону.

— Не туда! — заорал ильх.

И в это время йотун напал. Стремительное движение смазлось снегом, огромный зверь словно перетекал над землей. Звук, с которым чудовище врезалось в Краста, заставил меня подпрыгнуть от ужаса, почудилась, что ильх уже мертв...

Но нет. На миг обернувшись, я увидела взметнувшееся лезвие короткого ножа и капли крови, окрасившие шкуру йотуна.

Ничего не понимая и не ориентируясь во внезапно налетевшей снежной круговерти, я бросилась прочь. И застыла так резко, что снова чуть не упала. Впереди светился голубой огонек. И сейчас я уже видела йотуна, приманивающего жертву таким изумительным способом. Он шел на двух ногах, слегка покачиваясь, и серебристый силуэт размывался ветром и снегом, исчезал... Идеальная маскировка этих созданий восхитила бы меня, если бы не ужас и отчаянное понимание, что это не милые зверушки, а хищники. Об этом говорили клыки, поблескивающие в белой пасти, и когти, что виднелись из мягких лап.

Взметнув юбки, я бросилась обратно к ильху.

— Там еще один! — прохрипела я, увидев его злой взгляд.

Краст без слов наклонился над поверженным йотуном, вытер о его шерсть нож. Я тяжело сглотнула, увидев эту жуткую махину, сейчас неподвижно лежащую на земле. Словно гора снега...

У скал вспыхнули разом несколько огоньков, и я вцепилась холодными пальцами в руку Краста. Он тоже увидел, выпрямился рывком.

— Беги, — велел он.

В голосе ильха не было страха, глаза смотрели с холодным взвешенным интересом. Словно риар прикидывал, сколько йотунов ему понадобится, чтобы

хорошенько развлечься. А огоньков становилось все больше...

— Куда бежать? — оглянулась я. — Они повсюду!

— Йотуны еще спят, — Краст дернул меня за руку и потащил в сторону. — Но не все. Ты должна добраться до Дьярвеншила, позвать Рэма. Туда, лирин. Вдоль той скалы.

— А ты? — не поняла я.

Краст молча глянул на приближающиеся огоньки. Их было много...

— Я без тебя не пойду, — вцепилась в его ладонь. — Не пойду, слышишь? К тому же, я все равно заблужусь!

Ильх насмешливо усмехнулся. И вдруг толкнул меня в сторону. Я свалилась, проехала несколько метров и пропустила момент, когда нож ильха вспорол шкуру еще одного зверя. Жуткое рычание снова наполнило ущелье, всколыхнулись огоньки, и сильная рука Краста вздернула меня вверх за шиворот.

— Шевелись! — рявкнул он.

Я заполошно вскинулась, побежала, до рези в глазах всматриваясь в снежную метель, что не давала увидеть даже скалы. В ущелье резко потемнело, солнце скатилось за вершину горы и погасло. Воющий ветер и свист йотунов закладывал уши, снег бил в лицо, и я ничего не видела. Я уже не понимала, где мы, и сколько времени бежим куда-то, пытаюсь не упасть.

И снова толчок, я падаю, а Краст разворачивается и заносит сталь... На этот раз — мимо, йотун успел отшатнуться... И мы снова бежим. Замираем на краю склона. Пляшут совсем рядом голубые губительные огни...

— Вниз! — выдыхает ильх. Толкает меня на ледяную горку, падает сам. И ветер бьет в ребра уже наотмашь, почти ломая их. Я лечу кубарем, и где-то внизу ударяюсь о живое тело, вскрикиваю. Краст... Поймал.

— Кажется, ты хотела покататься с горки? — усмехнулся ильх, поднимая меня.

Огни йотунов колышутся наверху, освещая огромные косматые тела.

— Где мы? — повертела головой, пытаюсь хоть что-то рассмотреть. Шапка давно слетела с головы и осталась где-то в пещере, странно, что шуба все ещё на мне. Не отвечая, ильх потянул меня вперед и я покорно пошла следом, уже и не пытаюсь что-то увидеть в налетевшем буране. И потому внезапно возникшая перед нами стена заставила меня радостно вскрикнуть.

— Дом. Это же дом, Краст!

Ильх снова не ответил, и я повернулась, всматриваясь в его лицо. Почему-то радости на нем не было. Напротив. Даже глядя на йотунов, риар не выглядел таким мрачным, как сейчас. И к моему изумлению, потащил меня прочь от каменных стен, за которыми можно укрыться.

— Но Краст!

— Мы туда не пойдем, — выдохнул ильх, не глядя на меня. — Шевелись, лирин!

— Да я бы с удовольствием, — прошептала я. Ноги подкосились, и я как-то бочком осела на землю. Краст дернул головой, втянул воздух и вдруг замер. Развернулся ко мне, снова принюхался. И вдруг подтащил к себе и распахнул черный мех, который я старательно прижимала к телу.

— Прости. Не знаю, как так вышло...

Ильх оторвал взгляд от кровавой царапины у меня под ребрами, глянул в лицо. Глаза полыхнули такой яростью, что стало страшно.

— Я бежала... а он.... зацепил! — пробормотала растерянно.

— Почему ты не сказала? — Краст быстро оглянулся. Его лицо исказилось, и стало стыдно за то, что я

полезла на скалы, да еще и подставила бок под когти йотуна...

— Прости, — снова повторила я. — Я уже встаю, все в порядке, мне совсем не больно. Вот. Я уже встаю!

Это было последнее, что запомнил мой отключившийся разум. А дальше — чернота...

Глава 21

В себя я пришла от настойчивого желания чихнуть. В нос лез запах скошенной травы и чего-то сладкого. Открыла глаза и растерянно осмотрела низкий потолок, каменную стену без окон, низкую кровать и меховую шкуру, на которой лежала. Потянулась рукой и смутилась — сверху одежды на мне не было, внизу остались вязанные колготки, под ними — шортики, которые на фьордах носят вместо нижнего белья. Поверх накинуто тонкое покрывало и мой плащ — в комнате с низким потолком не жарко. Под грудью белеют тряпки, туго забинтовавшие ребра.

Повернула голову и наткнулась на внимательные глаза Краста. Илх отложил ложку, которой помешивал что-то в закопченном котелке, подошел, сел на край кровати.

— Где мы? — язык показался распухшим и слишком большим для моего рта.

Не отвечая, Краст приподнял меня и протянул глиняную плошку, наполненную ароматным варевом.

— Пей.

Я подозрительно покосилась на темную жидкость, и Краст хмыкнул.

— Да, этот настой ужасен. Но нет лучшего средства для заживления, чем бодрянка со злой горы. Так что пей, лирин.

Я послушно склонилась и сделала глоток, ожидая худшего. Но все оказалось не так плохо, напиток напоминал теплый кофе, а пах даже приятно. Сделала несколько глотков и дышать стало легче.

— Вкусно, — отрапортовала я, а Краст изумленно поднял брови. И потрогал мой лоб.

— Верно, яд ещё действует, — пробормотал он. — От горечи бодрянки сваливаются и сильные воины!

— Вы просто не умеете ее готовить, — хмыкнула я. — Сколько прошло времени?

— Ночь заканчивается, скоро утро.

— Сколько? — изумилась я. — Но почему я так долго...

— В когтях йотуна яд, лирин. Как и в клыках. Жертва, получившая лишь царапину, сдается без сопротивления, потому что не помнит себя. Звери не убивают сразу, тащат в свои пещеры. Странно, что ты их увидела. Те, кто попал под власть голубых огней, обычно в себя не приходят.

— Так это что-то вроде... гипноза? — догадалась я, вспомнив, как бежала за хвостом йотуна по скалам, совершенно не понимая, что делаю. Краст смотрел непонимающе, и я пояснила: — Внушение. Обман. Морок.

— Да. Ты поняла верно.

Отобрала у него плошку и с удовольствием допила оставшееся там варево. Краст смотрел на меня, как на помешанную, потом сунул в руки другую кружку — с водой.

— Тебе надо больше есть и пить. Так быстрее выйдет яд.

— Я должна попросить прощения. Мне жаль, что все так вышло. Спасибо, что пришел за мной.

Краст смотрел, не моргая, в разноцветных глазах его дрожал огонек оплившей свечи, тлеющей в глиняной чашке.

— Твоя смерть слишком дорого мне обойдется, Ника, — медленно произнес Краст, и я почему-то разозлилась.

Ну да, условия договора. Риар просто не желает платить совету выкуп, если со мной что-то случится.

Потому и искать пошел. И вроде, все правильно, но как-то... обидно!

— Но ты не виновата, нареченная, — неожиданно сказал он, и я повернулась удивленно. — Это я виноват. Нельзя винить гостью за то, что она не видит опасности в чужом доме. Я должен был тебе рассказать, предостеречь. Но не сделал этого, потому что слишком злился на отца за навязанную невесту. Только в этом нет твоей вины.

От удивления я даже на миг потеряла дар речи и схватила чашку, отпила. Поперхнулась, закашлялась. Краст осторожно похлопал меня по спине, и я смутилась.

— Ты меня раздел?

Он глянул насмешливо.

— Да. И на твоих костях по-прежнему почти нет мяса, лирин. Совсем немного. Пожалуй, это тоже упрек мне. Надо лучше кормить тебя.

— У меня такая конституция, — растерянно пробормотала я и уже хотела снова пояснить слово, как ильх хмыкнул.

— Против жирной мясной похлебки, каши и пирогов еще ни одна... конституция не устояла. — И улыбнулся снисходительно, увидев мое удивление. — Я понял, о чем ты, нареченная. Не так я и глуп.

— Я никогда не говорила, что ты глуп, — тихо произнесла я. — Напротив...

Он склонил голову, рассматривая меня. И я вдруг с какой-то пугающей ясностью осознала, что мы одни в каком-то доме без окон, тесном и темном, где пахнет травой... а на мне почти ничего нет. И ильх смотрит на меня так странно... и горячо.

— Ты... порвал мое нижнее платье? — сипло выдавила я, отводя глаза и разрывая странный обмен взглядами, который будил внутри запретное.

— Нужно было перевязать рану. — Голос ильха прозвучал спокойно, только хрипло.

И эти царапающие нотки всколыхнули внутри жар, обожгли низ живота так, что я инстинктивно сжала колени.

Легкое движение под покрывалом не укрылось от взгляда ильха, и Краст уставился туда, где были мои ноги и бедра. И так же резко отвернулся.

— Тебе надо поесть.

Он поднял с пола плоскую, плохо обработанную глиняную тарелку, на которой дымилось свежее обжаренное мясо. Конечно, никаких приборов не было, но, кажется, я начала к этому привыкать. Вот только голода совсем не чувствовала.

— Надо, — приказал Краст, беря кусок и поднося к моим губам. — Открывай рот, нареченная.

Я упрямо сжала зубы, косясь на еду, и Краст поднял брови.

— Руки я помыл, если ты переживаешь. Протер горькой бодрянкой и снегом, в Дьярвеншиле все так делают, чтобы не заболеть.

Я смутилась и приоткрыла губы. И тут же во рту оказался сочный кусок. Живот заурчал, отзываясь на пищу.

— Только не помню, я тер снегом до того как разделал тушку или после? — задумался ильх, и я поперхнулась.

Но тут заметила пляшущие искры смеха в разноцветных глазах и поняла, что риар надо мной просто шутит. А пока я размышляла над этим удивительным событием, Краст сунул мне в рот ещё один кусок.

— Кто это? — спросила я. Вряд ли в горах водятся кролики.

— Хорн.

Я вспомнила птицу с лысой шеей и чуть снова не подавилась. Ильх заботливо похлопал меня по спине и тут же сунул в рот ещё один кусок, не давая мне возмутиться.

— У хорнов жирное, сытное и полезное мясо, потому что они едят семена бодрянки, — у моих губ уже маячил очередной кусок, и я возмущенно засопела. Краст проигнорировал. — Но мы никогда не убиваем хорнов, в Дьярвеншиле эта птица неприкосновенна. Так что для тебя я нарушил закон. Поэтому жуй и молчи, не порти память об этой птице упреками.

Я насупилась и зарычала, когда Краст сунул в рот следующий кусок. И ненароком цапнула ильха за палец, чтобы неповадно было совать их ко мне в рот. Вот только Краст даже не поморщился, что б его. Только ухмыльнулся и погладил мне губы, стирая капельку сока.

А потом руку убрал и опустил голову, скрывая от меня выражение своего лица.

Я заерзала на жесткой лежанке. Ильх сидел, касаясь меня бедром, и эта близость вызывала ненужные эмоции.

— Как ты меня нашел?

— Тебя видели, когда ты шла на скалы. А потом пришлось слушать камень.

— Слушать камень? — снова изумилась я.

Губы Краста дрогнули, левый уголок чуть приподнялся.

— Я слышу камень. Это то, что мне досталось с кольцом Горлохума. Немного.

— Но ты смог меня найти. И спасти, — горячо прошептала я. — Я так благодарна, Краст. Если бы ты не пришел...

Заканчивать мысль смысла не было.

— Ты долго молчала, а я потерял следы, — негромко обронил ильх. — Камень не может рассказать то, чего

не слышит. Но я хорошо знаю злую гору.

Риар повернул голову, и меня снова опалило жаром, стоило увидеть его глаза. Что-то тягучее и опасное дрожало в самой глубине, что-то такое, что вызывало беспокойство и жар. Так же смотрел бронзовый бог в пещере...

Он поднялся, принес кружку, доверху наполненную крупными синими ягодами.

— Ешь. Мы зовем ее ирья. Полезная и очень вкусная. Растет на скалах под снегом.

Я неуверенно сунула в рот несколько ягодок. Сок растекся по губам и языку свежей сладостью.

— А ты? — решила я поделиться, и у ильха изогнулся уголок рта.

— Это тебе. Здесь ирьи полно, только снег раскопай. А я сыт. — Он посмотрел на меня сверху вниз. Глаза ильха терялись в тени, не попадая в узкую полосу света, и разобрать выражение его лица мне не удавалось.

— Надо проверить повязку.

Он потянул вниз мое покрывало, и я как-то нелепо прикрыла ладонями грудь. Умом понимала, что глупо, он все равно уже все увидел, но не смогла отделаться от смущения. Словно сейчас я все чувствовала острее, жарче, опаснее... Словно тесное и полутемное помещение сделало нас ближе, и каждое прикосновение мужских пальцев отзывалось внутри звоном и горячим спазмом. И еще вспомнился его первобытный танец внутри ледяной пещеры... То, как двигалось бронзовое тело, как выступали под кожей мышцы и сухожилия, как разлетались темные волосы...

Сглотнула, отворачиваясь.

Краст наклонил голову, ловко размотал импровизированный бинт, осмотрел рану. Боли я почти не чувствовала и даже удивилась, увидев порез. Ильх довольно хмыкнул и снова забинтовал чистой тряпицей.

— Я обработал рану жиром хорна и бодрянкой, она заживляет и снимает боль. И рана теперь чистая, затянется быстро, даже следа не останется. Йотун тебя лишь поцарапал.

— Спасибо. Ты хорошо разбираешься в... ранениях, — пробормотала я. Руки Краста все ещё трогали мою кожу над краем повязки, возле ладоней. Раз, другой... погладил задумчиво, замер. И словно очнувшись, отдернул руку и накрыл меня плащом.

Замер на миг.

— Это то небольшое, в чем я разбираюсь хорошо. Тебе надо еще поспать, лирин. Приподнимись.

Я не успела спросить зачем, ильх ловко поднял меня и устроился на лежанке, прижимая к себе мое тело.

— Я тебя согрею, — голос прозвучал над головой. — Поспи, Ника. Ты должна стать здоровой.

Ну да, слишком дорого стою...

Но говорить этого я не стала. Под щекой мерно и сильно билось сердце риара. Тепло его тела обволакивало, погружая в сон.

— Расскажешь, что было в пещере? — зевнув, спросила я.

Краст помолчал, и я завозилась, устраиваясь удобнее. Вот так, в его руках, мне было спокойно и тепло. словно это лучшее и самое безопасное место на земле.

— Дьярвеншил очень стар, лирин, — тихо начал риар. — У него много... легенд. Одна из них о том, кто жил здесь до перворожденных. Мы зовем его ай-ро...

...Ветер приходит всегда.

С каждой зимой, с каждым первым снегом. Сначала он слаб, как новорожденный звереныш, но изо дня в день крепчает, набирает силу и ярость... Это не просто ветер, это дыхание того, кто спит в недрах горы. Древний и бессмертный, вечный и двуликий. Йотуны — его дети и прислужники, ведут в гору глупых людей,

заманивают голубыми огнями. Ай-ро скользит неслышно, но дыхание его лишает жизни. Никто не в силах совладать с ай-ро, даже хёгг. Потому что дыхание древнего остановит и его. Все бессильны перед ветром ай-ро... Потому что он не жив и не мертв, потому что живет в двух мирах одновременно.

Скользит между древним чудовищем и людьми йотун-шагун, ступает осторожно по краю зримого и незримого. Дышит ветром ай-ро и не замерзает. Плата за это — страх и одиночество. Шагун приказывает, и смолкает злой ветер. И даже огни гаснут. Не навсегда — на время...

— Значит, шагун сильнее ай-ро, — сонно пробормотала я, захваченная тихими словами. Краст усмехнулся.

— Сильнее ай-ро только Великий Горлохум, лирин. Только вулкан обжигает жаром, а ай-ро замораживает вечным холодом. А шагун... Шагун лишь человек.

— Тогда почему это одинокий человек?

— Потому что люди боятся тех, кто идет по краю незримого. Разозлится шагун, возьмет костяную иглу и пришьет человеческую душу. Может к зримому миру, а может — и нет. Да так, что не оторвать будет... Плату за это отдаст, но кто знает — какую? Спи, лирин. Скоро утро. А тебе нельзя здесь оставаться.

— Почему? Этот дом кажется безопасным.

Тихий смех пощекотал мне макушку.

— Никто в Дьярвеншиле не назвал бы безопасным дом йотун-шагун, лирин. Только ты...

Я сглотнула и уже по-новому осмотрела жилище, отмечая то, что не заметила сразу: связки, свисающие с потолочных балок и подозрительно напоминающие сушеных зверьков, черные руны на стенах, странного вида котелки и пучки трав.

— Ты сказал, что здесь нельзя оставаться мне, — подняла голову, всматриваясь в мерцающие

разноцветные глаза. — А тебе?

— А я здесь родился, — негромко ответил Краст.

Я сглотнула, рассматривая лицо, резко очерченное тенями и мазками света. И словно видела впервые. Не было привычной хмурой морщинки между бровей, не было настороженности и вечного ожидания удара. В хижине йотун-шагун меня обнимал бронзовый бог. И он был у себя дома.

— Спи, — шепнул он, мягко касаясь губами макушки. — Спи, любопытная лирин...

* * *

Когда я снова пробудилась, Краст сидел на корточках возле лежанки. Поднял голову, уловив мой взгляд.

— Я помогу тебе справиться нужду, — любезно сообщил варвар. — А потом надо уходить.

Сглотнув, я, кажется, покраснела и решительно мотнула головой.

— Ну, уж нет, с нуждой я сама как-нибудь справлюсь!

— Ты слаба, — с сомнением произнес Краст, а я покраснела еще сильнее.

Нет, ну это просто неслыханно!

Ильх нахмурился, рассматривая меня. И хмыкнул.

— Ты что же... смущаешься?

— Вообще-то да, — буркнула я.

— Но почему? В естественном нет ничего постыдного. Ты родилась такой и не можешь переделать свою природу. Так что прекрати эти глупости, я помогу.

— Я девушка!

— Я заметил.

— Да? — это открытие, надо же!

Риар насмешливо хмыкнул.

— Краст, просто скажи, где это можно сделать! — не выдержала я. Нет, я согласна, что в чем-то ильх прав, но я выросла в ином обществе. И сгорю от стыда, если Краст будет рядом во время... процесса!

Ильх покачал головой.

— Я слышал, что за Туманом очень странные порядки, — протянул он и указал в угол, где виднелась дыра. — Я буду недалеко.

Я выдохнула, а когда ильх уже открывал низкую кривоватую дверь, вспомнила:

— Перворожденные. Но ведь ты хёгг, Краст. Дракон. Ты ведь можешь...

— Нет, — оборвал он мою радость. — Когда горят голубые огни, хёгг не отзывается человеку. Так что выбираться придется на двух ногах.

* * *

Вышел за дверь, прищурился, осматривая заснеженные горы. Синих огней немного, с наступления утра большинство погасли, йотуны уснули. Когда злой ветер ай-ро пробудится полностью, окутав Дьярвеншил ледяным пологом, тогда огни вспыхнут в полную силу.

Краст всмотрелся в снежную пелену, прикидывая, как лучше пройти. Чужачка слаба, и это плохо. Он легко донес бы ее до Дьярвеншила, веса в бледной деве не больше, чем в щенке. Вспомнил — и накатило на миг, как она упала на снег и как проступила сквозь мех алая кровь. И как он ударил кулаком по камню, увидев это. Тьма заволокла глаза так, что дышать в этом мраке стало нечем.

Тьма и ярость из-за того, что молчала, что придется теперь возиться с бледной морью. И не бросить ведь,

потащит. Если чужачка помрет от когтей йотуна, то платить придется снова ему, Красту.

Да, думал он, лихорадочно раздирая зеленое платье, чтобы увидеть рану. Все так и есть. И злится он лишь из-за этого... Только из-за этого!

Дом шагун стоял, нахохлившись вспучившейся крышей, словно хорн. Окон нет, так что и не понять — есть ли кто внутри.

Но и выбора у Краста не было. С окровавленной девчонкой на руках далеко не уйти. Яд из раны надо быстро промыть, иначе сдохнет навязанная невеста, даже не очнувшись.

И снова поднялось изнутри безумие. Хотелось рвать, убивать, резать на куски отродьев скал, крошить проклятых йотунов, не жалея драгоценных шкур.

Но он лишь подхватил деву на руки и понес к каменным стенам. Дом стоял пустой и холодный.

Растопив в очаге снег, Краст протер рану Ники, обильно смочил найденной на полках настойкой бодрянки, замотал полотном. И лишь когда дыхание девы стало спокойным, выдохнул сам. И усмехнулся. Не придется платить откуп совету. Выживет чужанская невеста. Если, конечно, они доберутся до города.

И сейчас, глядя на скалы, но чутко прислушиваясь к звукам внутри дома, Краст размышлял, как поступить. На их счастье, йотуны пока ленивые, сонные, его танец успокоил почти всех. Но и тех, кто остался, хватит, чтобы задрать людей. Почуяв добычу, звери стряхнут оцепенение сна, а в Дьярвеншиле каждый знает, как сильны и быстры эти неповоротливые с виду хищники. А нареченная много не пройдет, на этот счет риар не обольщался. Бежать с Никой на руках? Вот только Красту нужны свободные руки для битвы. И как поступить?

Голубые огни дрожали на снегу, то вспыхивали, то гасли, но риара они не манили, лишь злили до черноты.

Много... слишком много зверей поблизости. Кровь чуют, деву чуют, ждут. Не пройти.

Недобро усмехнувшись, риар сгреб в пятерню снег, протер лицо. Склонил голову, задумавшись. А потом сжал в кулак свои волосы, чиркнул ножом, отхватывая пряди почти под корень.

— Поиграем, — бросил он со злым весельем.

В доме Ника возилась в углу, пытаюсь одеться. Растрепанная и бледная, она вскинулась, уставилась на ильха удивленными глазами, что в свете очага казались блестящими серебряными монетами. И снова риар сжал зубы, не позволяя себе отпустить то, что точило изнутри. И что так безумно злило!

— Что с твоими волосами? — воскликнула девушка.

— Я их отрезал, — махнул рукой ильх. Подобрал окровавленные тряпки и куски платья, сложил в кучу. Подумал и добавил туда же девчоночью шубу, на которой тоже темнели бурые пятна. — Нам не пройти мимо стаи, лирин. Надо заманить их подальше. Ты ранена, и этот запах привлекает хищников. Нужна другая приманка, и чем ароматнее она будет, тем лучше. Мы должны перебить наш запах, волосы для этого подходят. И платье тоже придется снять.

— Что? — Ника сглотнула, и на миг риар подумал, что воспротивится, заспорит. И странно, но даже хотел — чтобы заспорила. А вот зачем желает ее негодования — думать не хотел... В порыве ссоры так просто забыться... Но Ника лишь кивнула серьезно, и Краст помрачнел.

— Я поняла. Хорошо, сделаю, как скажешь. — Задумалась на миг, а потом сжала губы и дернула себя за светлую прядь. — Дай мне нож.

Ильх насмешливо поднял брови.

— Дева без волос на фьордах считается страшилищем, нареченная.

— Я и так страшилище, забыл? — она озорно улыбнулась, словно и не ранена и не испуганна. — Дай.

Ильх, усмехаясь, подбросил сталь на ладони. Но стоило протянуть деве клинок, как она сжала рукоять и резко взмахнула, отхватив прядь волос. Решительно потянула следующую, и Краст дернулся, сжал ее руку, не давая отрезать.

— Не надо, — обхватил тонкое запястье, глядя сверху вниз. Голова кружилась... И горло снова сдавило, не давая дышать. Разум затянуло туманом, и остался лишь огонь, бурлящий в крови, словно ильха с головой окунули в пекло Горлохума. Невеста вскинула голову, глядя в его глаза, качнулась вперед... И показалось на миг, что снова прижмется, как в короткие часы перед рассветом. Когда он лежал, слушая тихое дыхание, баюкая ее на руках.

Но лирин отпрянула резко.

— Как скажешь, — пробормотала она.

Краст медленно разжал пальцы, удерживающие ее руку, и тоже отвернулся. Присел, сгребая на плащ ткани и волосы — на черных прядях серебристой змейкой свилась светлая, свернулась узлом.

— Снимай платье, — не глядя, процедил он. Стянул свою меховую безрукавку, кинул девчонке. — Это наденешь.

И не оглядываясь, вышел из дома, неся сверток.

Идти далеко не было времени, но Краст добрался до одинокой сосны, торчащей из снега. Оглянувшись, быстро разрезал ладонь, добавляя приманке свежей крови, а потом закинул на ветвь. Прищурился, втянул воздух. Запах чуял даже он, а йотуны тем более услышат. И достать слишком скоро у них не выйдет, звери быстры на снегу, а вот по деревьям лазать не умеют. Так что соберутся под елью, давая беглецам время уйти.

По крайней мере, риар на это надеялся.

Он быстро протер снегом ладонь, на которой уже затягивался порез, и побежал обратно. Время перед рассветом самое лучшее, надо торопиться...

Глава 22

В деревянном ведре, стоящем в углу, блестела талая вода, и я брызнула в лицо, напилась. Пригладила на себе безрукавку Краста. В широкие проймы, кажется, видна грудь, зато полы закрывают бедра. На ноги натянула свои шерстяные вязанные колготки — все, что осталось от моего наряда. Без ильха в мрачном жилище было не по себе, но я заставила себя успокоиться. Краст снова становился собой — раздраженным и мрачным, а я вновь вздохнула, понимая, что риар злится. Конечно, приходится возиться с чужачкой вместо того, чтобы заниматься своими делами. Спасать, поить, тащить ее в город. Уж явно все это не добавило веселья риару!

Вот и смотрит волком, ещё немного — и зарычит.

Хотя нет, не волком. Драконом!

Я хмыкнула, оглаживая подаренную мне одежду. Мех пах снегом, травами, пеплом и больше всего — мужчиной. И запах этот был... приятный. Неожиданно я даже поймала себя на том, что стою, уткнувшись носом в ворот, и принюхиваюсь. Осознала и стукнула себя по лбу. Докатилась. На миг даже возникла мысль — каково бы это было с ним, с Крастом? Прикосновения, поцелуи... И странно, что я задумалась об этом именно сейчас, когда за стеной поджидает стая голодных йотунов. А может, дело как раз в этом? В том, что опасность обострила восприятие, и как ни бодрись, но разум подсказывает — мы можем и не выбраться с этой скалы. Может, поэтому так хочется почувствовать больше? То, чего не додала мне судьба в прошлой жизни?

Опыта в любви у меня почти не было, так — что-то случайное и глупое в студенчестве. Не оставившее в памяти следов. А сейчас я и вовсе не искала ничего

подобного... Но мысли об этом лезли в голову против воли.

Мотнула головой, одернула на теле мех. Глупости какие, Ника. Близость с Крастом? Да я же для него бледная морь. Кстати, надо бы уточнить, кто это!

Повздыхав, я осторожно натянула обувь, боясь потревожить рану. И пытаюсь переключиться, снова осмотрела тесное жилище. Хотя разглядывать здесь было и нечего. Черный закопченный очаг, лавка у стены, лежанка из сухих веток и старой ветоши. Деревянная колода, выполняющая роль стола, котелок. Странное и страшное жилище ведьмы.

И все же, благодаря ему я осталась жива. И кем бы ни была хозяйка этого дома, но я должна спасибо сказать ей за нечаянное гостеприимство.

Поэтому подобрав с пола кожаный мешочек, в котором таскала разную всячину, я вытащила с десяток карамелек, оставшихся от прошлой жизни, красный карандаш и заколку с синими цветами. Выложила свои дары возле котелка, расправила покрывало, присела. И вскочила, когда дверь распахнулась.

— Краст! — выдохнула так радостно, что ильх поднял брови, глядя на меня. А я отвела взгляд от его обнаженных рук с рельефными мышцами и железным браслетом на предплечье. С остриженными короткими волосами ильх был иным, и мне на миг стало жаль темной гривы. — У тебя получилось?

Не отвечая, Краст подошел ближе и веревкой примотал мех к моему телу, словно в кокон запеленал. Накинул сверху покрывало с постели, завязал. Присел, прошелся ладонями по моим ногам, а потом привязал к ботинкам сплетенные из веток снегоступы, такие же приладил к своим сапогам. Я только поразилась — и когда ильх все успел? Совсем не спал, что ли?

— За два дня я так часто прикасаюсь к тебе, нареченная, что боюсь, не смогу расплатиться, —

насмешливо произнес Краст. Сжал мне руку. — Ты сможешь идти?

Я уверенно кивнула, надеясь, что и правда — смогу. Сильной боли я не чувствовала, но надолго ли хватит действия бодрянки?

За дверью оказалось холоднее, чем я ожидала, и на полуголого ильха я взглянула напряженно. Правда, он вовсе не казался замерзшим, а вот я мигом покрылась мурашками. Краст, прищурившись, осмотрел скалы, и кивнул.

— Идем.

Мы не пошли, мы побежали. Краст старался не торопиться, держал меня, но все равно я шла слишком медленно. Плюнув, ильх подхватил меня на руки, прижал к своей спине, и побежал, не обращая внимания на мой протест.

— Смотри внимательнее по сторонам, Ника, — бросил он, дыша глубоко и ровно.

И я смотрела. До рези в глазах вглядывалась в снег, скалы, темные стволы деревьев... и радовалась, не видя голубых огоньков. Правда, не так долго, как хотелось бы. Стоило поверить, что опасность миновала, как губительная искра вспыхнула совсем близко.

— Краст, слева! — вскрикнула я.

Ильх плавно пригнулся, опуская меня на снег, и развернулся уже с ножом в руке. Короткий замах, оскаленный йотун, проявляющийся из снега, росчерк железа на белой шкуре и красная полоса — после... Несколько секунд и два удара сердца, чтобы снова подхватить меня на руки и побежать. Я прижалась к груди ильха, изумляясь тому, что он по-прежнему дышит ровно.

Вот только рядом вспыхнули еще несколько огней.

Я обхватила руками шею ильха, ощущая его дыхание.

Скалы дрогнули от рычания-свиста, и сразу несколько белых монстров возникло впереди. Ильх поставил меня на снег, подтолкнул.

— Беги, Ника, мы рядом, — жестко приказал он. — Туда! — и увидев, что я мешкаю, крикнул: — Живо!

Не оглядываясь и не обращая внимания ни на что, я понеслась вперед, туда, где скалы раздвигались, образуя проход. За спиной ревели звери и тонко звенела сталь, Краста я не слышала... И было до ужаса страшно. Но я бежала, потому что уже видела башню Дьярвеншила, поднимающуюся сбоку.

И стоило выскочить на скалистый уступ, как я набрала воздуха и заорала, что было сил:

— Сюда, скорее, риару нужна помощь!

Внизу мелькнуло мужское бородатое лицо, чья-то фигура повернулась на крик. Но услышали ли? Далеко. И я снова заорала, размахивая руками. И лишь когда над городом взвилась серо-белая крылатая тень снежного дракона, глянули с высоты змеиные глаза Рэма, упавшего вниз и обернувшегося человеком, я вздохнула с облегчением и медленно сползла на землю.

* * *

Как ни странно, но на этот раз сознание я не потеряла. Так и сидела в снегу, когда между каменных уступов показался Рэм, Торкел, а следом Краст. На груди риара была кровь, его или чужая — не разобрать. Но, похоже, все же второе, потому что, оказавшись рядом, ильх укутал меня в плащ, снятый со здоровяка, и снова поднял меня на руки.

— Я не дошла, — грустно объявила я, не глядя на косящегося Рэма и бородача Торкела.

Краст улыбнулся. Да так, что я даже засмотрелась на это невиданное зрелище. Оказывается, ласково

улыбающийся риар Дьярвеншила — это сногшибательно. Так что хорошо, что меня несут на руках — упала бы!

— Ты дошла, Ника. Дальше, чем я мог ожидать. Ты сильная, хотя по тебе и не скажешь.

Я тоже улыбнулась. За спиной ильхов высились скалы, а там, в ущелье, остались голубые огни и йотуны — живые и мертвые. А мне не верилось, что все позади, что мы все-таки выбрались. Вот уж не думала, что буду так рада увидеть каменные дома и башню Дьярвеншила!

На заснеженном склоне мелькнула фигура, и я напрягла зрение, всматриваясь. Неужели йотун? Но нет. Там стоял человек. Там стояла... женщина?

Ильхи смотрели вперед и не видели ее, а я открыла рот от изумления, через плечо Краста рассматривая незнакомку. Длинные черные волосы летели по ветру, обнаженные плечи белели на фоне скалы. Вместо одежды — подпоясанная шкура йотуна, в одной руке — кривая палка, в другой — рогатый череп. Колени голые... И холодок, пробежавший по спине от догадки.

Я поняла, кем была незнакомка, застывшая на краю камня. Йотун-шагун. Та, в чьем доме мы побывали. Но кто она? И почему стоит там — так неподвижно и страшно? А самое удивительное, что йотун-шагун вовсе не сгорбленная старуха, как я думала. Девушка. Молодая и, кажется, очень красивая. Это я увидела даже сквозь ледяную крошку и расстояние, разделяющее нас. Черты ее лица прятал снег, но яркие пунцовые губы улыбались.

— Краст...

Имя пролетело над скалами шорохом ветра, шепотом камня.

И риар застыл, словно наткнулся на невидимую стену. Вздогнули Рэм и здоровяк Торкел. А я прикусила изнутри щеку.

Когда Краст обернулся, скалы были пусты. Йотуншагун ушла.

* * *

...черный дракон зарычал и понесся на меня. Бежать некуда... белая заснеженная долина расстилалась передо мной бесконечностью. Куда ни глянь — всюду лишь снег. И дракон, играющий со мной, загоняющий...

— Но в горах ты не можешь быть драконом, — закричала я, поднимая глаза к хёггу, парящему сверху. Я видела красные отблески солнца на его чешуе, кошмарные глаза и окровавленную пасть... — Не можешь!

— А я не дракон... Я ай-ро... — донес ветер насмешливый смех. Черный хёгг упал сверху, взметнувшись снежная круговерть. И вышел из белой пелены уже не дракон, а скалящийся хищник с голубым огоньком на кончике хвоста... Только пасть осталась такой же — красной. И голос: — Моя... моя лирин...

— Лирин, проснись!

Я вздрогнула и открыла глаза. Все ещё оставаясь во власти дурного сна, обвела взглядом уже знакомую до мелочей комнату в башне. На краю кровати сидел Краст, смотрел внимательно. Одетый в привычную кожаную безрукавку и штаны, короткие волосы блестят влагой. Видимо, риар совсем недавно освежился в купальне.

Я привстала на локте, ощущая себя выпавшей на десять лет вперед.

В памяти остались короткие пробуждения, когда меня кормили ароматным и густым супом. А потом, прогулявшись по нужде, я снова засыпала.

— Сколько прошло времени?

— Три дня.

Ильх потянулся к покрывалу, но я воспротивилась, вцепилась в ткань. Поморгала, окончательно прогоняя длительный сон. В теле бурлила энергия, давно я не чувствовала себя такой отдохнувшей!

— Я проверю твою рану, нареченная.

— Не надо.

Он вопросительно поднял брови, сверля меня разноцветным взглядом. И я торопливо облизнула пересохшие губы. Краст уставился на мой рот, снова глянул в глаза, и я увидела, какие расширенные у него зрачки. Снова злится?

— Не надо, — повторила я. — Со мной все хорошо. А рану может посмотреть Анни. К тому же... я прекрасно себя чувствую!

— Думаешь, прислужница хоть что-то понимает в ранах? — резко бросил Краст. И снова дернул покрывало. — Она совсем девчонка. А я видел ран достаточно. Не упрямясь, лирин.

— Нет, — как раз и заупрямилась я. Почему-то сейчас, когда опасность осталась позади, я особенно остро не желала очередного «осмотра».

Как верно сказал Краст, мясо на мне все еще неросло, так зачем лишний раз подвергать самолюбие очередному удару. Я еще помню, как смотрел риар в доме шагун, какой темный и тяжелый был у него взгляд.

— Ты можешь заниматься своими делами. А я как-нибудь... сама! — я вцепилась в край покрывала, не давая стянуть.

Краст вскинул голову, глянул остро, выдохнул. И рывком отбросил предательское покрывало!

Я ахнула, хотела встать, но Краст лишь прижал меня одной рукой к кровати, а второй деловито размотал повязку. Я щелкнула зубами, пытаюсь его укусить, но ильх лишь рявкнул:

— Лежать. Не надо мне перечить, лирин, — нахмурился он, пока я возмущенно искала слова. — Я все равно сделаю так, как надо. Твоя рана затянулась полностью, крови нет. Жить будешь.

— Какое-то время, — мрачно буркнула я. Покосилась на руки ильха, все ещё лежащие на моем теле. Убирать их он не торопился. Отодвинулась осторожно. — Мне нужно... привести себя в порядок.

Он медленно кивнул и встал.

— Я тебе помогу.

— Слушай, тебе что, заняться нечем? — не выдержала я. — Ну, там по наковальне постучать, завал какой разобрать, нет? Ты сам сказал, что рана затянулась, а я просто хочу... умыться. Я справлюсь и сама!

Краст сжал зубы так, что побелели скулы.

— Как хочешь. Я лишь хотел проявить... гостеприимство! — слово он выговорил почти по слогам. — Кажется, ты сама обвиняла меня в том, что в Дьярвеншиле им и не пахнет, а я дурно обращаюсь с тобой!

Я сползла с кровати, косясь на застывшего посреди комнаты ильха. Смотрел он напряженно, следя за каждым моим движением. И какая только муха его укусила?

— Слушай, ты меня спас, так что можешь считать, что я беру свои слова обратно. Ты отличный риар! — я стянула с кровати покрывало и закуталась в него, не желая щеголять перед мужчиной своими формами. Вот странность, раньше плевать было на то, как я выгляжу, а теперь — неприятно и стыдно! — Не переживай, осталось совсем немного и я покину Дьярвеншил. И про ранение я никому не скажу, сама виновата...

— Думаешь, мне есть дело до того, что ты скажешь Совету? — прищурился ильх.

Я пожала плечами.

— Я лишь говорю, что осталось потерпеть меня совсем немного, и история с навязанной невестой подойдет к концу, — буркнула я. — Не переживай, я прекрасно помню условия нашего соглашения. Я тебе благодарна. И то, что произошло в горах... ничего не изменило.

— Вот как? — он смотрел, прищурившись.

— Да. Я скажу «нет» и уеду, не беспокойся.

— Надеюсь, — насмешливо отозвался он, хотя глаза смотрели почти с яростью.

Дернув ткань, зацепившуюся за ножку кровати, я ушла в купальню. На миг застыла, прислушиваясь к звукам в комнате. Но там было тихо...

* * *

Ничего не изменило?!

Благодарна?!

Ярость полыхнула внутри черным огнем — злым, разрушительным. Хотя с чего бы ему бушевать? Разве не радоваться надо? Дева права, осталось совсем немного, и чужанская бесцветная морь навсегда покинет Дьярвеншил. То, что он и хотел. То, чего ждет. Пусть проваливает в Варисфольд или и вовсе возвращается за Туман, ему какое дело? Надо лишь следить, чтобы не шлялась больше, где не надо. Хотя после йотуновой горы вряд ли девчонка захочет гулять!

Вот и славно. Пусть сидит в башне и не высовывается...

За стеной плеснула вода, и Краст напрягся. Звуки рассказывали каждое движение чужачки. Вот она скинула покрывало. Вот, морщась и поджимая пальцы ног на камне, осторожно двинулась к бочке, вот плеснула в лицо водой. Вот провела тонкими пальчиками по коже... и снова полила — осторожно, все

еще помня боль от зажившей раны. Снова переступила ногами...

Помянув сквозь зубы все йотуново племя, Краст резко развернулся и вышел. Надо заняться чем-нибудь... пока его ярость не натворила бед.

Спускаясь вниз, он считал дни до отъезда чужачки. Быстрее бы уехала...

Остановился на нижней ступеньке. Качнулся с носка на пятку. И пошел обратно.

И с каждым шагом разливалось внутри острое и хмельное предвкушение, кружащее голову...

Хватит себе врать.

* * *

Чем бы ни обработал рану Краст, но затянулась она на удивление быстро. С изумлением я осмотрела тонкий белесый шрам — все, что осталось от когтей йотуна. Как можно вылечить рану так быстро, я не понимала. Похоже, фьорды могут с легкостью переплюнуть все достижения Конфедерации в медицине. Да за Туманом я бы месяц валялась с подобной «царапиной». А здесь — три дня. Невероятно!

Да, риар точно разбирался в ранах.

Вот только о нем думать совсем не хотелось. Опасные это мысли...

Я вытерла влажные пряди и откинула волосы. Уже легко и привычно натянула платье, размышляя, чем займусь сегодня. Интересно, продолжатся ли наши уроки с риаром? И хочу ли я этого? Потому что все изменилось, чего уж врать... В моей голове и сейчас был бронзовый бог. Мужчина, который нес меня на руках, кормил, баюкал и улыбался...

Нервно сглотнула. Плохие мысли, ой плохие. Непозволительные. Нельзя мне думать о Красте, нельзя

желать... Нечестно это.

Толкнула дверь в спальню, все еще раздумывая, и ахнула, наткнувшись на мужское тело. Напряженное, каменное... не успела я опомниться, как ильх прижал меня к стене.

— Я подумал, что ты могла бы поблагодарить меня, лирин, — с насмешкой произнес Краст. — За спасение.

Я уставилась в его лицо с недоумением.

— Но я ведь уже благодарила. Несколько раз!

— Так, как нареченная должна благодарить жениха, — насмешки стало больше, и напряжения тоже.

Я нервно пригладила ткань платья. И, ничего не понимая, уставилась в лицо ильха с лихорадочно блестящими разноцветными глазами. Если бы я была хоть немного красивее, то подумала бы, что понравилась ему. Но я ведь совсем не в его вкусе, да и лицо прекрасной Ингрид все еще стоит перед глазами. Сам Краст не раз подчеркивал, что я кажусь ему некрасивой. Так в чем дело?

— Как нареченная? — нахмурилась я. — Может, надо приготовить особенное блюдо?

Он коротко усмехнулся.

— Да. Особенное. Я дико голоден, лирин... Подыхаю.

— Я тебя не понимаю, — посмотрела с недоумением. — И плохо знаю обычаи фьордов, риар...

Он вдруг положил ладонь на мой затылок, сжал влажные волосы у основания. Черный глаз казался сгустком тьмы, голубой посветлел... И каменное тело прижалось ко мне, давая ответ. Краст коротко втянул воздух, словно от соприкосновения наших тел ему стало нечем дышать. И меня словно током ударило. От изумления я даже рот открыла. Он что же?..

Увидев выражение моего лица, ильх улыбнулся, кивнул.

— Да, Ника... Так, как женщина благодарит мужчину за жизнь... так.

— Жених не имеет права прикасаться к нареченной до свадьбы, — выдавила я, не в силах поверить своим ощущениям. Но какого демона? Зачем? Что происходит?

— Я найду золото, чтобы расплатиться, — горячо проговорил Краст. И потянул мои волосы, жадно осматривая закинутое лицо. — Чего ты хочешь? Браслет? Ожерелье? Проси, что хочешь, Ника... Я найду... Слово хёгга...

Тяжелая ладонь легла на мое бедро, притягивая ближе, вдавливая в мужское тело. Ильх издал короткий злой звук, словно зверь зарычал...

— Завтра принесу твой утренний дар, нареченная, — глухо уронил он. — А сейчас...

И пока я пыталась хоть что-то сообразить, наклонил голову и прижался сначала к щеке, потом к моим губам. Поцелуй Краста был странным, да и не поцелуй вовсе... Ильх не проникал языком внутрь, лишь пробовал на вкус, жадно и в то же время — неумело...

А потом подхватил на руки, понес обратно в кровать.

— Какая ты нежная... хрупкая... я буду осторожным... Не бойся... прошу... — горячий шепот отозвался внутри сладким спазмом.

Краст прижал меня к шкурам, снова лизнул губы, спустился ниже — на шею. Сильные руки погладили мои плечи, потянули вниз ткань, оголяя кожу. Жаркий взгляд погладил, разогревая, и следом — коснулись ладони. От ощущения шершавой кожи на моих плечах я лихорадочно втянула воздух.

Краст дернул лиф, холодок коснулся груди. И я... очнулась.

— Что... что ты делаешь? Постой...

— Золото принесу завтра, — ильх не обратил внимания на мои попытки освободиться. Легко поймал ладони. — Завтра, Ника... Что захочешь...

Золото? Да о чем он?

— Краст. Мне не нужно твое золото!

— Хорошо, тогда шкуры йотунов, — обжигающие губы коснулись ключиц, а шершавые пальцы коленей. — Ты права, моя лирин, шкуры дороже золота... Я добуду сколько захочешь... Я все отдам... Притащу к тебе сотню, всю звериную стаю вместе с ай-ро, раз ты хочешь... Только не бойся меня...

Что?!

— Мне не нужны ни шкуры, ни золото! — заорала я, вырываясь. — Я вообще не то имела в виду... Краст, хватит. Прекрати. Стой!

Самое плохое, что я хотела. Желание уже дрожало внутри, тугое и сладкое. Я не просто хотела, я плавилась под неумелыми ласками и прикосновениями. Мое тело уже извивалось, желая подстроиться под силу и мощь ильха, раствориться в нем... Обрести наслаждение, которое он мне даст.

Вот только стоит позволить ему прикоснуться ко мне, и я увязну по самую макушку, уже не выберусь из этой бездны. Что-то происходило со мной, что-то мучительное и прекрасное, тянущее к риару с невероятной силой.

Не могу... нельзя!

И правду сказать не могу, и позволить себе быть с ним — не могу...

Он вскинул голову, блеснул голубой глаз.

— Тебе тоже нужен Зов? — непонятно и, кажется, зло спросил он. — Я хотел иначе... хотел, чтобы ты видела меня... Но пусть так. И хорошо даже... Я больше не могу его сдерживать, нареченная.

Он выдохнул, а мне показалось, что я сейчас свихнусь. О чем он на этот раз?!

— Зов? — переспросила ошалело.

— Почему рядом с тобой мне так трудно его удержать? — яростно спросил он. — Чужая ведь,

бледная... Серебряная, словно шкура йотуна. И злишь постоянно. Так почему? Ника...

И перехватив мои руки, которыми я уперлась в его каменную грудь, ильх вздернул их, прижал к кровати над головой. Уставился на меня. В темной бездне черного глаза словно пламя блеснуло — жутко и невероятно притягательно. И Краст выдохнул с облегчением и в то же время — болью...

— Моя... Лирин...

Правая рука ильха двинулась вниз, потянула вверх платье и легла на мои колени, раздвигая их.

И вот тут я вывернулась, шарахнулась в сторону, а потом скатилась с кровати. И нервно схватила со стола кувшин, замахнулась...

— Я сказала «нет»! — рывкнула так, что, наверное, и внизу было слышно. — Мне не нужны твои шкуры и твое золото. Понимаешь?

— Нет? — он выглядел таким шокированным, что на миг даже смешно стало.

— Нет!

Ильх моргнул, потер глаза. И снова уставился на меня. Так, словно чего-то ждал. Я на всякий случай сделала шаг назад.

— Ника? — тяжело спросил ильх. Голос его стал хриплым, в глазах билось что-то пугающее и болезненное. — Ты что же... Ты не чувствуешь?

— Чего? — мрачно уточнила я, делая ещё шаг назад.

Правда, это не помогло, расстояние между нами ильх преодолел за мгновение. Отобрал кувшин, который я держала, отшвырнул. Жалобно стукнулись черепки, разлетаясь по комнате... А риар обхватил ладонями мое лицо, пристально и жадно всматриваясь в глаза.

— Да чтоб я сдох, — недоверчиво протянул он. — Рэм же говорил, гаденыш... А я не понял. Ты не чувствуешь. Я не верю в это... Йотунова пасть. Ты не чувствуешь!

— Я тебя не понимаю...

— Ты не чувствуешь Зов! — заорал Краст так, словно это все объясняло. — Зов хёгга, поглоти меня Горлохум. Зов зверя. Все это время... Да я думал свихнусь. Да я свихнулся, забери меня бездна. А ты просто не слышишь? Не слышишь?

Я сглотнула, не зная, как реагировать. Мысли лихорадочно бились в голове, пытаюсь дать ответ. Опять этот гадкий Зов. И если сопоставить... Возбуждение прислужниц, злость на Рэма за то, что он «позвал», и то, что этот Зов Краст применил в постели...

— Постой-ка... — облизала я пересохшие губы. Илх издал сдавленное рычание, и я подумала, что не стоит так делать. — Постой... этот Зов дракона как-то связан с... желанием?

— Связан? — он усмехнулся с таким лицом, что мне стало не по себе. Сейчас Краст выглядел почти безумным, в его глазах билось что-то запредельное. — Зов и есть желание, нареченная. И после того, как хёгг становится риаром, Зов усиливается в десятки раз. Ни одна женщина фьордов не может противостоять ему!

— И что же они делают, когда ты их... зовешь? — тихо произнесла.

Понимание уже разливалось внутри неприятным колючим холодом, выстуживало тот жар, что я успела ощутить, когда Краст меня поцеловал. Хотя и поцелуем это не назвать, зверь просто лизнул добычу, пытаюсь понять, хорош ли будет обед. Сжала кулаки, безотрывно глядя на Краста.

— Так что они делают? — переспросила.

Он погладил пальцем мою щеку. Нежно. Так, словно не смотрел с диким, первобытным желанием.

— Они становятся на колени, чужачка, — ответил так же тихо, как я спросила. — Поворачиваются ко мне спиной и становятся на колени.

Я открыла рот, то ли от ужаса, то ли от изумления.

— Насколько силен твой Зов, Краст? — сиплым голосом произнесла я. Он молчал, а я почти закричала: — Насколько? Какой шанс был у чужачки воспротивиться? Ну? Отвечай?!

— Никакого, — хмуро уронил риар. — Я никогда не встречал женщину, способную сопротивляться. Даже если она меня ненавидит... Я даже не думал, что бывает иначе... А ты... просто не слышишь!

Я дернулась, вырываясь из его рук. Отошла на шаг. Краст качнулся за мной.

— Не смей ко мне приближаться, — прошептала я. — Не подходи. То есть... вот так, значит? Решил позабавиться с чужачкой? Попробовать, какова на вкус бледная морь? Так?

— Ты не понимаешь! — разозлился он. — Зов это как гроза или огонь. Как стихия. Я раньше не чувствовал такого... Проклятие!

Он потер переносицу, болезненно морщась. Вскинул голову, шагнул, дернул меня к себе. Я забилась, пытаюсь отстраниться, но Краст держал крепко. Сжал мои плечи, заставляя смотреть ему в лицо.

— Посмотри на меня, лирин. Я не хотел просто... позабавиться.

— А чего ты хотел? — выпалила я. Пусть скажет. Пусть скажет мне...

Но ильх молчал. Смотрел на меня мрачно и молчал.

— Отпусти! — рявкнула я.

Почему-то было жутко обидно. Эмоции бушевали внутри, не давая мне трезво оценить ситуацию и подумать. Я лишь понимала, что ильх хотел воспользоваться каким-то ментальным афродизиаксом, чтобы развлечься. И хотелось разреветься, как в детстве, но я лишь сжала кулаки.

— Пусти. Ты меня... пугаешь!

Мужские ладони разжались моментально, словно я сказала что-то ужасное. В глазах риара погас огонь, и

мне стало больно...

Но я лишь развернулась и выбежала из комнаты. Сбежала по ступенькам вниз, остановилась. Покосилась за спину. Но дверь в комнату оставалась закрытой. Стараясь не думать о том, что совершаю жуткую ошибку, я вбежала в кухню, зовя Анни. Девочка выскочила перепуганная.

— Ой, лирин, что случилось? Ты почему голосишь?

— Можешь одолжить мне свою накидку? — пробормотала я. — Верну потом.

Анни вытаращила глаза.

— Так на гвозде висит. Только она же без меха, холодная...

— Сойдет. Я хочу прогуляться.

— Но куда... зачем... лирин!

Ушибленная, а не лирин — со злостью думала я, выбегая из башни. Прав был Рэм, ушибленная и есть!

Шмыгнула носом, ускоряя шаг. Идти к скалам, где за каждым камнем мне мерещились теперь голубые огоньки — побоялась, так что двинулась вниз — к стене, отделяющей Дьярвеншил от моря. На этот раз у ворот стоял страж, но он лишь пожал плечами, когда я заявила, что хочу прогуляться. Ну да, с чего бы ему останавливать какую-то чужачку? Хочет бродить на ветру, так пусть топает!

Глава 23

Обида, злость и непонимание смешались во мне. Добредя до берега, присела, зачерпнула холодной воды. Анни рассказывала, что дальше, за скалой, есть горячий источник, от него-то и течет вода по железной трубе в башню риара. Хорошо бы его увидеть... К тому же, мне нужна какая-нибудь цель, не просто так ведь бродить по берегу!

Укутавшись в тонкую шерстяную ткань накидки, я вскинула голову и бодро зашагала вперед, шипя сквозь зубы и смахивая влагу с глаз. Проклятый Дьярвеншил. Ветреный и холодный. Даже вон глаза слезятся...

Ничего, недолго осталось. Надо просто дождаться корабля из Варисфольда, и все закончится. И не будет больше этого ужасного города, скал, тумана, жутких птиц с лысыми шеями и горбатыми клювами, голубых огоньков на хвостах у чудовищ... Краста. Я ведь помню город, который мы видели в первый день на фьордах. Прекрасный город, волшебный, казавшийся ожившим сном. Нероальдафе, так он называется. Вот и отправлюсь туда. Там наверняка все иначе... и там я думать забуду про этот Дьярвеншил!

Скорее бы!

Бурча себе под нос, дошла до вырастающих из песка черных осколков, разбросанных по берегу. Даже возле ворот местами торчали такие обсидиановые метровые куски скалы, а здесь их стало в разы больше. Теперь приходилось эти останцы то обходить, то взбираться на них, чтобы продолжить путь. Море билось в берег серо-синей волной, беспокойной и завораживающей, вдали, на горизонте, сливалось с небом, так что и не понять было, где заканчивается вода и начинаются облака. И сверху, и снизу двигались и перемещались вода и

воздух, смешивалось синее, белое и оранжевое, создавая невероятную в своей гармоничности картину. А сбоку поднимались скалы, упирались в небо, белели макушками... Я замерла на миг, покоренная суровой и величественной красотой этого края. Холодный, каменный, еловый... было в нем что-то пленяющее.

Я вздохнула и закрыла глаза. Подышала, успокаиваясь. Главное, не думать о том, как Краст прижимал меня к кровати. Как смотрел с жадностью, как прикасался. Как шептал что-то... Не думать!

Мотнула головой, и взгляд зацепился за желтую полосу между камней. С опаской сделала шаг, недоумевая, что бы это могло быть. Любопытство и попытка увидеть голубой эдельвейс все еще отзывались под ребрами фантомной болью, так что к желтому пятнышку я присматривалась несколько минут. Однако мой страх оказался напрасным, между камней всего лишь застряла холщовая сумка.

Сумка?

Сунула руку между камней, вытаскивая находку. И с недоумением уставилась на мокрую, но такую знакомую вещь. Такой же мешок был и у меня — плотная серая ткань, а сбоку — полоса желтой нашивки со знаком Конфедерации. Именно в таких торбочках переселенки на фьорды везли свои вещи.

Но откуда она здесь, в камнях возле Дьярвеншила? И чья она?!

Холодок непонимания и дурного предчувствия кольнул изнутри. Дрогнувшей рукой я развязала веревку и заглянула внутрь сумки. Потрепанная женская косметичка с разбухшими тенями и помадой, флакончик дешевых духов, блистер с таблетками, намокшие фото... нахмурившись, я вытащила первое из них. Столица Конфедерации, железный мост, ильх, одетый в шкуру... Эту фотографию я уже видела. Со второй смотрела женщина, одетая в розовое платье и

туфли на высоких каблуках. Наряд категорически не сочетался с тяжелым взглядом и поджатыми губами, но мое горло сжалось вовсе не от этого диссонанса. Я знала эту женщину. Она мечтала стать на фьордах королевой. Тильда — та самая переселенка, с которой я разговаривала перед тем, как ступить в Туман.

Но что делает здесь ее сумка? Длинная ручка зацепилась за камень, не давая волне утащить добычу в море.

Конечно, можно предположить, что ее жизнь сложилась и женщина сама избавилась от сумки, швырнув в воды, но... но что-то мне в это не верилось.

Завязав веревку, я перенесла сумку подальше, сунула между камней. И задумалась. Вопросы бурлили в голове, словно шампанское в бутылке, которую хорошенько встряхнули. Все сильнее и сильнее, ещё немного — и произойдет взрыв. Как сумка Тильды оказалась здесь? Что с самой Тильдой? Кто такая йотуншагун и кем она приходится Красту? Почему сам ильх споткнулся и побледнел, услышав голос за спиной?. Как умер старик Ингольф? А самое важное... Почему я ни разу не видела черного хёгга Краста.

Может... может, он и есть тот дракон, что напал на корабль? И может, он просто не хочет, чтобы я его узнала?

Но тогда получается, что мужчина, так обжигающе прикасавшийся к моему телу — убийца. И сумка Тильды оказалась здесь неспроста...

Я потерла грудь, усмиряя заболевшее сердце. Глубоко вдохнула прохладный воздух.

Покосившись на камни со спрятанной сумкой, я поднялась, оглянулась на башню. Там, за каменными стенами остался Краст... И может, мне надо просто задать ему все мучающие меня вопросы? Спросить прямо, тот ли он, кто приходит в мои кошмары? Вот только честность должна быть обоюдной. И как

спрашивать, зная, что сама я врунья, пытающаяся водить риара вокруг пальца?

Что я даже не та, за кого себя выдаю. Не невеста, а лишь обман, подделка!

— Ника...

Голос шепнул ласково, и я обернулась.

Вот только на этот раз появление Лерта не обрадовало, а просто удивило. Я выдавила улыбку, наблюдая за приближением капитана.

— Знал, что ты придешь! — на лице морского хёгга белозубо расцвела улыбка. — Я ждал тебя, лунная дева. Ты снова плачешь?

— Это брызги с моря, — фыркнула я. — Я тоже рада тебя видеть, Лерт. Но ты не должен...

— Ты волнуешься за меня? — обрадовался мужчина. — Мне приятно. А я — за тебя, Вероника. На твоём лице слезы, я вижу.

— Все и правда хорошо, — возразила я. — Жива и почти здорова, лишь ранена немного, но все заросло...

— Ты ранена?! — лицо морского хёгга исказилось от ярости. — Это сделал риар Дьярвеншила?

— Ты не так понял...

— Ты врешь, лунная дева, выгораживаешь мучителя? — Лерт нахмурился, голубые глаза потемнели. — Боишься наказания?

— Да ничего я не боюсь. Все хорошо, я же говорю!

Лерт хмуро покачал головой, явно не поверив.

— Мне больно это слышать. Все хуже, чем я думал. Хуже. Не зря о Дьярвеншиле идет дурная слава. Его риар безумен!

— Краст не безумный!

— Ты не понимаешь, дева. Фьорды слышали о риаре этих земель. Он хуже своего отца. Он тот, кого не принял даже собственный хёгг. Перворожденные. Тебе надо покинуть эти скалы. Немедленно!

— О чем ты говоришь? — растерялась я. — Ты что-то знаешь о Красте?

— То, что он тот, от кого тебе стоит быть как можно дальше, дева! — рявкнул Лерт. — Если человек не соединился со зверем полностью, его разум меркнет, а душу наполняет безумие, Вероника. Это и случилось с тем, кто сегодня зовется риаром Дьярвеншила.

— Постой, — я зябко поежилась, ощущая, что происходит что-то неправильное. И это неправильное мне категорически не нравится! — Ты ошибаешься...

Лерт глянул снисходительно, как смотрят умные мужчины на глупую женщину. И я скрипнула зубами. Правда, длилось это лишь миг, лицо Лерта снова стало тревожным.

— Ты боишься расплаты, я понимаю. И ты благородна, дева, не жалуешься, не плачешь. Но тебе нужно уходить. Поверь мне...

— Ты ничего не понимаешь... — начала я, но осеклась, когда ильх вдруг вскинулся, приложил ладонь к глазам, всматриваясь вдаль. Нахмурился.

Я тоже повернулась в сторону скал, пытаюсь понять, что так не понравилось мужчине. В небе кружила черная точка, и подумалось — птица, но тут же стало ясно, что ни одна птица не может быть таких размеров. И это неведомое росло, увеличиваясь с каждой минутой.

— Что это такое?..

— Хёгг! — процедил сквозь зубы Лерт. — Черный хёгг!

Черный дракон?

Я уставилась в небо, тоже сложив козырьком ладони. И вот уже видно длинную шею, распахнутые огромные крылья, отблески солнца на чешуе, оскаленную пасть...

— Прыгай! — рявкнул вдруг Лерт, толкая меня и накрывая собой сверху.

Ничего не понимая, я свалилась в расщелину между двумя камнями, ободрав колени. И уже хотела заорать, что за шутки, как сверху полыхнуло огнем. Жар опалил камень, а на меня дохнуло лавой и пеплом. Я взвизгнула от неожиданности и ужаса, сжалась в комок, инстинктивно закрывая руками голову. Берег вздрогнул от рычания. Кажется, даже камни подпрыгнули!

Черный дракон заревел и взмыл в стремительно темнеющее небо. И в краткий миг, когда гигантская тень накрыла мое убежище, я увидела темную полосу на его шее... тот самый зверь, что напал на «Стремительный»!

— Бежим! — заорал Лерт, не давая мне подумать. Выудил меня из ямы и потащил к воде.

— Куда... что?

Ильх на миг затормозил, глянул искоса.

— Ты что, не видишь? Он пытался тебя убить!

— Что? — ошалело вскинулась я. Убить? Но за что? Почему?

Но подумать мне снова не дали. Черный монстр описал в небе круг и ринулся вниз, оглашая берег чудовищным ревом.

Ничего не понимая, путаясь в юбке и не падая лишь благодаря сильной руке ильха, я неслась к воде. И когда волна уже почти лизнула ноги, догадалась спросить, а собственно — зачем?

Вот только не успела. Дальше все произошло одновременно. Черный дракон упал сверху, выпуская когти. Меня откинуло в воду. Лерт стал хёггом. Серосиний дракон взвился над берегом и хвостом ударил черного. А потом тяжело рухнул в волну. Меня закрутило водоворотом, потянуло вниз. Вода хлынула отовсюду — сверху, снизу, слева и справа... и не было от нее спасения. Холодная, неласковая вода северного фьорда обхватила со всех сторон, увлекая на дно.

Оказывается, здесь было глубоко. Сразу у берега начиналась пропасть, отвесная и губительная!

Наверху, за пленкой серой воды снова полыхнул огонь, но я все равно рванула туда, желая глотнуть спасительного воздуха. Накидка и платье облепили смертельной удавкой, утягивая на дно. Нащупав завязки плаща, я дернула, освобождаясь от шерстяной ткани. Стало немного легче, и отчаянным рывком я вырвалась на поверхность, глотнула обжигающий и такой вкусный воздух...

Морской хёгг выпрыгнул из воды возле скал, обвил черного, швырнул в воду... но уже через миг монстр снова взмыл в небо, разбрызгивая с влажно блестящих крыльев капли. Я барахталась на волне, стуча зубами от холода и почти ничего не видя из-за бурлящей воды, когда рядом оказалась огромная голова. Вздогнув, я уставилась в голубые глаза с вертикальным змеиным зрачком. Видеть морского дракона в такой близости оказалось невероятно, но все-таки пугающе.

— Лерт? — жалобно прохрипела я. — Лерт, ты меня понимаешь?

Водяной змей мотнул головой, так что меня обдало брызгами. И повернулся, подставляя спину. Снова глянул, снова мотнул.

— Залезать на тебя? — неуверенно переспросила я.

Хёгг зашипел и поднырнул под меня, чтобы я оказалась на огромном и скользком теле. Ухватила за шип, торчащий на хребте — вовремя. Снова зашипев, Лерт рванул в море, стремительно удаляясь от берега. Я вскрикнула и захлебнулась, когда сверху снова упала гигантская тень, а морской хёгг нырнул в глубину, таща меня за собой. Несколько невыносимых минут, когда легкие уже взрываются, а тело дрожит от напряжения, и мы вновь выпрыгиваем на поверхность. Но лишь для того, чтобы я глотнула воздуха, а потом, извиваясь ужом, хёгг вновь ныряет!

В какой-то момент мои руки все же разжались. Удержаться на скользкой шкуре было почти нереально, и я сама не поняла, когда шип выскользнул из пальцев. Течением меня отбросило в сторону, но тут же огромная драконья морда толкнула снизу, выпихивая на поверхность. И оказалось, что мы совсем рядом со скалой, которая низким каменным козырьком нависала над морем.

Я беспомощно распласталась на морде морского змея, пока он заплывал внутрь. Позади вспыхнуло пламя, но, похоже, пробраться под козырек, почти лежащий на воде, черный дракон не мог.

Яростный рев оглушил, приумножившись эхом, и я заткнула уши, чтобы не слышать этот драконий рев.

И через несколько минут Лерт осторожно опустил меня на камень, отплыл и вернулся уже человеком. Выбрался из воды, подхватил меня на руки.

— Вероника, как ты?

— Жива, — отплеывая соленую воду, выдохнула я. Оглянулась и сползла с мужских рук. — Спасибо тебе. Где мы?

— Это скальные источники за Дьярвеншилом, — Ильх откинул за спину светлые волосы. — Я тебя испугал? Ты очень смелая дева.

— Я дева в безвыходном положении, — пробормотала я, осматривая низкий грот, кусок скалистого берега и пар, ползущий откуда-то из глубины. Здесь было гораздо теплее, чему безмерно порадовался мой околевающий организм.

Перекинула на бок волосы, отжала. И замерла, поймав взгляд Лерта. Ильх смотрел... с жадностью. В голубых глазах тоже бушевало море — предштормовое. Я инстинктивно попятилась, а Лерт усмехнулся краешком губ. И отвернулся.

— Мне лучше немного побыть одному, Вероника, — глухо произнес он. — Я морской хёгг, и дева в воде...

действует на меня по-особенному. Прости, не хотел тебя оскорбить.

— Ты и не оскорбил, — пробормотала я слегка растерянно. Такое откровенное мужское желание было для меня в новинку, с досадой подумалось — надо же, то никого, то двое за сутки...

Воспоминание о Красте обожгло не хуже драконьего пламени.

— Тебе надо согреться, дева, — не поворачиваясь, произнес ильх. — Ты хрупкая и можешь заболеть.

«Ты такая хрупкая... нежная... я буду осторожным...»

Скрипнула зубами, заставляя себя не думать о риаре Дьярвеншила.

— Спасибо за заботу, Лерт, — искренне поблагодарила я. — И за спасение. Ты видел, откуда прилетел этот черный ужас?

Мощная спина капитана напряглась под мокрой рубашкой.

— Да. Из Дьярвеншила, дева.

— Ты уверен?!

— Это истина, которую я видел своими глазами. Черный хёгг прилетел со скал Дьярвеншила. С другой стороны белая гора, и там нельзя призвать зверя, дева. Даже пролететь над ней нельзя. А напротив — море, и вода была тиха. Чудовище приходит оттуда, где ты сейчас живешь. Я не хочу тебя пугать. Но думаю, ты понимаешь, кто это.

Я застыла с мокрым подолом в руках.

— Нет. Это не Краст!

Лерт посмотрел через плечо, и я отпустила ткань, закрывая ноги. Платье неприятно шлепнулось по коленям.

— Ты не хочешь верить в очевидное, — покачал головой ильх. И задумался. — Тебе лучше отправиться со мной в Варисфольд.

Я нахмурилась, лихорадочно обдумывая свое положение. Оскаленная морда жуткого зверя все еще стояла перед глазами. И глаза... черные бездны, до краев заполненные яростью. Ужас кольнул изнутри. Ярость... я ведь видела ее. В черном глазу риара Дьярвеншила...

— Это не он, — прошептала со злым упрямством.

— Зверь был зол, — хмуро уронил Лерт. — Очень зол. И он хотел твоей смерти, Вероника.

А совсем недавно я отказала ильху, который никогда не слышал от женщины «нет». И когда я покидала башню, риар выглядел на редкость взбешенным. Снова мотнула головой, не желая в это верить. А во что верить — я не знала...

— Там горячий источник, Вероника. И камни раскаленные, — Лерт, не глядя, махнул рукой. — Тебе надо согреться.

И побыть одной — согласилась я про себя. В мыслях царил хаос, я просто не знала, что думать. И была благодарна ильху за тактичность и поддержку. Право, я почти отвыкла от этих качеств в Дьярвеншиле. Там никто не церемонился с чужачкой, от местного населения за это короткое время я видела больше недовольных взглядов, чем за всю свою жизнь. Так почему я не желаю верить в то, что именно Краст чуть не убил меня сегодня?!

Лерт оказался прав, за густым паром скрывались нагретые камни, а чуть дальше — горячий источник. Я присела, обхватила себя руками, млея от ощущения блаженного тепла, пробирающегося под кожу. Я так замерзла, что казалось, никогда не согреюсь. Но на раскаленных камнях довольно быстро и высохла, и дрожать перестала.

Не знаю, сколько прошло времени. Наверное, довольно много. Когда вернулась, Лерт сидел возле воды, задумчиво рассматривая темную поверхность.

Вскочил, увидев меня. И я снова смутилась от его предупредительности и откровенного интереса.

— Думаю, нам пора выбираться, — сказал ильх. — Хотя я не против остаться здесь с тобой на несколько дней.

И усмехнулся, глядя на мои покрасневшие щеки.

— Тебе придется снова намокнуть, лунная дева.

— Уже поняла, — вздохнула я. — Думаешь, черный хёгг улетел?

— Я его не слышу. Потомки Лагерхёгга не любят воду и берегут от нее шкуры. И сидеть в засаде они не умеют, слишком много в крови огня и нетерпения. Черные звери порывисты и яростны, Вероника, а ещё опасны, потому что не умеет сдерживать свою злость. Морские гораздо спокойнее, нас не мучают вспышки обжигающего пламени. — Он помолчал, рассматривая меня. — Ты должна отправиться со мной в Варисфольд и все рассказать, Вероника, — посерьезнел Лерт. — О том, что творится в Дьярвеншиле. О своих ранах и унижениях. Риар понесет наказание, а тебе не надо бояться...

— Лерт, достаточно, — оборвала я. — Пожалуйста, просто доставь меня на берег.

Он смотрел, нахмурившись, но я прошла мимо и встала у края камней.

— Прошу тебя.

Не отвечая, ильх прыгнул в воду, и уже через мгновение на поверхность поднялась огромная морда морского змея. Я устроилась на его теле, ухватила за шип и понадеялась, что эта прогулка скоро закончится.

Лерт, извиваясь, устремился к низко нависшему своду пещеры, поднырнул под козырек. Так что я снова намокла, к счастью на этот раз — не целиком, лишь ноги замочила. И за это тоже надо благодарить морского хёгга, что нес меня на своей спине. Он очень старался не опускаться в глубину, а скользить по

поверхности, хотя думаю, это было очень непривычно для водяного дракона. А я только хмурюсь на его доброту. А ведь Лерт меня от смерти спас. И когда мы покидали пещеры, приступ благодарности заставил склониться к шее змея и крикнуть:

— Лерт, ты замечательный. Спасибо тебе!

Солнце ударило в глаза белым светом, и над водной гладью донеслось холодное:

— А я-то думал, чей это медальон у моей нареченной. Теперь вижу.

Моргая от резкого перехода из полумрака на свет, я прикрыла глаза руками. А когда увидела — ахнула. Вход в пещеры закрывал корабль. Не такой огромный, как «Стремительный», не такой красивый и легкий, но все же внушительный. Особенно с лучниками, выстроившимися вдоль борта. Впереди стоял Краст, и даже на расстоянии я видела ярость в его разноцветных глазах.

Лерт зашипел, приподнимая над водой верхнюю часть тела. Лучники вскинули тяжелые арбалеты.

— Не делай резких движений, морской гад, — выплюнул Краст. — На наших тетивах мертвое железо из Сайленхарда. Раны от него не заживают годами.

Лерт снова зашипел, мотнул головой.

— Иди сюда, лирин, — приказал риар Дьярвеншила.

Морской змей извернулся, и я увидела его глаза — встревоженные и злые. Выдавила улыбку.

— Все хорошо. Я пойду... к нему. Не беспокойся, Лерт. И спасибо тебе.

Змей протестующе рыкнул, тоненько звякнули тетивы арбалетов, удерживая готовые сорваться снаряды. И я вскочила, балансируя на мокрой шкуре.

— Я иду. Не причиняйте ему вреда. Не надо!

Краст красноречиво сплюнул в воду, совсем рядом со змеем. И мне почему-то захотелось фыркнуть — вот же варвар. Был и останется.

Хёггкар приблизился, и ко мне спустилась веревка. Я уцепилась за узел и пискнула, когда меня взметнули вверх, одним махом перенося на борт. Сделав несколько злых шагов, Краст оказался рядом, дернул ворот моего платья. И просто разорвал веревку, удерживающую медальон. Я вскрикнула, когда подарок Лерта полетел в море, а разъяренный ильх втолкнул меня в дверь небольшого помещения. Корабль качнулся, и судно начало движение.

— Значит, предпочитаешь светловолосых, лирин? — припомнил Краст мои давние слова.

— Это был подарок! — гневно обернулась я к риару. — Ты не имеешь права!

— Ты моя нареченная. Я надел на тебя венец. Как ты смеешь плевать на это? — заорал Краст, сверля меня таким взглядом, что захотелось спрятаться.

— Что?! — от изумления я дар речи потеряла. — Плевать? Ты с ума сошел? Этот венец ничего не значит. Через несколько дней я навсегда покину Дьярвеншил. И ты первый требовал от меня этого!

Краст втянул воздух, выдохнул.

— Пока ты остаешься моей нареченной, забудь о бесстыдных нравах твоих земель. Ты моя, поняла? Моя!

— Что? — снова изумилась я. — Да ты... Да пошел ты... знаешь, куда? Это был подарок моего друга!

Он яростно шагнул вперед, я — назад, пока не уперлась в стену. Рядом свисала цепь, и Краст глянул на нее дикими глазами. И я явственно увидела желание в разноцветных глазах. Желание приковать меня к стене этой самой цепью!

Но ильх лишь уперся ладонями в дерево по обе стороны от моей головы.

— Друга говоришь? — лицо Краста исказила такая ярость, что я сжалась уверенная — не сдержится... — Подарок друга? На фьордах дева получает дар за что-

нибудь. Чаще — за мужское удовольствие. Только называется это не дружбой. Иначе.

Он прищурился и произнес слово.

А я не задумавшись, ударила ильха ладонью по лицу, ощущая kloкочущую ярость и горькую обиду. Да что же это такое? Первый раз с Рэмом, теперь вот с Лертом. Да как он смеет?!

Краст коротко зашипел, навалился, обхватил мое лицо руками и прижался к губам. И снова лизнул без проникновения, тяжело дыша, зарываясь пальцами в мои влажные волосы. Я всхлипнула... Краст замер. Снова лизнул — по линии скул и ниже, жадно, рвано... Мучительный вздох Краста, и его губы, исследующие меня с ненасытной нежностью... Я замерла, теряясь в этой странной ласке, в неумелом прикосновении, которое почему-то отключило мой разум и заставило тело вибрировать от удовольствия.

Кровь стучала в висках барабанами... Краст оторвался от меня, глянул затуманенным взглядом.

И рывком отстранился. Втянул воздух — раз, другой... выдохнул с шипением. Посмотрел на меня, дрожащую у стены, на цепи... И, развернувшись, вышел.

Я медленно сползла по стене вниз. Эмоции бились и бурлили с такой силой, что хотелось закричать. Он пришел... Пришел за мной. Поступил, как варвар, заявил, что я его... почему?

Рев снаружи заставил меня подпрыгнуть, броситься к крошечному окошку, затянутому льдистым стеклом. Вдалеке, над волной, бились два дракона — серый и черный. Видно было плохо, я различала лишь силуэты. Вода пенилась, небо налилось чернотой, почти как ночью. Черное чудовище тяжело взмыло вверх, держа в лапах окровавленного морского змея. И оба рухнули возле скал в море, пропадая из вида.

И стало тихо. А потом взметнулась в небо черная тень дракона...

Я подышала, пытаюсь справиться с волнением. Образы, мысли, чувства, сомнения... Всего так много, что дышать невозможно. Руки дрожали, сердце колотилось безумно. Метнулась наружу, почти ожидая, что дверь окажется закрытой, но нет — створка легко распахнулась. Воины, которых я привыкла видеть в башне риара, его десятка, торопливо спускали на воду легкую лодку, запрыгивали внутрь.

— Что происходит? — прошептала я. Почему воины покидают корабль? Почему так спешат? За спиной хлопнули огромные крылья, хёггкар покачнулся. Я сделала глубокий вдох и очень медленно обернулась.

Краст.

Он стоял у носа хёггкара, напряженный, мрачный, сжимая губы и сверля меня взглядом.

Над головой сверкнула молния, море забурлило. Шторм? Мы угодили в непогоду?

Но тогда почему на корабле остаемся лишь мы с Крастом?

Хёггкар швыряло по волнам, но странно, похоже, ильха это не волновало.

— Что?... — начала я и задохнулась, когда Краст резко вдохнул и пересек расстояние, разделяющее нас. — Что происходит?

— Ты спрашиваешь, что происходит? — волосы и одежда ильха промокли, и когда он наклонился, капли упали мне на губы. И Краст сглотнул, с жадным ожиданием рассматривая мое лицо.

— Что ты сделал с Лертом?

— Я хотел его убить, — ярость вспыхнула так, что обожгла и меня. — Жаль, не вышло.

Я пораженно вдохнула. Боги, неужели Лерт ранен? Лишь за то, что помог мне?

Тяжелые руки сжали мне плечи, лицо Краста исказилось.

— Не смей думать о нем! — рявкнул он. — Не смей, слышишь? Иначе я найду этого гада даже под волной и закончу начатое!

Я все-таки слизнула с губ соленую каплю. Небо уже вовсю полыхало небесным огнем, словно это нормально — безудержная гроза посреди зимы. Краст обхватил мое лицо руками, и я ощутила дрожь, сотрясающую тело. Вот только не поняла — тряслась я или он.

— Я не могу удержать Зов, — с пугающим блеском в глазах произнес ильх. Внутри ильха тоже кипела буря, почти безумие... как и то, что творилось в небе... в море... везде! — Не умею сдерживать...такое.

— Что? — я нервно облизала губы.

— Ты понимаешь, — он провел пальцем по моей щеке. В вышине сверкнула молния. В его глазах плясало пламя, сплетаясь с тьмой... — Ни-ка...

Я втянула воздух. Голова кружилась... Милостивые перворожденные. Мы наверняка разобьемся, нас швырнет на скалы и перевернет, но почему меня это почти не беспокоит? Верно, сошла с ума вместе с этим ненормальным. Он так смотрел, что неважным становилось совершенно все. Перевернемся? Какая досадная мелочь!

— Ты... боишься меня?

Что-то в хриплом голосе заставило меня вскинуться. Боишься... Для него это так важно. В башне я сказала, что он меня пугает, и это остановило Краста. Повторю — и он уйдет, навсегда уйдет из моей жизни.

— Тебе лучше спуститься в лодку. Тебя отвезут на берег, — с усилием отворачиваясь, выдавил ильх. — Лучше...

Я посмотрела вверх, туда, где плясал небесный огонь. А Краст говорил, что он ему не отвечает... Небо пылало от грозových разрядов так, что все волосы на моем теле стояли дыбом!

Медленно подняла руки и обвила шею ильха. Он дернулся, глянул исподлобья.

— Я никуда не пойду.

Краст втянул воздух. И я зарылась пальцами в короткие влажные пряди.

Плевать на все. Никуда я не пойду!

Ильх тяжело вдохнул и потянул мое платье, обнажая плечи. Кожу окатило холодными брызгами. И Краст втолкнул меня в дверь, из которой я вышла минуту назад. Подхватил под ягодицы, приподнимая над полом, жадно лизнул шею, верх груди.

— Не бойся... — прохрипел он. — Не бойся меня... не бойся.

Он повторял это, как заклинание, и я хотела сказать, что совсем не боюсь, но Краст уложил на узкую кровать-лежанку, дернул пояс. Замер на миг, всматриваясь в глаза, словно давая мне возможность что-то сказать... Но какие могут быть слова? Я знала, что свихнулась. Что не имею права отвечать ему. Что должна остановить. Обязана!

Но вместо этого приподнялась и коснулась жестких мужских губ. Поцеловала сама, языком проникая в рот, изучая его вкус. Ильх сдавленно застонал, отпрянул, чтобы удивленно посмотреть в глаза. А потом наклонился и повторил мое движение. Языки и губы соединились, изучая друг друга.

— Что... Что ты делаешь? — задыхаясь, выдавил ильх.

— Это поцелуй, — прошептала я. — Разве ты не знаешь? Ты никого раньше не целовал?

— Нет... Зачем?

Отвечать не стала. Вместо этого снова коснулась его губ. Краст замер на миг, прислушиваясь к ощущениям. А потом хрипло выдохнул и повторил мою ласку — сам.

И снова соединение губ, уже увереннее и горячее. И мое торжество от осознания, что первый поцелуй будет моим. А значит, он никогда меня не забудет. Даже... потом. Когда в его жизни не будет меня, и риар станет целовать кого-то другого.

Но думать о будущем не хотелось. В этот миг, когда черный дракон разбудил небесный огонь, а море качало нас в объятиях, не было будущего. Только это мгновение, принадлежащее нам двоим.

Я вцепилась в напряженные мужские плечи, провела ладонью ниже — по рельефу мышц. По груди и животу. По широкой спине, разделенной бороздкой позвоночника. И задохнулась, ощутив, как ильх вздрогнул, а потом глянул ошалело.

— Еще... — прошептал он.

Да с наслаждением. Гладила руками, потом уже и губами, ловя судорожные вдохи и раскаленные взгляды. Сквозь дымку блаженства мелькнула мысль, что нельзя вести себя так разнузданно, хотела убрать ладонь, но стоило лишь попытаться, Краст прижал к себе.

— Еще!

Его отзывчивость и потребность в прикосновениях оказалась запредельной. словно его никто и никогда не трогал... словно никто не ласкал так, как я. А я сходила с ума от этих чувств. И желала, чтобы он запомнил меня. Да и сама хотела запомнить как можно больше. Каждое движение рук и губ, каждое ощущение сильного мужского тела, столь совершенно вылепленного и столь откровенно теряющего контроль...

Краст жадно обхватил мои бедра, не размыкая нашего поцелуя. Я зарылась пальцами в жесткие волосы — теперь короткие, вскрикнула, ощутив шершавые пальцы на внутренней стороне бедра. Больше Краст ничего не говорил. Лишь торопливо стягивал с меня остатки одежды, обнажая как можно

больше кожи, словно это было жизненно важно. И тоже прикасался, прикасался... К каждому оголенному кусочку. Мы горели. Мы оба пылали так, что было нечем дышать, что раскаленный добела воздух остался лишь в чужих губах. Хёггкар трясло, но даже это почти не трогало. Мы цеплялись друг за друга, жадно, яростно. Торопились, трогали, любили пальцами, губами, кожей... всем своим существом...

В разноцветных глазах билось пламя, которое угрожало спалить нас обоих. И оттягивать момент соединения было уже не под силу.

— Ника... — имя он выдохнул лишь раз, когда прижал мое согнутое колено к своему бедру и толчком вжался между ног. Сцепил зубы и вошел — тоже рывком. Хриплый рык прокатился по тесной комнатке, сплетаясь с моим стоном. Снова швырнуло хёггкар, ударил гром, и мы тоже сплелись... ближе-дальше, под удары непогоды и неистовство стихии. Ближе-ближе, ещё ближе, так чтобы захлеб... Илх был не первый в моей жизни и все же — первый. Вот так — первый... Потому что до него я даже не знала, каким может быть соединение двух тел. До хриплых криков, не знаю — чьих... Я видела лишь лицо мужчины, нависающего надо мной, ощущала лишь наше одно на двоих блаженство.

Еще...

* * *

...Первое прикосновение нежной руки к моему телу заставляет замереть, не веря. Смотрю на ее ладонь, потом снова в глаза. Уберет? Но лирин не останавливается. Касается тонкими пальчиками плеч, двигается ниже. Словно чертит огненную дорожку. Я жду, дышу. Но нареченная продолжает. Ощущения

сводят с ума. Мне кажется, это сон, греза... и никакого Зова. Она здесь. Со мной. Смотрит в глаза. И взгляд туманится не от силы хёгга, а от желания быть со мной. Лирин прикасается. Гладит. Вверх. Путается пальцами в спутанных волосах. И снова — вниз. Невесомым поглаживанием на щеку. Сильнее — на спину. Сбегают пальчиками вдоль хребта и меня прошивает удовольствием. Я вздрагиваю... От каждого, самого легкого прикосновения вздрагиваю... И не верю, что все по-настоящему. Кажется, вот сейчас лирин испугается...

Сам опасаюсь смотреть, опускаю голову, прячу глаза. А она... она обхватывает лицо ладонями. И смотрит так, что весь я из шкуры выворачиваюсь, весь наизнанку... Больно почти... или хорошо? Не понимаю уже.

Лирин прижимается всем телом, касаясь губами губ.

Кажется, в меня попал небесный огонь. Я чувствую ее язык, скользящий внутри моего рта, и он порождает безумие в голове и теле. Такое восхитительное, такое желанное безумие. Я не понимаю, что она делает, лишь ощущаю жар, растекающийся от скользких движений и мягких губ. Это так невероятно, порочно и приятно, что я не сдерживаю хрип. Ниже пояса все в огне, горло сухое. И лирин на миг замирает, отстраняется, смотрит. А потом улыбается шаловливо и дерзко, снова касается губ. Рычу...

И понимаю, что уже не позволю ей отстраниться. Не отпущу...

Толкаюсь языком, вторя движениям лирин. И снова этот жар, так хочется больше и сильнее. Сжимаю тонкое тело, уговаривая себя не торопиться. Только бы не испугать ее... Но в лирин я совсем не вижу страха. Хотя и вглядываюсь пристально, все еще не веря. Но то, что я вижу в прекрасных серых глазах лиришает воздуха, словно удар молотом под дых... Лирин настоящая, живая, искренняя... И снова ее руки на мне —

добровольно. Уже горячее и смелее. Она исследует мое тело, каждую бьющуюся вену, напряженное сухожилие, окаменевшую мышцу. Мои шрамы и отметины. И кажется, ей нравится... Нравится прикасаться. Я сдерживаю рычание, я так сильно сдерживаю... себя. Никогда в жизни я не ощущал подобного... Горю... В паху тяжело и болезненно ноет, требует. Но я хочу, чтобы это не заканчивалось. Одежда рвется от резких движений, рычание царапает гортань... Нежная, сладкая... Моя.

Пальцами мну острые девичьи грудки, сжимаю темно-розовые соски. И подчиняясь непонятному желанию, склоняю голову, прикасаюсь ртом. Это ощущается иначе, не так, как ее влажный язык, но жар усиливается. Тяну губами, обвожу языком, снова и снова... Потом прикусываю. Слегка, но лирин изгибается и стонет, даже не понимая, что делает со мной этим негромким и сладким звуком.

Дышу...

Хочется испытать больше, но нареченная с силой вжимает ладони в плечи, а потом снова трогает губами. Уже беспорядочно и везде. Как и я ее. Ребра, живот, впадинки, светлые нежные волосы между ее ног... Белые бедра, ямочки под коленками. Рывком обратно к губам. Серебряные пряди в кулак... И тонкие пальцы, ласкающие меня так, что я уже ничего не соображаю...

Обхватываю, вжимаюсь в тонкое тело, в сладкую развилку между ног. Сбрасываю с себя ее ладони — слишком много ощущений, не выдержу. Также рывком прижимаю тонкие запястья к тьюфяку. И толчок... Горячее наслаждение, сухой рык сквозь стиснутые зубы... Влажный звук, ее тихий стон. Слизываю его языком. Лава из недр Горлохума растекается по телу, скручивает внутренности, обжигает хребет... Двигаюсь толчками, снова и снова. И все мне мало. Мне так

невыносимо мало ее... Даже тогда, когда взрыв сотрясает тело, скручивает и прошивает насквозь.

А потом лирин прикусывает мне шею, выдыхая лишь одно слово. Еще.

И я снова срываюсь...

Глава 24

Морской хёгг ушел в глубину так резко, что разлетелись птицами стаи рыб, дремавшие в холодной пучине. От огромного тела водяного змея вихрем бурлила вода, когда он проносился мимо, скаля пасть. Окровавленный бок пекло огнем, словно проклятый черный зверь опалил его огнем Горлохума. Но гораздо сильнее боли была злость. Ярость сжигала Лерта. Ярость, несвойственная ни ему, ни его зверю.

Морские хёгги отличались спокойствием и бесшабашным, несерьезным отношением к жизни. Они ценили волну, длительные заплывы, рассветы над морем и любовь прекрасных дев, желательно тоже — в воде. И считали, что дни жизни — капли, утекающие с ладоней, прекрасные и недолговечные. Потому и не стоит тратить их на сожаления, гнев или глупость. К последнему относилось многое... Оседлая жизнь на берегу, каменный дом, семья, дети... Морские хёгги были вольными со дня гнева Великого Горлохума. Они бороздили бескрайнее море, топили корабли, крали золото, которое им не было нужно, и дев, которых искренне любили на изумрудных островах или под бушующими водопадами, а потом забывали там же... Любовались истинными сокровищами морских глубин, теми, что были недоступны другим — ни хёггам, ни людям. Водоросли необыкновенных расцветок, стаи мелких полупрозрачных существ или огромная, словно хёггкар, рыба — вот истинные драгоценности. Морской змей текуч, как вода, прекрасен, как глубина, силен, как течение... И настанет день, когда каждый из них просто ляжет на дно и будет смотреть вечный сон в объятиях холодного моря. Это ли не счастье?

Так считали все морские змеи. И Лерт... какое-то время.

Пока не захотел чего-то другого. Смутного, непонятного, невысказанного. Того, что не мог получить от той, что была верной подругой — от волны... И сейчас хёгг злился, шипел, расплескивал брызги, что не казались дружелюбными, а почти жгли шкуру. Бил хвостом по гладким, стесанным скалам, на миг взлетал над водой и снова уходил в глубины. Но не находил покоя и там... и море тоже злилось, буйствовало, швыряло на берег пучеглазых рыб и камни, искало то, чего нет...

* * *

Этот варвар, эта разноглазая сволочь меня запер. Запер!

Стоило хёггкару подойти к скалам Дьярвеншила, как Краст скинул меня в лодку, догреб до берега, молча закинул себе на плечо и потащил в башню. Не обращая никакого внимания на требования немедленно поставить меня на землю. Мои волосы расплелись и упали вниз, полностью закрывая обзор, и откидывая их, я видела изумленные лица встречных ильхов. Похоже, сегодня в Дьярвеншиле будет что обсудить за ужином. Их риар сошел с ума и тащил через весь город брыкающуюся деву, завернутую в меховое покрывало!

— Немедленно отпусти! — шипела я, колотя по каменной спине ильха. — Ты слышишь?

Краст и отпустил, правда, лишь в спальне. Мимо воинов, открывших рты при нашем появлении, он прошагал молча, ногой открыл дверь, и да — отпустил меня. Толкнул внутрь, вошел следом, впился в губы — так, что я задохнулась. Глянул жадно, оторвался с сожалением. И вышел, а створка захлопнулась, чуть не

прищемив мне нос. И сколько я не колотила в нее — не открылась.

Проклятый варвар меня запер!

От злости очень хотелось кого-нибудь побить, и я в сердцах попинала кровать. Потом, ругаясь, стянула влажное платье, укуталась в покрывало. Села на постель и сжала виски, пытаюсь удержать скачущие в голове мысли. И глупую шальную улыбку, растекающуюся на лице.

Хотя разум и подсказывал, что надо не улыбаться, а бежать. Бежать как можно дальше от Дьярвеншила!

Хоровод образов кружил в моей голове яркими лоскутами событий, не давая понять и осознать хоть что-то. Камни у воды... Лерт... Желтая нашивка на мешке переселенки... Черный дракон... Безумная гонка в воде, и даже удивление, что я все ещё жива.

Сплетение тел... Поцелуи... Стоны...

Разум споткнулся и забуксовал, отказываясь анализировать и бесславно сдаваясь на милость разбушевавшихся чувств. Здравомыслие, отличающее меня всю жизнь, покорно выкинуло белый флаг, и хотелось лишь улыбаться. Наверное, потому, что вся кровь моего организма отхлынула от головы и перекочевала куда-то в другие места. Может... в сердце?

— Ты сошла с ума, Ника! — буркнула я, пытаюсь снова рассердиться. — Немедленно прекрати все эти глупости!

Какие надо прекратить глупости, я уточнять не стала. Те, от которых екает в горле и тело начинает дрожать, словно в агонии. Я никогда не испытывала ничего, даже отдаленно похожего на близость с Крастом. Это было так хорошо, что казалось нереальным. И почему-то хотелось плакать и смеяться одновременно.

Я никогда не чувствовал ничего того, что ощущала к нему.

И это дико пугало.

— Да чтоб тебя йотуны сожрали... — пробормотала я, не совсем понимая, кому и чего желаю.

Со вздохом скомкала в руке покрывало. И замерла. На белой шкуре лежали гладкие камушки, пучок сушеных трав и рядом — волос. Черный и такой длинный, что когда я встала и осторожно подняла его на вытянутой руке — достал до пола. На миг даже мелькнула мысль, что волос принадлежит Красту, но тут же пропала. Во-первых, шкуры выбивали лишь вчера, после угрозы расправы прислужницы драили башню истово. Во-вторых, сейчас на голове риара лишь короткий темный ежик... Да и не было у него никогда таких длинных прядей — с человеческий рост. Честно говоря, я не видела в Дьярвеншиле никого с волосами такой длины. Вот только...

Сердце дернулось, а перед глазами встало видение: снежная круговерть, в центре которой стоит йотун-шагун. Ветер облизывает ее голые колени, треплет шкуру и гладит стелющиеся по воздуху волосы — черные, бесконечно длинные...

Я зябко повела плечами, вздрогнула, вываливаясь из морока. Потому что почудилось, что страшная шагун стоит совсем рядом — за плечом. Смотрит оценивающе, дышит в затылок... Я вскочила, обернулась.

— Не надо бояться паранойи, надо опасаться тех, кто за тобой следит, — пробормотала я, успокаивая себя. В комнате было пусто. Конечно, пусто. Где бы тут спряталась горная ведьма? В сундуке? Под лавкой?

И все же откуда взялся волос и остальные подношения?

И... что мне теперь делать?

Задумчиво завернула дары в платок, сунула под кровать. И решив пробиться наружу, чего бы мне это не

стоило, подскочила к двери и... получила створкой по лбу!

— Ой, лирин. Ты зачем под дверью стоишь? — с упреком воскликнула Анни, появляясь на пороге. — Я же тебя и зашибить могла!

Я крикнула, потирая лоб, на котором, наверное, образовалась шишка. И перевела взгляд на поднос в руках девочки.

— Риар велел накормить тебя, лирин. Сказал, что ты упала в море и замерзла, так что ешь и пей. Здесь томленное в сливках и корешках мясо, а тут — медовый настой и бодрянка, она живо согреет!

Да меня уже согрели — чуть не ляпнула я и прикусила язык. А потом с вожделением втянула носом ароматный пар.

— Анни, пока меня не было, в комнату кто-нибудь заходил?

— Нет, лирин! — уверила девочка и напомнила: — Бодрянку не забудь. Она, конечно, мерзкая до ужаса, я как-то глотнула, так чуть не померла, зато с ней ты не заболеешь!

Я сцепила ладони, следя за тархтящей прислужницей, расставляющей тарелки на столе.

— Садись, лирин. И как ты в море-то свалилась? Ох, сразу видно, что ты не из Дьярвеншила. Все не так делаешь. И Краст-хёгг прав, тоненькая ты, можешь заболеть. Мы-то к холодам привычные, а ты чужачка, к нашей воде и ветрам не приучена. Заболеешь. Ешь и пей!

Я прищурилась, представляя, как стукну Краста этим подносом по голове. Потом втянула запахи еды, подумала и уселась за стол. Анни глянула довольно и убежала, а я сунула в рот первую ложку тающего на языке мясного рагу. Зажмурилась от удовольствия — вку-у-усно. Вот что значит — умелая кухарка. Да я в жизни не смогла бы приготовить настолько бесподобно.

Нежное мясо дразнило вкусом и запахом, доставляя забытое удовольствие. Оказывается, и в Дьярвеншиле можно хорошо жить. Искусная стряпуха уже есть, башня отмыта, надо лишь наполнить кладовые, договориться о поставке того же зерна, что не растет в этой местности, наладить производство сладостей, мыла и бытовых мелочей, которых мне так не хватает. А может, просто закупить в более просвещенных городах, том же Нероальдафе? Всего-то и надо...

Я застыла с ложкой у рта. Перворожденные, я сейчас что же, мечтаю, как обустроить свою жизнь в Дьярвеншиле? Да не только свою, но и местных жителей? Вот так, в один миг я просто все забыла и начала... мечтать о будущем?

Нахмурилась, потому что аппетит пропал. И придвинула ближе кружку с уже знакомой бодрянкой. Выпила залпом, перекатывая во рту кофейную горечь. По мне так этот напиток был совсем не плохим, но в этих землях явно никогда не пробовали эспрессо со жгучим перцем, что так любили в кофейнях Конфедерации. Вот после него язык неделю не ощущал иного вкуса, кроме жжения и горечи. Такой вот хит лучших заведений столицы. А здесь всего лишь бодрянка. Да еще и целебная, вон как затянула мои раны от когтей йотуна. Да ни одна микстура Конфедерации на такое не способна!

Смутная мысль мелькнула и пропала, вытесненная стаей других. Размышляя, я потянулась к кувшину взвара, налила, глотнула. Меда туда добавили, не жалея, сладость мигом прогнала с языка вкус бодрянки. Неужели и здесь распоряжение риара? Но с чего бы ему заботиться о моем обеде? С чего целовать? С чего... все?

Неужели это всего лишь любопытство? Обычное мужское любопытство, толкающее ильха на исследование еще непознанной территории. Ну, то есть

на покорение новой женщины. К моей внешности он, видимо, привык, вот и решил испробовать чужачку... Пусть и не дивная красotka, как его Ингрид, зато мясо новое...

Скривилась от своих циничных мыслей. Думать так не хотелось. А как думать иначе — я не знала. Зачем Краст ласкал меня здесь и потом — на корабле? Или там, на хёггкаре он пытался отвести мои мысли от нападения черного дракона? Если сам и напал...

Я плеснула ещё взвара, выпила залпом.

Лерт уверял, что монстр прилетел из Дьярвеншила. И черных хёггов здесь лишь два — Хальдор и Краст. Так кто из них?

И еще Лерт утверждал, что чудовище хочет меня убить...

А ведь на корабле я испугалась. Могла бы повернуться и посмотреть, когда черный хёгг вернулся. А я стояла спиной и дрожала... Боялась узнать. Боялась увидеть. Потому что уже тогда понимала, что останусь.

И с этим тоже надо что-то делать.

Выпила ещё взвара, ощущая блаженную сытость и тепло, растекающееся по телу. Похоже, медовый напиток не так прост, как кажется на первый... глоток. И ягодки там, видимо, перебродившие. И надо бы остановиться, но... я налила себе еще кружку и с удовольствием выпила!

И когда дверь открылась, впуская Краста, глянула на него с блаженной и хмельной улыбкой. Но тут же сдвинула брови, пытаясь вспомнить результаты своих умозаключений.

Риар приблизился, заглянул в кувшин и красноречиво хмыкнул. А я обвиняюще ткнула в него кружкой, слегка расплескав взвар.

— Не смей меня ос... осуждать. Да, я напилась. Случайно!

— Случайно? Да что ты? Сначала случайно оказалась на водном змее, теперь случайно напилась?

— Да. Кстати, у меня есть повод. Меня едва не сожрало... не утопило... огонь еще... Беда!

— Как интересно, — хмыкнул ильх, с интересом рассматривая меня. Похоже, зрелище было занятным.

— Мне надо тебя бояться, — грустно сообщила я, махая своим опустевшим сосудом для питья.

— Тебе надо поспать.

— Я не буду.

— Будешь. Почему ты должна меня бояться?

Я задумалась. Зевнула сладко, ничуть не стесняясь ильха. Вообще чудесная вещь этот взвар, очень способствует... взаимопониманию!

— Ты дракон! — сделав большие глаза, заявила я. И потянулась к остаткам волшебного напитка. Краст живо перехватил кувшин, отодвинул подальше. Я опечалилась. — Это очень плохо.

— Почему? — он явно пытался не смеяться, но уголки губ предательски ползли вверх. Похоже, у риара на редкость хорошее настроение!

— Отойди вон туда, скажу, — прищурилась я.

Риар, ой, вернее два риара с одинаковыми усмешками на губах, поднялись и передвинулись в угол. Я же схватила кувшин, плеснула в кружку, залпом выпила и облизнулась.

Краст фыркнул.

— Ты напилась, как воин в последний пир, нареченная. И сейчас отправляешься спать. А завтра я выпорю твой зад, чтобы ты не шлялась, где не положено, и не злила меня!

— Но-но! — подняла я вверх палец. — Меня нельзя... того. Я... хрупкая!

— Ничего, один раз не навредит, — кровожадно пообещал ильх. — Зато в следующий раз подумаешь, прежде чем нестись куда-то.

И неожиданно подхватил меня на руки и перенес на кровать, дернул покрывало, в которое я все еще была закутана. И принялся жадно целовать — так, что не будь я такой пьяной, точно сгорела бы от стыда. Губы, щеки, шея, ниже...

— Моя лирин... моя дева... моя...

Хриплый шепот уносил меня в небо, как и шальные глаза ильха. Оторвался он с рычанием, закрыл глаза, прижимая к себе. И вздохнул с сожалением.

— Ты уже засыпаешь, лирин.

Я очень хотела воспротивиться и даже сказать ему все, что думаю, обсудить дракона и черный волос... но уснула. Просто в один миг. Верно, взвар оказался коварным, а мой бедный организм слишком измотанным.

И последнее, что я услышала — это насмешливый голос Краста:

— Дева из-за Тумана слишком любит сладкое... и за медом совсем не видит опасности... Спи, наказывать тебя я буду завтра. А сегодня — лечить...

Потом сильные руки прижали меня к мужскому телу, согревая и баюкая.

— Не отпущу больше...

Хотя последнее мне, возможно, приснилось.

Глава 25

Утро началось с ощущения чего-то жутко неправильного. Неправильным было совершенно все. И мое тело, жарко накрытое чужим. И дыхание, щекочущее мне щеку. И понимание, что на мне лишь хлопковые шортики, а вот на том, кто так рвано дышит рядом, и вовсе — ничего... и шершавые ладони, медленно гладящие мою спину, а потом ниже...

Все это было жутко, ужасающе неправильно. Хотя и невероятно приятно...

И стоило поднять ресницы, тут же наткнулась взглядом на разноцветные глаза. Немного сонные, но в то же время — голодные и полыхающие огнем желания.

— А где меч? — все, что пришло мне в голову

— Где-то на полу, — сообщил Краст, продолжая меня гладить.

Я похлопала ресницами, судорожно пытаюсь вынырнуть из царства снов и включиться в происходящее. Бледные лучи зимнего рассвета слабо освещали комнату и создавали иллюзию нереальности. Может, я все ещё сплю?

— Ты вчера обещал меня наказать? Или мне послышалось?

— Этим я и собираюсь заняться, — промурлыкал ильх. — Хорошая нареченная, сама напомнила.

— Ты меня усыпил?

— Я велел добавить сонную траву в твой взвар.

— Но зачем?

— Я не хочу, чтобы ты заболела. Тебе нужно было согреться и восстановить силы. Но, зная тебя, я был уверен, что ты снова куда-нибудь понесешься. Так что сонная трава и спящая лирин — лучшее решение.

Я открыла рот, чтобы возмутиться. Ну да, помчалась бы. И, надо сказать, бодрянка и крепкий сон сделали свое дело, чувствовала я себя отлично, словно и не барахталась накануне в холодной воде. Воистину эта горькая ягода творит чудеса. Сердце екнуло, но додумать мысль я не успела, потому что Краст перевернулся на бок, а горячая ладонь ильха огладила мою спину и опустилась на поясницу. Пальцы тронули ямочки у хлопкового края, и риар тихо вздохнул.

— Что ты делаешь?

Он провел ладонью вверх до плеча и спустился на сгиб локтя, тронул запястья. Погладил нежное местечко с бьющейся веной, спиралью обвел внутреннюю часть ладони, потом пальцы... и я ахнула от жаркой волны, разлившейся внутри. Никогда не думала, что руки могут быть настолько чувствительными. Большой палец Краста начертил что-то на моем запястье, щекотно и сладко...

— Может, проверишь, какие буквы я выучил, лирин?

Я затихла, пытаюсь распознать символ, который ильх медленно выводил на моей коже.

Н...и...к...а.

— Что я написал, нареченная? — глаза Краста светились золотыми искрами.

— Я не знаю...

— Мне кажется, знаешь, — он улыбался, рассматривая меня. Мне же не хватало воздуха, и сердце стучало, как барабан. — Тогда еще раз.

М...о...я...

— Краст, прекрати!

Он снова улыбнулся и поднес мою руку к губам.

— Может, так, лирин?

Влажный язык коснулся запястья, и я зажмурилась от чувственного удовольствия. Мысли путались, думать не получалось... В голове лишь кружился хоровод образов, от которых я краснела.

...Я... тебя...

Ахнула и дернула рукой, прерывая игру. Илья глянул насмешливо, искр в глазах стало больше.

— Краст, что ты делаешь? — не выдержала я.

— Трогаю тебя, лирин. И мне нравится. Скажи, как делают это в твоих землях, нареченная?

— Это?

— Близость... Так как? Я хочу узнать больше, — негромко произнес Краст, снова проводя по моей коже ладонью. А я почему-то его не останавливала.

— Так же, как у вас, — с трудом выдавила я.

— Вы прикасаетесь друг к другу везде? Гладите? Как ты меня вчера?

— Да, — голос упал до шепота. И разумом понимала, что пора это прекращать, но продолжала лежать боком, впитывая, как губка, ласки. — И целуем.

— Губами и... языком?

— Да, — выдохнула я. И поняла, что дико хочу ощутить это снова. Его губы и... язык. Собственное желание испугало и слегка отрезвило, а Краст от ласк рук вернулся к плечам... спине... шее...

— Мне нравятся ваши поцелуи, — сказал он. — Мне нравится делать это с тобой.

Илья притянул меня ближе, впечатывая в себя, давая в полной мере ощутить свое возбуждение. Перевернулся, накрыл меня собой, вдавил в кровать. И лизнул шею, щеку, губы...

— Я хочу ощутить твой рот так же, как было на хёггкаре, — хрипло выдохнул Краст. — И руки... Хочу ощутить тебя целиком... Не так, как положено риару... а по-настоящему... Ты так долго спала... я думал, не дождусь...

Твердые губы и неумелый поцелуй, зато ласки такие, что тело отзывается и вибрирует от предвкушения.

Ильх спустился ниже, сладко провел языком вдоль ямочки над ключицей, еще ниже — к груди. Мягко обхватил горошинку соска, чуть сжал зубами, и я тихо застонала. Этот звук отозвался глухим рычанием из груди ильха, и осторожность в нем сменилась обжигающим голодом...

И все же это сон... сознание плыло, а тело нежилось, плавилось в жаре, что струился по венам и концентрировался внизу живота. Хорошо-то как... Хотелось выгнуть спину, подставляя себя под чувственные поцелуи и ласки, податься навстречу, открыться... Хотелось ощутить то, что чувствует женщина в руках красивого и сильного мужчины, сгорающего от желания... неведомые перворожденные, как же мне хотелось этого!

Но... Нельзя. Нельзя!

Сознание вернулось острой бритвой, отрезающей меня от сладкого чувственного омута. Остаться бы там, остаться с ним... с Крастом. Но я не имею права!

И потому уперлась ладонями в грудь мужчины, что снова целовал мои губы, отстранилась. Он не сразу понял, а когда осознал, разноцветные глаза сузились.

— Не надо, — пробормотала я.

Он рвано втянул воздух и рывком перевернулся на спину, прижимая меня к себе.

— Почему? — хриплый голос царапал мне душу. Краст смотрел в упор, почти спокойно, но на виске ильха бешено билась вена. Да и внизу так явно упиралось в меня свидетельство его истинных эмоций.

— Я... — осеклась, не понимая, что сказать. Чувства и разум бились внутри двумя стихиями, раздирая на осколки противоречиями. — А как же ваши законы? Этот меч меж нами...

Ильх усмехнулся и снова сжал мои бедра.

— Истинный риар обязательно чтит бы традиции, нареченная. Но я плохой риар. Самый поганый из всех,

как ты сказала.

И снова горячее прикосновение к обнаженной коже, почти сводящее с ума.

— Краст, нет!

— Твои губы говорят «нет», а тело дрожит от желания, — он прихватил зубами мое плечо, и позвоночник послушно выгнулся, подставляя тело под источник наслаждения. — Так поступают женщины из-за Тумана? Зачем? Мое желание не надо распалять, я уже теряю разум... Ты ведь видишь... Ни-ика...

Имя, произнесенное этим хриплым голосом, со странными интонациями фьордов, почти добило меня. Хотелось сдаться. Хотелось замурчать кошкой и прильнуть к мужчине, который с самого начала будил во мне огонь. То пожар злости, то пламя страсти...

Краст обхватил мое лицо руками и снова поцеловал. Я слышала, как колотится его сердце, ощущала, насколько напряжено тело, как срывается дыхание, но губы коснулись почти невесомо, словно он боялся причинить мне вред. И снова движение, и снова я под ним... похоже, так Красту было привычнее. И поцелуй — настойчивый, жадный... Варвар, дикарь фьордов, черный дракон... и, может быть, тот, кто пытался убить меня — сознательно или нет. Тот, кто хранит многие тайны, тот, кого я почти не знаю. Тот, кто спас, защитил, заслонил собой...

Мое тело дрогнуло и подалось навстречу, сплавляясь с телом ильха. Краст втянул воздух, ощутив эту перемену во мне, оторвался на миг, заглянул в глаза. Такого взгляда я еще ни разу ни видела у ильха, словно он смотрел на самое ценное... и бесконечно нужное. И снова губы в губы, уже жадно, уже желая поглотить и присвоить!

Это он и сделал, а я уже могла лишь стонать — с восторгом принимая каждый толчок и каждое движение. Мы испытывали одинаковое наслаждение,

принимая и даря ласки. Краст напоминал зверя — дикого, рычащего, которого мне удалось на миг приручить, и который позволяет себя гладить. И даже мурчит, словно кот, подставляясь под мои руки и губы. А потом снова рычит, опрокидывая меня на спину и прикусывая зубами кожу. От моих ласк риар терял голову, и я блаженствовала, целуя его.

Утро давно перетекло в полдень, а мы все не могли покинуть постель. И странно, что даже вездесущая Анни не явилась, чтобы разбудить меня!

Отдышавшись после очередного любовного марафона, я наконец нашла в себе силы выбраться из-под покрывала. Риар схватил за пятку, и я пнула его, пытаюсь освободиться!

— Мне надо в купальню. И я жутко хочу есть. И пить!

Ильх подумал, рассматривая мою ногу и вид сзади. И отпустил с явной неохотой.

— Какая нежная лирин. Иди. Я принесу еду.

— Разве тебе не надо заняться делами Дьярвеншила? — я, подумав, смущенно стянула покрывало, обернулась. Краст насмешливо поднял брови. Смотреть на него — сытого, довольного, развалившегося на белой шкуре было выше моих сил, и я споро двинулась к купальне.

— Не сегодня, — донесся ответ. — Сегодня в городе будет тихо, лирин. Все будут заняты делом.

— Каким? — не поняла я.

— Тем же, что и мы, — хмыкнул Краст. — Зов хёгга, Ника. Когда я смотрю на тебя, то не могу его удержать. А когда ты ко мне прикасаешься...

Он красноречиво хмыкнул, я покраснела.

— Зов дракона ощущает весь город?

— Зов риара, лирин. Тот, кто проходит ритуал посвящения, становится риаром. И именно его Зов обеспечивает жителям силы, наслаждение, страсть,

здоровье и долголетие. И потомство. От сильного Зова в Дьярвеншиле рождаются сильные дети.

— И что же, горожане не могут ему противиться, этому Зову? — изумилась я.

— Могут, но зачем? — не понял Краст и прищурился. — А вот та, которую зовет хёгг, не может. Я не знал, что бывает иначе. Даже и подумать не мог.

— Расстроен? — насупилась я.

Краст рассмеялся и в один миг оказался рядом, прижал к стене.

— Иди в купальню, лирин. Иначе я снова утащу тебя под покрывало. А может, и здесь...

Я покраснела и шмыгнула за дверь, плотно закрыв ее за собой. За стеной было тихо, Краст если и ходил по комнате, то шагов я не слышала, двигался риар бесшумно.

Смыв с себя следы бурного утра, я снова подхватила покрывало и вернулась в спальню. На столе уже красовался кувшин с горячим ягодным напитком, тарелка с кашей для меня и мясо для ильха. Но не успела я сесть на стул, как риар дернул на себя, усаживая на колени. И снова послышалось тихое: «Не отпущу...». Неужели не почудилось? Не приснилось?

— Мне хочется тебя съесть, нежная лирин, — усмехнулся он и прикусил кожу на моем плече. Лизнул, пробуждая только утихнувший жар. И отголосок страха. На миг мелькнула перед внутренним взором оскаленная пасть дракона, полыхнули черной бездной глаза...

— Что случилось? — Краст нахмурился, уловив перемену в моем настроении.

Схватила огромную глиняную кружку, сделала жадный глоток.

— Я всего лишь чуть не умерла от жажды, — улыбнулась в ответ, а ильх расслабился.

— Я не позволил бы, — он погладил мою спину, но потом все же оторвался от меня с сожалением. Взял со

стола кусок жареной оленины, закинул в рот. Я фыркнула, аккуратно облизывая ложку с кашей. Манеры Краста тоже оставляли желать лучшего, но почему-то это совсем не раздражало, скорее веселило. Сегодня утром меня вообще все радовало и тянуло глупо улыбаться.

Позавтракав, риар велел одеваться — и быстро, пока он не передумал и не плюнул на прогулку, которую решил мне устроить. Так что в платье я влезла мигом, подумав, что не выдержу ещё один любовный забег. Все-таки ильх куда сильнее и выносливее меня. Это понимал и сам Крост, потому и вздыхал огорченно.

— Нежная лирин, — подразнил он. — Я бы тебя месяц из кровати не выпустил. Идем, — затянул на мне веревки шубки, надел шапку и всунул мои ладони в варежки. И даже платье поправил, убедившись, что под ним теплые шерстяные штаны. Я только моргала ошалело, рассматривая улыбающегося риара.

Фыркнув на мой взгляд, Крост вытащил меня из башни.

Вчерашняя непогода растаяла, за стенами башни светило солнце, отражаясь искрами от заснеженного города. И даже ветер утих, словно и он не желал портить этот день ледяными объятиями. Риар оказался прав — улицы Дьярвеншила словно вымерли. Пока мы шагали до скал, навстречу попало лишь несколько человек. И то — глянули довольно в сторону риара, кивнули благодарно и торопливо кинулись прочь.

— Куда мы идем? — спросила я, поднимаясь по выбитым в скале ступеням. Где-то в стороне остался дом Рэма, мы поднялись на скалистую площадку, откуда Дьярвеншил просматривался как на ладони.

Крост остановился возле гладкого бока горы, глянул через плечо. В черной распахнутой шубе, улыбающийся, со снежинками, путающимися в коротких волосах, ильх

был неотразим. Мой бронзовый бог — танцующий, целующий, любящий до стонов...

Мотнула головой, запрещая себе думать о том, что будет «после». Есть только сейчас.

— Будем кататься, лирин, — непонятно ответил Краст и положил ладони на камень. — Не только Рэм может тебя развлечь. Кстати, прикоснешься к нему еще раз — накажу.

Я открыла рот, чтобы ответить, и махнула рукой. Не хотелось портить настроение ни себе, ни Красту. Улыбающийся риар — это же как солнце над Дьярвеншилом. Надо молчать и радоваться!

А потом скала дрогнула, открылась темная пещера, и я и вовсе все позабыла. Внутри стояла то ли повозка, то ли большой ящик без крышки. Нижняя часть крепилась к узкому рельсу, выползающему наружу и сбегаящему вниз со скалы. Припорошенный снегом, он скрывался от глаз, а теперь я рассмотрела и ахнула.

Краст быстро проверил крепления и рывком усадил меня внутрь.

— Что? — взвилась я. — Ты что делаешь? Краст. Что это такое?

— Ат... атт-рак-цион, — старательно выговорил он и хмыкнул на мой изумленный взгляд. — Я нашел, что означает это слово. Это весело.

Весело?

Я глянула вниз с заснеженной горы. Он что же, предлагает скатиться вниз в этом ящике?

— Ты с ума сошел. Я боюсь!

Краст уже толкал пугающий ящик к краю пропасти, продолжая улыбаться. И когда я готова была завизжать, запрыгнул сзади, крепко прижал меня к себе и выдохнул на ухо:

— Тебе понравится, лирин!

И я все-таки завизжала. Потому что наши странные санки замерли на грани бездны, а после ухнули вниз,

выбивая дух из моей груди. Ветер сорвал шапку, разметал волосы, снегом обжег щеки. На миг показалось — падаем. А потом поняла — летим. Катимся, как по маслу, и я смеюсь от ужаса и восторга, от замирающего сердца и надежных рук ильха. Риар смеялся вместе со мной, а когда ящик вздрогнул и остановился, мы вывалились на снег и остались лежать, рассматривая небо.

— Только не говори, что ты это сделал для меня! — отсмеявшись, я повернула голову.

— Не скажу. Я сделал это, чтобы спускать руду с вершины. Или древесину. А то и зверя после удачной охоты. Хочу построить десяток таких спусков. Этот первый, все никак не удавалось его опробовать.

— Он что, ещё и не опробованный был? — задохнулась я, и Краст снова рассмеялся, забавляясь. И подтащил меня к себе, ухватив за шиворот шубы. Дернул, укладывая сверху. Мои рассыпавшиеся волосы упали ему на лицо, и разноцветные глаза вспыхнули пожаром. Краст обхватил мои щеки горячими ладонями, поцеловал. Нежно, страстно, обжигаяще...

— Мне нравится, как ты смеешься, лирин, — выдохнул он.

— А мне нравится, как смеешься ты, — тихо произнесла я. Подняла руку и несмело погладила его щеку. Краст завелся мгновенно, от моих прикосновений он вспыхивал, как пожар. Сильные руки сжались сильнее. И разжались.

— Тебе надо немного отдохнуть от меня, — ильх закрыл глаза, переводя дыхание.

Самое странное, что отдыхать мне совсем не хотелось. Напротив. Кажется, я никогда не ощущала себя настолько сильной и бодрой. Желанной и желающей. Внутри бурлил огонь, словно фьорды что-то поменяли во мне... Разве могла я раньше барахтаться в снегу, с жаром целуя мужчину? Наплевав на весь свет,

ласкать его? А теперь я хотела этого... И сама прижалась к губам, вырывая рычание.

А получив новую порцию эндорфинов и любви, мы отправились гулять по склону, собирать растущие под снегом синие ягоды и смотреть на город, купающийся в свете зимнего солнца.

— Смотри, лирин, этой сосне пять сотен лет. — Я задрала голову у величественного дерева и придержала принесенную Крастом шапку, чтобы снова не свалилась. Прислонилась спиной к груди ильха, и он тут же обнял. Усмехнулся. — Я даже сосчитать столько зим не смогу, а она растет...

— Ты научишься, — я улыбнулась. — Ты очень быстро учишься, риар.

Мы помолчали. Невысказанное повисло в воздухе. Научится, если будет кому учить. Но вопрос Краст не задал, а я промолчала.

Неторопливо двинулись мимо высоченных, качающих на лапах облака елей. За стволами шумел поток, стекающий с горы, и когда мы приблизились, Краст присел, зачерпнул пригоршню воды, напился. И посмотрел на меня через плечо. Я застыла, предчувствуя. Он желал мне что-то сказать, но вот что...

Сердце бухнуло гулко, замерло. Я потерла грудь ладонью.

— Дьярвеншил прекрасное место, лирин. В нем много красоты — неброской и неявной. Но когда сойдет снег, здесь все станет иначе. Утихнут ветра, полезут из-под земли первые травинки. Такие колкие, как иглы... А потом раскроются...

Ильх задумчиво смотрел на дома, гору, башню.

— Ты любишь Дьярвеншил. — Тихо произнесла я. Краст замер, а потом кивнул. Улыбнулся криво.

— Ильхи прикипают к тому месту, в котором родились. Врастают корнями, памятью, кровью. Нам

трудно без родных земель. Изгнание всегда считалось великим наказанием.

— Ты скучал, когда был... наемником?

Краст хмыкнул понимающе.

— Я скучал. И Рэм скучал. А ты скучаешь по дому, лирин?

— Не особо, — подумав, произнесла я. И удивилась тому, что это правда. — По семье скучаю. А вот по дому, в том смысле, как произносишь ты... по земле, месту, городу — нет. Хотя мой дом был не в пример удобнее твоего.

— Это фьорды, — мягко и понимающе улыбнулся Краст. — Они... меняют.

Я тоже посмотрела на город. Дьярвеншил нежился в потоках зимнего света, прикрывался снежным пологом, как одеялом. И я вдруг осознала, что во мне действительно что-то изменилось. Ушла тоска по цивилизации, шумным проспектам, толпам, автомобилям и суете. Осталась память, но она не жалила. Словно ее тоже присыпало снегом...

— Я скажу тебе правду, лирин, — не глядя на меня, произнес Краст. — Дьярвеншил разорен. Он прекрасен и беден. В моей сокровищнице нет золота и шкур. Но я это исправлю.

Краст повернул голову, глянул мне в лицо. В разноцветных глазах мелькнул жесткий огонек. И на миг я словно увидела ильха таким, каким он станет. Лет через десять, когда возмужает и повзрослеет. Плечи станут еще шире, красивое лицо — спокойнее и увереннее. Из глаз исчезнут сомнения, но останется благородство. Бронзовый бог, нашедший свое место и принявший его. Он будет великолепен... Он уже такой, а когда-нибудь...

У меня перехватило дыхание. Как же хочется это увидеть. Как изменится Краст и Дьярвеншил. Как

расцветет этот город, а его риар станет лучшим на фьордах. Так будет.

Отвернулась на миг, а когда подняла голову, риар молчал. Лишь между бровей залегла складка.

— Слушай, — встрепелась я, отвлекаясь от невысказанных слов и грез. — У меня есть идея. Ты говорил, что бодрянка растет лишь у вас? Почему бы ее не продавать?

— Ты шутишь, лирин? — Краст поднял брови. — Никто на фьордах ее не купит. Кому нужна эта гадость? Горькая настолько, что и воины плюются!

— Зато целебная! — рассмеялась я. — Моя рана зажила моментально. Краст, помимо фьордов есть Конфедерация. И там этот напиток будет на вес золота. Послушай! — я торопливо облизала губы. Мысль, давно пришедшая в голову, теперь стучала настойчиво, требуя реализации. — Послушай меня. Это же выход. За Туманом люди очень любят горький напиток, называется кофе. Его пьют литрами, понимаешь? А если ты предложишь им настой, способный исцелять? Возвращать силы и молодость? Перворожденные, да сюда потекут золотые реки. А за бодрянкой будут выстраиваться очереди. Краст, ты мне веришь?

— Это звучит слишком сказочно, лирин. И мне не верится, что за Туманом есть желающие отведать нашу ягоду, — весело усмехнулся риар. Но слушал внимательно.

Я схватила его руки, и Краст глянул удивленно, но не отстранился. Так и смотрел — то на мои пальцы, сжимающие его, то в лицо.

— Просто поверь мне! — идея захватила.

— Но зачем твоим сородичам пить бодрянку? Рядом с сильным хёггом люди и так исцеляются. Заживают любые раны, рождаются крепкие и здоровые дети, люди живут дольше. Даже зубы новые вырастают, надо только подождать. Все это знают.

Я застыла, осознавая сказанное. Великие перворожденные... Так вот какова сила дракона?

А потом начала хохотать.

— Что смешного? — не понял ильх.

— Краст, ты что, совсем ничего не знаешь? За Туманом нет риаров. Нет хёггов. Совсем.

— Нет хёггов? — Перворожденные, я снова шокировала ильха! — Совсем? Как же вы там живете?. Неудивительно, что ты сбежала!

— Да вот как-то живем, — я не выдержала и снова начала смеяться, таким растерянным выглядел Краст. Похоже, в его голове не укладывалась новая информация.

И вдруг вспыхнул, прищурился. Рывком прижал к себе.

— Смеешься над невежей, чужачка? — вкрадчиво протянул он. Уже знакомый огонь в глазах опалил нас обоих. Но я вывернулась, отскочила. Зачерпнула снега и швырнула комочек в ильха. Снежок шлепнул по груди в распахнутой шубе, скатился вниз.

— Еще как! — хохотнула я. — Ты самый дикий риар на свете!

Краст ухмыльнулся.

— Так значит?

— Угу!

В ильха полетел ещё один комок, но на этот раз Краст увернулся. И медленно пошел на меня, угрожая прищурившись.

— Дикий, значит. Придется наказать тебя, лирин.

Я взвизгнула, швырнула в него ещё снег, подобрала юбку и понеслась к деревьям.

— Дикий. Варвар. Ай!

Подножка заставила меня рухнуть лицом вниз, правда, свалиться не успела — Краст подхватил.

— Варвар?

— Да!

Мои ладони взлетели и оказались прижаты к снегу. Шапка снова потерялась...

— Наказание, чужачка, — блестя глазами, пообещал Краст. — За такое... непочтительство!

— Нет такого слова! — снова захохотала я.

— Теперь будет! — отрезал ильх. Я думала, поцелует, а этот гад просунул ладонь мне под платье и принялся... щекотать. Завизжав, я вертелась ужом, пытаюсь освободиться!

— Ай. Не надо. Прекрати. Я щекотки боюсь!

— Я знаю, — радостно уверил хёгг. — У тебя нежная кожа. Так что ты говорила? Варвар и невежа?

Я вертелась, изнемогая от смеха, но Краст не успокоился, пока я не взмолилась о пощаде. А потом еще с довольной ухмылкой заставил повторить, что он не дикарь. Несколько раз!

Ну а после все-таки поцеловал. Да так, что стало ясно, как сильно он этого хотел и как долго сдерживался...

Глава 26

На площади под навесом стояла незнакомая женщина с котлом супа. Увидев нас, торопливо налила две полные тарелки, добавила по куску мясного пирога. Мы с Крастом — взъерошенные, заснеженные, с трудом скрывающие улыбки, уселись на скамью рядышком. Ели быстро и с наслаждением, причмокивая от горячего, наваристого бульона. Малочисленные ильхи, забежавшие под навес, косились, но вопросов не задавали. Лишь опускали головы, увидев риара.

Когда вернулись в башню, мои губы распухли от поцелуев, а лицо и руки измазались сладким ягодным соком. Так что пришлось отправиться в купальню. А стоило выйти — снова попала в объятия ненасытного дракона.

...Вопли внизу заставили меня вынырнуть из сладкого дурмана, а Краста рывком вскинуться и зарычать.

— Какого йотуна?!

— Немедленно пропустите меня к Веронике! — заорал внизу женский голос. — Куда вы ее дели, варвары. Да я вас на шкуры пушу, да я...

— Кайла?! — изумление подействовало как ушат холодной воды, смывая возбуждение.

— Я требую показать мне Веронику!

— Кто бы это ни был, я ее убью, — мрачно пообещал Краст.

— С этим придется потрудиться, — ословело выдавила я, остро ощущая все ещё вибрирующее тело ильха. Риар с яростью мотнул головой, словно пытаюсь усилием воли прогнать навязчивый голос внизу.

— Мне плевать... — лизнул мне шею. — Пусть убирается в пекло Горлохума... Пусть все убираются!

В нижнем зале что-то упало с грохотом, покатилося, дребезжа по полу.

— Не смей на меня нападать, ты, пещерный дикарь! — снова заорала Кайла, а потом взвизгнул другой женский голос, тоже подозрительно знакомый. Ирна? А она-то что тут делает? И вообще... какого йотуна?

— Да я тебя на лоскуты порежу, что смотришь? И патлы твои белобрысы выдеру, и не смей... а-а-а!

Краст дернулся, зашипел и скатился с кровати. Я тоже села, поискала глазами платье, которое ильх куда-то отбросил.

— Вы ее убили? Признавайтесь, гады. Что вы сделали с Вероникой? Или пустили по кругу на своей жуткой шатии. Я все о вас знаю, сволочи. Варвары проклятые. Ах, ты меня еще и так... Да я вас всех... Ай!

Снова завизжала Ирна, и я слетела с постели, второпях накинула на себя одежду, путаясь в ткани. Краст шипел сквозь зубы проклятия, но оделся не в пример быстрее меня. Хотя это понятно, штаны натянуть гораздо легче. А остальными предметами гардероба риар решил пренебречь. Выскочил за дверь и рявкнул:

— Что здесь творится. Рэм, отпусти эту деву. Ты кто такая?

— А ты кто такой? — донесся снизу непочтительный голос моей знакомой. И протяжно угрожающее: — Ах, риар, значит...

Я, наконец, справилась с завязками и, плюнув на обувь, выбежала в коридор. И рот разинула. Кайлу держал, прижимая к себе спиной, Рэм. Полупрозрачное ледяное лезвие щекотало горло девушки, вот только стальной клинок в женской руке уперся в мужской пах. И оба — ильх и переселенка — шипели сквозь зубы, не решаясь ни пошевелиться, ни отвести оружие. Стол оказался перевернут, и как это случилось с массивным,

на совесть сколоченным предметом мебели, я даже не представляла. Пол усыпан осколками и остатками еды, похоже, мужчины как раз обедали... Ирна носилась вокруг, визжа и распуская воинов, которые не знали, то ли ловить голосащую деву, то ли пусть бегают, словно курица без головы...

— Кайла, Ирна, что вы тут делаете?! — закричала я, спускаясь на ступеньку ниже.

Краст преградил мне дорогу, зыркнул недовольно, не давая сойти дальше.

— Вероника, ты жива? — безмерно удивилась Ирна, прекратив носиться. — Но мы думали, что найдем лишь твой труп. Или искалеченное тело. Или тебя в канаве, а вокруг сотни мужчин, которые...

— Хватит, я поняла, — оборвала я безумные фантазии девушки. — И как видишь, со мной все хорошо. Рэм, не мог бы ты опустить свой нож? Прошу тебя.

Снежный выразительно скривился и глянул на Краста. Тот ответил кивком, и хёгг убрал руку.

— Это мои... землячки, — объяснила я. — Правда, я не ожидала снова увидаться, но очень рада. Как вы сюда попали?

— Эта ушибленная чуть не снесла ворота, — хмуро доложил бородатый страж. — К тому же сказала, что она посланница красной девы, Оливии-хёгг!

— Вероника, нам надо поговорить! — заявила Кайла, злобно поглядывая в сторону усмехающегося Рэма. — Наедине!

Я растерянно глянула на Краста. Риар слушал молча, лишь в глазах вспыхивали углями эмоции. Но вот какие... И качнул головой своим воинам, указывая на выход.

— Все равно поесть не дали, — буркнули мужики, красноречиво оглаживая оружие. Но вышли молча, без споров.

— Я тебя запомнила, снежный, — прошипела Кайла в спину уходящему Рэму. Тот обернулся, сверкнул зубами.

— Мой дом на скале, это тоже запомни, дева. Соскучишься — заходи, я тебя еще... поглажу!

Кайла фыркнула что-то нецензурное, и от очередного взрыва этой огнеопасной девы удержало лишь мое восклицание:

— Не верю, что вижу вас!

Краст нехотя все же отодвинулся, зыркнул и пошел наверх, а я спустилась в зал. Стол, к счастью, вернули в его исходное положение, как и лавки, так что мы с приятельницами сели вполне цивилизованно. Из кухни высунулась голова Анни, и я попросила принести нам горячий травяной настой и что-нибудь перекусить. Минуту мы молча глазели друг на друга. А потом, поддавшись порыву, кинулись обниматься. Только сейчас я обратила внимание на одежду. Кайла щеголяла кожаными штанами, высокими сапогами, туникой и короткой меховой накидкой, Ирна красовалась в роскошном платье, украшенном мехом и камнями.

— Вы отлично выглядите, — восхитилась я. И как только на столе возникли напитки и еда, приказала: — Рассказывайте!

— Да что рассказывать, посмотрели мы женихов, — фыркнула Кайла.

— Не понравились?

— Понравились. И мне, и этой малахольной, — она кивнула на подругу. — Хорошие женихи, не буду врать. У моего несколько домов и сам такой, что даже мое сердце дрогнуло. А у Ирны и вовсе — торговец, родственник самого риара. Одарил нашу деву и нарядами, и золотом, ты бы видела тот сундук!

Толстушка смущенно зарделась и невзначай пробежала пальчиками по драгоценному ожерелью.

— Так что же не так? — не поняла я.

— Кайла меня заставила! — плаксиво отозвалась Ирна.

— С нами все так, а вот с тобой — нет! — шикнула Кайла, отмахиваясь от жалоб подруги, и быстро глянула по сторонам. Но зал был пуст, а дверь в кухню плотно закрыта. Я обхватила ладонями горячую кружку, хмурясь от дурного предчувствия. И почему-то ощутила досаду на гостей, словно и не рада их появлению... Так чувствуют себя люди, на пороге у которых стоит гонец с плохими вестями. Даже захотелось встать, сказать, что все у меня хорошо, и уйти. Подняться наверх, в спальню, к мужчине с разноцветными глазами... Раствориться в его ласках. И не думать о дурном.

Но я осталась сидеть. И слушать.

— Тебе надо срочно убираться отсюда, Ника, — горячечно прошептала Кайла. Ирна мрачно кивнула. — Ты не представляешь, что говорят о Дьярвеншиле. Ее жених, — кивок на толстушку, — возит на своем хёггкаре ткани и шерсть на продажу. Со многими общается, многих знает. Так вот он был в ужасе, когда услышал про Дьярвеншил. В это место даже торговые корабли не заходят. И все потому, что с гор спускаются чудовища, которых не могут победить даже драконы! — приятельница сверкнула глазами и сжала в руке ножны с клинком. И я моргнула — надо же, уже и оружием обзавелась... — Жуткие твари, Ника, которых называют...

— Йотуны. Я знаю.

Девушка поджала губы.

— Ты не знаешь, что от диких йотунов гибнут даже самые сильные воины. Когда они спускаются с гор, никому нет спасения. Но и это не самое худшее. — Девушки переглянулись, а я сжала кружку так, что побелели пальцы. И пожалела, что осталась слушать... — Хуже, что риар в Дьярвеншила —

безумный. И его хёгг не слушается человека, рыщет по фьордам и раздирает дев... А может... может, зверь делает это с позволения человека, кто знает... Тебе надо уходить отсюда, Ника. Ты слышишь? И благодарить богов, что все еще жива. Ты немедленно отправляешься с нами. В море ждет корабль и...

Кайла решительно схватила меня за руку. Я растерянно дернулась, теряясь от такого напора.

— Но...

— Дьярвеншил не любит чужаков. Видимо, не зря. Убирайтесь из моего дома, — раздался негромкий голос, и мы вздрогнули. У лестницы стоял риар, успевший надеть кожаную безрукавку и обувь. Короткие волосы у Краста были влажными... А глаза — разъяренными. Словно и не было того мужчины, что смеялся со мной на склоне и целовал в снегу...

Кайла вскочила, решительно сжала свой нож.

— Вероника пойдет с нами!

— Кайла, я...

— Моя нареченная останется в Дьярвеншиле, — холодно произнес Краст, не мигая глядя в глаза незваной гостьи. Пустые каменные чаши в углах зала вспыхнули разом, лютый огонь полыхнул жаром и разбросал острые искры. — Останется, а когда придет час, наденет пояс моей жены.

— А? — я так удивилась, что потеряла дар речи. — Но как же...

— Вероника, ты что, не видишь?! — прошипела Кайла. — Он же деспот. Идем отсюда...

— Ты уходи, — тяжело уронил риар. — И ты, — кивок сжавшейся на лавке Ирне. — Моя лирин останется.

— Прекратите! — я, наконец, отошла от шока. — Хватит делить меня, словно кусок мяса. Я сама умею думать и весьма неплохо. Что здесь вообще происходит? Какой пояс жены, ведь ты говорил...

— Вероника защищена правительством Конфедерации и Советом Ста Хёггов, — упрямо вздернув подбородок, бросила Кайла. Она стояла, расставив ноги и закрывая меня собой, и я помимо воли на миг восхитилась этой девушкой. Надо было ей родиться воином! — И я уже оповестила их о бесчинствах, творимых в Дьярвеншиле. Вероника слишком добра, чтобы признаться, но я не промолчу. Ее здесь били, она была ранена. Да она ходит босая и в рваном платье. Я это так не оставлю!

— Я сейчас с ума сойду, — пробормотала я, глянув на свои ступни. Ну да, не обулась. И платье грязное, потому что мы с Крастом увлеклись страстью там, возле деревьев. К тому же я растрепана и взволнована. Только Кайла сделала совсем другие выводы!

И как все это объяснить воинственной деве?

— Мне плевать на твой совет. И я не воюю с девами, даже если они натянули штаны. — Голубой глаз Краста побелел, а пламя в чашах взметнулось почти до потолка. Стало жарко. — Убирайтесь. Немедленно.

Ирна слабо пискнула, а я увидела краем глаза мужчин, входящих в двери. Ярость риара не осталась незамеченной. Кайла тоже их увидела, но лишь фыркнула презрительно.

— Мы уйдем. Но прежде покажи нам своего хёгга, риар.

Ирна издала жалобный звук, а я похолодела.

— Мы видели чудовище, которое убивает дев, — сверкая глазами, продолжила наша воительница. — Черный хёгг напал на корабль, который вез нас сюда. И я до последнего дня не забуду этого монстра. Слейся с хёггом, риар Дьярвеншила, и я принесу тебе свои извинения и уйду. И сама дам по лицу любому, кто ещё хоть раз откроет рот о безумном звере из твоего дома.

— Я не собираюсь развлекать тебя, чужачка, — процедил Краст.

А мне стало холодно, несмотря на жар пламени. И показалось, что разбивается что-то хрупкое, тонкое, еще невысказанное...

— Я пришла не развлекаться. И не для меня это. Для Вероники. Той, кого ты решил сделать своей женой.

Краст перевел взгляд на меня. Больше не было нежности и огня, что я видела утром. Не было тепла. Я видела тьму и ярость, углями расцвечивающую глаза риара. И мне почему-то стало больно. Захотелось, чтобы все ушли — и Кайла с Ирной, и воины, что молча стояли у стен. И Рэм, глядящий с ненавистью. Чтобы все они исчезли...

Краст смотрел на меня, и словно невидимые нити натягивались между нами. Штопали две души...

— Вероника, скажи ему! — прервала затянувшееся молчание Кайла. — Почему ты молчишь? Ты ведь видела то чудовище. Да он чуть не убил тебя. Скажи ему!

— Я...

Сказать? Но что? Перворожденные, прекрасные древние хёгги, прародители драконов, что я должна сказать? Чего потребовать? Я не хотела знать. Я желала ещё немного понежиться в руках Краста. И это не малодушная трусость, это понимание, что все неважно. Что времени осталось так мало... Моего времени. И в этот крошечный огрызок убегающих часов я могла бы стать такой счастливой...

Зачем мне правда?. Зачем мне эта проклятая правда?

Но увы...

— Веронике не надо ничего говорить, — новый голос разорвал тишину. Лерт? А он-то что здесь делает?!

Изумленно обернулась на капитана, входящего в башню. За ним тоже были воины и высокий мужчина с кольцом на шее — дракон.

Стражи Дьярвеншила вмиг ошетинились оружием, пришлые ответили тем же. Между ними застыли три

девушки и Краст. Вперед выступил хёгг, лицо которого показалось мне смутно знакомым.

— Я Сверр из Нероальдафе, — негромко сказал он. Обвел взглядом остальных и снова глянул на Краста. В золотых глазах ильха не было ни осуждения, ни страха, лишь внимательное спокойствие. — До меня дошли слухи о беспорядках в твоих краях, риар. О невесте, что держат здесь силой. И о черном хёгге, творящем бесчинства. Моя жена, Оливия — великий красный хёгг, беспокоится. — По четко очерченным губам скользнула улыбка. — А я не хочу ее тревожить. Не тогда, когда она ждет моего сына. Что ты ответишь, риар Дьярвеншила?

— Меня никто не держал силой, — воскликнула я.

— Молчи, дева, — пришлый глянул сурово, но я лишь вздернула подбородок и даже ногой топнула.

— Меня никто не держал силой! — упрямо повторила я. — И эти слухи не аргументированные. Ну, то есть...

— Я понял тебя, дева, — Сверр-хёгг усмехнулся моему желанию пояснить. — И все же...

— Хватит, Вероника, — глухо сказал Краст. Я вздрогнула от его голоса и сдулась, как воздушный шарик. На вторгшихся ильхов он не смотрел, лишь на меня. Так странно... Словно прощался. Отвернулся рывком, глянул недобро на Сверра. И тот нахмурился.

— Совет должен знать, кто защищает Дьярвеншил, — почти извиняясь, произнес он.

— Совет? — Краст сплюнул на пол. — Где был ваш совет раньше? Когда Ингольф разорял эти земли ради своей похоти? Когда умирали его жены? Когда голодали люди и гибли от клыков йотунов? Совет, значит... Хорошо, я покажу вам хёгга, — он глянул на меня — болезненно, устало. — Это все равно случится...

Развернулся и пошел к выходу. Воины расступились растерянно, пропуская Краста, двинулись следом. Я

тоже кинулась вперед, но замешкалась из-за босых ног. Благо, из-под лестницы выскочила испуганная Анни, сунула мне ботинки и теплую шаль. Впопыхах обувшись, я выбежала. Хотела схватить Краста за руку, но он шел слишком быстро, уже не оборачиваясь. Его широкую спину закрыли ильхи, оттеснив меня в сторону.

За стенами башни ветер мел снежную крошку и бился об углы и деревья. Солнце скрылось за тяжелыми тучами. С крыш свесились горбоносые птицы, зыркнули желтыми глазами. Я метнулась за всеми, пробежала до широкого открытого пространства за башней, растолкала мужчин. Краст стоял спиной. И я увидела, как опустились его плечи. А потом чернота накрыла фигуру ильха, размывая ее. Сгустилась, уплотнилась. Качнулась длинная шея с рядом шипов. И медленно повернулась узкая змеиная голова. Черные глаза глянули злобно, словно сама бездна посмотрела...

— Это он... — сипло прошептала рядом со мной Ирна. А я и не заметила, что толстушка близко... — Помогите нам Боги. Это он. Чудовище, что чуть не убило меня!

Она взвизгнула, ряд ильхов отхлынул. Черный дракон вскинулся, открыл пасть...

— Уберите оружие! — рявкнул вдруг Сверр. — Всем стоять!

Краст, если это все еще был он, поднял крылья от звука мужского голоса. Вздрыбились на хребте шипы, и хвост раздраженно ударил по скале, выбивая каменные брызги.

— Безумный зверь фьордов! — крикнул кто-то. Сверр снова рявкнул, Краст зарычал: низко, глухо, и... кто-то кинул копье. Железный прут ударился о чешую и застрял возле крыла. Дракон дернулся и снова зарычал, между оскаленных клыков блеснуло пламя.

— Да он всех сожрет. Безумный! — тонко завопила Ирна. И снова полетели копья... Я увидела взгляд

Сверра — злой, непонимающий, но лишь на миг... Ничего не соображая, кинулась вперед, уже не чувствуя ни холода, ни страха.

— Хватит. Не смейте. Не трогайте его. Он ничего не сделал! — кажется, я даже кричала, пытаюсь растолкать каменные спины, выскочила, побежала...

Дракон взревел, огромный хвост ударил скалу железным тараном, отчего кусок отломился и рухнул вниз. На меня. Черные глаза на миг возникли совсем рядом, клацнули зубы, и драконья голова неловко, боком, ударила меня, отталкивая. Земля исчезла, и я кубарем полетела куда-то, ничего не понимая и бестолково размахивая руками. Миг, и я зависаю над пропастью, а потом падаю вниз, на осколки скал... Не успела ни испугаться, ни осознать, только мелькнула мысль — я-то думала, что умру иначе... И глупое сожаление — хорошее было утро.

Вверху вспыхнуло пламя, небо осветилось оранжевым, взревел черный зверь, и грохотом отозвалась зарождающаяся гроза.

И я упала. Но на удивление — не на камни. В последний миг меня обвил серебристый хвост, дернул в сторону. Холодная вода обдала брызгами, зашипел морской хёгг, который поймал меня. А я набрала воздуха и заорала:

— Пусти. Лерт, отпусти меня!

Заколотила руками, пытаюсь вырваться из тугого змеиногo объятия. Голова морского змея качалась рядом, и я снова закричала:

— Пусти. Мне надо туда!

Наверху ревели два черных дракона. Огромные тела сплетались в смертельном объятии, вспышки пламени озаряли скалы. Краст рычал, пытаюсь сбросить тело пришлого, но тот держал крепко...

— Не бойся, Сверр старше и сильнее! — я и не заметила, как Лерт поставил меня на камень и

выбрался из воды. — Сверр его убьет. Не сомневайся.

— Убьет? — выдохнула я. Этот золотоглазый мерзавец убьет Краста? Да какого йотуна?!

Оттолкнула руки Лерта и понеслась вверх, оскальзываясь на склоне и обдирая коленки. Капитан снова поймал меня и, кажется, орал что-то, но я лишь двинула ему под ребра и снова побежала, умирая от ужаса.

— Ты не понимаешь, кто он! — кричал позади Лерт. Яростно, зло. — Он погубит тебя. Он не владеет хёггом. Ты просто... глупа!

Я медленно обернулась. Ильх смотрел снизу, в голубых глазах застыла надежда. А еще — злость...

— Прости, — сказала я.

Явно не то, что он ожидал. Не то, что хотел услышать. Скривился, сжал кулаки. Отвернулся.

А я полезла вверх, больше не оборачиваясь. Выбралась на насыпь и обомлела. В Дьярвеншиле творилось страшное. Над скалами бушевала сухая гроза, затемнившая до черна небо и расчертившая зигзагами молний. Но не это было самое ужасное. Снежный буран набирал силу, и ветер, недавно лишь облизывающий дома, сейчас колотил с неведомой силой, словно желая стереть город с лица земли. Шаль улетела, холод выстуживал тело. Мне нужно немедленно одеться, иначе я просто вмерзну в эту землю. Никогда в жизни я не испытывала такого холода. Небо на миг полыхнуло радужным переливом, и я ахнула. Северное сияние рядом с грозowymi молниями? Помилуйте перворожденные. Я решила не терять время, хотя меня и пошатывало от пережитого. Кинулась вперед, к домам, пока не наткнулась на незнакомую деву.

— Снимай тулуп. И шапку!

Девушка оторопело моргнула.

— Живо! — заорала я, плохо понимая, что буду делать, если жертва откажется. Но, похоже, выглядела я так ужасно, что это не пришло бедняжке в голову. Она скинула сказанное и бросилась прочь, моля о защите. Я торопливо натянула добычу, оглянулась. За башней больше не взрывались оранжевые всполохи. Там кружил снежный буран, заноса город. Ужас сжал сердце ледяной рукой похлеще разбушевавшейся непогоды.

— Краст... — прошептала я. — Краст!

Неужели он... Слово застряло в голове осколком, рана до безумия. «Сверр старше и сильнее, он убьет его...»

— Нет... нет!

Мимо пробежал ильх, бряцая оружием, за ним — ещё один.

И тут закричали птицы. Те самые хорны, с жуткими лысыми шеями и горбатыми клювами. Я ни разу не слышала голосов этих жутких созданий. И оказалось — хорошо, что не слышала. На крыше дома, возле которого я стояла, вдруг встрепенулся хорн, раскрыл крылья. Повернул голову в сторону гор. И заорал. Словно сирена завывала. От этого звука я подпрыгнула и испытала дикое желание зарыться в снег. Но хуже всего не это. Совсем рядом, за стеной кружащего снега, взвизгнул женский голос:

— Хорны кричат. Йотуны идут. Спасайтесь!

Так вот почему эта некрасивая облезлая птица считается в Дьярвеншиле священной. Потому что сидя на крышах домов, крылатые вестники лучше людей видят скалы и предупреждают об опасности. Теперь орали, кажется, все хорны этого города. Я рванула в сторону, гонимая страхом и непониманием, но в бушующей пурге башня риара таяла, пряталась. А я теряла направление, не понимая, где нахожусь. Налево? Или направо?

В небе вспыхнула молния, на миг озарив город, и башня черным исполином мелькнула в стороне. Подобрав юбку, я помчалась к ней. Фигура выросла из снежной мглы так резко, что я налетела на ильха и свалилась.

— Ты чего тут стоишь? — крикнула я.

И обомлела. Бородатое лицо мужчины казалось застывшим, а глаза безжизненными. Не обращая на меня внимания, ильх развернулся и пошел вперед, выискивая на земле дрожащий голубой огонек.

Я выдохнула. Йотун. Совсем рядом. Здесь, в Дьярвеншиле. Да не один!

В конце улочки тоже вспыхнул огонек, и за ним двинулась женщина, замороженно пялясь на губительную приманку.

Я медленно поднялась, отчаянно глянула в сторону башни. Краст... надо найти Краста. Надо разобраться, понять, увидеть его. Просто убедиться, что жив. Но я не могу оставить этих людей и позволить им уйти в горы. Даже меня притягивал огонек, хотелось броситься за ним, как я уже сделала однажды. Но, видимо, на меня, дитя Конфедерации, магия йотунов влияла гораздо меньше, чем на тех, кто вырос в этих местах. И морок я сбросила быстро. А вот жители Дьярвеншила беззащитны!

Риар говорил, что йотуны уводят людей в подземный город, словно живые консервы, а значит... есть шанс!

К отдаляющемуся бородачу я подскочила мячиком и, не думая, треснула его толстой палкой по голове. Ильх рухнул, как подкошенный, а я сдержала вопль. Отбросила оружие и с ужасом склонилась, пытаюсь уловить дыхание и обмирая от страха. Великие мудрые перворожденные, я ведь его не убила?!

Но череп ильха оказался крепким, хвала хёггам. Дышит. Кажется, я сама чуть не умерла!

Голубой огонек удалялся все дальше, а я понадеялась, что когда мужик очнется, то уберется подальше от опасности. Вот только бить и дальше по головам я больше не смогу, одного раза хватило. Так что делать?

Из снежного полога выплыла фигура девушки, и я узнала незнакомку, одолжившую мне одежду. Теперь она сама брела по снегу вслед за прыгающим хвостом йотуна.

Схватила деву за рукав, но она даже внимания не обратила, так и потащила меня за собой!

— Стой! — забормотала я, упираясь пятками в мерзлую землю. — Стой, дура. Тпру. Куда прешь, ненормальная? А ну стоять!

Бесполезно. Похоже, и эту придется палкой... Ругаясь сквозь зубы, я дернула девицу в сторону, не удержалась и с размаха наступила ей на ногу. Дева моргнула осоловело и вдруг широко распахнула глаза:

— Опять ты? Нет у меня больше ничего. Платье не отдам!

Я стерла пот, проступивший на лбу, несмотря на холод.

— Йотуны в городе!

— Что? — девушка словно очнулась, посмотрела на голосащих птиц. И... торопливо зажмурилась. — Помилуйте перворожденные. Главное не смотреть!

— Точно, — я с облегчением подтолкнула дородную девицу к стене ближайшего дома и заколотила в дверь. — Живо открывайте!

— Люди? — донеслось изнутри.

— Нет, комок шерсти с клыками, чтоб вас. Открывайте, говорю!

И стоило створке приоткрыться, впихнула внутрь девушку. Снова вытерла испарину.

— Эй, у вас нож есть?

— Кто эта ушибленная? Кажись, нареченная риара...
Ну, ясно тогда... Она мне жизнь спасла...

Голоса шелестели водой, но я не слушала.

— Нож дайте!

— Зачем он тебе, болезная? — прошамкал старческий голос.

— На медведя пойду, — буркнула я. — Верней, на йотуна.

— Ой, болезная...

Створка приоткрылась, на снег упал тусклый клинок. Не поблагодарив, я понеслась напрямик в буран, высматривая бредущие фигуры.

Глава 27

То ли потому что хорны сегодня закричали слишком поздно, то ли много людей оказалось на улицах Дьярвеншила из-за битвы хёггов, но йотунам было чем поживиться. Голубые огни вспыхивали везде, и я сбилась с ног, носясь от одной бредущей человеческой фигуры к другой. И лишь вздрагивала, когда видела в снежном буране огромных косматых зверей с белесыми глазами. Хищники выглядели сонными, шагали медленно, лениво, но искрящиеся приманки на их хвостах работали исправно, погружая горожан в транс.

Довольно быстро я поняла, что кратковременная боль прерывает морок, и люди приходят в себя. Подбегала, колола в бок или руку, отворачивала жертву, чтобы случайный взгляд снова не зацепился за огонек. Потому что вывести из транса второй раз оказалось гораздо сложнее. Ильхи, вновь попавшие в омут, уже не реагировали на боль, и их приходилось оттаскивать от йотуна силой.

Несмотря на метель и холод, с меня градом тек пот. И казалось, конца не будет голубым огням, пляшущим на улицах Дьярвеншила. Я бежала, колола, толкала, снова бежала... А они все вспыхивали и вспыхивали, издеваясь над моими усилиями по спасению города. Я была одна, а йотунов десятки!

А самое плохое, что не все оказались сонными. В очередной раз отобрав безвольную жертву — совсем мальчишку, я вытерла лоб и прищурилась в поисках следующего. Тонкий, неприятный звук ударил по ушам, я подпрыгнула, обернулась... Оскаленная пасть йотуна возникла из снежной пелены, словно проявляясь. Белые глаза уже не казались слепыми, они смотрели осмысленно. Со злобой и желанием разодрать. Тонкий

хвост яростно ударил по стене ближайшего дома, зверь снова зарычал и кинулся на меня!

Спасенный мальчишка взвизгнул и юркнул за угол, а я не успела. Поскользнулась и грохнулась на землю. К счастью, огромная лапа с короткими желтыми когтями прошла как раз там, где я стояла!

Из-за угла полетели камни и комки снега — мальчик силился мне помочь, но лишь больше ярил хищника. Рев снова наполнил улицу, я поползла куда-то, пытаюсь спастись. Вскочила. И увидела ужасающую мохнатую морду совсем рядом... за спиной была каменная стена, впереди — зверь, у которого я забрала добычу...

Тонкий свист прокатился над улочкой, я подпрыгнула.

Йотун дернул головой, закрыл пасть. Медленно опустился на все четыре лапы, становясь похожим на белого медведя. И нехотя поковылял в сторону.

Я же качнулась вперед, пытаюсь рассмотреть фигуру, которую укрывал снег. меховая шкура, летящие по ветру черные волосы, обнаженные руки и колени... и женское лицо, которое никак не удавалось увидеть. Йотун-шагун. Она стояла всего в нескольких шагах от меня, но даже сейчас ее облик плыл, словно был нереальным. А мне почему-то до дрожи хотелось увидеть глаза этой женщины. Рассмотреть ее лицо. Это казалось жизненно важным!

И словно услышав мое желание, шагун сделала шаг вперед и застыла рядом. Белая пелена разошлась, и я увидела...

— Боги... — выдохнула я.

О да, она была красива. Впрочем, теперь я понимала, что не могло быть иначе. Точеные черты приковывали взгляд, она была еще более совершенной версией лица, которое я знала до мельчайшей черточки. Только мужчине досталась пугающая сила и грубость, а женщине — плавность линий и мягкость. Но схожесть

этих лиц была невероятной. Те же чувственные губы, высокие скулы, разрез глаз... вот только разноцветные радужки Краста у шагун выцвели до белизны йотунов...

— Сестра... — выдохнула я.

Не просто сестра, а единоутробная двойняшка. Имя возникло в голове почти сразу. Я знала, как зовут ту, что сейчас всматривалась в меня белыми, нечеловеческими глазами. Я догадалась. Та, чье имя нельзя произносить. Йотун-шагун.

— Солвейг.

Она склонила голову набок, расплескав по обнаженным плечам черноту волос. Губы дрогнули так знакомо, что у меня заныло сердце. Так же сдерживал улыбку Краст... Лицо застывшее, а в белизне глаз невозможно увидеть чувства. И хотелось закричать: почему? Почему ты стала йотун-шагун? Что с тобой случилось?

Девушка сделала шаг назад.

— Постой, не уходи! — я подалась за ней. — Это ты приходила ко мне? Ты смотрела на скалах? Но почему? Что... как... Постой!

Но шагун уже отвернулась. Снег укутал ее пеленой, словно спрятал от моих глаз. И я подумала, что она могла бы пройти совсем рядом, почти коснуться, а я не увидела бы... Магия... неведомая мне магия Дьярвеншила и злой горы.

Снова пролетел над улицей тихий свист, и еще одна грузная мохнатая фигура опустилась на четыре лапы и недовольно ворча, поплелась вверх, к скалам.

Значит, шагун вовсе не злая? Напротив, помогает людям в Дьярвеншиле? Я ничего не понимала!

Девушка вдруг остановилась, будто споткнулась, обернулась на меня. Нет... не на меня. В стороне стоял Рэм. Смуглое лицо снежного исказилось, ледяные глаза сияли так, что могли бы затмить звезды!

Снег слепил глаза, и я почти ничего не видела. Лишь то, как Рэм качнулся к шагун, всматриваясь в буран.

— Ты... это... ты? — злость вспыхнула в глазах Рэма так остро, что страшно стало.

— Стой. Солвейг!

Девушка помедлила, раздумывая. Снежный сжал кулаки так, словно хотел оторвать девушке голову. Не отрывая глаз от ее лица, сделал несколько шагов, застыл напротив.

— Краст знает?

Она промолчала, даже не моргнула. Я не была уверена, что шагун слышит. Или что она вообще человек.

— Проклятие. Конечно, знает! — выругался Рэм. — Все это время... Да я же... Я... Как ты могла?. Вы оба? Ненавижу!

Развернулся резко, взметнув ледяное крошево, и пошел не оглядываясь. Я вжалась в холодную каменную стену. Шагун смотрела вслед ильху, и первый раз я увидела на ее лице живую эмоцию — горечь.

Рэм остановился, но глянул не на Солвейг, а на меня. Холодно так, пусто...

— Иди за мной, — приказал он.

Я повернула голову к шагун, но девушки там уже не было. Лишь снег стелился по земле.

* * *

— Погоди, но люди. Им надо помочь! — крикнула я Рэму, догоняя ильха, который почти бежал.

— Мы и помогаем, — огрызнулся парень, не глядя на меня и не останавливаясь. — А тебе лучше спрятаться, нареченная!

— Что? — возмутилась я.

— Краст приказал найти тебя! — Рэм схватил мой локоть, не позволяя сбежать.

— Он жив! — выдохнула я. — Что с ним? Где он?

Рэм странно изменился в лице, и я снова похолодела.

— Он жив, — буркнул снежный. — Позаботься о себе, Ника, сейчас это лучшее, что ты можешь сделать, если тебе... небезразличен Краст.

Он дернул меня за руку и заколотил в дверь какого-то дома. А когда створка распахнулась, попытался втолкнуть внутрь. Но я уперлась, словно мальчик из сказки, не желающий оказаться в печи.

— Иди внутрь! — рявкнул ильх. — Ты что, не понимаешь? Рядом с йотуновыми огнями никто не может слиться с хёггом. Есть лишь один способ помочь и себе, и другим — спрятаться. Сиди здесь!

— Что с Крастом? — заорала я. Из темного нутра домишки выглянули испуганные лица и тут же скрылись.

Рэм отчетливо скрипнул зубами. А я поняла: с риаром что-то случилось. Снежный мотнул головой, показывая на скалу.

— Ты ведь не останешься? Ладно. Идем...

* * *

Ветра всегда приходят не вовремя.

Так говорят в Дьярвеншиле. Ветра и беды.

А еще — незваные гости.

И кто только принес в его дом чужаков, желающих отобрать сокровище хёгга? Глупцы... Разве может дракон отдать то, что признал своим? Разве может расстаться? Потомки черного огнедышащего Лагерхёгга всегда ценили золото. Их завораживал желтый металл, дарил покой и силу, успокаивая ярость

внутри. Но Краст нашел иную драгоценность... Не золото — серебро... Шелковое, нежное, такое желанное серебро...

И разве мог он отпустить свое? То, без чего невозможно представить жизнь?

Ни один хёгг не отдаст свое сокровище. Это в крови, это сильнее человеческого разума. Спрятать... сохранить... забрать... Мое...

Мысли бились в голове, когда он слушал слова высоченной, как мужик, девы. Она вошла в его дом, словно злой ветер, принесла дурные вести. Вторая, пухлая и робкая, жалась в углу, но говорила первая. Кайла, так сказала нареченная.

— Безумный зверь... Чудовище... Поедешь с нами... Немедленно!

Ярость вскипела внутри. Забирают его Веронику? Увозят?

Он желал перегрызть непрошеным гостям горло. Но всего лишь приказал уйти. Ему нужно немного времени, и нареченная сама поймет, сама почувствует... и не оставит его — сама. Тогда он сможет объяснить. Но сейчас ещё слишком рано. Для всего, а тем более — для правды...

Но ветра всегда приходят не вовремя.

И правда.

Он шел на скалу за башней, понимая, что видит Веронику в последний раз. Как только она увидит черные глаза его хёгга, он потеряет ее навсегда. Сжал зубы, заставляя себя смотреть лишь вперед. Привычно глянул на белую шапку горы, нахмурился. Огни горят... Слишком рано в этом году. За спиной шептались, толкались, дышали. Он слышал их — чужаков, пришедших в Дьярвеншил. Черного риара Нероальдафе, что буравил глазами спину. Страха перед ними не было.

Тянуло обернуться, глянуть на лирин. Но не стал. Ни к чему.

И призвал зверя. Хёгг на этот раз откликнулся легко.

А потом все слилось в один длинный, растянутый смолой момент: крик, женский вопль, сталь, стучащая о шкуру... чужак из Нероальдафе, призвавший своего хёгга... глаза Вероники за миг до того, как ее погребет под собой скала...

Он оттолкнул лирин, понимая, что это единственный способ спасти, распахнул крылья... и отлетел от удара. Где-то внизу тонко вскрикнула нареченная, и ярость — багровая, непроницаемая застила глаза, лишая разума. Он плюнул огнем и тут же получил по шее тяжелой лапой риара Нероальдафе. И тогда вцепился в пришлого уже по-настоящему, стремясь перегрызть горло, уничтожить. Уничтожить всех, кто не дает ему добраться до его Ники. Ужас сжимал горло наравне с яростью, ведь Краст знал этот обрыв. И осколки скалы, торчащие внизу черными копьями... Зарывав так, что дрогнули скалы, Краст вцепился клыками в бок Сверра, ударил крыльями, поднимая хёгга над скалой. Тот вывернулся и полоснул лапой, выдирая чешую Краста и добираясь до мяса... Двойной огонь озарил скалы оранжевым всполохом, два хёгга рухнули на камни.

Лишь краешком взгляда Краст зацепился за злую гору. По привычке, которую не смог искоренить даже разум хёгга. Огни не горели. Ни одного. А это значит...

Ужас окатил ледяной водой. Яростный рык вырвался из глотки. Он хотел сказать, но зверь может лишь рычать и плевать жаром... То, что произойдет дальше, Краст знал, а чужак из Нероальдафе — нет. И потому риар Дьярвеншила смог лишь откатиться в сторону, пытаясь укрыться за камнями. Но все равно пламя Сверра опалило его кожу — уже человеческую.

Сверр вскочил, с недоумением глядя на свои руки, не понимая, что произошло.

— Йотуны пришли, — хрипя, выдавил Краст. Его бок пылал, обожженный, вся правая сторона от плеча до колена оказалась сплошной раной.

— Что? — изумление в золотых глазах пришедшего почти порадовало.

— Йотуны... проклятие этой земли. Когда горит голубой огонь, ни один хёгг не может слиться со своим зверем. А теперь уйди с дороги, риар Нероальдафе. Не до тебя сейчас.

Глава 28

Сверр нахмурился, рассматривая хрипящего ильха. Понимание заставило его скрипнуть зубами. Разрыв с драконом, которого не ожидал Сверр, мог дать Красту мгновение, чтобы убить. Преимущество, которым риар Дьярвеншила не воспользовался.

И в свете всех обвинений это показалось Сверру очень странным.

Он хмурился, глядя на спину ковыляющего парня. Что происходит в этом городе?

Краст уже уходил, немногочисленные ильхи, еще оставшиеся на скале, расступались перед ним. Выскочил на площадку беловолосый снежный, подхватил Краста, и Сверр безошибочно понял — побратим.

И тут заорали птицы, да так, что Сверр чуть не оглох. Попытался снова призвать хёгга — бесполезно. Он больше не чувствовал своего зверя, и это было столь жутко, что ильх жадно глотнул холодный воздух, приходя в себя. Хёгг всегда был рядом, с того момента, как Сверр впервые надел кольцо Горлохума. И не ощущать его присутствия оказалось почти невыносимо. Словно хёгга больше нет. Совсем нет.

Сверр рывком вытащил меч.

Дьярвеншил затянуло белой пеленой снежного бурана, ветер свистел между домами, колотился о башню. И вспыхивали внизу огни. Йотуновы самки. Те, что заманивают жертвы. Хищники, которые водились лишь в этих краях и которыми пугали детей фьордов. Сжав рукоять оружия, Сверр подумал о жене, ожидающей дома, о сыне, растущем в чреве любимой Лив.

И пошел за Крастом.

Пришлось бежать, чтобы поспеть за широким шагом Рэма. Ильх злился, и от этой злости вокруг становилось ещё холоднее, а над нами временами вспыхивали в небе переливы, окрашивая заснеженный город в разноцветье.

Зато буран утих, а самое хорошее — я больше не видела голубых огней!

Когда мы добрались до скал, я не сразу поняла, что здесь происходит. И показалось, что я вижу кучи снега, и лишь потом поняла — йотуны. Самцы, что поджидали добычу, приманенную самками.

Здесь была битва, да какая. Я заметила того самого золотоглазого Сверра из Нероальдафе, вытирающего снегом меч, Торкела, зажимающего рану в плече, воинов, которых видела совсем недавно в зале башни. Простых мужиков с топорами и ножами. Всех тех, кто отстоял Дьярвеншил и сдержал нашествие йотунов!

— Они ушли... — прошептал кто-то. И крикнул уже во всю глотку: — Ушли!

Десятки мечей, копий и ножей взметнулись вверх, знаменуя победу. Я же пыталась отыскать среди снега и камней лишь одно лицо. Где Краст?

Взгляд зацепился за мощную фигуру в центре. Хальдор тоже поднял клинок, а потом осмотрел уставших воинов, повернулся к темному камню и произнес:

— Я, Хальдор, сын Манабра и этой земли, вызываю риара Дьярвеншила на бой силы! — рявкнул он.

Ильхи застыли.

— Ты ополоумел? — взъярился Рэм, сжимая кулаки. — Сейчас? После резни с йотунами? Когда Краст ранен, а в его крови яд йотуна?!

Ранен? Яд? Я подобралась ближе и вздрогнула, поняв, что темная куча — это не камень. Это Краст... но что с ним? Милостивые перворожденные, что? Его лицо и тело покрывала корка крови, одежда на теле, кажется, сгорела... И лицо... Боги, что с его лицом? Весь в грязи и засохшей сукровице, даже глаз не видно!

— По закону фьордов на бой силы можно вызвать в любой момент, — процедил Хальдор. — Так что отойди в сторону, Рэм, я в своем праве.

— В праве? — Фигура снежного поплыла, кажется, он с трудом удерживал призыв хёгга. — В праве? Что-то я не видел тебя на скалах во время боя. Где ты был?

— С другой стороны, я сражался, как и все. Не смей обвинять меня, Дьярвеншил — мой дом! — рывкнул Хальдор. — Краст, я вызываю тебя. И если ты отказываешься...

Черная куча шевельнулась, риар медленно оперся ладонью о снег, оставляя черно-красный отпечаток. Я как замороженная уставилась на этот след.

И встал — еще медленнее.

Сверкнули золотом глаза ильха из Нероальдафе, он тоже был здесь, хмурился. Но молчал. Все ильхи молчали. А мне хотелось заорать: как же так? Разве это справедливо? Проклятый Хальдор, на котором даже одежда целая, вызывает раненого Краста? Но как же так?!

— Ты долго ждал своего часа, Хальдор, — усмехнулся Краст. — Теперь понятно почему.

— Ты будешь болтать или поднимешь меч? Или дать тебе топор, меча у тебя сроду не было! — процедил Хальдор. Он повернул голову, и на миг я увидела его глаза. И с ледяной ясностью осознала — он просто убьет Краста. Убьет. Этого ждал черноглазый столько дней. Потому и промолчал тогда, когда риар ударил его лицом об стол, промолчал, зная, что убьет в тот миг, когда противник не сможет сопротивляться!

Ярость взорвалась внутри, и я шагнула вперед, чтобы заорать. Тяжелая рука легла на плечо, останавливая.

— Нельзя, — чуть слышно произнесла Кайла. — Таков закон фьордов.

Девушка хмурилась, кусала губы, но меня держала цепко.

— Он тебя не простит, если вступишься. Он мужчина.

Я замерла. Не простит... стало горько, но Кайла права. У мужчин свои законы, женщина не должна вмешиваться в бой силы. Вот и подруга это понимает. Да и я понимаю, только принимать не хочу. За камнями блеснули испуганные глаза Ирны, значит, и она здесь.

Ильхи уже расступились, в центре остались лишь противники.

И не успела я опомниться, Хальдор ударил мечом. Сильно, с размаха, метя в незащищенную грудную клетку Краста. Тот увернулся в последний момент, лезвие чиркнуло по коже. Раны не видно, потому что риар и так — сплошная рана.

Я сжала до хруста зубы, ногтями впиалась в ладони, чтобы не вскрикнуть и не отвлечь на себя внимание Краста. Стояла и молилась всем богам. Только бы выжил...

Снова мощный замах и удар, снова мимо. Краст пятился и уходил от блестящего клинка Хальдора, но сам не атаковал. Вероятно, сил не было. Только и оставалось, что уворачиваться...

Смотреть на то, как гоняет по кругу черноглазый раненого риара, было невозможно. Мне казалось, от моей ярости у Хальдора дыра в голове появится, но нет, он все так же бил, все сильнее, желая уничтожить Краста. Риар вскинул клинок, два меча встретились с тяжелым звоном.

— Ненавижу тебя! — выдохнул Хальдор, ударяя снова. — Ненавижу. Ты забрал у меня все. Даже Солвейг. Если бы не ты...

— Ты дурак, Хальдор, — хриплый голос Краста царапнул слух. — Умный, но дурак. Я ее спас. А погубил ее ты. Она ведь тебя любила.

— Она мертва! — заорал Хальдор. Его удары уже сыпались на Краста градом, риар тяжело дышал, пытаясь уйти от них. Но не успевал. И на теле появились новые полосы — на груди, ноге, плече...

Я прижала ладонь к губам. Он не выстоит. Озверевший черноглазый ильх, кажется, сошел с ума и желает лишь одного — убить. Темнота уже дрожит над ним, дракон совсем близко.

— Бой силы возможен лишь между людьми, — чуть слышно прошептала Кайла, не отводя глаз от круга. Если красавчик не удержит слияние, он проиграет.

Я встрепелась. Может, в этом и шанс? Единственный? Может, того и добивается Краст, понимая, что не в силах биться на равных.

Снова ужасающий звон, когда клинки высекают друг из друга искры. По лицу Краста прокатилась капля пота, оставляя светлую полосу на щеке. В небе полыхнула молния, и золотоглазый риар Нероальдафе нахмурился. Снова удар, такой силы, что мог бы разрубить человека пополам. Не знаю, как его сдержал Краст. Тяжело отшатнулся, вытер лоб, чтобы кровь не капала в глаза. Но Хальдор не давал ни секунды передышки, снова удар — страшнее прежнего. Риар отшатнулся в последний момент, развернулся... Качнулся, словно осока на ветру. Лицо стало равнодушным.

— Ты дурак, Хальдор... — Черноглазый ильх делает замах. — Так и не понял. — Удар... — Солвейг жива.

Два меча сошлись, и тот, что был у Хальдора, треснул и раскололся. А Краст вбил кулак в челюсть

противника и приставил к его горлу свой меч.

— И ещё ты зря смеялся над моей работой в кузнице. У меня всегда были мечи, Хальдор. И твой тоже сделал я. Он не так хорош, как ты думал.

Хальдор сжал зубы, глядя в глаза окровавленного риара.

— Завершай поединок, Краст!

Но тот медлил. Разноцветные глаза затянулись пеленой, и я поняла, что он упадет до того, как Краст рухнул на землю. Хальдор подскочил мгновенно, выдернул из-за пояса нож, прижал к горлу риара. И отлетел в сторону, сбитый Рэмом. Снежный оскалился.

— Не смей!

— Я в своем праве, — тяжело прохрипел Хальдор. Безумная ненависть в черных глазах требовала смерти. — Он упал, а я все ещё стою. Бой силы закончен!

— Только подойди, — прошипел Рэм.

Сверр из Нероальдафе хмуро глянул на Хальдора.

— Бой силы закончен, подтверждаю. Дьярвеншил твой, черный хёгг.

И встал рядом с Рэмом, давая понять, что лишь город, но не прежний риар.

Хальдор сплюнул на снег, развернулся и пошел в сторону башни. Но я уже не видела. Я уже склонялась над Крастом, пытаюсь уловить ускользающее дыхание.

— Он не дышит!

— Ему нужно в место силы, — мрачно произнес Сверр. — На золото.

— Золото? — Рэм невесело усмехнулся и бросился к сухим ветвям, наваленным у камней непогодой. — Такое мощное место силы может позволить себе не каждый черный хёгг, риар Нероальдафе. Краст много лет провел в глухих и страшных местах, и в поясе у него если и была монета, то вряд ли золотая. Так что обходиться приходилось тем, что под рукой... Пламя,

огненные искры и железо. Несите мечи и ветки, да побольше!

Я бросилась выполнять, даже не подумав спорить. В странной природе драконов я мало что понимаю, так что лучше подчиниться.

Мы обложили Краста сначала оружием и любыми железными предметами, которые оказались на наших телах. В ход пошло все — ножи, мечи, короткая кольчужка и даже пуговицы с одежды. Потом сделали круг из хвороста, и Сверр кинул в гущу уголек. Ветки задымились, разгораясь. Когда тело ильха лизнуло расшалившееся пламя, я вздрогнула, но Рэм смотрел спокойно, словно это было в порядке вещей. Костер получился знатный, так что пришлось отойти подальше, чтобы не превратиться в шашлык.

Рэм ушел дальше всех, снежному возле огня было плохо.

— Он очнется? — дернула беловолосого за рукав. — Скажи, он очнется?

— Краст сильный, — глухо произнес его побратим. — Надо ждать.

Ждать... боги, как же это трудно — ждать!

Кайла села на камнях, Ирна, ворча про холод, рядом. Подошел золотоглазый риар, сказал, что должен отбыть в Нероальдафе, но вернется, если... Глянул быстро в сторону костра и не закончил. Зато предложил отнести переселенку в Варисфольд или свой город. Я даже отвечать не стала, Кайла что-то буркнула, Ирна оживилась, но, глянув на нас, кисло отказалась. Почему — я спрашивать не стала.

Сверр лишь кивнул и, разбежавшись, упал со скалы. И через мгновение взвился над Дьярвеншилом огромный черный дракон. Глянул золотыми глазами и захлопал крыльями, улета.

А мы остались. Три чужачки, снежный, Торкел и воины из дюжины бывшего риара Дьярвеншила. А

остальные ильхи ушли. Что-то шептали, глядя на пляшущие языки пламени, и уходили. Может, прощались? Я не знала.

Но хотела плюнуть вслед каждому.

Я сидела возле пламени, совсем близко, до рези в глазах всматриваясь в фигуру внутри огня. Дышит ли еще? Пелена затянула глаза, я моргнула... И вскочила. Человека больше не было. За стеной огня лежал дракон, уткнув морду в хвост, словно огромный кот.

— СлилсЯ. Теперь выкарабкается, — с облегчением вздохнул рядом Рэм, и только сейчас я поняла, насколько сильно переживал снежный хёгг за своего побратима.

Пламя горело до утра, приходилось подбрасывать ветки. Хворост сгорел довольно быстро, пришлось ильхам рубить деревья, пока Рэм не сказал достаточно. Дальше снова ждали, сбившись в кучу. Голодные, злые, нахохлившиеся, словно стая воробьев. Когда огонь спал, обнажая угли, мы с Рэмом вскочили и бросились в центр, где лежал уже человек.

— Живой, — радостно выдохнул а-тэм. И скривился. — Другой вопрос, куда его теперь. В Дьярвеншил нам хода нет, а тащить Краста на другой фьорд я бы пока не стал.

— Я знаю куда, — твердо произнесла я.

Правда, когда озвучила, Рэм разозлился так, что я чуть не оглохла от его крика.

— Ты сдурела, чужачка? К ней?

— К ней! — огрызнулась я. — Других вариантов нет. Поднимай Краста.

— Он тебя прибьет, когда очнется, — утешил а-тэм.

Да и пусть. Главное, чтобы очнулся.

К дому йотун-шагун мы добирались уже молча, говорить не хотелось. Краста ильхи несли на плащах, бывший риар дышал уже ровно, но в себя не приходил. Честно говоря, я опасалась реакции костяной ведьмы.

Наверное, поэтому, когда мы подошли, сделала то, что было мне совершенно несвойственно — заорала белугой!

— Солвейг, открывай! — от моего вопля ильхи, и так мрачающие с каждым шагом, подпрыгнули, а Рэм побелел. Но я уже вошла в раж, сказались нервные потрясения. — Выходи немедленно. Твоему брату нужна помощь, а ты спряталась и сидишь, как сыч. А ну выходи. И только попробуй не...

Дверь распахнулась, и на пороге возникла высокая тонкая фигура. Все так же в шкуре, с голыми коленками, в меховой самодельной обуви. Окинула нашу компанию взглядом. Остановилась на мне. Я открыла рот, чтобы снова заорать, а если понадобится — и вломиться в дом силой, но ведьма усмехнулась и посторонилась.

— Только ты и он, — сказала она, указав на меня и Краста. Ильхи вздохнули с облегчением, заходить в дом шагун никто из них не желал. Рэм стоял бледный, голубые глаза казались льдом. Солвейг глянула в его сторону и отвела глаза.

Рэм и Торкел занесли Краста, уложили на узкой кровати. Тесно — у ильха ступни свесились, и плечи едва уместились.

— Мы устроимся под скалой, — ровно сказал снежный, не глядя ни на меня, ни на шагун. — И позаботимся о твоих подругах, не переживай, лирин. Красту нужен настой бодрянки, много. Вливай в него, пока не исцелится.

— Я знаю, что делать, — процедила Солвейг, и впервые я услышала в его голосе эмоции. Но Рэм даже не повернул головы, словно там, где стояла девушка, было пустое место.

— Я буду рядом, лирин.

Последнее прозвучало уже угрожающе. Развернувшись, Рэм покинул дом.

Я же бросилась к Красту.

Кожа на его лице затянулась и уже не казалась сплошной раной. Надо посмотреть остальное. Одежды на ильхе не было, все сгорело.

— Вот, протри этим.

Рядом со мной на темные доски пола опустилась глиняная посуда с широким горлом и тряпкой. Солвейг замерла возле очага, перебирая сухие травы и корешки.

Смочила ветошь, повела по телу ильха. Раз за разом, смывая запекшуюся кровь и грязь. Под ними обнаружили розовые линии ран и белые — уже затянувшихся шрамов.

— Он очнется, — негромко произнесла шагун за моей спиной. — Скоро. Уже рядом. Я его вижу.

— Кого видишь? — не поняла я.

— Дух. — Глаза Солвейг смотрели в пустоту. Губы слегка изогнулись. — Ты его тянешь, чужачка. На твой свет и идет. Он у тебя такой... серебряный.

Я промолчала, но волосы на загривке ощутимо встали дыбом. То, что Солвейг видит нечто потустороннее, недоступное обычным людям, слегка пугало.

— Так он тоже это видит. Не знала? Это проклятие досталось нам обоим. Мы одинаковые, чужачка. Из одной утробы вышли. С разницей в несколько ударов сердца.

— Двойняшки, — тихо произнесла я.

— Так.

— Что с вами случилось? Ты можешь рассказать?

— Я сам расскажу, — тихий голос, и подпрыгиваю на месте, оборачиваюсь.

Краст укоризненно глянул на Солвейг, и та усмехнулась.

— Я не смогла бы ей воспротивиться. Упрямая.

— А надо было? — я переводила взгляд с брата на сестру, замечая, насколько они похожи. Два варианта одного создания, мужское и женское воплощение... Удивительно и завораживающе.

— Он запретил к тебе приходить, — слабая улыбка коснулась губ Солвейг. — Не хотел... пугать.

Говорила она отрывисто, словно отвыкла от слов. Наверное, так и есть...

— Так это ты была? — вскинулась я. — В башне? И на скалах?

— Я, — девушка покосилась на Краста. — Было интересно на тебя посмотреть.

Говорила она отрывисто, словно отвыкла от человеческой речи. Наверное, так и есть...

— У нас не только лицо похожее. Суть одна, ты верно увидела.

— Наша мать была йотун-шагун. — Краст приподнялся и кивнул на чашку с водой. Напился и продолжил: — И ее мать. И ее. Много поколений. Шагун уходит от людей. Живет одна. Ходит в двух мирах, зримом и незримом... Это тяжелая ноша, лирин. Люди боятся шагун, сторонятся. Но когда приходит время, йотун-шагун спускается с гор в Дьярвеншил и выбирает свободного мужчину. Для продолжения рода. — Ильх скрипнул зубами. — Наша мать выбрала Ингольфа. Почему — я не знаю, но по нашим законам отказать ей никто не может. Шагун стоит между духами и живыми, мы это... уважаем.

— И в положенное время ваша мать родила двоих, — догадалась я.

— Да. Видишь ли, у шагун всегда появляется лишь один ребенок — девочка. Вернее, мы так думали. Мальчиков не было никогда. Мы не знаем, что случилось, но нас с Солвейг нашли вдвоем. Мать принесла нас в Дьярвеншил. Хотела, чтобы мы жили

среди людей, а не среди йотунов. Солвейг забрал Ингольф, а вот меня...

— Мальчик был не нужен, — догадалась я.

— Да. Меня выкинули. Я не замерз лишь чудом. Повезло, что забрал старый кузнец, отогрел... В Дьярвеншиле порой появляются подкидыши — чужие дети рабынь, служанок, а то и с той стороны гор приносят, там есть небольшое поселение. У нас таких детей не любят... А со мной все было хуже, город знал, чей я сын. Ингольф не признал меня, понятно, но здесь трудно утаить правду. И мальчик, рожденный шагун, — это проклятие перворожденных. Так говорят.

— А Солвейг? — я зябко обхватила себя руками, девушка усмехнулась.

— А я хорошо жила, чужачка, — медленно произнесла она. — Вкусно ела, сладко спала. Росла в башне риара как его дочь. Лишь о брате думала слишком часто, но видеться с ним мне запретили. Порой мы сбегали... Я и Краст. Приходили сюда. Смотрели, как танцует на снегу наша мать. С годами она все ближе становилась к зверям и все дальше от людей. И все реже узнавала нас... Шагун дичают, это плата...

Девушка опустила голову, черные волосы упали до пола, занавесив лицо. Краст помрачнел. А я воочию увидела двух детей — мальчика и девочку, одинаковых и разных, нелюбимых и странных. И стало жаль их обоих...

— Мне исполнилось девять, когда Ингольф проведал о моих отлучках и запретил встречаться с братом. Даже когда Краст потребовал кольцо Горлохума, мне не позволили посмотреть на битву, заперли в башне. Я слушалась отца, хоть и грустила. Тогда я еще не знала, что мне уготовано. И что меня растят лишь для одного... Я считала, что моя жизнь удалась. Как думать иначе? Подросла, влюбилась.

— В Хальдора, — догадалась я.

— Он отвечал мне взаимностью, — скривилась шагун. — Слова говорил. Обещал венец... Я и платье сшила. Умелой я была, словно с иглой родилась... Все шагун такие, пальцы сами знают, что и как надо делать. Искусные мы. А потом настала ночь льда.

Я непонимающе перевела взгляд с девушки, стоящей с застывшим лицом, на мрачного Краста.

— Ингольф столкнул меня в реку, под лед. Я не понимала, что происходит. Лишь глазами хлопала. Хальдор тоже был там, смотрел... Я к нему руки тянула, да бес толку. Кричал только, что это поможет, что так надо. Что я истинная шагун, а значит, выберусь. Так я и утонула.

— Что? — не выдержала я.

— Ингольф растил меня лишь для одного, для служения ай-ро, — задумчиво ломая в тонких пальцах сухие травинки, произнесла Солвейг. — Наша мать к тому времени ушла в горы, и никто ее больше не видел. Сгинула. А Дьярвеншилу нужна йотун-шагун. Чтобы было кому стеречь город. Зимы становились холоднее. Ветер крепчал. Ай-ро злился... А мой дар спал. Так что отец... Ингольф решил ускорить события. Мир духов я увидела.

Я пораженно молчала. Жаль, что эта скотина Ингольф мертв. С удовольствием сама бы его придушила!

— Истинная шагун не тонет и не горит, — с грустной улыбкой произнесла Солвейг. — Не боится ни холода, ни жара. Так говорят. А я вот не истинная.

— Потому что это лишь вранье, — жестко оборвал Краст. Глянул на меня исподлобья. — Шагун видит больше других, но она лишь человек. Обычный одинокий человек. Я почуял, когда умерла мать, и вернулся в Дьярвеншил. Вовремя. Успел выловить сестру из реки до того, как стало слишком поздно!

— Спрятал меня. Сказал всем, что я утонула. И бросил вызов Ингольфу, — плечи Солвейг распрямились.

— Да, — ильх потер виски. — Тогда я желал лишь отомстить за сестру. А получилось, что стал риаром. И понял, что от меня зависит целый город... А я всего лишь... тот, кто я есть, — мрачно закончил он.

В тесном домишке повисла тишина. Значит, Краст и не собирался управлять Дьярвеншилом. Но, как известно, пути судьбы неисповедимы!

— Ингольф не понимал, что со мной не так... И Хальдор не понимал. Оба винили Краста. Что он своим рождением испортил кровь шагун.

— Винили, — уронил Краст. — Когда я надел кольцо Горлохума, почернел лишь один мой глаз. И на то была причина.

Причина? Мысли лихорадочно крутились в голове.

— Вас двое... Вас всегда было двое!

— Умная, — снова дрогнули губы Солвейг. — Никто так и не понял.

— Да. У двойников особая связь... А у детей шагун — и вовсе. Дар матери проснулся у обоих, только в Красте сильнее. Я лишь тень рядом с братом, чужачка... Это Краст не позволил мне умереть.

— Постойте-ка... — Я вскочила. — Двое... Все на двоих... И ты, Солвейг, легко входишь в башню, двигаешь камни, как и брат. Значит... Вы оба можете сливаться с хёггом? Но тогда кто из вас убивает девушек на фьордах? Кто?!

— Никто! — рявкнул Краст.

Солвейг нахмурилась. Они снова обменялись взглядами, и на миг я даже ощутила что-то вроде ревности. Брат и сестра всегда будут понимать друг друга даже без слов. Это общность была с ними ещё до рождения и останется до ухода в незримый мир.

— Но ваш дракон дважды напал на меня. Я ведь видела!

— И оба раза это была я. Иногда мне удается полетать. Очень редко... — Солвейг виновато глянула на брата, тот вздохнул. Девушка обиженно надулась. — Черному хёггу я не нравлюсь, потому что дева, он злится каждый раз так, словно я его в пекло Горлохума отправляю. Я и уговаривала, и просила, все бес толку. Но порой позволяет слиться, если Краст прикажет. И все равно хёгг плюется огнем и шипит, словно дикий. Только ты все неправильно поняла, чужачка. Я напала не на тебя.

— А на кого? На кого? — почти заорала я. И осеклась. Догадка вспыхнула в голове. «Приехала за чудесами, а что получила?» — насмешливо произнес в моей голове Хальдор. А Анни добавила: черному хёггу необходим побратим, лирин. Слишком они огненные...

— Лерт. Ты напала на него. Оба раза. И еще Лерт — побратим Хальдора, ведь так? — слабым голосом произнесла я. — Об убитых девушках рассказывал он. О безумном хёгге Дьярвеншила тоже он. И даже мешок переселенок я нашла рядом с ним... долго же он меня караулил, наверное... Но зачем?

— У Лерта нет своей земли, — пожала плечами шагун. — Его устроила бы роль а-тэма при риаре Хальдоре. К тому же ты ему понравилась. На самом деле понравилась, чужачка. Я видела вас на берегу, видела, как он смотрит. Так смотрит влюбленный мужчина. Тогда я тоже разозлилась...

Краст прошипел что-то сквозь зубы, глаза потемнели от ярости. А я привалилась спиной к стене, осмысливая новые сведения.

— Но почему вы просто не выгнали Хальдора из Дьярвеншила?

— Да я бы с удовольствием его не выгнал, а убил, — рявкнул Краст.

Значит, Солвейг запретила.

— Ты что же, его до сих пор любишь? — поразилась я.

Белые глаза яростно сверкнули.

— Не тебе меня судить, чужачка!

Да я и не судила. Не понимала просто.

— Йотун-шагун может получить дитя лишь от сильного мужчины, — хмуро произнесла она. И глаза отвела.

Я промолчала. Да, не мне судить чужие чувства. Я и со своими разобраться не могу. Глянула осторожно на Краста. И сразу наши взгляды столкнулись, схлестнулись, сцепились... Как же он смотрел. Тихо хлопнула за спиной дверь, мы остались одни. И Краст протянул ладонь ко мне, переплетая пальцы.

— Иди ко мне.

— Ты ранен...

— Я ранен, — согласился он, улыбаясь. — И у меня больше нет Дьярвеншила. Ничего нет. Кроме тебя, лирин... И я счастлив.

— Краст, я...

— Ты забыла, чужачка, — в его глазах плясали огненные искры, словно он все еще лежал в пламени. — Сегодня день зимнего солнцестояния. И ты должна дать мне ответ. Ты наденешь пояс моей жены, Ни-ка? — он сжал мои ладони. — И я обещаю положить к твоим ногам все, что ты захочешь. Все, что захочешь, клянусь.

Сглотнула сухим ртом. Перед глазами все плыло от слез. Вот и закончился месяц в Дьярвеншиле... Отпущенный мне срок. Думала ли я, что закончится так? Что я буду умирать от любви, радости и одновременно горя, глядя в лицо Краста?

Надо сказать ему правду. Прямо сейчас сказать. Но как же не хочется разрушать хрупкое счастье. Пусть он окрепнет...

Смалодушничала в общем.

— Обещай хотя бы, что подумаешь, лирин. — Боль мелькнула в разноцветных глазах, но ильх улыбнулся.

— Я обещаю... — прошептала, задыхаясь. — Я тебе... обещаю.

Что? Неважно. Он и так понял.

Ильх потянулся ко мне, обхватил ладонями лицо, поцеловал. Нежно... чувственно... так сладко. И я не удержалась — ответила. Оказалось, для того, кто чуть не умер, Краст был весьма живым!

* * *

Лирин уснула. Краст устроил ее на лежанке, укрыл покрывалом и поднялся. Надо бы разыскать какую-нибудь одежду, а пока накинул йотунову шкуру — сойдет.

Солвейг стояла за домом, смотрела вдаль. Тонкая спина окаменела, волосы по ветру плещутся...

— Под ногами твоей лирин растет обман-трава, — не поворачиваясь, сказала она. — Даже сквозь снег пробивается. С каждым днем все выше. И она же ей ноги оплетает, идти к тебе не дает. Ты зря предложил ей пояс жены, не зная правду.

— Я знаю правду.

— Чувства... Лишь их ты знаешь. На меня посмотри, брат. Если бы не мои глупые чувства, ты давно расправился бы с Хальдором. Чужачка права. Глупо.

— Ника. Лирин, — тихо, но жестко поправил он.

— Вот как... значит, решил. Плохо. Беда будет. Тебе будет больно.

Ильх сжал зубы и вдруг сделал то, чего не делал никогда. Рывком притянул Солвейг к себе. Она дернулась, хотела вырваться. Да так и застыла. Погладил растрепанные темные волосы. Он помнил, какой она была, когда жила в башне. Красавица, каких

свет не видел. Он на нее смотрел издали, Рэм и вовсе замолкал на несколько дней, увидев сестру друга. Не зубоскалил, не шутил. Даже за кольцом Горлохума пошел, лишь бы обратить на себя внимание Солвейг. И все ее любили: и главы родов, и простые люди... Добрая она была. Жалела многих. А вот ее не пожалели, когда время пришло.

— Прошло... — шепнул то ли ветер, то ли шагун. — Все прошло...

— Не все, — снова поцеловал мужчину растрепанную макушку. — У тебя есть я, Солвейг. Всегда был.

— Всегда был, — она взглянула в лицо ильха и наконец улыбнулась. — Я знаю. Если бы не ты...

Краст прижал ладонь к ее рту и качнул головой.

— Посмотрю, как там Рэм и остальные.

Улыбка пропала с женского лица, йотун-шагун снова нахмурилась. Но спрашивать Краст не стал, со снежным хёггом у девушки всегда были сложности. Друг ее обожал до беспамятства, она же любила Хальдора. Правда, что-то подсказывало ильху, что и здесь произошли изменения.

Глава 29

Ирну пришлось тоже приютить в домике шагун. Кайла казалась вполне довольной, обосновавшись вместе с мужчинами под скалой, а вот наша пухленькая подруга так вздыхала и ныла, что пришлось потесниться и освободить ей место.

Впрочем, Солвейг появлялась в лачуге лишь ночью, а Краст ушел под навес, как только встал на ноги.

Что с нами будет дальше, я не знала. Дорога в Дьярвеншил теперь закрыта, Торкел доложил, что на подступах стоят дозорные Хальдора. Новый риар явно не желал проявить гостеприимство и оказать нам помощь.

И самое странное, что, стоя на пороге дома и всматриваясь в скалы, я начала понимать, что не хочу уходить. И если такие чувства испытываю я, пришедшая чужачка, то каково Красту и остальным? Да ещё и Солвейг... Бывший риар Дьярвеншила не мог бросить сестру. А она не могла оставить злую гору.

И что с этим делать пока никто из нас не понимал.

А потом стали появляться дары.

Когда Краст внес в дом корзину, наполненную ароматной сдобой, мы с Ирной сначала потеряли дар речи — слюной захлебнулись, а потом вскочили ошпаренными кошками.

— Где ты это взял? — перебивая друг друга, заорали мы. Ильх рассмеялся, глядя на наши горящие предвкушением лица.

— Боги милостивые, я сейчас скончаюсь от удовольствия, — пробормотала сладкоежка Ирна, запихивая в рот сразу половину ватрушки. — Счастье-то какое!

Я тоже откусила приличный кусок и кивнула.

— Ты кого-то ограбил? Если да, то... там есть еще?

— Никого я не грабил. Корзину оставили возле скалы, на дороге к дому шагун.

— Но зачем? — изумилась я, а Краст лишь улыбнулся.

На следующий день в том же месте появилось ещё несколько корзин, заполненных едой. Сыры, пышная сдоба, вяленое мясо и колбасы, запеченные клубни, пироги... а рядом — свернутые одеяла, вязанные рукавицы, шапка и даже теплая накидка. Мы столпились возле странных подношений всей компанией, ильхи хмыкали, а мы, переселенки, недоуменно переглядывались.

Утром корзин стало больше. Помимо еды нам приносили теплые вещи, шкуры, подушки и даже камни Горлохума!

— Что происходит? — не выдержала я, когда воины в очередной раз усмехнулись. Помимо очевидно нужных вещей в корзинах были подарки. Которые повергали меня в изумление. Куклы. Вместе с каждым подношением лежали тряпичные куколки с улыбающимся нарисованными или вышитыми личиками.

— Да что это такое?!

— Не поняла? — Я наградила смеющегося Краста злым взглядом, а Кайла, повертев в руках игрушку, вдруг тоже хмыкнула.

— Я, конечно, могу ошибаться, но, похоже, кое-кому тут желают много детишек.

— Кому?

— Тебе! — хором выкрикнули издевающиеся надо мной друзья. — Тебе, Ника, ты что, не догадалась? Жители Дьярвеншила несут подарки тебе. И желают здоровья, сытой жизни и множество потомков, в этом Кайла права!

— Но почему? — опешила я.

— Ты спасла их, — посерьезнел Краст. — Солвейг рассказала. Сколько жителей ты отобрала у йотунов?

— Может... десяток? — прошептала я, пытаюсь осознать. Теплое чувство зарождалось внутри, и почему-то хотелось плакать.

— Раз в пять больше, — хмыкнул Рэм. — Спасла женщин, детей, мужчин. Многие не успели спрятаться в тот день, а ты вот не растерялась и не испугалась. Жители это помнят, лирин. И благодарят, как могут. Каждый день идут дальней тропой, чтобы принести корзины. И многие готовы поселить нас в своих домах, несмотря на запрет Хальдора.

— Я не буду прятаться, словно крыса, — помрачнел Краст, швыряя недоеденный пирог.

— Чтобы бросить вызов Хальдору, надо к нему подойти, ты знаешь закон, — встрял Рэм. — Да только этот гад, хоть и сволочь, но не дурак. На подступах к городу стоят его люди, законность поединка подтверждена. Хальдор — риар, и главы родов на его стороне. Ты сам знаешь, что Манавр давно правдами и неправдами умасливает этих ильхов. Значит, Хальдора они поддерживают и каждый выделил своих воинов для защиты нового риара. Нам не подойти к этому гаду. У нас лишь восемь воинов, трое ранены.

Мы настороженно переглянулись. Наша побитая компания расположилась под скальным навесом. Натаскав еловых веток и закрыв проем одеялами и шкурами, ильхи соорудили временное пристанище. Внутри горел огонь, да и камни Горлохума давали тепло. И все же, назвать это жильем язык не поворачивался. И Рэм прав, нас мало...

— Девять воинов, — воинственно поправила Кайла, и мужчины снисходительно улыбнулись. Девушка уперла руки в бока: — Я завалила йотуна!

— Угомонись, дерзкая дева, — пробурчал Торкел, но взглянул заинтересованно.

Краст молчал, лишь смотрел, не мигая, в огонь. У самого входа, на сквозняке, застыла Солвейг, но на нее ильхи старались не глядеть. Страх перед йотун-шагун они впитали с молоком матери, и избавиться от него было непросто.

— Я пойду в Дьярвеншил, — медленно произнес Краст. — Без вас.

— Ты сошел с ума? — вскочил Рэм. Остальные беспокойно переглянулись. — Хальдор убьет тебя, даже не дав вызвать на поединок. По закону ты теперь чужак, а чужаков можно убивать не спрашивая!

— Я пойду, — Краст поднялся. Я нервно сжала ладони. Хотелось закричать, хотелось даже запретить, но я сидела молча. Краст сам решит, это его обязанность и право. И я могу лишь верить в него. Это — право женщины...

— Ты не дойдешь до башни, Краст, — мрачно предрек Рэм.

Солвейг вскинула голову. Брат с сестрой переглянулись.

— Я слышу ветер. Вечный ай-ро злится, — чуть слышно прошептала шагун. Порыв воздуха пролетел под скалой, дунул в огонь, норовя погасить пламя. Ильхи суеверно поежились. Но Краст смотрел спокойно.

— Да, Солвейг. Я тоже слышу. И я пойду в Дьярвеншил.

— Один? — вскричал всегда сдержанный Рэм. — Да это же верная смерть!

— Не один, — глаза Краста стали застывшими. — Не один... Фьорды понимают лишь силу, так ведь, мой названный брат? Фьорды склоняются перед тем, кто побеждает. В ком нет страха даже перед самым страшным противником. Таков должен быть риар, перед таким город опустит головы.

— Что ты задумал? — побледнели ильхи.

— Завтра все решится. Дьярвеншил мой. — Краст вдруг посмотрел мне в глаза. — К тому же... мне нужен дом, чтобы привести жену.

Я сглотнула сухим горлом. И на какое-то время все исчезло. Больше не было продуваемого ветром навеса, усталых ильхов, огня с закопченным котелком... ничего и никого не было. Только мужчина, глядящий на меня сквозь пламя. Его странные разноцветные глаза, которые когда-то меня пугали... а сейчас? Сейчас я не могла оторвать от них взгляда. И было страшно... боги, как же страшно. Как же хочется продлить мгновение с ним, короткие вдохи, длинные выдохи, взгляды, прикосновения... или даже без них, просто чтобы был. Чтобы вот так стоял напротив, смотрел, и все было в этом взгляде — до самого донышка, до самого нутра... Смотрел так, что вселенная исчезает, растворяется в разноцветных радужках... Пусть лишь будет, остальное не важно...

— Что бы ты ни задумал, мне это не нравится, — проворчал Рэм.

И я очнулась. Ильхи переглядывались тревожно, но, видимо, привыкли выполнять приказы и Красту не перечили. Солвейг неслышно выскользнула наружу, снежный хёгг проводил ее взглядом и отвернулся.

А Краст кивнул мне.

— Пройдешься со мной, лирин? Недолго. Сегодня холодно.

Я вскочила, направляясь за ильхом. Холодно? Не заметила...

Ночью напал снег, и ходить без снегоступов было трудно, ноги проваливались в сугроб по колено. От дома Солвейг до скалы ильхи расчистили тропинку, вот по ней мы и ходили. Так себе маршрут, но мне он казался лучшим из возможных. Мы оба здесь, мы оба живы. Что еще надо для счастья?

Мы остановились у вековой сосны, помолчали.

Краст усмехнулся и протянул руку.

— Позволишь к тебе прикоснуться, лирин?

— Ты стал спрашивать разрешения, мой риар?

Он качнул головой, бледные губы тронула улыбка.

— Я нарушил все законы фьордов, моя прекрасная нареченная. Теперь я должен тебе множество даров.

— Мне ничего не надо, — торопливо выдохнула я. — Только...

— Только?

— Только... не погибни завтра, — сердито закончила я, и Краст рассмеялся. Морщинки собрались в уголках его глаз, и я вспыхнула.

— Не надейся. Я слишком много ещё не пробовал, лирин. — Он осторожно сжал мои ладони, поднес к губам, согревая. — Я еще ничего не пробовал. Не пробовал жизнь с девой, от которой не могу оторваться. От которой схожу с ума с первой минуты, как увидел. Не пробовал гулять с ней на закатах, не спать до рассветов, кормить сладкой малиной, когда она созреет. Не пробовал купаться в «оке гор» и целовать свою бледную морь в теплой воде. А потом лежать на траве и смотреть в небо. Я пока не пробовал жить счастливым, лирин. Поэтому не бойся. Я вернусь.

Он вздохнул и отпустил мои руки. И сразу стало холодно.

— Иди в дом, лирин. Не мерзни. Мне нужно подготовиться.

Ильх шагнул в сторону скал.

— Краст? — он обернулся. — Я тоже... еще ничего не пробовала!

Ильх улыбнулся и кивнул. Понял.

Глава 30

Ночь прошла беспокойно. Ирна на кровати вздыхала и жаловалась на неудобства. Солвейг на нее зашипела и вышла, хлопнув дверью, не выдержала. Ветер задувал все сильнее, выл так, что, казалось, снесет наше убежище. Кайлу ильхи прогнали, решив, что замерзнет, и воинственная переселенка дулась в углу.

Мне не спалось. Все думала, вспоминала. О том, что было, о том, что так и не сказала. Хотя чего уж теперь... главное — пережить завтрашний день. Что бы ни задумал Краст, я нутром чуяла — это будет нечто страшное. И смертельно опасное. Ильх сказал, что Дьярвеншилу нужна демонстрация силы и он ее покажет. Но как?

Забывшись тяжелым сном уже ближе к рассвету. И проснувшись, стоило Солвейг войти в дом.

— Он ушел, — прошептала шагун. — Вставай, лирин.

Ирна и Кайла тоже поднялись, первая — бодро, вторая по обыкновению с жалобами и ворчанием.

Мы нацепили снегоступы из ветвей, говорить не хотелось. Ильхи уже ждали возле скал, бледные и встревоженные.

— Краст велел ждать на утесе, — буркнул Рэм. — И если у него не выйдет...

А-тэм осекся, но я и так поняла. Если у Краста не получится задуманное, Рэм уведет нас от Дьярвеншила.

— Постарайтесь не шуметь.

Конечно, это относилось ко мне и Ирне. Остальные двигались так, что даже снег не скрипел. От беспокойства у меня тряслись руки, приходилось сжимать ладони в кулаки. Утро только-только окрасило мир розовым цветом, снег слабо мерцал в лучах восходящего солнца. Под елями и скальными наростами

ещё темнела чернильная тень, кое-где виднелись кусты ярко-синих ягод.

Тихое, красивое, мирное утро. Даже йотунов нет ни одного.

И это было последнее, что я подумала за мгновение до того, как мы угодили в ловушку.

Ровный снежный наст под Рэмом мелко дрогнул и обвалился, увлекая ильха за собой. Следом покатались и другие мужчины. Ирна закричала, кидаясь в сторону, Торкел толкнул Кайлу, и та кубарем отлетела к корням раскидистой сосны. Снег сползал в образовавшуюся воронку, таща за собой и людей. Удержаться на ледяном краю было почти невозможно.

Вскрикнув, я повалилась на бок, завертелась ужом, пытаюсь отползти от провала. Снегоступы, раньше помогающие, теперь стали крюками, цепляющимися за снег и не дающими двигаться. Кое-как изогнувшись, дернула веревку, удерживающую сплетенные кругляши на ногах, сбросила... И поползла по-пластунски к деревьям, надеясь уцепиться за ствол и избежать падения в расширяющуюся снежную пропасть.

За спиной ревело и гудело, а потом зарычало так, что я вжалась в сугроб. Ухватилась, наконец, за дерево, вцепилась, обдирая пальцы о кору. Повернула голову.

Скала за воронкой обуглилась от огня, а свет солнца закрыла огромная тень. Дракон... черный дракон. На миг сердце ойкнуло, понадеявшись на чудо. Но, увы, это был не Краст.

Этого зверя я еще не видела. Огромный, кажется, больше уже знакомого мне хёгга. Голову этого дракона венчали не шипы, а две пары рогов — угрожающе направленные вперед. Длинный хвост оканчивался костяным наростом-набалдашником, удар которого легко снес дерево.

Хальдор.

Где-то в стороне взвизгнула Ирна, закричала Кайла...

Дракон дернул головой, на миг змеиные глаза с вертикальным зрачком закрылись пленкой. Из крупных ноздрей повалил пар, приоткрылась пасть со смертоносными клыками...

Над воронкой-ловушкой взвился буран, и тут же на краю показался снежный хёгг. Рэм вцепился когтями в край, осмотрелся. Расправил крылья и зарычал, поднимаясь в воздух. Хальдор плюнул пламенем, и я покатила в сторону, потому что ближайшая сосенка вспыхнула факелом. Снег вскипел от хёггова огня, мигом превратившись в вязкую кашу.

Я куда-то ползла, пытаюсь спрятаться, потому что вокруг творилось что-то страшное. Бились огромные крылья, рычание двух монстров оглушало, хвосты разбивали в каменную крошку скальные наросты, а мы, люди, казались лишь мелкими букашками, которых драконы раздавят и не заметят!

Забившись в узкую щель горы, я осторожно выглянула наружу. Рэм мелькнул в небе серебристой искрой, а потом свалился на Хальдора сверху, припечатывая к земле. Но черный хёгг извернулся и погрузил клыки в основание крыла снежного. Скалы вздрогнули от звериного рева. Чудовища терзали друг друга, и как я ни шептала молитвы перворожденным, становилось очевидно, что побеждал Хальдор. Его зверь был крупнее и тяжелее, изящный серебристый дракон Рэма вился льдистым вихрем, но с его крыльев уже брызгала кровь, заливая вздыбленный снег.

И когда черный хищник прижал шею снежного к земле и щелкнул зубами, намереваясь перегрызть Рэму горло, я закричала.

Но меня даже не услышали, все перекрыл голос Солвейг:

— Не смей!

Хальдор нервно дернул крыльями, мотнул башкой. Змеиные глаза нашли одинокую тонкую фигурку в шкуре. И тут же рядом с шагун вспыхнули голубые искры йотунов. Два силуэта драконов — черный и льдисто-серый — затуманились, расплескались. И вот уже на земле лежит Рэм — раненый, тяжело дышащий, а над ним — яростно рычащий мужчина, который когда-то показался мне безумно красивым.

Впрочем, таким он был и сейчас. Но вызывал лишь ненависть и отвращение.

— Думаешь, я не могу убить его человеческими руками, Солвейг? — рявкнул Хальдор. — Голубые огни не помогут.

И крикнул куда-то в сторону:

— Свяжите их. Не дергайтесь, иначе я перережу Рэму горло!

Из-за скал показались воины нового риара.

— Не слушайте... его! — выдохнул Рэм. Но мы понимали, что, даже если побежим, это ничего не изменит. Хальдор пришел не один, против нас было два десятка воинов. Да и далеко ли убежишь по вязкому снегу?

К тому же, четверо из наших друзей до сих пор не выбрались из ледяного плена хитрой ловушки.

Нас связали одной веревкой, выстроили шеренгой. Мрачный Торкел с разбитой губой впереди, девушки в центре, раненый Рэм в конце. Снежный молчал, лишь в льдистых глазах бушевала ненависть.

— Где Краст? — рявкнул Хальдор, осматривая нашу хмурую компанию.

Солвейг молча плюнула ему под ноги, и мужчина дернулся, как от удара. Его челюсть побелела, с такой силой он сжал зубы.

— Ненавидишь меня? За что?

— За то, что верила, — прошипела Солвейг.

— Дьярвеншилу нужна была йотун-шагун, — заорал Хальдор. — Ты знаешь это. Долг риара — защищать город. Твой отец сделал то, что должен был. И я не имел права мешать. Твой дар должен был пробудиться!

Солвейг снова плюнула, на этот раз — ильху в лицо. Мужчина побелел до серости, на скулах вспыхнули некрасивые пятна. Я сжалась, потому что на миг показалось, что еще миг — и черный хёгг передушит нас всех. Но он лишь до хруста сжал кулаки и отвернулся.

— Ведите их в Дьярвеншил. Краст обязательно явится за своим... отребьем!

Топать по сугробам со связанными руками — то еще удовольствие.

Когда показались дома, я ощущала себя такой уставшей, словно в одиночку воздвигла этот город. Рядом ныла и поскуливала Ирна, так что приходилось ещё и помогать ей, подставляя плечо, когда пухленькая подруга проваливалась в снег.

Над Дьярвеншилом звенел тревожно колокол, и жители высыпали из домов. Провожали нас испуганными взглядами, перешептывались. Хальдор шагал впереди, не оборачиваясь, мы плелись следом. Я пыталась идти с гордо поднятой головой и расправленными плечами, но то цеплялась носками ботинок за неровные доски, то Ирна впереди спотыкалась и тянула меня за собой.

Нас протащили до центральной площади и заставили подняться на помост возле колонны, с которой презрительно взирал на город каменный Ингольф.

Людей становилось все больше. Я выхватила из толпы знакомые лица — мрачная Алвина, встревоженная девушка, которую спасла от йотунов, мальчишки, рассказывающие мне про купальни ... Жители хмурились, смотрели непонимающе.

— Зачем здесь эти люди, риар? — выкрикнул бородач в меховой шапке. — Среди них лирин и а-тэм Краста... Краста-хёгга!

— Эти люди нарушили закон, решив тайком войти в город, — ровно известил Хальдор. Он стоял, расставив ноги и заложив руки за спину. Мы сбились тесной кучкой. — Им было запрещено подходить к границам Дьярвеншила, но они ослушались. За это будут... наказаны.

— Там что же, йотун-шагун? — прошелестел взбудораженный шепот, и толпа отхлынула. Сотни глаз со страхом уставились на Солвейг, которую теперь не закрывали наши спины.

— Милостивые перворожденные, да это же Солвейг. Дочь Ингольф-хёгга, утонувшая Солвейг. Она стала шагун? Ее дар пробудился?

— Нельзя пленить йотун-шагун...

— Нельзя прикасаться к той, что ходит по грани...

— Ой, беда будет...

— Молчать! — рявкнул Хальдор. — Шагун предала Дьярвеншил. Она скрывалась, оставив город без защиты. Приютила в своем доме отступников. Нарушила закон. К тому же у Солвейг нет силы истинной заклинательницы. Она слаба и не может защитить нас. Она не может защитить даже себя, разве вы не видите? Разве сильная йотун-шагун, способная противостоять ай-ро, дала бы себя пленить?

Люди зашептались, а я сжала кулаки. Солвейг не отрываясь смотрела на Хальдора, и мне стало жутко от ненависти в ее глазах. И больно...

Но новый риар не глядел в сторону бывшей возлюбленной. Горящий черный взгляд прожигал лица и души жителей города, и те опускали головы, покоряясь силе нового риара.

— В Дьярвеншил пришли перемены. Перемены к лучшему. Этот город достоин сильного хёгга, который

подарит каждому из вас защиту, покровительство и Зов. Истинный и сильный Зов!

— Да, риар! — крикнул кто-то в толпе.

Я вздрогнула, нашла лицо одного из членов совета родов. Манавр тоже был здесь — стоял, улыбаясь и с гордостью глядя на сына.

— Дьярвеншил — прекрасный и сильный, это наш дом! — выкрикнул Хальдор, и одобрительных криков стало больше. — Это мой дом. Здесь рождались и умирали наши предки, здесь проживут жизнь наши дети. И я позабочусь, чтобы и они гордились Дьярвеншилом. Я подарю нашему дому процветание!

— Да, Хальдор-хёгг!

У меня поплыло перед глазами. Хотя многие в толпе хмурились, но молчали. Зато сторонники Манавра уже вовсю орали, прославляя нового риара.

— Краст-хёгг так много сделал для города, — задумчивый голос Алвины взлетел над толпой, и на женщину обернулись. — Было время, когда я осуждала молодого сына Ингольфа, верила слухам. Но я ошибалась и имею смелость это признать. Краст-хёгг был истинным риаром...

За спиной кухарки возникли мрачные ильхи, Манавр усмехнулся. С пьестала я увидела сталь, приставленную к женской спине. И Алвина замолчала, побледнела.

Хальдор качнул головой и продолжил, словно и не заметил выступления смелой кухарки.

— Время потомков Ингольфа закончилось, — крикнул он. — Порченные дети прежнего риара не достойны быть частью Дьярвеншила.

— Но как же йотун-шагун...

— Дьярвеншилу не нужна хранительница!

— Не нужна? Но как же... Ветер крепчает...

Толпа всколыхнулась, волнуясь.

— Дьярвеншилу не нужна йотун-шагун! — Хальдор обвел взглядом притихших людей. — Есть другой способ успокоить ай-ро. Всегда был!

— Жертва... — пронеслось над площадью, и я похолодела. Что происходит?

— Наши предки знали, как успокоить губительный ветер и отвадить йотунов. Наши предки отдавали ему жертву. Юную деву, которая ещё не познала мужчину и по малолетству не слышит Зова. Отдавали в услужение, навечно. Так появились первые шагун. Но обычай забыт, мы перестали чтить ай-ро, и он злится!

— Злится, злится... — пронеслось, нарастая, тревожное эхо.

И я вскрикнула, когда на помост вытолкнули бледную до синевы Анни. Прислужница шмыгала носом и вжимала голову в плечи, озираясь. В ее глазах дрожал ужас. Тонкое белое платье развевалось на ветру, как и распущенные волосы.

— Мы отдадим ай-ро жертву! — выкрикнул Хальдор. Небо над Дьярвеншилом потемнело. Люди испуганно переглядывались, шептались, но натыкаясь на суровые лица воинов Манавра, отшатывались и замолкали.

В вышине разверзлась трещиной молнии тяжелая туча, прогремел гром.

Анни тоненько вскрикнула, обернулась беспомощно.

— Лирин, мне страшно, — шепнула она.

Я дернулась к девочке, но подойти к ней мне не дали.

— Солвейг, сделай что-нибудь! — взмолилась я. Шагун повернула ко мне голову и усмехнулась. Темные волосы разметал ветер.

— Я ваш риар! — перекрикивая грозу, крикнул риар. — Я поклялся защищать вас. И сделаю это!

— Ты никогда не мог защитить Дьярвеншил, Хальдор.

Негромкий голос заставил людей отхлынуть. Вскрикнуть. Небо потемнело до черноты, поднялся ветер. Он усиливался с каждой минутой, зверел. Озирались воины Манавра, не понимая, что происходит. Жители Дьярвеншила закричали, но вопли ужаса утонули в вое нарастающей стихии.

Ледяной ветер бил плетьюми, валил с ног, я рухнула на колени, невольно потянув за собой и Анни, и Ирну.

Шипение заставило вскинуть голову. И застыть.

В немом ужасе, как и сотни других людей, я смотрела на проявляющееся нечто. Словно ветер сплетался в жуткое порождение кошмара. Так же, как и его дети, йотуны, ай-ро был почти невидим. Ледяное, прозрачное, сплетенное из двух белоглазых тел чудовище. То ли бескрылый дракон, то ли гигантский змей. Двуполое создание, древнее и ужасное, как сама бездна.

Ай значит «она».

Ро значит «он».

Ветер стих в один миг. Все замерло. Ай-ро пришел...

Тот, о ком в Дьярвеншиле слагали легенды, тот, кого так страшились. Я смотрела и умирала от ужаса, понимая, что черный хёгг — ничто по сравнению с этим вечным созданием недр. Огромное десятиметровое тело рывками двигалось по брусчатке, оставляя инистый склизкий след. Белые глаза казались слепыми и в то же время — все видящими. Две головы ай-ро покачивались, всматриваясь в жителей Дьярвеншила. И лютый холод незримого мира подкрадывался к каждому вместе с порождением бездны.

Люди падали на колени, когда ай-ро проползал мимо.

Я зажала рукой рот Анни, чтобы девочка не вскрикнула от страха и не привлекла внимание ужасного чудовища. Над площадью повисла тишина,

нарушаемая лишь тонким звоном полупрозрачного хвоста змея, касающегося камней.

И все вздрогнули, когда сухо ударили палки. Между домами стоял Краст — в одних штанах, босиком. Негромкий перестук странных инструментов в его руках заставил всех вздрогнуть и обернуться. Безглазый ай-ро застыл. А Краст ударил снова, легко двигаясь навстречу чудовищу. И оказавшись совсем близко, качнулся навстречу, продолжая выстукивать завораживающий ритм. Прогнулся назад, подпрыгнул. Ударил сильнее, переступил с ноги на ногу. Плашмя вбил палки в оледеневшую землю, и снова подпрыгнул, развернулся, ударил!

Левая голова ай-ро качнулась, повинувшись танцу. Два чешуйчатых тела расплелись и снова сплелись, возвышаясь над площадью. Повернулись влево-вправо, вторя ритму и движениям Краста.

Но вот правая голова смотрела в упор, не мигая.

И мне стало страшно.

Сухо ударили палки. И тонкая девичья фигура прошла мимо меня, легко сбросив узлы веревок.

Солвейг...

Истинная йотун-шагун. Короткий взгляд между братом и сестрой. И танец — один на двоих. Совершенная гармония двух тел — мужского и женского. Красота движений, от которых хотелось плакать. Два бога, два воплощения грации, дикости, власти. Потусторонней и пугающей силы, в которой оба — и Краст, и Солвейг — были свободны и невыносимо прекрасны.

Они танцевали.

И качались уже обе головы ай-ро. Потому что только так, только вдвоем можно дать древнему чудовищу то, что чего он веками жаждет.

Ай — значит «она».

Ро — значит «он».

Шагун должно быть двое — он и она, только глупые люди все переиначили, все испортили... Все сделали не так!

И на грани ускользающего сознания я увидела, как качаются, понимая, все жители Дьярвеншила. Кухарки, мастеровые, воины... Манавр со своими стражами. Хальдор. Вольнорожденные и благородные, нищие и богатые, счастливые и не очень... Танец-ритуал стер границы и всех нас оставил беззащитными и открытыми. И снова мне хотелось плакать и смеяться, глядя, как танцует ильх и его сестра. Это было так завораживающе красиво, так пугающе сильно... Мне казалось, я плыву по воздуху, растворяюсь, исчезаю по воле тех, кто плетет на обледеневшей земле узор движений и ритма.

Тихо вздохнула Солвейг, остановившись в шаге от ай-ро. Посмотрела в бездонные белые глаза.

Дернулась голова чудовища, глянула в сторону Хальдора. Открылась ужасная пасть с бледным и тонким языком...

Древнее исчадие горы больше не шипело. А потом две белоглазые головы послушно опустились к земле. И ай-ро попятился, уходя из Дьярвеншила обратно в глубину злой горы. Он был спокоен. Доволен. Сыт. Он снова уснет, и будет ему сниться танец...

Налетевший ветер звякнул льдинками, небо посветлело. Солвейг легла на камни, обессилив. Краст упал на колени. Палки вывалились из дрожащих ладоней.

А когда он поднялся, на колени опустился весь Дьярвеншил. Все те, кто много лет смотрел на ильха, как на прОклятого, теперь взирали с благоговением.

— Наш риар... — шепнул чей-то голос. Прошелестел, вернулся эхом. И покатился, нарастая до дикого рева!

— Наш риар. Краст-хёгг — наш риар!

И никто уже не смотрел на ледяную скульптуру застывшего на века Хальдора.

* * *

Люди кричали, люди смеялись. Тянулись к нему, желая прикоснуться. Все те, кто с рождения лишь смотрели косо да шептались за спиной.

Проклятый... Отродье гор... Ошибка...

Сын, который не должен был родиться.

Риар, в глаза которого никто не смотрит.

Сегодня это изменилось. В один миг страх и пренебрежение обернулись восторгом и поклонением. Сила, вот что увидели жители Дьярвеншила. Силу Краста, способную обуздать бессмертное существо, издревле обитающее в недрах злой горы. Ай-ро был всегда, так говорят предки. Бескрылый древний хёгг смотрит в зримое и незримое, пожирает свой хвост и возрождается снова и снова. Две сути — мужская и женская — сплетены в единое. Ай-ро бессмертен и силен, дыхание безглазого чудовища — вечное заточение во льду.

А это страшнее смерти.

Сегодня, на площади Дьярвеншила, Краст показал, что сильнее ай-ро. И люди кричали, люди плакали, прославляя его и Солвейг. Завтра к башне принесут дары — корзины, забитые снедью, мехами и золотом. Жители Дьярвеншила добровольно отдадут все тем, кто способен встать между ними и чудовищем из недр.

Проклятие обернулось властью.

Крики оглушали, в голове все еще стучал ритм танца. А Краст вертел головой, начиная раздражаться от толпы, что не давала пройти, славя своего риара. Он глянул поверх голов, не обращая внимания на взгляды и выкрики.

— Отойдите! — рявкнул, ощущая зарождающееся внутри беспокойство.

Но почему? Разве он не победил?

Уже почти рыча, рванул в сторону столба. Сверху смотрел каменный Ингольф, и Красту на миг почудилось, что он видит нахальную усмешку, искажившую каменное лицо отца. Косо глянул на застывшего во льду Хальдора. Пробился к помосту и похолодел.

— Где Ника?

Среди толпящихся людей его нареченной видно не было.

— Где лирин? — заорал риар, ощущая, как ускользает из пальцев победа. Стекает холодной водой, оставляя после себя лишь озноб.

— Она была здесь, — Солвейг беспокойно осмотрелась. — Была. Рэм, где лирин Краста? Ты видел?

Краст мельком глянул на побратима. Лицо снежного залила такая бледность, что смотреть на него было страшно. Рэм глянул виновато, махнул покалеченной рукой. Взлететь ему в ближайшее время не удастся.

— Я видела! — вперед выступила девчонка-прислужница. — Нику забрал мужчина. Светловолосый, голубоглазый. Очень красивый. И не из Дьярвеншила.

— Лерт! — зашипел Рэм. — Вот же гаденыш!

Краст на мгновение прикрыл глаза. Силы, потраченные на битву с ай-ро, возвращались неохотно, медленно. И это значит, что и хёгг будет ослаблен. Но на отдых нет времени. Беспокойство за Нику разрывало грудь так, как и ай-ро не смог бы!

Риар шагнул в сторону и оскалился, когда на плечо легла ладонь. Развернулся резко и удивился, увидев золотые глаза гостя из Нероальдафе. За его спиной стояли хёгги Совета Варисфольда. Вот только разговаривать с посланцами главного фьорда Красту не досуг.

— Что надо в моем городе Совету Ста Хёггов? — рывкнул он, выбирая место для разбега.

— Здесь лишь четверо, риар Дьярвеншила, — вежливо произнес высокий старик, выступая вперед.

— Признаюсь, я впечатлен, Краст-хёгг. Я слышал о древнем бессмертном ай-ро, живущем в твоих владениях. Но не знал, что защитники Дьярвеншила научились его умирять. Что ж... Твои умения делают тебя великим риаром. Надеюсь, твое правление станет благополучным и достойным. Совет Ста Хёггов признает твое право на этот город.

Краст нахмурился ещё сильнее. Ему было плевать на заверения Совета, беспокойство грызло изнутри, и, кажется, там уже образовалась дыра!

— И мы желаем тебе счастливых дней и доступную деву в жены.

— Я уже выбрал жену.

— Потому мы здесь, — печально произнес старик. — Дева из-за Тумана. К сожалению, мы допустили ошибку. Невеста из Конфедерации обманула всех нас. Она не имеет права находиться здесь.

— Что вы несете? — невежливо выкрикнул Рэм, становясь рядом с Крастом. Снежного шатало, но он стоял.

— Одно из обязательных условий нашего договора с Конфедерацией — здоровье невесты. Вероника скрыла от нас тяжелую сердечную болезнь. Она не может стать женой ильха и матерью наследников Дьярвеншила. Ее дни сочтены.

— Что?

Краст качнулся. Почудилось, что все остановилось. Люди, ветер, время... Замерло. Обездвижило.

— Она могла умереть в любой момент? — медленно повторил Краст. — В любой? Она могла... умереть?

— Это вина и недосмотр Совета Ста Хёггов.

— Что?...

— Это правда, — в наступившей тишине голос советника из Варисфольда прозвучал слишком громко. — Мы отправим деву за Туман, как только найдем. А Дьярвеншил получит откуп золотом за то, что его риар был обманут. Хотя и не по нашей вине. Но Совет Ста Хёггов всегда признает свои ошибки и платит за них.

Золото?

Краст качнул головой.

Золото... так необходимое Дьярвеншилу. Золото за лирин, обманувшую фьорды. И его — Краста. Если бы нареченная умерла в месяц, отпущенный на знакомство, то получилось бы наоборот: риар Дьярвеншила заплатил бы непосильною плату. Все это время она знала, чем рискует, и знала, чем ее ложь грозит Дьярвеншилу. И ему, Красту.

— За нашу ошибку Варисфольд готов предоставить десять сундуков... — деловито добавил старик. — И новую деву, если на то будет воля риара Дьярвеншила.

Новую деву?

Краст склонил голову. В небе над Дьярвеншилом блеснула первая молния. А потом желтые ломаные линии исполосовали все пространство, разгоняя перепуганных жителей.

Глава 31

Что произошло, я так и не поняла.

Помню лишь, как стояла у столба на площади, смотрела замороженными глазами, а потом тень сбоку, глаза Лерта — и темнота.

Очнулась на кровати. Приподнялась, осмотрелась.

Где это я?

Осторожно спустила ноги на пол и охнула. На мне была короткая рубашка, похоже, мужская. И больше ничего.

Комната, в которой я озадаченно топталась, небольшая, светлая, обставлена добротной и даже красивой мебелью. По светлому дереву плетется узор резьбы — листья и цветы. Кровать застелена пестрым покрывалом, на столе кувшин с водой. Но когда я подошла к окну — ахнула. Уже привычный пейзаж: горе и море — исчез. Вернее, море осталось, но вот снежных вершин, на которые я любовалась каждое утро, нет и в помине. До самого горизонта стелилась вода, такое впечатление, что и дом стоит на волне. Но как это возможно?

Пока я изумленно хлопала глазами, пытаюсь хоть что-то понять, за спиной стукнула створка.

Я подпрыгнула и обернулась к двери.

— Лерт? — изумилась я. И снова подпрыгнула, с облегчением.

— Лерт. Что случилось? Где я? То есть... где мы? Почему на мне лишь... рубашка? И чья она?

— Моя, — негромко произнес ильх. Он привалился к дверному косяку, яркие глаза скользнули по моему телу. Нахмурившись, я мотнула головой. Волосы оказались распущены, и отросшие пряди касались спины.

И как странно капитан произнес это «моя». Словно и не о рубашке речь.

— Где я? — потребовала ответа.

— Это мой дом, — ильх белозубо улыбнулся. Отлепился от косяка и положил на постель сверток. — Я принес тебе платье. Твое было грязным и рваным, пришлось выкинуть.

Ну да, я в нем каталась по снегу и цеплялась за корни, пытаюсь выбраться из ловушки Хальдора. Но...

— Как я оказалась здесь? Где Краст? Что произошло?

На улыбчивое лицо ильха набежала тень, упоминание риара Дьярвеншила ему не понравилось. Лерт указал на другое кресло.

— Сядь, дева. Я объясню.

Покосилась в указанную сторону, но осталась стоять, хмурясь все сильнее. Происходящее все больше настораживало.

— Лерт, что случилось? Ты меня пугаешь!

— Не надо бояться, серебряная дева, — мягко произнес ильх, пожирая меня взглядом. — Со мной ты в безопасности. Я не позволю причинить тебе вред, что бы ни говорил мой побратим.

— Хальдор! — обвиняюще произнесла я, и морской склонил голову, соглашаясь.

— Да, дева. Я никогда не жил в Дьярвеншиле, слишком люблю море. Но связь между побратимами нерушима. Черным хёггам нужен побратим из снежных или морских, ты знала? Чтобы не утратить разум. Мы с Хальдором давно принесли клятвы братства. И когда-нибудь я надеялся осесть в его городе.

— Ты соврал мне!

Лерт промолчал, рассматривая меня. Босые ступни, щиколотки, колени, бедра, едва прикрытые светлой тканью. А в моей голове с лихорадочной скоростью

крутились винтики и колесики, складывая пазл под названием «разоблачение»

— Хальдор всегда хотел стать риаром Дьярвеншила, ведь так? — похолодевшими губами произнесла я.

— Конечно, — мрачно кивнул морской хёгг. Здесь, среди воды, его глаза тоже казались морем — бесконечной синевой. — Он заслужил это, дева. Его растили как наследника. Он считал башню своей с самого детства.

— И тут появился Краст. ПрОклятый. Тот, кого все сторонились и боялись. И занял чужое место.

— Это несправедливо, дева. Ты должна это понять. Красту не место в башне риаров, и Хальдор лишь желал вернуть свое.

— Свое, значит, — задумчиво протянула я.

— Да. Риар должен быть иным, дева. Ты не понимаешь, потому что твой дом не на фьордах. Но дети воды и скал чтят свои традиции. Краст не владеет своим хёггом, однажды он принесет беду всему Дьярвеншилу! — Лерт отошел к окну и повернулся ко мне спиной.

— Да он сделал больше всех для этого Дьярвеншила! — выкрикнула я. И глубоко вдохнула, успокаиваясь. — Впрочем, это уже не важно. Краст — риар и останется им. А твой Хальдор превратился в ледяную статую!

Морской хёгг ощутимо скрипнул зубами, мощная спина окаменела.

— И не было никаких разорванных дев, ведь так? — я скрестила на груди руки. — Ты врал мне с самого начала. Специально, чтобы испугать. Но зачем? Я тебе верила!

Ильх хмуро глянул через плечо.

— А это уже другая история, дева. Все из-за твоей Конфедерации. Жаль, что ничего не вышло.

— Что? — у меня закружилась голова. — Объясни!

— Все просто, дева, — ильх повернулся, и теперь его мощную фигуру окутывала дымка света из окна. — Не всем нравится ваша программа переселения. Не всем у вас и у нас. У Конфедерации есть свои доводы, но меня они волновали мало. Я не желал видеть на фьордах чужаков. Ты слышала о мертвом городе Сайленхарде? — Лерт дождался моего кивка и продолжил, уже жестче: — Значит, должна понимать. Люди из Конфедерации могут изменить фьорды. Погубить их. Сломать то, что мы строили веками. Они не нужны нам. Такие, как я, хотим, чтобы Туман снова стал прочным. Чтобы наши миры не пересекались и не общались. Нам не нужна Конфедерация, дева. К сожалению, так думают не все. Но если совет Конфедерации увидит опасность для переселенков... — глаза Лерта хищно сверкнули. — Туман снова разделит нас. И это к лучшему.

— А как же мешок, который я нашла возле Дьярвеншила? Ты подбросил его? Я должна была узнать в Красте безумного зверя фьордов, ведь так? И сказать об этом Совету. Или... — понимание заставило сжать кулаки. — Я должна была погибнуть?

— Да, — легко согласился Лерт. — Я вижу в твоих глазах осуждение. Но я сражался за свой дом, дева. Как и Хальдор сражался за свой.

— Переселенки всего лишь женщины, они не опасны! — выкрикнула я.

— Женщины способны на многое, — слабо улыбнулся Лерт. — Вы несете с собой знания своего мира. И вас выбирают мужчины, готовые измениться. Тоже ради вас... Изменения произойдут, если их не прекратить. Я помню старика Ингольфа и его рассказы о вреде цивилизации. Конфедерация погубит фьорды, если ее не остановить!

Я сжала виски ладонями. В словах Лерта была логика. Даже я уже думала об изменениях в

Дьярвеншиле. О школе для детей. О дорогах и системе водопровода. О лавочках, в которых можно продавать добро. О торговле бодрялкой. Да о многом!

— Не все изменения во зло, — пробормотала я. — Фьорды могут взять лучшее и отказаться от того, что им не подходит. Изоляция ничего не решит, насколько я знаю, вам нужна свежая кровь, поэтому сюда и приезжают невесты!

— Есть дикие фьорды, где не водятся хёгги. Есть дальние берега и свободные острова. Мы можем решить наши проблемы и без Конфедерации! — отрезал Лерт, и я поняла, что спорить с ним бесполезно.

Лицо морского хёгга стало холодным и замкнутым. И это так удивило меня в улыбчивом капитане, что я опешила.

— Ты просто не понимаешь. Но я и не прошу понять. Это не твои заботы, дева.

— А какие мои? — Вот мы и подобрались к главному...

— Твои — жить. Улыбаться. Радоваться. Вкусно есть и сладко спать. Наслаждаться. Все то, чем должна заниматься дева. Не бойся, у тебя будет все, чтобы было удобно.

— Лерт... — слабым голосом спросила я. — Ты что же... украл меня?

Он улыбнулся.

А я рванула к двери. Не задумываясь. Просто подскочила и побежала, дернула створку, пронеслась через еще одну комнату, опять толкнула дверь... Выскочила. Задохнулась.

Вокруг было море.

Дом стоял на небольшом островке, и повсюду, куда ни глянь, расстилалась серо-синяя гладь.

Тяжело дыша, я замерла на песке, поджимая озябшие пальцы ног.

Ильх подходил неспешно. Конечно, куда ему торопиться. Знал, что отсюда не сбежать. В воду прыгнуть? Так морской змей догонит через секунду. Вокруг была его стихия, и глупой маленькой переселенке просто некуда отсюда деться.

— Немедленно верни меня! — заорала я, сжимая кулаки. Но ильх лишь рассмеялся.

— Дерзкая дева, — сердце ойкнуло от этого слова, перед глазами поплыло. И капитан рывком прижал меня к себе, шепча обжигающие слова.

— Ты разве не знаешь главный закон фьордов, дева? Хёгг не может сдержать желание обладать той, что ему понравилась. У нас воровать дев — обычное дело. Жен нельзя, а вот невест — запросто. Я украл бы тебя в самый первый раз, но Хальдор велел потерпеть. И все же... как трудно было ждать! — Горячие губы прикоснулись к моим волосам. — И как хотелось убить проклятого риара, что не отпускал тебя!

— Он найдет меня... — голос не слушался. — Найдет, слышишь?

Лерт отстранился на миг, сильные пальцы сжали плечи.

— Нет, дева. Совету сообщили о твоём обмане. Значит, это уже знает и риар Дьярвеншила.

— Что? — опешила я. Моем обмане? Голова снова закружилась, во рту стало сухо. Красту сказали обо мне. Видят боги, я не хотела врать. Но когда узнала о диагнозе, решила, что лучше уехать подальше, чем тихо умирать среди слез и причитаний родных. Увидеть новый мир, узнать тайны фьордов... Пусть и напоследок. А семья будет думать, что у меня все в порядке, что я счастлива.

Старый друг, занимающий серьезную должность в медицинской академии, помог совершить подлог и заменить мои реальные данные.

Я лишь хотела облегчить боль своей семьи, а для себя увидеть немного чудес. Кто же думал, что так все обернется? Что вместо старика я встречу молодого риара с разноцветными глазами и отдам ему свою душу?

— Совет Ста Хёггов уже подбирает новую невесту для Краста, — сказал Лерт, внимательно рассматривая мое лицо. — Он отказался от тебя. За обман получит несколько сундуков с золотом.

— Отказался?

Краст отказался от меня?

— Да, дева. Риару Дьярвеншила не нужна лирин, которая скончается в любой день от неизвестной болезни. — Лерт обхватил ладонями мое лицо. Кажется, у меня дрожали губы и перед глазами плыло... — Не плачь, Ника... Не плачь, лунная дева. Я буду с тобой столько, сколько позволят перворожденные. Каждый день. Каждую ночь. Я дам тебе наслаждение... Не плачь...

Прохладные губы накрыли мои, ильх коснулся языком. Сначала осторожно, но с каждым мигмом все настойчивее. А у меня мелькнула мысль о том, что ильхи не целуются. И вспомнилось, как прикасался Краст — удивленно, неумело и горячо...

Поцелуй Лерта был уверенным, похоже, этот ильх знал слишком много о Конфедерации.

Лерт сдавленно зарычал, мягко подталкивая меня к воде. Жадные руки уже поднимали и без того короткую рубашку, гладили мои бедра, спину, скользили и сжимали...

И я дернулась, приходя в себя от шока, вырываясь из сильных рук.

— Нет. Не трогай меня!

Ноги коснулись воды, и я замерла, беспомощно осматриваясь. Лерт тоже остановился, в его глазах плескался шторм.

Горячий взгляд цеплялся за мои ступни, стоящие на кромке волны, за напряженное тело.

— Тебе надо немного привыкнуть, — сипло протянул он, с усилием делая шаг назад. Усмехнулся. — Впервые жалею, что на дев из-за Тумана не действует Зов. На мой ты не отреагировала уже тогда, в Конфедерации.

— Твой Зов? — изумилась я.

— Да. Я помогал вашей комиссии с отбором девушек. По условиям соглашения на фьорды может попасть лишь та, что не откликается на Зов хёгга.

Лерт тяжело вздохнул.

— Выйди из воды, Ника. Я морской дракон, и дева в волне вызывает слишком много чувств. Выйди. Иначе я за себя не ручаюсь...

Я торопливо шагнула на песок, не дослушав. Бочком обошла Лерта и бросилась к дому. Закрыла дверь и даже кресло придвинула, хотя понимала, что хёгга это не остановит. В голове шумело море и билась лишь одна единственная мысль.

Краст от меня отказался.

И почему от этой мысли так больно? Так невыносимо тяжело и, кажется, что мое испорченное сердце вот-вот перестанет стучать?

Перед глазами стоял ильх, таким, каким я видела его последний раз. Босой, в одних штанах, танцующий перед мордой древнего ледяного чудовища. А потом он узнал обо мне. И что почувствовал? Разочарование? Злость?

Я так много ещё не попробовал, лирин...

Я хочу попробовать с тобой.

И что делать, если у обманщицы не будет этих месяцев, не будет новой весны, чтобы увидеть синее озеро «око гор» и цветы на его берегах?

Я вздохнула и тяжело опустилась на край постели. Чтобы отвлечься, развернула сверток, принесенный Лертом. Простое светлое платье с глубоким вырезом

спереди и разрезами по бокам. Одевание для наложницы, призванной служить развлечением в постельных делах!

Отшвырнула наряд в сторону, но легче не стало. Снова вскочила, заметалась по комнате.

Что делать? Если Совет Ста Хёггов знает о моем обмане, вероятно, меня отправят домой. Вот только станут ли искать? Раз мой договор расторгнут, значит, и пункт о неприкосновенности больше не работает. Сгинула и ладно, сама виновата. Лерт ведь пояснил — воровать дев на фьордах обычная практика.

И что же делать?

И Краст... отказался.

Или нет?

Лерт уже врал про разорванных дев, так почему я решила, что сейчас сказал правду? Потому что слишком боюсь такого исхода. Но прежде чем делать выводы, надо убедиться самой, что Краст меня не ищет. Вот только как? Фьорды огромны, и здесь легко затеряться песчинке вроде меня. Вряд ли хоть кто-нибудь в Дьярвеншиле знает о доме Лерта посреди моря!

Как же подать о себе весточку?

Как?

Я топнула ногой, совершенно позабыв о босых ступнях. Судя по теплоте местного климату, мы далеко от Дьярвеншила, ближе к вулкану Горлохому. И насколько я помню сведения о фьордах — в море тысячи островков — больших и маленьких. Краст никогда меня не найдет!

Отчаяние сдавило грудь. Я обязана найти выход. Вот бы телефон, позвонила, и Краст услышал!

Мысль царапнула сознание, и я застыла. Услышал... он нашел меня в скалах Дьярвеншила, потому что услышал. Потому что его дар — слышать голос камня. И что, если сможет уловить мой призыв и сейчас?

Заметалась, пытаюсь найти хоть что-то каменное. Выскочила из дома, обежала вокруг. Но как назло, куда ни глянь — вода, песок и дерево. Лерта не видно, может, плещется в волнах?

Я сердито стукнула кулаком по бревенчатой стене, взывала от боли. Должно же здесь быть хоть-что-нибудь каменное!

Замерла, пытаюсь успокоиться и подумать. Вот тебе загадка, Ника. Остров, дом, вода. Где найти камень?

Основание дома.

Я опустила глаза вниз. Моя догадка может и не подтвердиться, но раз вокруг вода, разве не должен фундамент быть крепким?

Оглянувшись по сторонам, присела у дома и откинула пригоршню песка. И начала копать, ломая ногти и надеясь на чудо. Но пока видела лишь бревна, чтоб их!

Нет, так дело не пойдет. Вскочила, бросилась в дом. На глаза попалась кружка, и я безжалостно стукнула ее об угол стола, разбивая напополам. Полученным ковшом рыть стало удобнее и легче, так что через некоторое время у стены образовалась горка песка.

И когда я уже ободрала ладони в кровь, пальцы коснулись холодной и влажной поверхности камня.

Я вскрикнула от радости, прижала ладони. Услышит ли Краст так далеко? Слушает ли вообще? И как это работает? И что говорить?

— Краст... — выдохнула я, так и не определившись со словами. Горло перехватило. — Прости меня за обман... Я... Я просто хочу тебя увидеть. Еще раз. Если ты услышишь меня...

Посидела, ощущая себя глупо и странно. Запал прошел, а ведь ещё надо закопать яму обратно, чтобы Лерт не увидел и не утащил меня в другое место!

Спрятав улики, я устало поднялась и побрела к воде. Купальни как в Дьярвеншиле на этом острове не

было, неужели все омовения придется делать в море? Хотя для Лерта так даже лучше...

Озираясь, вошла в море по колению, плеснула в лицо. Смыла с рук и тела песок. Волна пошла рябью, и я лишь вскрикнула, когда в глубине зазмеились тело огромного морского хёгга. И уже через минуту ко мне шагнул Лерт. Я шарахнулась в сторону, и ильх весело ухмыльнулся. Ему нравилось играть со мной. Плеснул водой сбоку, шагнул, заставляя двинуться в сторону. И я даже не поняла, как отрезал меня от берега!

— Пришла все-таки? — хрипло спросил хёгг.

— Я просто испачкалась и хотела вымыть руки! — отчаянно выкрикнула я, настороженно следя за лениводвигающимся ильхом. Рубашка облепила его торс, выделяя напряженные мышцы. — Не подходи ко мне!

— Пугливая дева, — одобрительно проговорил Лерт, делая еще шаг и отгоняя меня дальше в воду. — Почему ты меня боишься? Разве я причинял тебе вред?

— Ты меня украл!

— Ну и что? — искренне не понял хёгг. — Это значит, что ты мне нравишься. Больше, чем нравишься. И я готов заботиться о тебе!

— А моего согласия ты не хочешь спросить?

— Зачем? — ещё больше озадачился Лерт.

Я закатила глаза. Нравы фьордов все-таки порой ставят в тупик. Но вот отвлеклась я зря. Потому что ильх муреной скользнул вперед, я шарахнулась назад, песок поплыл из-под ступни, и я рухнула, подняв тучу брызг. И тут же меня подхватили на руки, вытащили, прижали к сильному телу...

— Ника, я ведь говорил, что не могу смотреть на тебя в воде, — горячо выдохнул Лерт. — Ты дразнишь меня?

— Я лишь хотела вымыть руки! — отплевывая соленую воду, просипела я. — Отпусти!

Гадство. Кажется, я поняла, почему в доме нет купальни. Потому что этому водоплавающему змею нравится развлекаться подобным образом!

— Ника... — сладко прошептал ильх, а я забилась, надеясь вывернуться из его объятий. Какой там. Пришлось схитрить.

— Я хочу есть! — заорала со всех сил. — Умру от голода, если прямо сейчас не поем. Слышишь?

Ильх тяжело вздохнул.

— Я накормлю тебя. Потом.

— Сейчас. Иначе никакие «потом» я не уже не выдержу!

— Упрямая дева, — Лерт коснулся губами моей шеи. — Разве ты не видишь, что сделала со мной? Морская влага на твоей коже лишает меня сил и разума!

Снова лизнул, стирая эту самую влагу. А я едва не зашипела. Глянула в отчаянии вверх, но небо синело безмятежностью и пустотой. Даже если Краст услышал голос камня, добраться на другой конец фьордов за пять минут не получится. Нужны часы... но есть ли они у меня?

Ильх тяжело дышал и отпускать меня не собирался. Ударить — так это лишь раззадорит хёгга, а вреда не причинит. Значит, можно лишь хитрить и изворачиваться!

— Лерт, прошу тебя! — зашептала я, замирая под его прикосновениями. — Не так быстро. Мне надо... привыкнуть!

— Я сгорю, пока ты привыкаешь, серебряная дева, — простонал ильх.

— Совсем недолго. Прощу тебя, — улыбнулась, глядя снизу вверх в голубые глаза. И потупилась в притворном смущении, хотя хотелось пнуть чешуйчатого в причинное место, чтобы не зарился на чужое!

С неохотой ильх разжал руки, и я выскочила на песок.

— Иди. В доме есть еда. Я скоро приду.

Я побежала, а не пошла, стараясь не смотреть вверх.

На створках запоров не было, а тяжелую мебель я не смогла бы придвинуть к двери. Да и удержит ли это ильха? Лишь разозлит.

Лерт вошел через десять минут, в той же мокрой одежде, но, кажется, его это не беспокоило. Выложил на стол лепешки, сыр в светлой тряпице, копченое мясо. И кивнул — ешь. Сам сел на кровать, наблюдая за мной. Я сунула в рот кусок, хотя еда не лезла в горло. Но принялась жевать, не глядя на мужчину. И всей кожей ощущала его напряженное желание и нетерпение.

— Хочешь, в следующий раз принесу тебе сладостей? — негромко предложил ильх. — Или вина? В море еда остывает, но я разогрею ее на огне. Скажи, что ты любишь, дева, я найду.

Поперхнулась лепешкой, спешно запила водой.

— Я хочу, чтобы тебе было хорошо в моем доме, — тихо добавил Лерт.

— Ты сам его строил?

— Да. Нравится?

Я окинула взглядом добротную мебель и крепкие стены.

— Хороший дом, — честно призналась я.

— Морским хёггам отзывается дерево, — Лерт погладил спинку кровати. — Я хочу, чтобы это место стало и твоим домом, Ника.

А я хочу в Дьярвеншил. Холодный, заснеженный, дикий. С башней, что осколком торчит между скалой и морем. С птицами, зорко поглядывающими с крыш. С ай-ро, живущим в недрах горы, и йотунами, что засыпают с первыми лучами весеннего солнца. Там мой дом. Вот так неожиданно — там.

Снова схватила кружку с водой, отвернулась.

Ожидание звенело в воздухе.

— Я хочу сладкого, — капризно изогнула губы, и Лерт улыбнулся.

— Капризничаешь? Иди ко мне, будет тебе сладкое.

— Я хочу... шоколад!

— Что? Не слышал о таком.

— А я слышала. Его делают... в Нероальдафе. Хочу. Принесешь?

— Завтра, — покладисто кивнул морской. — Иди ко мне. И прости, сегодня тебе снова придется намокнуть... Я так долго желал этого...

Я передернула плечами. Вот же гад. Убираться за неведомым шоколадом не желает ни в какую. А лепешка уже съедена.

— Здесь теплее. Мы недалеко от вулкана, ведь так?

— Так. Поэтому ты не будешь мерзнуть, Ника. Но я все равно буду греть тебя.

Я снова дернулась от явной двусмысленности. Хотя какая двусмысленность? Лерт не скрывал своих намерений.

— Ника, иди ко мне.

Со стуком поставила на стол кружку, глянула в сторону кровати. Ильх улыбался, развалившись на покрывале и опираясь о локти. Чуть ли не облизывался. А у меня в голове звенела пустота, я не знала, как отвлечь мужчину!

— Я... я хочу в воду!

— Да? — Его глаза вспыхнули и потемнели. — Ты хочешь? Это будет подарком для меня, серебряная дева. Идем.

Вскочил, схватил меня за руку и потащил к морю. Я зябко поежилась в мокрой рубашке. Да, здесь гораздо теплее, чем в Дьярвеншиле, и все же ветер к ночи остыл. И, кажется, гроза собиралась. Над морем

клубились черные тучи, а ветер гнал волну, тяжело ударяя в берег.

Лерт на миг застыл, прищурился. И потащил меня еще быстрее, так что я едва успевала переступить ногами. Но все же не удержалась и рухнула в воду. Нет, на ильха. Я не поняла, как он успел извернуться и оказаться внизу. Обнял, прижал к себе. Тень на миг накрыла фигуру мужчины, и мне показалось, что в голубых глазах сузился по-змеиному зрачок.

Лерт тащил на глубину, туда, где берег резко обрывался и море чернело провалом.

— Я буду тебя держать, — теперь я видела точно — глаза мужчины изменились. Выглядело это страшно, да и болтаться над пропастью в резко остывающей воде мне совсем не нравилось. Как и новая порция поцелуев.

Гроза налетела стремительно, грохнула сверху раскатом грома и зашипела молниями. Я забилась, теряя ориентиры, вцепилась дрожащими пальцами в обломок скалы за спиной. А Лерт вдруг вскинул голову и закричал:

— Она моя. Моя!

Сверху ответило рычанием, ревом, сплетающимся с раскатом грома. Море бушевало, холодный дождь со снегом повалил стеной, и я уже ничего не понимала. А когда вспыхнула молния, увидела распростертые крылья и падающего с неба дракона.

Краст...

— Краст!!! — закричала, вырываясь из рук Лерта.

Черный хёгг дернул головой, глянул недобро. И тут же мое тело обвил гибкий хвост морского змея, не давая вырваться. Захлебываясь, я снова закричала. Горизонт исчез, воздух озарили желтые зигзаги, сшивая небо и море неровными стежками молний.

Черный дракон рухнул сверху, вцепился когтями в извивающееся тело Лерта. Я схватилась за гладкий камень, надеясь, что волна не утащит на глубину. Два

чудовищных зверя сцепились, брызнула кровь из разодранной шкуры водяного хёгга.

Мне казалось, что наступает конец света, потому что небо гремело и сверкало, а море бушевало, норовя размазать меня по камням. И между небом и землей бились драконы. Чудовищное и восхитительное зрелище их сражения оказалось последним, что я увидела в жизни. Именно этот момент выбрало мое сломанное сердце, чтобы остановиться. И, теряя сознание, я подумала, что все-таки нашла чудеса.

* * *

— Краст...

Не голос — шепот.

Он глянул с высоты и не увидел светлую голову лирин возле скалы. Ярость обожгла так, что полыхнуло пламенем, выплюнул в сторону морского. И ринулся к одиноко торчащему камню. Рев рвал глотку, а страх раздирает нутро. Где она? Не понял, как разорвал слияние с хёггом и в бурлящие воды упал уже человеком. Нырнул — бес толку. В чужой и враждебной стихии лишь соль и чернота, а Ники нет.

Воздух закончился в груди, но Краст погружался все ниже, пытаюсь увидеть лирин.

Блеснула на глубине чешуя. И через мгновение из темной пучины поднялся Лерт, сжимая в руках деву. В черноте моря плыли волосы, светлело лицо и тонкие раскинутые запястья. Глаза закрыты... Ужас и боль сдавили так, что Краст на миг подумал — и он останется здесь, на дне...

Морской протянул руки, поднимая бездыханное тело. Краст дернулся, схватил, рванул вверх. Жадно глотнул спасительный воздух. А лирин... не пошевелилась.

— Ника! — закричал. Боль уже драла изнутри острыми когтями, выдирала с корнем жизнь.

— Прости, дева... — голос морского змея полон раскаяния, а Красту так хочется убить. Убьет. Чуть позже. Сейчас важнее другое.

Вынес лирин на песок, положил у кромки воды.

И прищурился, всматриваясь в незримый мир. Морской склонился над девушкой, развел ей руки, и снова сознание потемнело от ярости.

— Я помогу, — прохрипел Лерт.

Слова молитвы перворожденным морской шептал хрипло, но Краст уже не слышал. Зримый мир расплывался, становясь все тоньше, а незримый обретал плоть. В нем не было неба и земли, не было силы слияния с хёггом, была лишь воля и желание найти ту, что пришла к нему из-за Тумана и стала сокровищем.

— Ника... моя Ника... моя нареченная...

Блеснули впереди белые пряди, и Краст рванул туда, где покачивалась тонкая тень. Схватил, прижал к себе. Ника дрожала, смотрела непонимающе, озиравлась. В светлых глазах страх и боль, но к ильху прильнула доверчиво.

— Что происходит? Где мы?

Краст мотнул головой — не сейчас. Вернуть ушедшего непросто, и времени на это отведено лишь мгновение. Потом не найдет.

Вот только иглы костяной нет.

— Мне нужна игла, — прошептал, пугаясь. Неужели из-за такой мелочи упустит? Нет, с ней уйдет...

— Возьми...

Фигура Лерта — лишь тень в мире незримого. Но на руке светится рыбья кость... И Краст схватил, выдохнув. Первый стежок наспех, отчаянный. Второй широкий — неверящий. И дальше уже ровные, аккуратные. Две

души. Одна к одной. Не уйдет его лирин. Он не отпустит.

Бледная тень ее дрожала, таяло серебро волос.

А потом незримый мир отпустил, и Краст рассмеялся.

* * *

Воздух вошел в грудь ударом, больно стукнуло о ребра сердце. И я открыла глаза.

Бледный до синевы Лерт стер с лица влагу и прикрыл лицо ладонью.

— Что случилось? — я приподнялась на локтях. И тут же меня сгребли такие знакомые и уже родные объятия.

— Я тебя нашел, — Краст прижал так, что не вдохнуть. Но я и рада. — Я тебя нашел. Никогда не отпущу!

— Не отпускай, — согласилась я.

Ведь что еще нужно любящей всей душой и сердцем женщине?

Эпилог

«Грей Э.

Получено через пятый канал связи. Способ — течение, место — Хенельское побережье, координаты указаны дополнительно.

Расшифровано в первом разведывательном управлении.

Гриф СС.

Отчет № 4/2

По указанному заданию недостаточно данных. Необходимых оснований для прекращения программы переселения не обнаружено. Время пребывания продлено в единоличном порядке в соответствии с инструкциями и полномочиями. Рекомендуются режим тишины на неопределенный срок.

Агент № 76/a»

Командор Этан Грей сжал в руке тонкую ленту расшифрованного донесения. И, не сдержавшись, ударил кулаком в стену, сбивая в кровь костяшки. Операция провалилась. Агент, на которого он возлагал такие надежды, не смог выполнить задание. Смертельно больная девушка, которую они сознательно пропустили за Туман, жива и здорова. Она должна была умереть, просто обязана. Но почему-то выжила. А проклятый ильх, обещавший сотрудничество, исчез, словно его и не было. Растворился в водах своего любимого моря, ненавистный чешуйчатый монстр!

И что теперь делать?

Командор скрипнул зубами.

Он не остановится. Фьорды не дают ему спокойно жить с того дня, как он впервые ступил на проклятую землю за Туманом. С того дня они являлись во сне каждую гребаную ночь, манили, искушали простором,

скалами, водой... Ненавистными драконами, парящими в небе. Гордыми девами и суровыми ильхами. Башнями, взмывающими к облакам, пенной волной, городами из камня, снежными вершинами, водопадами, тайнами и легендами. Примитивной и варварской силой, с которой не могла справиться прогрессивная Конфедерация.

Грей сжал кулаки так, что хрустнули пальцы.

Фьорды не отпускали. Сводили с ума. Требовали. Насмехались.

И он не успокоится, пока не решит эту проблему.

И еще. Следующий агент будет мужчиной. Хватит с него женщин, какими бы профессионалами они ни были. Проклятые земли фьордов меняют даже лучших специалистов. Это Грей знал совершенно точно.

* * *

Ирна потянулась, вытягиваясь на тонких простынях, зевнула. И тут же ее подгреб под горячий бок муж, перевернул, и в поясницу уперлось подтверждение его желания.

— Кажется, моя сладкая дева проснулась?

Ирна мурлыкнула, соглашаясь.

Где-то в другой жизни у нее были какие-то обязанности, даже кодовое имя — безликий набор букв и цифр. В той странной жизни она мечтала о карьерном продвижении, верила в идеалы Конфедерации и носила серую форму агента.

Какая глупость.

А потом все мысли выветрились из головы девушки.

Потому что ее дикий и горячий ильх рьяно приступил к выполнению супружеских обязанностей. Ирна хихикнула, подставляя губы и предвкушая то новое, чему она научит своего варвара. Процесс обучения длился с первого дня, как они увидели друг

друга, и останавливаться девушка не собиралась. Это было гораздо увлекательнее пресловутой службы на благо Конфедерации.

А ведь когда-то она считала иначе... Так легко было управлять воинственной Кайлой, чтобы та делала то, что нужно Ирне. Так просто было дожидаться смерти Вероники и обвинить риара Дьярвеншила. Так легко спрятать рациональный ум и тайный замысел за внешностью толстушки — простушки. Просто.

Но агент 76/а почему-то начала вести себя неправильно. Поступать не так, как должна. Захотела чего-то совсем иного. Дружбы. Любви...

И странно это было прагматичной Ирне, непонятно.

Ее муж как-то сказал, что фьорды обладают особой силой и никогда не отпускают тех, кто хоть раз ступил на эти земли. Меняют, заманивают, завораживают. Стирают ненужное и обнажают истинное. Циничная Ирна тогда насмешливо подняла брови.

Сейчас не стала бы.

* * *

Кайла в который раз глянула на спину Лерта, стоящего на носу хёггкара. Каменные мышцы, напряженный разворот широких плеч. Таким стал с некоторых пор капитан, и все его улыбки словно канули в морскую пучину.

Девушка была уверена, что и сейчас Лерт хмурится, хотя не видела его лица.

Он подобрал ее у берегов Нероальдафе, где переселенка жила некоторое время. И с капитаном столкнулась случайно, на пристани, размышляя, как добраться до островов, где проживают вольные девы-воины. Не то чтобы Кайла точно решила стать одной из них. Но познакомиться, понаблюдать хотела.

Замужество не прельщало смелую девушку, хотелось иного — приключений, опасностей и сражений. Наравне с воинами и без усмешек со стороны мужчин. Но для этого нужно многому научиться, и где это сделать как не на островах?

Лерт оказался единственным, кто согласился отвезти Кайлу. До встречи с ним она безуспешно пыталась найти хёггкар, но в ответ ильхи лишь крутили пальцем у виска да смотрели насмешливо.

— Путь до островов дев нелегок, — просветил один из них. — Полон опасностей. Течения там крутые, да и в море живут создания, от которых лучше держаться подальше. Не каждое судно туда доберется. Так что вряд ли ты найдешь помощников, дева.

А вот Лерт как услышал пожелание Кайлы, схватился за него так, словно только и ждал возможности расстаться с жизнью в какой-нибудь заварушке. Почему — спрашивать девушка не стала.

Но о многом догадалась по скупым рассказам Ники.

Подруга уговаривала Кайлу остаться в Дьярвеншиле, но переселенку манила неизвестность. А Дьярвеншил что... Заснеженный — так весна скоро. С древним чудовищем в горе — так насмотрелись уже. Хотелось опасностей новых и ещё неизведанных.

Вот и Лерту, похоже, хотелось. Так что у них получился неплохой тандем, основанный на взаимной симпатии и некоем уважении. Ну и любви к морю. Кайле нравился соленый ветер, ерошивший короткие пряди обрезанных волос, и брызги в лицо. Нравилось неведомое, таящееся за горизонтом. Нравилось предвкушение.

— Самое лучшее место на земле, — прошептала она, подставляя губы поцелуям воды. Фьорды. Ее фьорды.

— Поднять парус! — крикнул Лерт, и Кайла послушно кинулась выполнять.

Рэм сунул в рот кусок сыра, пожевал, не чувствуя вкуса. Отложил. Надо бы наведаться в башню, съесть горячего супа, приготовленного Алвиной, отогреться. А то скоро кишки сохнут от этих лепешек да кусков холодного мяса, которыми питался а-тэм риара Дьярвеншила.

Надо бы. Но, конечно, он не пойдет.

Смотреть на Краста и его лирин Рэму категорически не хотелось. Они так горели — оба, что снежному становилось больно, и он сбегал в свой дом на скале, мечтая, чтобы его занесло снегом.

И под грудиной пекло. Неприятно, жгуче. А почему — Рэм не желал думать. Лишь злился каждый раз, когда видел внимательный взгляд побратима.

За стеной пропел тихо ветер. Все его присказки Рэм знал назубок и уже не слушал. Но на этот раз к привычной песне добавилось новое — шелест почти невесомых шагов.

Ильх замер, прищурился. Но с места не сдвинулся. Так и сидел, глядя, как открывается его дверь, впуская белую круговерть снега и тонкую фигуру в йотуновой шкуре.

— Убирайся.

Голос предательски охрип.

— Я запретил тебе приходить.

— Тогда почему не запер дверь? — Солвейг шагнула к нему, склонила голову. Глаза у девушки не белые, а светло-светло голубые. Он видел это, а остальные — нет.

— Забыл, — проскрипел ильх.

Шагун качнулась к нему, но осталась на месте.

— Злишься... Я ведь попросила прощения. И Краст попросил... Он не сказал тебе, что я жива, потому что

хотел уберечь от переживаний...

— Уберегли! — ильх ударил кулаком по столу, и Солвейг подпрыгнула. А Рэм вскочил, пересек в два шага расстояние между ними, схватил девушку за тонкое запястье.

— Убирайся. И не смей ко мне больше приходить. Хотела быть для меня мертвой, так и оставайся!

Шагун заморгала, несколько раз подряд, и Рэм сжал зубы. И снова дернул к выходу.

— Не имеешь права, — моргать Солвейг перестала и вдруг вздернула подбородок, глянула свысока. Так она смотрела раньше, когда жила в башне. Он тогда был лишь босоногим и чумазым мальчишкой, а она... она была его солнцем.

— Не имеешь права выгнать шагун. Ты забыл закон Дьярвеншила. Я могу прийти к любому свободному мужчине, который мне понравится. И он не посмеет отказать!

— Что? — зарычал Рэм. Ярость обожгла губительным огнем, и снежный понял, что ощущает его побратим — черный хёгг. Эта ярость толкала на безумства, требовала убийств, кровавых драк и крови. Сдержать ее было почти невозможно... — Значит, можешь войти к любому? Надо же, как неудачно Хальдор стал льдом. Проверила, может, оттаял твой ненаглядный?

Маленькая рука взлетела и обожгла щеку.

— Гад замороженный. Да когда же ты уже поймешь? Ненавижу тебя! — выдохнула Солвейг, развернулась на пятках и бросилась прочь.

Рэм поймала на пороге. Поймал, стиснул, ошалело мотая головой от нахлынувших чувств. И потащил обратно в дом. Разбираться, что именно он еще не понял.

Почти лето...

Проснулась я на заре. Открыла глаза, ощущая внутри предвкушение, потянулась. Посмотрела на вторую половину кровати — пустую. Сегодня я ночевала одна. И вчера, и даже позавчера. Десять дней. Такова ещё одна традиция фьордов. Жениху перед тем как надеть пояс на избранную деву нельзя не только прикасаться, но и смотреть. И бедный Дьярвеншил уже считает минуты, потому что устал от вспышек ярости своего риара.

Краст старается держаться, но служанки закатывают глаза и смеются, что через девять месяцев в городе родится столько детей, что придется построить еще десяток улиц!

Сегодня день нашей свадьбы.

— Лирин!

В комнату ворвалась Анни, сверкая глазами и улыбаясь во весь рот. Следом еще двое прислужниц, торжественно неся на вытянутых руках платье. Над созданием моего свадебного наряда трудилось несколько искусных мастериц и сама йотун-шагун. А как известно, нет на фьордах вышивальщицы искуснее.

Я помогала, как могла, но честно говоря, толка от меня было мало. Шить и вышивать я сроду не умела.

Пока прислужницы расправляли ткань, сбегала в купальню. К весне Краст наладил водоснабжение, теперь вода текла без перебоев и теплая. Подобные трубы риар решил провести по всему городу. Чем мы хуже того же Нероальдафе? — сказал он. Не хуже. Значит, и у нас будут трубы, канализационные стоки, мостовые и прочие блага. Не сразу, но будут. Почему-то я даже не сомневалась, что Краст сделает то, что задумал. В городе уже посмеивались — если риар Дьярвеншила решил, то хоть Горлохум извергнется, а будет так!

— Лирин, не спи, риар ждет уже!

— Иду.

Выбралась из купальни и тут же попала в умелые руки девушек. Меня нарядили в светлый шелк, расшитый драконами, усадили на стул и принялись заплетать волосы. Анни деловито пристроилась рядом, я даже моргнуть не успела, как на лицо легли первые мазки краски!

— Может, не надо? — пискнула я.

— Надо, лирин! — хором отозвались прислужницы.

Пришлось смириться. И снова впасть в протрацию. Я выхожу замуж. Я выхожу замуж. На фьордах. За ильха!

Боги, это не укладывается в моей голове. Неужели не сон? Неужели я действительно жива, мое сердце бьется ровно и сильно, а сегодня самый изумительный мужчина на свете наденет мне пояс и назовет своей?

Я всхлипнула.

— Не реви! — строго оборвала мою попытку расчувствоваться вредная Анни. — Потом поревешь. Завтра. Я что, зря старалась?

Я кинула на мерзавку гневный взгляд. Даже поплакать не дает, язва мелкая!

— Я стану женой!

— Ну да.

— Я выхожу замуж за Краста!

— За него.

— Я буду женой риара!

— Лирин, хватит болтать. Лучше сделай губки вот так, я намажу их соком малины!

— Чтобы слаще были?

— Чтобы слиплись и ты молчала!

Я попыталась обидеться, но не удалось. К тому же обижаться на Анни бесполезно.

Но все же умолкла, позволяя девушкам чесать меня и красить. И все равно понадобилось немало времени, чтобы собрать неумелую лирин.

Весна в Дьярвеншил пришла в один день. Лежали-лежали снега, а потом как-то утром мы проснулись от перезвона капель. Природа вздрогнула и пробудилась, полезла из каждой трещины зеленым ростком.

И значит, скоро созреет новый урожай мелких ягодок, на которые у нас огромный заказ от Конфедерации. Несколько мешков бодрянки, отправленных на пробу, произвели сенсацию за Туманом. «Волшебный кофе с фьордов» подавали в лучших заведениях столицы, и отведать его приезжал сам премьер-министр.

Два месяца ушло на то, чтобы получить разрешение у совета Варисфольда на поставку наших ягодок Конфедерации. На удивление помог Сверр и его супруга Оливия, они лично поручились за нас, чем и склонили чашу весов в сторону положительного ответа. Так что в ближайшие дни к Туману уйдет корабль, полный мешков с бодрянкой. Ягодка, щедро разросшаяся на крышах домов и на склонах, стала отличной альтернативой йотуновым шкурам. Ведь она росла лишь в этой местности, и жители Дьярвеншила поговаривали, что напитокывалась силой ай-ро, оттого и была одновременно и горькой, и целебной.

Об успехе бодрянки мне написала Ханни, моя сестра. Досрочное письменное сообщение тоже пришло благодаря Сверру и Оливии, уж очень мне хотелось поделиться с семьей радостными новостями. И сейчас послание Ханни заняло место в связке писем под ленточкой. Там же, где лежали родительские признания в любви. Мама отдала мне их переписку с отцом, велев найти того, кто полюбит меня так же.

Мой риар пока не умеет писать писем. Да и вряд ли когда-нибудь научится выражать свои чувства на бумаге. Зато я делаю это за двоих, выписываю строчки нашей любви.

Я предложила Красту создать школу, все же с неграмотностью населения пора что-то делать. Илх, конечно, рыкнул, чтобы я занималась своим будущим мужем, но задумался. Его инстинкт дракона не желал делить меня ни с кем, но я была уверена, разум победит. Ведь Красту суждено стать одним из лучших риаров фьордов, в этом я нисколько не сомневалась.

Порой я вспоминала тот день, на берегу островка с одиноким домом. Лерт ушел прежде, чем мы с Крастом оторвались друг от друга. И мой нареченный, прищурившись, посмотрел в море. Мне его взгляд не понравился. Черный дракон никогда не забудет того, кто покусился на его сокровище. Но пока Лерт исчез в неизвестном направлении, а риар Дьярвеншила был слишком занят, чтобы его искать. В глубине души я надеялась, что так будет и впредь.

Хальдора, заточенного в лед, поместили в пещере злой горы. Краст сказал, что илх все ещё жив, связь с черным хёггом держит душу Хальдора на грани зримого и незримого. И возможно, однажды Солвейг простит бывшего возлюбленного и отпустит. Пока девушка лишь фыркала, стоило ей об этом напомнить.

И я решила не вмешиваться. В конце концов, Хальдор заслужил наказание.

— Лирин...

Я вздрогнула и выплыла из своих мечтаний. Прислужницы смотрели на меня во все глаза, а Анни шмыгала носом.

— Что, так плохо? — испугалась я.

— Глупая лирин, — хлюпанья стали громче. — Ты такая... краси-и-ивая!!!

Я рывком прижала девочку к себе, погладила по голове и чмокнула в макушку.

— Ну и кто тут разводит сырость? Идем уже, а то жених сбежит, не дождавшись.

— Он там с ночи стоит, — рассмеялась одна из служанок.

— Что? — ахнула я. — Так чего же мы ждем! — Подхватила я подол и ринулась к лестнице. Правда, у двери заставила себя выдохнуть. Потом вздохнуть. И сделать шаг.

* * *

Это издевательство закончится?

Краст выдохнул, не обращая внимания на взгляды Рэма и других ильхов.

Стол в нижнем зале сдвинули к стене, освободив место для ритуала. Тяжелый золотой пояс холодил ладонь.

Где же она? Где та, на кого он этот пояс наденет?

Сколько можно ждать?

А если она передумает?

А если не придет?

Десять дней без лирин растянулись сплошным мучением, и Краст все-таки разнес кузницу. Скучал.

Тишина упала так внезапно, что оглушила. И риар медленно повернулся к лестнице. Застыл, забыв, как дышать. Девушка, спускающаяся по ступенькам, была столь красива, что горло свело. Она плыла в облаке шелка — серебряная, тонкая, совершенная. Такая, что и смотреть нельзя. Разве заслужил он такое чудо? Разве достоин?

Но Ника улыбалась и видела лишь его. Краст моргнул и сделал вдох. Дернулся навстречу, но Рэм придержал — нельзя. Лирин должна прийти к жениху сама. Да плевать, что там должно!

Краст рванул вперед, замер возле своей невесты. И хрипло выдохнул:

— Примешь ли ты сегодня пояс жены от меня, Вероника?

За спиной шумели, кажется, надо было сделать все иначе, медленно, с паузами и недомолвками. Но Краст не истинный риар, да и плевать ему. Если серебряная дева прямо сейчас не скажет ему «да», он сольется с хёггом, разнесет башню, прихватит лирин и утащит в скалы. Потому что надоело ждать.

— Примешь?

— Приму, мой риар, — звонко ответила Ника.

Краст моргнул. Облизал пересохшие губы. И выдохнул.

Отпустило. Только сейчас. До последнего не верил...

Торопясь, надел золотой пояс, застегнул. А Ника вдруг обняла его за шею и поцеловала висок. Там, где серебрились седые пряди, которых раньше не было. Незримый мир всегда берет плату, и Красту пришлось что-то отдать. За ее жизнь — часть своей. Небольшая плата за счастье.

— Все. Никуда тебе теперь от меня не деться, — прошептал Краст и зажмурился довольно. Собственник. Как и все драконы. За право владеть тем, что посчитали своим, не пожалеют ничего, даже жизнь.

Лирин, нет, теперь — венлирия. Опоясанная. Жена.

А потом было празднование: танцы, сражения, вино. Краст терпел, а потом снова не выдержал, открыл проход и утащил жену. Прижал к стене, жадно погладил бедра. Все-таки мясо на деверосло, хотя она и осталась тонкой.

— Подожди! — Ника вывернулась. — Я еще не подарила тебе свой дар!

— Сейчас и подаришь, — риар приподнял девушку, лизнул шею. — До утра дарить будешь!

— Краст! — Ника рассмеялась. — Постой. Смотри, я сшила...

Риар нехотя разжал пальцы, глянул искоса. В руке лежал кожаный мешочек, такой крепят к поясу и складывают в него разные мелочи.

— Не очень искусно вышло, — смутилась Ника. — Плохая из меня мастерица.

Краст сдержал улыбку. Что правда, то правда. Его нежная лирин плохо обращалась с иглой. Но шить умеет каждая дева в Дьярвеншиле, эка невидаль. Его жена была способна на большее.

Венлирия. Жена...

Покатал на языке слово. Же-на. Его жена.

— Жаль, положить туда нечего, — окончательно смутилась дева. — Надо было хоть ту брошь в пещере подобрать, красивая была... Мужская, я видела такие на плащах у ильхов.

Красту очень хотелось плюнуть и на мешочек, и на неведомую брошь. Прижать Нику к стене и продолжить. Но понимал — обидится. Старалась ведь.

Поэтому и повертел подарок и попытался вникнуть в слова.

— Какая брошь?

— В злой горе, помнишь? Когда меня заманили голубые огни йотуна и ты отправился за мной? Там было украшение, в снегу. Кажется, золотое... А в центре — большой синий камень. Что случилось?

Риар откинул голову. Закрыв на миг глаза. А потом открыл и глянул так, что Ника окончательно перепугалась. Но он прижал ее к себе, успокаиваясь.

— Брошь с камнем, значит... видел я такую. Давно. На плаще Ингольфа.

— И что же?

Краст помолчал, обдумывая. А потом рывком прижал жену к стене.

— Завтра узнаем.

И они узнали. Не сразу, конечно. И даже не завтра. Лишь через несколько дней, когда Краст соизволил

выпустить слегка ошалевшую Нику из спальни. Искать пришлось еще месяц. Что именно Краст разыскивает, он не говорил, но однажды взял за руку и отвел в горы.

* * *

Скала дрогнула, раскрываясь, и мы вошли в узкий туннель. Спускались долго, и если бы не горячая рука Краста, я точно испугалась бы. Но он мягко поглаживал, и я видела улыбку на спокойном лице.

А потом узкий проход расширился, и мы оказались в пещере.

— Это что? — изумленно заморгала я.

— Это сокровищница Дьярвеншила, — весело отозвался риар. — Я был уверен, что Ингольф ее растратил на невест, а оказалось не все. Просто перепрятал. Чуял, что город может достаться мне, вот и зарыл золото поглубже. Ни один ильх в здравом уме не сунется в злую гору, это Ингольф хорошо знал. А брошь он, видимо, просто потерял, когда переносил сундуки. А ты нашла. Если бы не это... я никогда не узнал бы, где сокровищница.

Я ошарашенно смотрела на сундуки с богатствами. Боги. Неужели правда? И мы сможем построить школу, вымостить улицы, провести водопровод, как хотел Краст?

— Думаю, Хальдор знал о новом тайнике, — задумчиво протянул риар. — И ждал, когда я сдамся. Вытянуть город без золота невозможно. Горожане и так меня ненавидели, а я заставил их работать без оплаты. Однажды все закончилось бы плохо. Для меня. Кто же знал, что явится дева из-за Тумана и все испортит!

Я глухо охнула и обняла мужа.

— Значит, теперь у тебя есть куча золота? Настоящее сокровище?

Краст рассмеялся.

— Есть у меня сокровище. Самое важное. Самое необходимое. — Он обхватил ладонями мое лицо, серьезно глядя в глаза. — Такое, что все золото мира — лишь пыль. Моя дева из-за Тумана. Мое Серебро.

Конец